

NORDIC AND BALTIC STUDIES REVIEW

2023
Issue 8

**Междисциплинарный научно-образовательный центр FENNICA
Петрозаводского государственного университета**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies 'FENNICA'
Petrozavodsk State University

**Междисциплинарный научно-образовательный центр NORDICA
Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН**

Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies 'NORDICA'
Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre,
Russian Academy of Sciences

**АЛМАНАХ СЕВЕРОЕВРОПЕЙСКИХ И БАЛТИЙСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
NORDIC AND BAL TIC STUDIES REVIEW**

Вып. 8 / Issue 8

**Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2023**

УДК 94(48)+94(474)+94(47)

ББК 63.3(4)+63.3(2)

А

Международный научный электронный журнал <http://nbsr.petrSU.ru>

Главный редактор — И. Р. Такала
Ответственный секретарь — А. В. Толстикова

Редакционный совет

Гьеровская-Каллаур Иоанна, Польша
Ерусалимский К. Ю., Россия
Карелин В. А., Россия
Муллонен И. И., Россия
Селин А. А., Россия

Редакционная коллегия

Голубев Алексей, США
Джаксон Т. Н., Россия
Илюха О. П., Россия
Кривоноженко А. Ф., Россия
Рупасов А. И., Россия
Соломец И. М., Литва

Разработка и техническая поддержка РЦНИТ ПетрГУ

Адрес редакции: 185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33, каб. 206

E-mail: nbs-ed@petrsu.ru

ISSN 2541-8165

© МНОЦ *FENNICA* ПетрГУ, 2023

© МНОЦ *NORDICA* ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2023

© Авторы, 2023

© Техническая поддержка — РЦНИТ ПетрГУ, 2023

International academic journal <http://nbsr.petsu.ru>

Editor-in-Chief — Irina Takala
Editorial Secretary — Alexander Tolstikov

Editorial Council

Konstantin Erusalimskiy, Russia
Joanna Gierowska-Kallaur, Poland
Vladimir Karelin, Russia
Irma Mullonen, Russia
Adrian Selin, Russia

Editorial Board

Alexey Golubev, USA
Olga Ilyukha, Russia
Tatjana Jackson, Russia
Alexander Rupasov, Russia
Ilya Solomeshch, Lithuania

Technical support — PetrSU, RCNIT

Address of the editorial office: room 413, 33, Lenin Str., 185910, Petrozavodsk,
Republic of Karelia, Russia

E-mail: nbs-ed@petsu.ru

© PetrSU, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Baltic and Finnish Studies
'FENNICA', 2023

© Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy
of Sciences, Interdisciplinary Research and Educational Centre for Northern European Studies
'NORDICA', 2023

© Authors, 2023

© Technical support — PetrSU, RCNIT, 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ	7
EDITORS' FOREWORD.....	9

СТАТЬИ / ARTICLES

Александр Бочкарёв / Alexander Bochkariov

ДЕЗЕРТИРСТВО ОЛОНЕЦКИХ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА: ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА / DESERTION OF THE OLONETS PLOUGHMEN SOLDIERS IN MID-17TH CENTURY: THE FACTORS AND DYNAMICS.....	12
---	-----------

Кирилл Станков / Kirill Stankov

«ЗАГОВОР ЮЛЛЕНБОРГА», РОБЕРТ ЭРСКИН И РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В 1716–1717 ГГ. / ‘THE GYLLENBORG PLOT’, ROBERT ERSKINE AND RUSSIAN DIPLOMACY IN 1716–1717	23
--	-----------

Евгений Панков / Evgeni Pankov

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В КНИГЕ ХАЛДДОРА ЛАКСНЕССА «ПУТЬ НА ВОСТОК» (1933) / THE SOVIET REALITY IN HALLDÓR LAXNESS' Í AUSTURVEGI (1933).....	35
--	-----------

Вадим Полутин / Vadim Polutin

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ПРАВИЛО? / THE ‘FINNISH QUESTION’ IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN EMPIRE’S NATIONAL POLICY. THE EXCEPTION OR THE RULE?	53
---	-----------

ПУБЛИКАЦИИ / PUBLICATIONS

Инна Матюшина / Inna Matyushina

ПОЭМА «ПРОРИЦАНИЕ МЕРЛИНА» В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕЙСЛАНДСКОЙ ПРОФЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ / MERLÍNUSSPÁ IN THE CONTEXT OF OLD NORSE PROPHETIC TRADITION	66
--	-----------

ПРОРИЦАНИЕ МЕРЛИНА. ПЕРВАЯ ЧАСТЬ (пер. и коммент. И. Г. Матюшиной) / MERLÍNUSSPÁI (transl. and comment. by Inna G. Matyushina).....	81
--	-----------

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ / PAPERS OF THE ACADEMIC CONFERENCES

Елена Усачёва / Elena Usacheva

ПРЕДИСЛОВИЕ / FOREWORD.....	141
------------------------------------	------------

Варвара Маркова / Varvara Markova

ЗАТЕРЯННЫЕ В СТАТИСТИКЕ: ПОДРОБНЕЕ О ПЕРЕПИСЯХ НАСЕЛЕНИЯ 1897 И 1926 ГГ. (ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ) / LOST IN STATISTICS: A FEW MORE THOUGHTS ABOUT THE RUSSIAN NATIONAL CENSUSES OF 1897 AND 1926 (BASED ON THE DOCUMENTS OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF KARELIA)	142
---	------------

Ирина Такала / Irina Takala

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ БИОГРАФИКИ: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЭЭРО ХААПАЛАЙНЕНА / ON THE POSSIBILITIES OF BIOGRAPHICAL STUDIES: THE LIFE AND DEATH OF EERO HAAPALAINEN 158

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Амина Батанова / Amina Batanova

РЕЦ. НА КН. / REVIEW OF: Невилл К. Искусство и культура Скандинавской Центральной Европы: 1550–1720 / Пер. с англ. О. Ермаковой. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2023. 388 с...... 187

ОТЗЫВЫ О ДИССЕРТАЦИЯХ / DOCTORAL THESES REVIEWS

Петрова М. П. История развития поселенческой структуры Кирьяжского (Курикийского) погоста с XIV века по 1721 год: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2023. 257 с. 201

Бочкарёв А. С. Проблема дезертирства из олонечских полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2023. 206 с. 210

Egorov E. V. The Russian Empire Meets Scandinavianism: Imperial Visions, Communication Channels, and Practices of Rule (1843–1864): Diss. ... Doctor of Philosophy in History. St. Petersburg: National Research University Higher School of Economics; Turin: University of Turin, 2023. 583 p. 220

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

Ирина Такала / Irina Takala

НОРДИСТИКА В ПЕТРГУ: ИТОГИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ РАБОТЫ (1993–2023) / NORDIC STUDIES AT THE PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY: THE RESULTS OF THE 30-YEARS WORK (1993–2023)..... 226

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE

Юлия Литвин / Yulia Litvin

ЗИНАИДА ИВАНОВНА СТРОГАЛЬЩИКОВА (К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ) / ZINAIDA IVANOVNA STROGALSHCHIKOVA (ON THE OCCASION OF THE 75TH BIRTHDAY)..... 239

Юлия Литвин, Сергей Минвалеев / Yulia Litvin, Sergei Minvaleev

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КАРНЦ РАН: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, ФОРМЫ И ПРАКТИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАРЕЛИИ / COUNCIL OF YOUNG SCIENTISTS OF INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE AND HISTORY (KARELIAN RESEARCH CENTRE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES): NEW APPROACHES, FORMS AND PRACTICES FOR STUDYING THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF KARELIA..... 259

Светлана Яловицкая, Елена Дубровская / Svetlana Yalovitskaya, Elena Dubrovskaya

О НОВОЙ ВЫСТАВКЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА «КАЛЕВАЛАТАЛО» «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК НА БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ» / ON A NEW EXHIBITION LITTLE MAN AT THE BIG WAR ORGANISED BY THE ETHNOCULTURAL CENTRE KALEVALATALO 269

Наталья Лаврушина, Светлана Яловицына / Natalya Lavrushina, Svetlana Yalovitsyna
**«О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ»: СЕРИЯ ВЫСТАВОК О ДЕРЕВНЯХ И ПОСЕЛКАХ
 КАРЕЛИИ / ON TIME AND THE SELF: A SERIES OF EXHIBITIONS ON KARELIA'S
 VILLAGES..... 272**

Ольга Змеева / Olga Zmeeva
**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. НА КОЛЬСКОМ
 СЕВЕРЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО
 ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАПОЛЯРНОГО
 СООБЩЕСТВА / MIGRATION PROCESSES OF THE FIRST THIRD OF
 THE TWENTIETH CENTURY IN THE KOLA NORTH IN THE RESEARCH
 OPTICS OF SPECIALISTS IN THE HISTORY AND ANTHROPOLOGY OF
 THE POLAR COMMUNITY 277**

IN MEMORIAM

Стелла Севандер / Stella Sevander
**МЕЙМИ ОСКАРОВНА СЕВАНДЕР: «ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА».
 ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДОЧЕРИ / MAYME SEVANDER: 'ALL TIMES PERSON'.
 FROM THE DAUGHTER'S MEMORIES 285**

Елена Соини / Elena Soini
**«САМОЕ ГЛАВНОЕ — В КНИГАХ». К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
 ЭЙНО ГЕНРИХОВИЧА КАРХУ / 'THE ESSENCE IS IN BOOKS'. TO THE 100-
 ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF EINO KARHU 307**

Тимо Вихавайнен / Timo Vihavainen
**ПАМЯТИ МАТТИ КЛИНГЕ (1936–2023) / IN MEMORY OF MATTI KLINGE
 (1936–2023) 315**

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРОВ

Дорогие читатели, наши надежды на скорое возвращение к плодотворному международному научному сотрудничеству не сбылись и лишь продолжают таять. Этот выпуск выходит с совсем поредевшей редакцией — от сотрудничества с ПетрГУ отказались почти все зарубежные коллеги. Нам понятен их выбор, мы все заложники сложившейся ситуации и вынуждены подчиняться решениям властей своих стран, вызванным острым политическим противостоянием в мире. Тем не менее мы считаем необходимым в этих нелегких условиях продолжать работу по поддержанию отечественной нордистики, развитию научных исследований в области истории, экономики, культуры, политики, международных отношений стран североευропейского и балтийского регионов. Иначе в будущем, в мирное время, которое в конце концов наступит, придется начинать всё заново. Потеря научных школ так же губительна для успешного развития человечества, как и военные операции.

Большая часть материалов этого выпуска подготовлена молодыми исследователями. Мы посчитали нужным не только опубликовать результаты их научных изысканий, но и рассказать о работе Совета молодых ученых ИЯЛИ КарНЦ РАН, а также апробировать новую рубрику «Отзывы о диссертациях / Doctoral Theses Reviews», где публикуем отзывы о трех защищенных в 2023 г. диссертациях. Своевременное информирование о таких значимых формах представления новых научных знаний, по нашему мнению, очень важно для исследователей.

Материалы о новых формах научного проектного сотрудничества профессиональных историков с краеведами, общественностью, учителями и школьниками открывают для исследователей интересные перспективы. В рубрике «Публикации» мы продолжаем знакомить читателей с новыми комментированными переводами средневековых скандинавских источников.

А вот тематика рубрики «Библиография» временно изменилась. Тридцать лет назад, в 1993 г., в ПетрГУ был начат отдельный набор студентов на специализацию по истории Скандинавских стран и Финляндии. В 2003 г. была образована первая и единственная в вузах России кафедра истории стран Северной Европы, закрытая в результате оптимизации в 2013 г. Подготовка специалистов по нордистике тем не менее в университете продолжалась, и нам показалось уместным дать обзор учебных, методических и научных изданий преподавателей, все эти годы обучавших историков-нордистов.

Сегодня трудно с уверенностью сказать, как будут развиваться события, да и будущее Альманаха тоже под вопросом. И всё же мы убеждены — нигде никакая

вертикаль власти не может разорвать тонкие, но очень прочные горизонтальные нити содружества и сотрудничества ученых разных стран, ибо *sine doctrina vita quasi mortis imago*. Мы приложим все усилия, чтобы сохранить журнал и оставаться честными перед самими собой, наукой и нашими читателями.

Ирина Такала

Александр Толстик

Петрозаводск, 28 декабря 2023 г.

EDITORS' FOREWORD

Dear readers,

Our hopes for a swift return to productive international cooperation have not materialized and only continue to dissipate. This issue of the *Nordic and Baltic Studies Review* comes out with a significantly reduced editorial board as almost all of its international members have decided to put their collaboration with Petrozavodsk State University on hold. We understand their choice; we are all hostages of the current situation and forced to comply with our respective national governments that react to international political tensions. Yet despite these challenging conditions, we consider it necessary to continue the work of promoting Nordic studies in Russia and advancing research in the fields of history, economics, culture, politics, and international relations in the Northern European and Baltic regions. Otherwise, in the future, when peacetime eventually comes, we will have to start everything anew. The loss of academic schools is as detrimental to the successful development of humanity as military operations.

Most materials in this issue have been prepared by young scholars. We decided not only to publish the results of their independent research but also to tell you about the work of the Council of Young Scholars at the Institute of Language, Literature, and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Additionally, we are introducing a new section, *Doctoral Theses Reviews*, where we publish reviews of three dissertations defended in 2023. We believe that timely information about such significant forms of dissemination of academic knowledge is crucial for scholars.

Materials on innovative academic outreach, connecting professional historians with local historians, the community, teachers, and students, offer new interesting perspectives. The section *Publications* introduces new annotated translations of medieval Scandinavian sources.

Meanwhile, the theme of the section *Bibliography* has temporarily changed. Thirty years ago, in 1993, Petrozavodsk State University launched a new undergraduate program with student enrollment in the history of the Scandinavian countries and Finland. In 2003, the Department of the History of Nordic Europe — the first and only in Russian universities — was established. It was unfortunately closed as a result of university optimization in 2013, but specialized education in Nordic studies is still available at Petrozavodsk State University, and we found it appropriate to provide an overview of educational, methodological, and scholarly publications of the faculty who have been teaching in the field of Nordic studies throughout these years.

Today, it is challenging to predict with any certainty how events will unfold, and the future of the *Review* is also uncertain. Nevertheless, we are convinced that

the delicate yet robust horizontal links of camaraderie and international collaboration among scholars should not be at the mercy of political ambitions because *sine doctrina vita quasi mortis imago*. We will do our best to preserve the journal and remain true to ourselves, to science, and to our readers.

Irina Takala

Alexander Tolstikov

Petrozavodsk, December 28, 2023

СТАТЬИ
ARTICLES

БОЧКАРЁВ Александр Сергеевич / BOCHKARIOV Alexander S.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

alexander.bochkariov@yandex.ru

ДЕЗЕРТИРСТВО ОЛОНЕЦКИХ ПАШЕННЫХ СОЛДАТ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА: ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА

DESERTION OF THE OLONETS PLOUGHMEN SOLDIERS IN MID-17TH CENTURY: THE FACTORS AND DYNAMICS

Abstract: The article deals with a poorly researched aspect of the history of the Olonets 'New Model' regiments (1649–1666) — the phenomenon of mass desertion of soldiers and dragoons. On the basis of archival and published sources, the author analyses the dynamics of desertion and examines the quantitative data on runaway soldiers. The main reasons for soldiers' escapes are also considered as the principal conditions for mass desertion.

Ключевые слова / Keywords: Полки «нового строя», дезертирство, Русско-польская война 1654–1667 гг., Русско-шведская война 1656–1658 гг., Олонец / The 'New Model' regiments, desertion, the 1654–1667 Russo-Polish war, the 1656–1658 Russo-Swedish war, Olonets

Введение

В середине XVII в. в России проходила масштабная модернизация вооруженных сил, связанная с изменениями в управлении войсками, комплектовании новых подразделений, освоением новой тактики, кодификацией законов, связанных с регулированием службы и т. п. Одним из важнейших элементов реформирования армии было активное создание полков «нового строя» — солдатских, драгунских, рейтарских и гусарских подразделений, обученных и вооруженных по западноевропейским канонам военного дела. Такие полки комплектовались в основном за счет класса служилых людей. Для увеличения численности войсковых контингентов и с целью удешевления их содержания в 1640-х гг. в России начала применяться практика комплектования полков «нового строя» уже из податного населения. Характерный пример — драгуны Комарицкой волости, несшие службу в зоне южнорусского фронта. В 1649 г. данный организационный опыт был применен на северо-западных рубежах Русского государства — на территории Заонежских и Лопских погостов (объединенных в Олонецкий уезд) из местных черносошных крестьян были сформированы солдатские и драгунские полки. Пашенные солдаты и драгуны приняли участие в боях Русско-польской (1654–1667 гг.) и Русско-шведской (1656–1658 гг.) войн. Вместе с тем ряд причин породили в среде олонецких солдат и драгун феномен массового дезертирства.

Проблема дезертирства и борьбы с ним являются одним из аспектов развивающихся исследований военной истории России. Но историография вопроса о беглых олонецких солдатах еще немногочисленна. Так или иначе, тема обозначилась в трудах петрозаводских и ленинградских историков еще в середине XX в., например в работах С. С. Гадзяцкого, затронувшего причины массовых побегов пашенных солдат во время Русско-шведской войны 1656–1658 гг., и Р. Б. Мюллер, рассматривавшей дезертирство как социальный протест крестьян Карелии. В 2000-2010-е гг. среди работ по олонецким солдатам следует выделить труды А. Ю. Жукова, А. С. Рыжкова и Д. В. Брусницыной. Последняя уделила внимание ряду причин солдатских побегов, попыталась оценить масштаб дезертирства и специфику административной борьбы с ним¹.

На сегодняшний день недостаточно проясненными остаются вопросы о факторах, породивших феномен массового дезертирства, о том, сколько было беглых олонецких солдат, какую долю они составляли среди всего личного состава полков, в какие годы масштабы дезертирства увеличивались, а в какие уменьшались.

Этим вопросам и посвящена настоящая статья. Исследование велось в основном с опорой на документы Российского государственного архива древних актов (РГАДА). В коллекции «Боярские и городские книги» (ф. 137) были проанализированы переписные книги Ивана Семеновича Дивова 1657 г. — единственная сохранившаяся перепись олонецких солдат и драгун². Кроме того, были привлечены описи из фонда Разрядного приказа (ф. 210)³, а также материалы фонда Олонецкой воеводской избы (ф. 98) Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПбИИ РАН)⁴.

¹ Гадзяцкий С. С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–58 гг. // Исторические записки. 1941. Т. 11. С. 236–281; Мюллер Р. Б. Очерки по истории Карелии XVI–XVII веков. Петрозаводск, 1947; Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003; Рыжков А. С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе: (Карелия, вторая половина XVII века) // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК [Электронный ресурс]. 2006. № 1–2. URL: http://illmik.petsu.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html (12.12.2023); Она же. Поручик Богдан Головин — организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века // Там же. 2007. № 1. URL: <http://illmik.petsu.ru/2007news3/Ryzhkov2.html> (12.12.2023); Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 104–118; Она же. Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649–1666) // CARELiCA: Научный электронный журнал [Электронный ресурс]. 2013. № 1 (10). С. 10–18. URL: [http://carelica.petsu.ru/CARELiCA_/1_2013_\(10\)/Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_\(16491666\).html](http://carelica.petsu.ru/CARELiCA_/1_2013_(10)/Articles_1/Entries/2013/10/31_Najmity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_(16491666).html) (12.12.2023); Она же. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666): дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2014; Она же. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649–1666): новые явления в годы солдатской службы [Электронный ресурс]. Петрозаводск, 2016. 1 электрон. опт. диск (CD-R).

² Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 137. Оп. 1. Д. 2–4, 5.

³ Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118, 127, 129.

⁴ Научно исторический архив СПбИИ РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 98. К. 2.

Факторы дезертирства пашенных солдат и драгун

Частые побегии олонецких пашенных солдат и драгун были обусловлены тремя основными факторами: экономическим, социальным, а также военным.

Экономические причины — это, прежде всего, проблема денежно-продовольственного снабжения олонецких полков «нового строя», которая была актуальной на протяжении всего периода существования подразделений (1649–1666 гг.), а длительное неудовлетворение базовых потребностей солдат ухудшало дисциплину и увеличивало количество беглых⁵. Особенно сильно на падение дисциплины воздействовала ситуация начала 1660-х гг. Для решения проблемы «военных финансов» правительство прибегло к использованию экстенсивных инфляционных механизмов в виде чеканки большого количества медных монет⁶. Переполнив рынок, медные деньги вызвали неконтролируемый рост цен, который привел к тяжелейшему финансовому кризису, что, в свою очередь, положило начало волнам массового дезертирства по экономическим мотивам.

Социальный фактор дезертирства сформировали взаимоотношения солдат с представителями власти. Недовольство пашенных солдат возникало из-за постоянных нарушений со стороны олонецкой уездной администрации в вопросе сроков пребывания военнослужащих в зоне боевых действий. По предусмотренному порядку, половина личного состава воевала, пока другая находилась дома. Однако солдаты первой очереди 1654 г., вернувшись в Олонецкий уезд, по вине воеводы В. А. Чоглокова в 1655 г. снова отправились на войну вместо солдат второй очереди, что обусловило массовые побегии. Иноземные начальные люди — офицеры и командиры олонецких полков «нового строя», отношения с которыми у солдат с самого начала службы носили преимущественно конфликтный характер — спровоцировали вооруженный мятеж и массовое дезертирство летом 1662 г., после попытки казнить одного из сержантов за организацию побега⁷.

Военный фактор дезертирства из олонецких полков ярче всего проявился в период Русско-шведской войны 1656–1658 гг. Перманентная угроза нападения шведов на Олонец и окрестные погосты держала немногочисленные гарнизоны олонецких солдат в постоянном напряжении, что и провоцировало побегии в глубь территории Олонецкого уезда. В дальнейшем малочисленность подразделений по результатам похода Новгородского разрядного полка 1659–1660 гг. привела

⁵ Бочкарев А. С. Проблема дезертирства из олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века: дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2023.

⁶ Базилевич К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году. М.; Л., 1936. С. 33; Мельникова А. С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков. М., 2005. С. 314.

⁷ Бочкарев А. С. Проблема дезертирства... С. 102–112.

к необходимости срочного пополнения полков свежими силами, чем и занялось командование летом 1660 г. Оценив ущерб армии в виде погибших и раненых, специальные комиссии организовали дополнительные наборы в полки, куда было записано большинство годных к службе крестьян, в том числе отцы, братья и племянники убитых или проходивших службу солдат. Чрезвычайные наборы лишали крестьянские хозяйства рабочих рук, что вело не только к разорению хозяйств, но и вынуждало солдат дезертировать⁸.

Динамика распространения дезертирства

Прежде чем говорить о статистических данных по беглым солдатам, необходимо знать общую численность олонецких полков «нового строя», поскольку это позволит вычислить удельный вес дезертиров. На сегодняшний день известно, как изменялась численность пашенных солдат в 1649–1663 гг. В 1649–1654 гг. количество солдат и драгун олонецких полков колебалось в пределах приблизительно десяти — одиннадцати тысяч человек. В 1657 г. по результатам проведенной И. С. Дивовым переписи списочный состав полков (все солдаты, за исключением умерших и принявших монашеский постриг) составил 11 388 человек. К 1662 г. произошли существенные количественные изменения: из-за дезертирства и гибели большого числа бойцов рядовой состав олонецких полков сократился приблизительно до 8 000 человек. В 1663 г. по результатам нового солдатского разбора Петра и Елисея Зиновьевых общая численность пашенных солдат была сокращена до 4 500 человек⁹.

Эти данные иллюстрируют постепенное падение количества пашенных солдат и драгун в 1657–1663 гг. — с более чем 11 000 до 4 500 человек, то есть за шесть лет численность рядового состава полков сократилась в 2,5 раза.

Несмотря на то, что феномен беглых пашенных солдат характерен для всего периода существования олонецких полков, бегство 1649–1653 гг. нельзя в полной мере называть дезертирством, поскольку тогда побег происходил не с дороги на службу или с поля боя, а из домов. Такие крестьяне в источниках именуется сошлыми, а по отношению к армии к ним допустимо применение современного термина «уклонист» как к лицам, тем или иным способом пытавшимся уклониться от прохождения военной службы.

⁸ Там же. С. 115–129.

⁹ Брусницына Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 110–111, 115; Она же. Переписные книги Ивана Дивова 1657 г. как источник по истории карельских пашенных солдат... С. 108–116; Бочкарёв А. С. Проблема дезертирства... С. 52–57.

Количество беглых солдат в довоенный период доподлинно неизвестно, так как сохранились лишь общие цифры сбежавших и умерших, которые составили в октябре 1653 г. 482 человека и 514 человек в марте 1654 г.¹⁰

Первые побеги олонецких солдат из действующей армии стали происходить с началом Русско-польской войны 1654–1667 гг. Тогда они были еще немногочисленными. Осенью 1654 года в одном только Олонецком погосте было найдено 96 пашенных солдат-дезертиров из армии В. П. Шереметева¹¹.

Наиболее полные данные по беглым солдатам за первую половину 1657 г. содержатся в переписных книгах И. С. Дивова, которые мы свели в таблицу.

Количество дезертиров и уклонистов по данным 3 и 5 переписных книг И. С. Дивова 1657 г.¹²

Погосты	Дезертиры (их текстовые маркеры в источниках: «беглые», «збежал», «збежал безвестно», «сбег», «сшол из Корелы / Юрьева безвестно» (т. е. сбежал во время осады), «збежал с города с Олонца», «сшол из службы»)	Уклонисты (их текстовые маркеры в источниках: «сшол», «сшол от немецких людей / разоренья», «сшол / збежал во 158/159/160/161 году» (т. е. до начала боевых действий), «збежал с женою и з детми», «збежал в стрельцы», «на службу не пошли», «бежали по лесом», «розбежались с женами и детми», «сшол в мир кормитца», «бегает от службы», «до высылки бежали безвестно»)
Олонецкий	27	96
Шуйский	28	54
Шунгский	25	15
Выгозерский	–	11
Кузарандская волость Толвуйского погоста	3	7

¹⁰ Брусицына Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье... С. 111.

¹¹ Архив СПбИИ РАН. Ф. 98. К. 2. Д. 75. Стг. 1.

¹² РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 399–491, 603–659 об.

Кижский	69	40
Важинский	3	24
Остречинский	6	8
Веницкий	5	10
Оштинский	9	35
Мегорский	14	7
Вытегорский	9	26
Андомский	10	19
Пудожский	89	10
Шальский	10	35
Водлозерский	–	24
Линдозерский	–	1
Семчезерский	–	7
Селецкий	–	35
Паданский	–	8
Всего	307	472
Плюс 20 отдельно выписанных человек «несысканных» без указания погоста		
ИТОГО	799	

Как видно, непосредственно дезертиров на момент переписи оказалось относительно немного — 307 из 11 388 человек списочного состава. То есть доля беглых солдат составила менее 3%. При этом среди солдат Выгозерского, Водлозерского, Линдозерского, Семчезерского, Селецкого и Паданского погостов

Дезертирство олонецких пашенных солдат в середине XVII века: факторы и динамика 18
дезертиров не было вообще. Значительно большее число составили уклонисты: по большинству погостов их показатели превышают дезертирские в 1,3–11 раз, и в общей сложности представляют собой 472 человека. Исключением являются только Шунгский (25 дезертиров и 15 уклонистов), Кижский (69 дезертиров и 40 уклонистов), Мегорский (14 дезертиров и 7 уклонистов) и Пудоожский (89 дезертиров и 10 уклонистов) погосты¹³. К этому следует присовокупить еще 20 солдат, которые «в погостех не сысканы»¹⁴.

Численное превалирование уклонистов над дезертирами свидетельствует о том, что массовые уходы в леса или другие погосты были формой пассивного сопротивления крестьянского мира солдатской службе¹⁵. Часть солдат скрывалась и в других уездах, поскольку туда не распространялись полномочия ни олонецких воевод, ни высылщиков, ни сыщиков¹⁶.

Во второй половине 1657 г. ситуация с бегством солдат резко ухудшилась и приобрела явные черты массовости. 27 декабря 1657 г. в отписке царю Алексею Михайловичу олонецкий воевода В. А. Чоглоков отчитывался, что, по сообщениям из Пскова воеводы Новгородского полка И. А. Хованского и из Лавуи воеводы А. С. Потемкина, из подчиненных им гарнизонов с сентября по декабрь 1657 г. сбежало в общей сложности 2000 олонецких солдат¹⁷. В итоге, только по этим двум случаям доля беглых солдат за вторую половину года составила 18 % от 11 388 человек списочного состава.

А в общей сложности, в 1657 г. сбежало, исходя из данных переписных книг И. С. Дивова и отписки воеводы В. А. Чоглокова царю, по меньшей мере, **2 307** солдат и драгун. Таким образом, доля дезертиров за рассмотренный год составила **20 %**.

Источниками при подсчете количества беглых олонецких солдат за 1662 г. является в основном архивная и опубликованная делопроизводственная документация Новгородского разрядного полка. Как и в случае с 1657 г., для вычисления процента дезертиров 1662 г. предлагается рассмотреть по периодам: 1 января — 16 июня (оценка распространения дезертирства по результатам февральского и июньского смотров сил Новгородского разрядного полка); 16 июня — 26 октября (численность дезертиров в период активной борьбы с бегством).

Обобщенные данные за первый период представлены в отписках воеводы Новгородского разрядного полка Б. А. Репнина государю от 11 февраля и 20 июня. К началу февраля было зафиксировано 368 солдат, дезертировавших на этапе

¹³ Бочкарев А. С. Проблема дезертирства... С. 64–65.

¹⁴ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Д. 5. Л. 490 об.–491.

¹⁵ Там же. Л. 489–489 об.

¹⁶ Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 118. Л. 128.

¹⁷ Там же. Л. 127.

отправки в Великий Новгород¹⁸. В июне 1662 г. высылка олонецких солдат также происходила с ощутимой пробуксовкой. Как видно из отписки Репнина от 20 июня, наряду с побегами из полков, основные трудности у высылщиков и сыщиков, как и в начале года, возникали при отправке солдат из погостов в Новгород. Это выражалось не только в отказе солдат подчиняться требованиям должностных лиц, но и перерастало в вооруженные столкновения. Те солдаты, которые не сбежали на этапе высылки, группами по несколько десятков человек дезертировали уже из Новгорода. В результате к 16 июня из Новгорода, Пскова и с новгородско-псковской дороги из полка Ягана Трейдена сбежало 405 человек, а во время высылки с олонецко-новгородской дороги сбежало 96 человек. Воеводой также было указано, что 600 человек «сыщикам учинились непослушны» и на службу не пошли. Это значит, что данные лица — уклонисты, а не дезертиры, поэтому в формируемую статистику они не входят. То есть «в нетах» оказался 501 солдат. Однако Б. А. Репнин не упомянул о побеге 28 мая 1662 г. 508 солдат в Кижском погосте¹⁹. Поэтому получается, что с 1 января по 16 июня 1662 г. сбежало 1 377 солдат из 8 000 человек списочного состава. Таким образом, удельный вес дезертиров по результатам первого полугодия 1662 г. составил 17 %²⁰.

Дальнейшую летне-осеннюю динамику дезертирства отражают «росписи беглым салдатам», отписки воеводы Опочки Семена Бешенцова, воеводы Олонца Т. В. Мышецкого, воеводы Новгородского разрядного полка Б. А. Репнина и солдатских сыщиков. Так, с 12 августа по 11 сентября из полков Христиана Любенова и Христиана Фомблюментроста (Блюментроста)²¹, Томаса Гейса, Ягана Трейдена, а также во время высылки на службу из Заонежских погостов совершили побег 485 солдат²².

Осенние побег с 11 сентября по 16 октября зафиксированы в опубликованных А. Ю. Жуковым архивных документах по олонецким солдатам, в частности в таблице с подсчетами дезертиров за указанный период на основе «росписей беглым салдатам». Всего, по материалам А. Ю. Жукова, с 11 сентября по 26 октября сбежало 373 солдата²³. По итогу видно снижение масштабов дезертирства: с 16 июня

¹⁸ Там же. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 127. Л. 16–18; Жуков А. Ю. Олонецкие полки «нового строя» в 1662 г.: документы и материалы // Истоки Карелии: время, территория, народы: Полевые исследования и архивные материалы. Петрозаводск, 2014. С. 102–103 (Не позднее 11 февраля 1662 г. Из черновика отписки командира Новгородского полка боярина князя Бориса Александровича Репнина о восстановлении боеспособности олонецких полков «нового строя»).

¹⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 65–66.

²⁰ Бочкарёв А. С. Проблема дезертирства... С. 69–70.

²¹ Эти полки комплектовались не только солдатами Олонецкого уезда, но и других пятин Великого Новгорода.

²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 11. Стб. 129. Л. 24–30, 100, 105, 127–128, 155–160.

²³ Жуков А. Ю. Олонецкие полки... С. 136–142 (25 «Росписей» беглых солдат за сентябрь — октябрь 1662 г.), 156 (11 сентября 1662 г., из «Именной росписи салдат» присылки воеводы Великого Новгорода И. Б. Репнина своему отцу воеводе Новгородского полка Б. А. Репнину в Псков), 156–

Дезертирство олонецких пашенных солдат в середине XVII века: факторы и динамика 20 по 26 октября в общей сложности сбежало 858 солдат, что составляет 11 % от общего числа полков в 8 000 человек. Данная тенденция, по всей вероятности, — это результат усиленной борьбы с дезертирством, развернувшейся в то время.

Если же смотреть на ситуацию с дезертирством в 1662 г. в целом, то за данный период совершили побег, по меньшей мере, **2 235** солдат, что составляет **28 %** от 8 000 человек списочного состава олонецких полков.

Общие результаты сравнения показателей дезертирства за 1657 и 1662 гг. представлены в таблице.

Сравнение количества беглых солдат за 1657 и 1662 гг.

	1657 г.	1662 г.
Списочный состав полков	11 388 человек	8 000 человек
Количество дезертиров	2 307 человек	2 235 человек
Доля беглых солдат	20 %	28 %

Выводы

Возникшее практически с самого момента создания олонецких полков «нового строя» дезертирство пашенных солдат изначально было реакцией на определенные условия воинской повинности, распространенной на крестьян Олонецкого уезда в 1649 г. В 1649–1654 гг. из-за того, что полки не вели никаких боевых действий, кроме подавления Псковского восстания 1650 г., корректней будет называть солдат и драгун, сбежавших из своих домов, уклонистами. Начавшаяся в 1654 г. русско-польская война дала старт распространению дезертирства среди олонецких солдат: в 1654–1657 гг. количество беглых увеличилось и достигло пятой части от всего списочного состава полков. В 1662 г. дезертировало более четверти списочного состава олонецких полков.

В итоге нежелание солдат мириться с нарушением порядка службы, неспособность или неготовность властей решить острые вопросы, в сочетании с нарастающими снабженческими проблемами были основными факторами не только для возникновения дезертирства, но и для его дальнейшего роста, приобретшего черты массовости. Во многом именно из-за невозможности ликвидировать феномен дезертирства к концу русско-польской войны, в 1666 г. олонецкие полки «нового строя» были расформированы.

167 (14 октября 1662 г., из отписки воеводы Великого Ногорода И. Б. Решнина своему отцу воеводе Новгородского полка Б. А. Репнину в Псков — о присылке из Олонца двадцати девяти олонецких солдат).

Список литературы

Базилевич, К. В. Денежная реформа Алексея Михайловича и восстание в Москве в 1662 году / К. В. Базилевич. — Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1936. — 116 с.

Бочкарев, А. С. Проблема дезертирства из олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века: дис. ... канд. ист. наук / А. С. Бочкарев. — Петрозаводск, 2023. — 206 с.

Брусницына, Д. В. Крестьянское сообщество Олонецкого уезда (1649–1666): новые явления в годы солдатской службы [Электронный ресурс] / Д. В. Брусницына. — Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. — 111 с. — 1 электрон. опт. диск (CD-R).

Брусницына, Д. В. Наймиты и их «хозяева» в олонецких полках пашенных солдат (1649–1666) / Д. В. Брусницына // CARELiCA: Научный электронный журнал. — 2013. — № 1 (10). — С. 10–18. — URL: [http://carelica.petsu.ru/CARELiCA /1 2013 \(10\)/Articles 1/Entries/2013/10/31_Naj_mity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_\(16491666\).html](http://carelica.petsu.ru/CARELiCA /1 2013 (10)/Articles 1/Entries/2013/10/31_Naj_mity_i_ih_hozaeva_v_oloneckih_polkah_pasennyh_soldat_(16491666).html). — (12.12.2023).

Брусницына, Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонецкой воеводской избы / Д. В. Брусницына // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. — 2011. — № 4. — С. 104–118.

Брусницына, Д. В. Пашенные солдаты в северо-западном российском приграничье: опыт привлечения карельских крестьян к военной службе (1649–1666): дис. ... канд. ист. наук / Д. В. Брусницына. — Петрозаводск, 2014. — 294 с.

Гадзяцкий, С. С. Карелия и Южное Приладожье в войне 1656–58 гг. / С. С. Гадзяцкий // Исторические записки. — 1941. — Т. 11. — С. 236–281.

Жуков, А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. / А. Ю. Жуков. — Великий Новгород: Новгор. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2003. — 256 с.

Мельникова, А. С. Очерки по истории русского денежного обращения XVI–XVII веков / А. С. Мельникова. — Москва: Стрелец, 2005. — 320 с.

Рыжков, А. С. Офицер-иноземец: проблемы адаптации в местном крестьянском сообществе: (Карелия, вторая половина XVII века) / А. С. Рыжков // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК [Электронный ресурс]. —

Дезертирство олонецких пашенных солдат в середине XVII века: факторы и динамика 22
2006. — № 1–2. — URL: http://illmik.petrso.ru/news/New_Results/580443B3-5DAA-432C-A9F1-38CDF53DF7C4.html. — (12.12.2023).

Рыжков, А. С. Поручик Богдан Головин — организатор службы пашенных солдат в Карелии во второй половине XVII века / А. С. Рыжков // Журнал отчетов и публикаций ИЛЛМИК [Электронный ресурс]. — 2007. — № 1. — URL: <http://illmik.petrso.ru/2007news3/Ryzhkov2.html>. — (12.12.2023).

СТАНКОВ Кирилл Николаевич / STANKOV Kirill N.

Институт российской истории Российской академии наук / Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences

Россия, Москва / Russia, Moscow

stankov11@yandex.ru

**«ЗАГОВОР ЮЛЛЕНБОРГА», РОБЕРТ ЭРСКИН И РУССКАЯ
ДИПЛОМАТИЯ В 1716–1717 гг.**

**‘THE GYLLENBORG PLOT’, ROBERT ERSKINE AND RUSSIAN DIPLOMACY
IN 1716–1717**

Abstract: On the basis of both published and archival documents (materials from the Russian State Archive of Ancient Acts) the connections between the Jacobites, the Swedish politicians and diplomats, and the Russian tsar Peter the Great in 1716 — early 1717 are investigated. The main channel of the Jacobite influence at the Russian court and personally on Peter I was doctor Robert Erskine, a Scot and a Jacobite. At that time the Swedish court was split into several factions one of which was presented by the king Charles XII’s favorite and virtual Prime Minister baron Georg Heinrich von Görtz, the Swedish ambassador in the Great Britain Carl Gyllenborg, his brother and the secretary of Görtz Gustav Gyllenborg, and the Swedish ambassador Erik Sparre. They tried to end the Great Northern War, make peace with Russia and use it in Jacobite projects of overthrowing king George I from the British throne. Peter I used the Jacobites and, on the other hand, von Görtz’s Swedish supporters in his own interests to create a diplomatic channel to negotiate with Charles XII in order to finish the war which was exhausting for Russia.

Ключевые слова / Keywords: Швеция, «заговор Юлленборга», барон Георг Генрих фон Гёрц, якобиты, реставрация Стюартов, русская дипломатия / Sweden, “the Gyllenborg plot”, baron Georg Heinrich von Görtz, the Jacobites, the restoration of Stuarts, the Russian diplomacy

В ходе «Славной революции» 1688–1689 гг. на Британских островах была свергнута католическая ветвь династии Стюартов, и к власти пришли их политические оппоненты. Однако ее сторонники, получившие в политическом лексиконе того времени название «якобитов», попытались добиться реставрации своих патронов. В первые два десятилетия XVIII в. якобитское подполье резко активизировалось: сначала в связи с Англо-шотландской унией 1707 г., а после 1714 г. — из-за прихода к власти в Великобритании династии Ганноверов. Якобиты стали рассматривать различные комбинации свержения нового британского монарха Георга I. В том числе они пытались использовать в своей борьбе Швецию, а также усилившуюся за время Великой Северной войны и реформ Петра I Россию, тем более что здесь еще с 1690-х гг. существовала влиятельная якобитская партия, лидером которой в 1710-е гг. был личный врач царя — шотландец Роберт Эрскин (или, по-русски, Арескин, 1677–1718).

В отечественной исторической науке интерес к этой проблеме возник не сразу. Так, ведущий советский специалист по дипломатии Петра Великого Н. Н. Молчанов, сообщая о «заговоре Юлленборга» 1716–1717 гг., не упомянул ни о сношениях русского царя с якобитами, ни о фигуре Р. Эрскина¹. Впервые этой проблемы коснулся другой советский историк — А. Н. Никифоров. Но он, признавая факт переговоров русского царя с якобитами, в целом оставлял вопрос открытым, отмечая, что «насколько Петр I был готов содействовать Якову III [сыну и наследнику Якова II. — К. С.] в получении английского престола, до сих пор остается невыясненным»². Прорывную работу, которая касается в том числе сюжетов, связанных с якобитами, написала С. А. Фейгина³. Все последующие исследования в этой области в своем исходном пункте базируются на ее книге. На современном этапе различными аспектами биографии Роберта Эрскина занимаются А. В. Морохин, О. Р. Жерновая и А. А. Стерликова⁴. Из зарубежных исследований стоит отметить обзорную работу по британской эмиграции в Россию в XVIII в. английского историка Э. Кросса, а также первую фундаментальную монографию по «русским» якобитам и в целом связям России с якобитским движением шотландской исследовательницы Р. Уиллс⁵. Из более ранних работ стоит отметить статью М. Брюса⁶. Однако все перечисленные исследования носят предварительный и обобщающий характер, а их авторы не предпринимали попыток комплексно рассмотреть действия Р. Эрскина и его соратников не просто в рамках русско-британских отношений, но на широкой панораме борьбы якобитов за реставрацию Стюартов в общеевропейском контексте.

Между тем возникает вопрос, почему главную ставку в своей игре в 1716–1717 гг. якобиты сделали на Швецию и Россию? Представляется, что одним из важнейших факторов было резкое изменение международной ситуации в результате заключения европейскими державами Утрехтского мирного договора в 1713 г. Последний полностью изменил баланс сил в Европе. Впрочем, подспудно эти реалии начали складываться уже в ходе Войны за испанское наследство 1701–1714

¹ Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Первого. М., 1986. С. 338.

² Никифоров А. А. Русско-английские отношения при Петре I. М., 1950. С. 128.

³ Фейгина С. А. Аландский конгресс: Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959.

⁴ Морохин А. В. О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг. // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 110–126; Морохин А. В., Жерновая О. Р. К истории начальной деятельности медика Р. К. Арескина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2022. № 1. С. 49–52; Морохин А. В., Жерновая О. Р. Лейб-медик Роберт Арескин и лечение Петра I минеральными водами в 1711–1717 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 1. С. 26–31; Стерликова А. А. «Позовите Герца, старенького Герца...»: Пётр и «яковитская интрига» // Родина. 2007. № 11. С. 66–68.

⁵ Кросс Э. Британцы в Петербурге: XVIII век. СПб., 2005; Wills R. The Jacobites and Russia, 1715–1750. East Linton, 2002.

⁶ Bruce M. Jacobite Relations with Peter the Great // The Slavonic and East European Review. 1936. Vol. 14. No. 41. P. 343–362.

гг., а в некоторых аспектах — еще ранее. Так, по итогам Тридцатилетней войны, закрепленным Вестфальским миром 1648 г, Франция стала безусловным гегемоном в Европе, а Габсбурги оказались ослабленными. Британия погрязла во внутренних конфликтах. Однако уже первые завоевательные кампании французского короля Людовика XIV (Деволуционная и Голландская войны, соответственно, 1667–1668 и 1672–1678 гг.) сделали ее злейшим врагом Нидерланды. Они же в конечном счете привели к созданию союза Республики Соединенных провинций и Великобритании. Прежде эти две страны соперничали в области торговли и контроля над морскими коммуникациями, однако угроза со стороны Франции заставила их позабыть о недавних Англо-голландских войнах⁷. «Славная революция» 1688–1689 гг. ознаменовала апогей этого сотрудничества, так как верховная власть в обоих государствах сосредоточилась в одних руках — Вильгельма III Оранского (статхаудера Нидерландов и короля Великобритании). В итоге к началу Войны Аугсбургской лиги 1688–1697 гг. против Франции обратилась практически все страны Западной Европы. Важнейшими звеньями антифранцузской коалиции стали Габсбурги и морские державы (Великобритания и Нидерланды)⁸. Петр I спешил использовать сложившуюся ситуацию на пользу России. Русский царь пытался сблизиться с единственными державами Европы, которые могли помочь России в создании современного морского флота, да и во многом другом: Великобританией и Нидерландами. Однако к концу Великой Северной войны отношения с голландцами, по словам отечественного историка Е. В. Анисимова, сначала «превратились в прохладные, а затем совсем в ледяные»⁹. В частности, в результате закрытия Петром I внешней торговли через Архангельск в 1713 г. голландские купцы «стали нести такие потери, что встал вопрос о разрыве торговых отношений с Россией»¹⁰. То же самое можно сказать и о Великобритании, которая в ходе Северной войны начала видеть в поднимающейся русской державе угрозу своей торговле на Балтике¹¹.

Между тем в рассматриваемое время начались серьезные изменения и в Западной Европе. В частности, происходило постепенное дистанцирование Габсбургов от морских держав. Дело дошло до того, что император Священной

⁷ Имеются ввиду военные конфликты между Британией и Нидерландами: Первая англо-голландская война 1652–1654 гг., Вторая — 1665–1667 гг. и Третья — 1672–1674 гг.

⁸ *Блюш Ф.* Людовик XIV. М., 1998. С. 273–306, 343–344, 354, 495–501; *Санин Г. А.* Россия на Утрехтском и Брауншвейгском конгрессах 1713 года. Ништадтский мир 1721 года // Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века / Отв. ред. А. В. Виноградов. М., 2021. С. 85–89.

⁹ *Анисимов Е. В.* Петр Первый: благо или зло для России? М., 2023. С. 56.

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ *Никифоров А. А.* Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. // Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н. И. Павленко. М., 1973. С. 28–29; *Санин Г. А.* Россия на Утрехтском и Брауншвейгском конгрессах 1713 года. С. 98–101.

Римской империи Карл IV отказался признать Утрехтский мир, так тот лишил его права на владение Испанией с ее многочисленными колониями. Одновременно прослеживается сближение Франции и ее бывших противников: Великобритании и Республики Соединенных провинций¹². Все отмеченные изменения в международных отношениях существенно сказались на судьбе якобитского движения. Роковым для него стал 1715 г. Поражение сторонников Стюартов в очередном крупном восстании в Англии и Шотландии совпало по времени со смертью главного покровителя «Якова III» за пределами Британских островов — Людовика XIV. Пришедший к власти во Франции регентский совет по главе с Филиппом, герцогом Орлеанским, окончательно сделал ставку на союз с Лондоном и Гаагой. В итоге «Яков III» был вынужден сначала удалиться в Авиньон, а затем в Италию¹³. Между тем еще с начала 1680-х гг. происходило отдаление от Франции Швеции, которая до того была важнейшим элементом в «Восточном барьере»¹⁴. По словам современного историка Г. А. Санина, одновременно начался «рост напряженности между морскими державами и Швецией»¹⁵. В этих условиях Стюартам и их сторонникам пришлось искать новых союзников. По ряду причин, одну из ставок они сделали на Стокгольм.

Важнейшую роль в этом выборе сыграло прежде всего наличие огромной шотландской диаспоры в шведском королевстве. В силу своей численности она имела значительное влияние на политику Стокгольма. Массовое переселение шотландцев через Северное море началось еще в первой половине XVII в. и было связано с разразившейся на их исторической родине масштабной смутой, которая вылилась в так называемую Войну трех королевств 1639–1653 гг. на Британских островах¹⁶. Пришедшая в ходе этих событий к власти в Шотландии политическая группировка ковенантеров развернула широкие преследования своих противников: как политических (роялистов, ингейджеров), так и религиозных (представителей Католической и Шотландской епископальной церкви). В годы последовавшего затем Протектората Кромвеля притеснения только усилились. В итоге в Швецию (и ряд других европейских стран, в том числе Россию) хлынул массовый поток эмигрантов из Шотландии. Будучи отменными воинами, шотландцы нашли себе

¹² Блюш Ф. Людовик XIV. С. 633–636, 648–656, 662–672; Санин Г. А. Россия на Утрехтском и Брауншвейгском конгрессах 1713 года. С. 121.

¹³ Эрланже Ф. Регент. М., 2008.

¹⁴ «Восточный барьер» — созданная Францией коалиция из союзных ей государств в Северной, Восточной и Юго-Восточной Европе: Швеция — Польша — Турция. Изначально планировалось сдерживать с помощью этих держав экспансию Габсбургов, а затем — противодействовать усилению России.

¹⁵ Блюш Ф. Людовик XIV. С. 339; Санин Г. А. Россия на Утрехтском и Брауншвейгском конгрессах 1713 года. С. 103.

¹⁶ Война трех королевств — обозначение в современной западной историографии совокупности военно-политических конфликтов, потрясших Британские острова в 1639–1653 гг., самым крупным из которых была Пуританская революция в Англии.

применение, поступив на службу в шведские вооруженные силы. Так, король Густава II Адольф в ходе Тридцатилетней войны располагал 36 полковниками и 20 тысячами солдат из шотландцев. Фактически это была самостоятельная частная армия. Ко времени правления в Швеции Карла XII шотландская диаспора если и уменьшилась по своей численности, то сохранила прежнее влияние¹⁷.

Не меньшую роль в развитии якобитской интриги играла и внутриполитическая борьба в годы Великой Северной войны в среде шведской политической элиты. Она была разделена на несколько группировок. Так, если партия во главе с сестрой Карла XII Ульрикой Элеонорой выступала за продолжение войны с Россией и за сохранение за Швецией всех завоеванных у нее Петром I территорий, то фаворит и фактически главный министр Карла XII барон Георг Генрих фон Гёрц, личный секретарь последнего Густав Юлленборг и шведский посол в Великобритании Карл Юлленборг, а также близкие им политики считали, что добиться приемлемых условий мира можно только путем переговоров с Россией¹⁸. После смерти Карла XII в 1718 г. (в так называемую Эру свобод) эти две группировки трансформировались в партии «шляп» (реваншистов, выступавших за политическое, дипломатическое и военное противостояние с Россией и ориентированных на Францию) и «колпаков», ратовавших за мирные отношения с соседями¹⁹.

Впрочем, вернемся к якобитской конспирации. В 1716–1717 гг. в результате различных интриг Роберт Эрскин оказался вовлеченным в реставрационный заговор. В ходе второго путешествия Петра I в Европу в 1716–1717 гг. Эрскин встречался с видными представителями якобитской эмиграции (своим дядей лордом Маром, а также ирландским аристократом герцогом Ормондом) и с высокопоставленными европейскими политиками, поддерживавшими «Якова III»: бароном Гёрцем и некоторыми шведскими дипломатами. Р. Эрскин многократно пытался убедить Петра I встретиться с этими и другими лицами, так или иначе связанными с якобитской интригой.

Российские и зарубежные исследователи выявили многочисленные свидетельства причастности Эрскина к якобитскому заговору в 1716–1717 гг. и попыток вовлечь в него Петра I²⁰. При основательной разработанности этой

¹⁷ Sinclair G. A. Scotsmen Serving the Swede // The Scottish Historical Review. 1911. Vol. 9. No. 11. P. 37–51; Steuart A. F. Scottish Officers in Sweden // Ibid. 1904. Vol. 1. No. 2. P. 191–196.

¹⁸ Letters which Passed between Count Gyllenborg, the Baron Gortz, Sparre and Others // The Parliamentary History of England. London, 1811. Vol. 7. P. 409 (репринт издания 1717 г.).

¹⁹ Подробнее см.: Анисимов М. Ю. Россия и Швеция в середине XVIII в.: от конфронтации к союзу // Отечественная история. 2004. № 6. С. 3–17.

²⁰ См., например: Морохин А. В. О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг. С. 113–117; Стерликова А. А. «Позовите Герца, старенького Герца...» С. 66–68; Фейгина С. А. Аландский конгресс: внешняя политика России в конце Северной войны. С. 153–173; Wills R. The Jacobites and Russia, 1715–1750. P. 41–65.

проблемы в контексте международных отношений в то же время не раскрыто в достаточной мере содержание самого заговора. Приоткрыть тайну позволяют опубликованные в начале 1717 г. документы в результате раскрытия так называемого заговора Юлленборга — упомянутого шведского посла в Великобритании, а также частично изданные бумаги шведского посла во Франции Эрика Спарре и барона Гёрца. Согласно этим материалам, летом 1716 г. якобиты как на Британских островах, так и в эмиграции планировали новое восстание с целью реставрации «Якова III»²¹.

Как следует из письма барона Э. Спарре к К. Юлленборгу, последний, находясь в Лондоне, в конце сентября 1716 г. встречался с якобитскими агентами, которые открыто изъявили желание, чтобы Карл XII поддержал реставрацию «Якова III» на британском престоле²². Шведский посол в Лондоне считал, что поднять реставрационное восстание в Англии не составит труда вследствие крайней непопулярности нынешнего правительства в Лондоне²³. К. Юлленборг в октябре 1716 г. сообщал в письме Гёрцу (явно преувеличивая), что в Англии в любой удобный момент готово подняться десять тысяч повстанцев и просил заготовить оружие еще «на количество от 15 до 20 тысяч человек»²⁴. Шведский посол в Лондоне уверял своего патрона, что будет достаточно хотя бы самого небольшого количества шведских регулярных войск, чтобы лишить Георга I его британской короны²⁵. Однако если не К. Юлленборгу, то, по крайней мере, Гёрцу было очевидно, что одной Швеции было не собрать ни интервенционный корпус, ни такого количества оружия. Для этого требовалось, как минимум, заключить мир с Россией, а также привлечь ее к смене власти в Великобритании. Неслучайно именно в октябре 1716 г., получив указанные письма от К. Юлленборга, Гёрц начал переговоры с Петербургом²⁶.

В историографии распространено мнение, будто Гёрц не относился серьезно к планам заключить мир с Россией и в действительности тянул время и стремился отвлечь внимание русской дипломатии на этих переговорах от ее главной цели — завершения Великой Северной войны²⁷. Однако документы (как опубликованные, так и архивные) свидетельствуют об обратном. Учитывая сложную обстановку при шведском дворе, очевидно, что время работало ни на Гёрца, а против него. Он был совершенно искренне заинтересован в скорейшем окончании Северной войны.

²¹ Letters... P. 397.

²² Ibid.

²³ Ibid. P. 399.

²⁴ Ibid.

²⁵ Ibid.

²⁶ *Стерликова А. А.* «Позовите Герца, старенького Герца...» С. 67.

²⁷ См. напр.: *Фейгина С. А.* Аландский конгресс: внешняя политика России в конце Северной войны. С. 157, 160–165.

Его готовность ввязаться ради достижения этой цели в якобитскую интригу является лишним тому свидетельством. Дополнительным аргументом может служить динамика переговоров на Аландском конгрессе в 1718 г. Сведения о них содержатся в фонде 96 («Сношения России с Швецией») Российского государственного архива древних актов, которые также свидетельствуют о том, что Гёрц стремился как можно скорее заключить мирный договор с Петром I и лишь неуступчивость Карла XII в территориальном вопросе помешала этому²⁸.

Первоначально Карл XII не был готов сделать ставку на свергнутых Стюартов и соглашался помочь английским якобитам лишь за большую сумму денег. Через своего посла в Лондоне он объявил, что нога шведского солдата не коснется британского побережья, пока не будет выплачена сумма в 60 тысяч фунтов стерлингов²⁹. Кроме того, шведская сторона требовала от «Якова III» после занятия им трона территориальных уступок Швеции в Священной Римской империи. Поскольку план Гёрца предусматривал в случае установления дружбы с Россией передачу царю всех его завоеваний в Прибалтике, Карлу XII надлежало получить в качестве компенсации Бремен в северной Германии³⁰.

Не бездействовала шведская дипломатия и на континенте. Шведский посол в Париже Э. Спарре всеми силами добивался посредничества Франции в деле примирения Стокгольма и Петербурга³¹. Все приведенные данные в совокупности могут свидетельствовать о том, что к ноябрю 1716 г. ряд ведущих шведских политиков и дипломатов (в частности барон Гёрц и его «команда») пришли к выводу о том, что сменить власть в Великобритании невозможно собственными силами и необходимо привлечь к этому Россию.

В сборнике материалов «Парламентская история Англии» содержится уникальный документ: письмо Карла Юлленборга барону Гёрцу от 13 ноября 1716 г., в котором сообщается о первых шагах Роберта Эрскина в деле организации реставрации Стюартов в Великобритании. По всей видимости, в ноябре 1716 г. он впервые вышел на связь с якобитами, точнее своим дядей лордом Маром, написав ему письмо. В письме давалось «весьма полное описание настроений царя». Кроме того, в нем содержалось несколько крайне важных для шведских политиков пунктов. Эрскин писал, что Петр I больше не предрасположен против Карла XII, а также что Северный союз находится в состоянии полного развала. Для якобитов самое важное в этом письме заключалось в уверении царского лейб-медика, что его патрон «смертельно ненавидит» Георга I и сочувствует притязаниям на британский престол «Якова III». По словам Р. Эрскина, проблема заключалась лишь в том, что русский

²⁸ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 96. Оп. 4. 1718 г. № 6, 7.

²⁹ Letters... P. 340, 342.

³⁰ Ibid. P. 340.

³¹ Ibid P. 402.

царь не был готов сделать первый шаг, но в случае, если Карл XII открыто поддержит реставрацию Стюартов в Британии, то Петр I немедленно к ним присоединится³². В том же письме К. Юлленборг указывал на Эрскина как на наиболее надежный канал связи с русским царем. Препятствия были, по его мнению, более не годны: французы пошли на союз с Великобританией, а канал связи в лице Мара стал неприемлем, так как за ним установили слежку ганноверцы³³.

По мере приближения момента решительных действий, К. Юлленборг обнадеживал Гёрца, что деньги собраны как английскими якобитами, так и эмигрантским двором во Франции, и в силу своей неожиданности высадка шведских войск не может не быть успешной³⁴.

В ответном письме от 11 декабря 1716 г. Гёрц был более пессимистичен (или, скорее, реалистичен), указывая три причины затруднений, с которыми шведы неизбежно столкнутся при подготовке десанта зимой. Во-первых, у них не было достаточного количества транспортных кораблей, чтобы перебросить требуемое количество солдат, и военных судов, чтобы их сопровождать. Во-вторых, не было ясности в вопросе о том, как содержать интервенционный корпус в Англии. В-третьих, не была решена проблема организации и содержания кавалерии, которая столь важна в наступательной войне на вражеской территории. Между тем сам Гёрц не сидел без дела: он нашел несколько военных кораблей, которые должны были быть готовыми в марте 1717 г. в гавани Гётеборга, и 60–70 орудий. Однако всего этого было недостаточно для реставрации Стюартов, что ставило вопрос об активизации переговоров с Россией³⁵. Кроме того, в случае неуспеха шведских интриг Гёрц опасался, что Великобритания объявит войну истощенной Швеции, и, возможно, на стороне первой в конфликт вмешаются Нидерланды³⁶. Поэтому для исполнения плана барона Гёрца и Карла и Густава Юлленборгов Швеции было жизненно необходимо объединиться с Россией.

На то, что происходило в это время, частично проливают свет российские архивные источники. Так, в частности, в фонде 9 («Кабинет Петра») Российского государственного архива древних актов сохранилось письмо русскому государю генерала А. Вейде, помеченное февралем 1717 г. (дата неразборчива). В документе сообщается о дистанцировании Карла XII от официального Лондона и о его готовности пойти на мир с Россией³⁷. Возможно, это преувеличенные сведения,

³² Ibid.

³³ Ibid. P. 403–404.

³⁴ Ibid. P. 407.

³⁵ Ibid. P. 409.

³⁶ Ibid. P. 410.

³⁷ РГАДА. Ф. 9. Оп. 3. Отд. II. № 31. Л. 434–434а.

однако примечателен сам факт того, что они в это время циркулировали в среде русской элиты.

Возвращаясь к Гёрцу, отметим, что, по его мнению, настоящий момент был самым подходящим для диверсии в Англии: бдительность британского правительства усыплена дружественным договором с Францией и высылкой «Якова III» в Италию. Деньги, хотя и неполная требуемая сумма, якобитами собраны³⁸. Гёрц писал, что остается только дождаться согласия на участие в этой интриге России. Возможно поэтому он, перечисляя все приготовления к десанту в Англии, заявлял в одном из писем К. Юлленборгу, что с нетерпением ждет послания от своего агента, уполномоченного переговорить с Р. Эрскином³⁹. Со своей стороны, К. Юлленборг отвечал, что надеется на личное знакомство с царским врачом через посредничество Джона Эрскина⁴⁰.

Корреспонденция К. Юлленборга содержит важную информацию непосредственно о каналах связи шведских дипломатов с Эрскином. В частности, посол Карла XII в Лондоне не доверял свои письма к Петру I обычной почте, а посылал их к русскому двору с курьером. Шведский посол в Великобритании подчеркивал в письме к Гёрцу, что этот агент является «уроженцем Московии», хорошо знаком с царем и, что самое главное, пользуется неограниченным доверием⁴¹.

Однако воздушные замки реставрационного восстания в Англии, столь тщательно выстраиваемые Гёрцем, К. Юлленборгом и самими якобитами, рухнули в одночасье. Британская тайная служба напала на след заговорщиков и нанесла решающий удар в начале 1717 г. 19 февраля 1717 г. капитан нидерландской армии с 30 гвардейцами вступили в дом барона Гёрца в Гааге. Сам Гёрц незадолго до этого успел уехать в Амстердам. Солдаты не смогли «отпереть замки от сундуков и ш[к]афов» и поэтому послали за кузнецом. Секретарь русского посольства в Нидерландах Карадин⁴² писал в тот же день князю Б. И. Куракину: «Еще не ведаю, сысканы и взяты ли писма или нет». В погоню за самим Гёрцом было отряжено 16 рейтар⁴³.

Одновременно прошли обыски и аресты в доме шведского посла в Великобритании. К. Юлленборг был схвачен и отправлен «в шателению» (замок, используемый в качестве тюрьмы) пешком под конвоем. Аресты проводились с такой поспешностью, что у офицера британской гвардии, явившегося к

³⁸ Letters... P. 415.

³⁹ Ibid. P. 416.

⁴⁰ Ibid. P. 419.

⁴¹ Ibid. P. 412.

⁴² К сожалению, сведения о его имени и отчестве в источниках отсутствуют.

⁴³ РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. 1717 г. № 10. Л. 1–1 об.

К. Юлленборгу, не оказалось соответствующего ордера, и он вынужден был послать за нужным документом⁴⁴.

С самого момента публикации в Великобритании архива К. Юлленборга Россия всячески открепчивалась от участия в шведско-якобитской интриге. В марте 1717 г. на французском языке был обнародован меморандум русской стороны по поводу создавшейся ситуации. Все документы, опубликованные ганноверцами и касающиеся якобитских интриг, объявлялись клеветой и подлогом. В частности заявлялось, что «за этим шумом... не имеющим под собой реального основания» в действительности скрываются амбиции Георга I и Карла XII. По словам составителей меморандума, вся эта история была сфабрикована, дабы очернить Россию в период острой борьбы между Великобританией и Швецией за обладание герцогством Бремен, занимающим стратегические позиции в северной Германии. Особенно подчеркивалась непричастность царского врача Роберта Эрскина. Он характеризовался как наичестнейший и откровеннейший человек. Петр I лично ручался за него как за соратника и друга, которого он лично знал 13 лет. Особый упор делался на том, что лейб-медик не занимал официальных правительственных должностей и все то время, пока развивалась якобитская интрига, сфера его деятельности строго ограничивалась кругом профессиональных занятий как личного врача царя. В рассматриваемом документе между делом признавался факт, «что некоторые из родственников упомянутого сеньора д'Арескина были сообщниками в последнем восстании, организованном против» Георга I в 1715 — начале 1716 г., но тут же подчеркивалось, что Эрскину было строжайше запрещено с ними общаться даже по частном поводу. В конечном счете Петр I обещал не поддерживать «Якова III» «ни прямо, ни косвенно». Примечательно также, что в русском меморандуме, последний именуется не по титулу, данному ему якобитами, а «Претендентом» на британскую корону, как его презрительно называли ганноверцы⁴⁵.

При этом русские политики и дипломаты даже временно отказались вести переговоры с Карлом XII, хотя и считали, что полный разрыв со Швецией нежелателен для России⁴⁶.

Следует отметить, что еще в течение длительного времени британские политики с подозрением относились к малейшим сношениям России с Шотландией и со Швецией. В частности, в мае 1717 г. разразился скандал вокруг русского военного корабля шедшего в Россию из Шотландии с документами, выданными шведами и показавшимися подозрительными британским офицерам, которые

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же. Л. 61–62.

⁴⁶ Там же. Л. 7 об.

задержали судно. В ходе разбирательств, происходивших на самом высоком уровне между двумя странами с привлечением нидерландского пенсионария, выяснилось, что корабль вез обычное сукно, необходимое для русской промышленности⁴⁷. В конце мая 1717 г. в порту Гааги вновь было обнаружено русское судно «с подозрительными бумагами»⁴⁸. Возможно, они принадлежали якобитам.

Между тем голландские власти тяготились предоставлением политического убежища Гёрцу, и британские политики вели переговоры о том, чтобы поместить все ключевые фигуры, связанные с «заговором Юлленборга», в месте, «где бы их можно безопасно содержать, не опасаясь, что они ускользнут, и где они будут лишены передачи писем или иного доступа для общения с внешним миром»⁴⁹.

В целом, участие России, пусть и косвенное, в политической интриге, связанной с «заговором Юлленборга», стало поворотным в отношениях Лондона и Петербурга. Политика Петра I, заключающаяся в игре на нескольких досках и балансировании между разными политическими силами в одном государстве (в данном случае между официальным Лондоном и якобитами), потерпела неудачу. Дело Стюартов в очередной раз оказалось проигранным, и в то же время — испорчены отношения с Георгом I и его британским правительством.

Список литературы

Анисимов, Е. В. Петр Первый: благо или зло для России? / Е. В. Анисимов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2023. — 271 с.

Анисимов, М. Ю. Россия и Швеция в середине XVIII в.: от конфронтации к союзу / М. Ю. Анисимов // Отечественная история. — 2004. — № 6. — С. 3–17.

Блюш, Ф. Людовик XIV / Ф. Блюш; пер. с фр. Л. Д. Тарасенковой. — Москва : Ладомир, 1998. — 815 с.

Кросс, Э. Британцы в Петербурге : XVIII век / Э. Кросс; пер. с англ. Ю. и Н. Беспярых. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2005. — 526 с.

Молчанов, Н. Н. Дипломатия Петра Первого / Н. Н. Молчанов. — Москва : Международные отношения, 1986. — 448 с.

Морохин, А. В. О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг. / А. В. Морохин // Вестник МГИМО-Университета. — 2021. — № 14 (6). — С. 110–126.

⁴⁷ Там же. Л. 17–17 об.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 20 об.

Морохин, А. В. К истории начальной деятельности медика Р. К. Арескина / А. В. Морохин, О. Р. Жерновая // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2022. - № 1. — С. 49–52.

Морохин, А. В. Лейб-медик Роберт Арескин и лечение Петра I минеральными водами в 1711–1717 гг. / А. В. Морохин, О. Р. Жерновая // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2022. — № 1. — С. 26–31.

Никифоров, Л. А. Россия в системе европейских держав в первой четверти XVIII в. / Л. А. Никифоров // Россия в период реформ Петра I / отв. ред. Н. И. Павленко. — Москва : Наука, 1973. — С. 9–39.

Никифоров, Л. А. Русско-английские отношения при Петре I / Л. А. Никифоров. — Москва : Госполитиздат, 1950. — 297 с.

Санин, Г. А. Россия на Утрехтском и Брауншвейгском конгрессах 1713 года. Ништадтский мир 1721 года / Г. А. Санин // Россия на международных форумах и конгрессах XVII — начала XX века / отв. ред. А. В. Виноградов. — Москва : Международные отношения, 2021. — С. 85–89.

Стерликова, А. А. «Позовите Герца, старенького Герца...»: Пётр и «яковитская интрига» / А. А. Стерликова // Родина. — 2007. — № 11. — С. 66–68.

Фейгина, С. А. Аландский конгресс : Внешняя политика России в конце Северной войны / С. А. Фейгина. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. — 546 с.

Эрланже, Ф. Регент / Ф. Эрланже ; пер. с фр. Н. Матяш. — Москва : ЭНАС, 2008. — 286 с.

Bruce, M. Jacobite Relations with Peter the Great / M. Bruce // The Slavonic and East European Review. — 1936. — Vol. 14, no. 41. — P. 343–362.

Sinclair, G. A. Scotsmen Serving the Swede / G. A. Sinclair // The Scottish Historical Review. — 1911. — Vol. 9, no. 11. — P. 37–51.

Steuart, A. F. Scottish Officers in Sweden / A. F. Steuart // The Scottish Historical Review. — 1904. — Vol. 1, no. 2. — P. 191–196.

Wills, R. The Jacobites and Russia, 1715–1750 / R. Wills.— East Linton : Tuckwell Press, 2002. — 253 p.

ПАНКОВ Евгений Сергеевич / PANKOV Evgeni S.

МГИМО МИД России / Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (MGIMO)

Россия, Москва / Russia, Moscow

pankovv.eug@gmail.com

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ В КНИГЕ ХАЛЛДОРА ЛАКСНЕССА «ПУТЬ НА ВОСТОК» (1933)

THE SOVIET REALITY IN HALLDÓR LAXNESS' *Í AUSTURVEGI* (1933)

Abstract: The article deals with key aspects of Halldór Laxness' *Í Austurvegi* (*In the Baltic*) as the writer's account of his 1932 two-month journey to the Soviet Union in the context of representation of the USSR during the first five-year plan period. The article highlights and analyses the problem of the apparent discrepancy between the description of some aspects of Soviet life and reality. Therefore, it raises the question as to the reasons for this discrepancy and concludes that it was based primarily on the factor of the writer's personality: the author's sincere sympathy for communist ideology and his desire to cultivate business contacts with the Soviet authorities accounted for the extremely tendentious description of Soviet realities. The article refutes the opinion that Laxness did not have the opportunity to get acquainted with those aspects of Soviet reality, the description of which could damage the image of the USSR abroad, although the most sensitive of them were out of the writer's sight.

Ключевые слова / Keywords: Халлдор (Халльдоур) Лакснесс, коллективизация, индустриализация, первая пятилетка, пропаганда, травелог, сталинизм / Halldór Laxness, collectivisation, industrialisation, first five-year plan, propaganda, travel literature, Stalinism

Введение

Творчество нобелевского лауреата Халлдора Лакснесса¹ (1902–1998) занимает центральное место в исландской литературе XX в.: активная публицистическая деятельность писателя пожизненно обеспечила ему важную роль в общественно-политической жизни Исландии, а увлечение коммунистическими идеями переросло в многолетнее взаимодействие с Советским Союзом — как на официальном уровне, так и на неформальном. В 1950-е гг. именно Лакснесс был основным проводником культурного сотрудничества Москвы и Рейкьявика, являясь председателем Общества культурных связей Исландии и России MÍR.

Очное знакомство Лакснесса с советской действительностью произошло осенью 1932 г., когда тридцатилетний писатель отправился в двухмесячную поездку

¹ Такова устоявшаяся в русской традиции передача имени писателя, хотя фонетически точнее было бы *Халльдоур Лакснесс*. См., например: *Берков В. П. О передаче исландских собственных имен // Скандинавский сборник. Таллин, 1959. Вып. IV. С. 206.*

в СССР. По итогам визита он написал книгу воспоминаний «Путь на восток»², которая была опубликована в Исландии в 1933 г.: в ней он изложил впечатления от увиденного в стране, которая переживала масштабные социально-экономические трансформации. Единственным доступным для российского исследователя является уникальный экземпляр этой работы, который содержится в фонде Библиотеки иностранной литературы им. М. И. Рудомино в Москве — на иностранные языки она не переводилась и в СССР не издавалась³. Помимо этого, первая книга Лакнесса о Советском Союзе остается в тени другого советского тревелога писателя — более известную работу «Русская сказка» Лакнесс опубликовал по итогам второго визита в страну в 1937–1938 гг.⁴

Тем не менее «Путь на восток» заслуживает подробного рассмотрения как исторический источник. Во-первых, книга открывает новые грани восприятия имиджа советского государства в среде западноевропейской публики; во-вторых, будучи одним из немногих «живых» описаний советской жизни, составленных исландцем для исландцев, эта книга сильно повлияла на восприятие Советского Союза 1930-х гг. в исландском обществе и поспособствовала распространению коммунистической идеологии и левых идей, что позже отразилось на отношении исландцев к роли страны в евроатлантической архитектуре безопасности и советско-исландских отношениях⁵; в-третьих, бесспорна также биографическая ценность уникального источника: без него невозможно полноценное изучение трансформации политических взглядов и морально-этических установок исландского интеллектуала.

Постановка проблемы

Ни содержание книги, ни также обстоятельства первого визита Лакнесса в СССР до сих пор не были объектами внимания историков. Тем не менее отечественные и исландские исследователи давали публичным свидетельствам Лакнесса краткие характеристики. Все их объединяет консенсус по поводу пропагандистской направленности книги, автор которой не скрывал своих симпатий в отношении Советского Союза и проводившейся его властями модернизации национального хозяйства.

² Здесь и далее используется устоявшийся в отечественной историографии вариант перевода оригинального заглавия книги — «Í Austurvegi». Об особенностях его перевода на русский язык речь пойдет ниже.

³ *Laxness H. K. Í Austurvegi*. Reykjavík, 1933. В книге также приведен текст радиообращения Х. Лакнесса к исландской аудитории из Москвы 7 ноября 1932 г.

⁴ *Laxness H. K. Gerska æfintýrið*. Reykjavík, 1938. Отдельные выдержки из книги публиковались на русском языке в изданиях: Глазами друзей. Л., 1959. С. 161–164; Положа руку на сердце. М., 1967; Народы мира о Ленине. М., 1970. С. 99–101. Некоторые обстоятельства этой поездки и драматические события, свидетелем которых стал Лакнесс, освещены в исследовании: *Ólafsson J. Appelsínur frá Abkasíu: Vera Hertzsch, Halldór Laxness og hreinsanirnar miklu*. Reykjavík, 2012.

⁵ Во время посещения СССР в 1949 г. Лакнесс, отвечая на вопрос советских журналистов об источниках знаний о Советском Союзе для исландцев, перечислил всего несколько работ, среди которых была также книга «Путь на восток». (Крымова Н. И., Погудин А. С. Халлдор Лакнесс: Жизнь и творчество. М., 1970. С. 82.)

В частности, исландский советолог Йоун Оулафссон отмечает, что в отображении Лакнесса Советский Союз — «это не рай в настоящем, а земля обетованная в будущем, и потому хорошо информированный и знакомый с реалиями гость [из Исландии. — Е. П.] должен склониться к тому, чтобы признать непреодолимую силу, с которой создается советская цивилизация»⁶.

Отечественный исследователь А. В. Коровин в краткой справке о восприятии советской действительности Х. Лакнессом и вовсе утверждает, что «информации о реальной жизни в СССР в этой книге нет по очевидным причинам — Лакнесс ее не видел»⁷. Это замечание, в свою очередь, порождает закономерный вопрос о событийном наполнении поездки, которая длилась целых два месяца. Исследователь также отмечает «откровенный пропагандистский характер» работы. Однако указанный факт — все же не повод отказывать ей во внимании, поскольку современные исследования репрезентации советской действительности иностранными репортерами в довоенное время позволяют сделать вывод о наличии в их распоряжении более широкого, чем принято думать, творческого инструментария и — главное — возможности описать собственный опыт пребывания в Советском Союзе по возвращении из страны, без внешнего давления со стороны ее властей⁸. В данном случае важно подчеркнуть: работа Лакнесса была опубликована в издательстве, находящемся за пределами СССР, и после того, как автор покинул его территорию — это позволяет связать все содержащиеся в источнике искажения с внутренними идеологическими и морально-этическими установками его автора, а также с намеренными действиями советских властей, направленными на культивацию в сознании исландского писателя преувеличенно благоприятного образа советской действительности.

Советские биографы Лакнесса Н. И. Крымова и А. С. Погодин вторили объяснению самого писателя, которое он дал в своих мемуарах в 1963 г.: вспоминая острую идеологическую конфронтацию между германским национал-социализмом и советским коммунизмом, Лакнесс объяснял хвалебный тон своих работ нежеланием навредить Советскому Союзу в этом противостоянии⁹. Само по себе

⁶ Ólafsson J. Áróðursmaðurinn hittir sjálfan sig: Laxness um Laxness í Sovétríkjunum // Andóf, ágreiningur og áróður: greinar um heimspeki. Reykjavík, 2009. Bls. 195. Большая часть главы тоже посвящена второй поездке Лакнесса в СССР.

⁷ Коровин А. В. Сталинский Советский Союз в восприятии Х. К. Лакнесса // Новые российские гуманитарные исследования [Электронный ресурс]. 2020. Т. 15. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2124/> (15.08.2023). Тезисы доклада, опубликованные в материалах научной конференции «Западно-советские литературные контакты (1917–1990)» (ИМЛИ РАН, 27 октября 2020 г.).

⁸ См., например: Vessey D. First-hand Accounts? Walter Duranty, William Henry Chamberlin and Eugene Lyons as Moscow Correspondents in the 1930s // Journalism Studies. 2023. Vol. 24. No. 2. P. 209–225.

⁹ Laxness H. K. Skáldatími. Reykjavík, 1963. Bls. 128–129, 148–149; Крымова Н. И., Погодин А. С. Халлдор Лакнесс. С. 74–75. Советские авторы, рассуждая о мотивах написания работы «Русская сказка», изданной после второй поездки писателя в СССР в 1937–1938 гг., обращают внимание на фактор растущей популярности НСДАП в Германии. Однако сам по себе этот фактор не должен рассматриваться как решающий, лежавший в основе идеализации, образа советской действительности в творчестве Лакнесса, поскольку комплиментарные воспоминания о советской

такое объяснение на фоне изменения оценок событий 1930-х гг. в условиях хрущёвской оттепели кажется попыткой постфактум оправдать идеологическое рвение тем, что пропаганда достижений советского народа поспособствовала поражению нацистской Германии во Второй мировой войне. Однако спорной представляется ограниченность выбора между этими двумя идеологиями в 1932–1933 гг. (например, правительство Исландии до 1940 г. в международных делах сохраняло нейтралитет), тем более что к такому выбору Лакснесса также никто не принуждал. К тому же симпатии к советской идеологии и неприятие западного капитализма укрепились в сознании писателя задолго до прихода нацистов к власти, а намерение написать книгу об СССР — за некоторое время до самой поездки¹⁰. Сам визит тоже состоялся в то время, когда национал-социалисты стремительно набирали популярность, но еще не пришли к власти.

Таким образом, при наличии едва ли оспоримого консенсуса по поводу пропагандистского характера книги (позже с этим косвенно соглашался и ее автор) среди историков существуют значительные разногласия относительно причин несоответствия между реальностью и ее репрезентацией в источнике, однако в подобных случаях несоответствие проявляется не в разнице между текстом источника и событиями, свидетелем которых был его автор, а в различиях между текстом источника и *представлениями историков* о событиях и процессах, происходивших в СССР во время визита исландского писателя. Этот факт является серьезным ограничением для современного исследователя биографии нобелевского лауреата и советско-исландского взаимодействия в 1930-е гг.

До сих пор работа «Путь на восток» не была предметом изучения историков во многом из-за идеализированной репрезентации советской действительности, однако именно причины такой идеализации и представляют наибольший интерес: она произошла, потому что советские власти не позволили Лакснессу увидеть недостатки жизни в СССР или же сам Лакснесс не хотел их видеть из-за собственных идеологических установок? Или же видел, но не хотел отображать их в книге? Таким образом, цель данной статьи состоит в том, чтобы дать ответ на эти вопросы и тем самым заполнить существенный пробел в изучении советско-исландских отношений и биографии Х. Лакснесса — помимо знакомства отечественной аудитории с содержанием книги великого исландского писателя.

«Путь на восток» как исторический источник

В основе авторского анализа советской действительности времен первой пятилетки лежит регулярное бинарное сопоставление, которое базируется на двух противопоставлениях: спатильном («Советская Россия» и «капиталистический

действительности уже публиковались им в 1933 г. в работе «Путь на восток», а его симпатии к политике Москвы проявились еще раньше.

¹⁰ См., например: Ólafsson J. Áróðursmaðurinn hittir sjálfan sig: Laxness um Laxness í Sovétríkjunum. Bls. 190.

Запад») и темпоральном («Советская Россия» и «царская Россия»). Эти сравнения — как в скрытой, так и в явной форме — встречаются на всем протяжении рассказа Лакнесса о пребывании в Советском Союзе и задают ему своеобразную систему координат. Причем население каждой из этих единиц также подразделяется на две категории в зависимости от уровня доходов и качества жизни: «богатые» и «бедные»¹¹.

1. Ось «Советская Россия — капиталистический Запад»

Примечательно, что центральной точкой отсчета при сопоставлении капиталистических и социалистических реалий для Лакнесса является именно Запад: фоном для демонстрации советских успехов являются кризисные явления в национальном хозяйстве капиталистических стран и тяжелые условия жизни представителей отдельных социальных слоев. В частности, в эти логические рамки встроено замечание писателя о значительном уважении общества к представителям рабочего класса в сталинском Советском Союзе, в то время как рабочие «других стран» страдают от бесправия, беззакония и голода¹². Притом саму Исландию автор также относит к капиталистическому миру, обращая внимание читателя на тяготы жизни местных крестьян.

«Центральность» западного мира в системе координат советских впечатлений Лакнесса проявляется уже в названии книги. Концептуальная пара «Запад — Восток» для обозначения сфер, где закрепились капиталистическая и коммунистическая идеологии, станет широко использоваться лишь после начала холодной войны в условиях биполярности, в то время как в заглавии опубликованной в 1933 г. книги исландского писателя слово «Восток» (исл. *Austur*) используется в другом значении: *Austurveg* отсылает читателей к исландскому названию прибрежных земель древнерусского государства из древних скандинавских саг — славяне проживали на востоке от скандинавов¹³. При этом корень *veg* ‘путь’ в данном случае обозначает не процесс движения, а дорогу, по которой движение осуществляется. Таким образом, более точным переводом названия книги был бы вариант «По восточному пути» — эта метафора отсылает также к масштабным реформам, которые проводились в Советском Союзе после прихода большевиков к власти, что вновь указывает на своего рода «отсоединение» России от капиталистического Запада и развитие по новому пути.

Обилие двучленных конструкций и регулярное противопоставление СССР и западных государств позволяет Лакнессу достичь пропагандистского эффекта, который усиливается посредством сравнения положения бедных слоев населения.

¹¹ *Laxness H. K. Í Austurvegi*. Bls. 11.

¹² *Ibid.* Bls. 14.

¹³ *Джаксон Т. Н. Austr i Götum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. М., 2001. С. 39–48. Тот же корень используется в исландском названии Великого шелкового пути — *Silkiegurinn*.

При этом такое сравнение нацелено на жителей Исландии — преимущественно аграрной страны.

Рассматривая вопрос о мотивах публикации Лакнессом своих путевых заметок важно подчеркнуть, что главным антиподом советского государства выступают у него США — страна, где писатель провел почти три года и неудачно пытался устроиться сценаристом в Голливуде¹⁴. Опыт пребывания автора в Соединенных Штатах должен был придать сравнению американских и советских реалий дополнительную убедительность — осознавая этот факт, Лакнесс явно пользовался им. Он утверждал, что в США бедняки, не способные обеспечить себе самостоятельное существование, «считаются больными и не имеют никаких гражданских прав»¹⁵, а автозаправки в условиях масштабного кризиса американской экономики «стали сараями для сена»¹⁶. При этом весьма неоднозначным кажется почерпнутое из неназванной газеты сообщение Лакнесса о том, что некогда успешные в процессе механизации труда, а теперь переживающие острый кризис американские аграрии вынуждены менять конструкцию использующих продукты нефтепереработки сельскохозяйственных машин таким образом, чтобы запрягать в них лошадь — такой механизм они называют «телегой Гувера»¹⁷. Позже в мемуарах Лакнесс оправдывал подобные невероятные «свидетельства» недостатком имевшийся в его распоряжении информации¹⁸ и жизненного опыта¹⁹.

Интересно также, что в контексте критики американского образа жизни Лакнесс ничего не говорит о расизме и притеснениях темнокожего населения в США, несмотря на то, что указанная тема весьма часто инструментализировалась советской и просоветской пропагандой в 1920–1930-е гг.²⁰ Возможно, это связано с гомогенностью населения Исландии в рассматриваемый период.

Тот факт, что именно США выступают в качестве объекта противопоставления советской действительности, противоречит опубликованному в воспоминаниях Лакнесса утверждению, будто демонстрация идеализированного образа СССР была необходима для противодействия идеологическому натиску германских национал-социалистов. Германия крайне редко упоминается на страницах этой книги, однако в работе автор действительно сетовал, что «исландские газеты очень заняты тем, что восхищаются героизмом германских коричневорубашечников и надеются, что с их приходом к власти мир освободится от коммунизма»²¹.

¹⁴ *Vilhjalmsson B. D.* Modernity and the Moving Image: Halldór Laxness and the Writing of 'The American Film in 1928' // *Journal of Scandinavian Cinema*. 2011. Vol. 1. Issue 2. P. 140.

¹⁵ *Laxness H. K. Í Austurvegi*. Bls. 35.

¹⁶ *Ibid.* Bls. 85.

¹⁷ *Ibid.*

¹⁸ *Laxness H. K. Skáldatími*. Bls. 147.

¹⁹ *Ibid.* Bls. 125

²⁰ См., например: *Ланина Г.* Американцы в Москве: 1930–1940. М., 2022. С. 7–23; *Фролова Н. С.* Образ Америки и американцев в советском кинематографе 1930-х гг. на примере фильма «Цирк» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. 2011. № 2 (32). С. 206–213; *Гильф И. А., Петров Е. П.* Одноэтажная Америка. М., 2022. С. 332–340.

²¹ *Laxness H. K. Í Austurvegi*. Bls. 66.

Повышенное внимание Лакснесса к Соединенным Штатам можно объяснить тремя причинами.

Во-первых, кризисные явления «великой депрессии» превратили США в выгодный антипод для сравнения с экономическими достижениями СССР. Автор делает особый акцент на том, что на фоне впечатляющих результатов первой пятилетки объемы промышленного производства в капиталистических странах снизились, как и зарплаты рабочих²².

Во-вторых, написанная на исландском языке работа должна была выполнять и контрпропагандистскую функцию: на рубеже XIX–XX вв. в Канаде и США обосновалось значительное количество мигрантов из Исландии, которые не теряли связи с островом, и, следовательно, их рассказы о жизни в Северной Америке, которая, несмотря на кризисные явления в экономике, по уровню промышленного развития значительно опережала Исландию, могли косвенно способствовать популяризации капиталистического образа жизни, а не марксистско-ленинской идеологии.

В-третьих, биографические сведения позволяют предположить, что явно преувеличенное — неизвестно, намеренно или нет — отображение кризисных тенденций в американской экономике основывалось на *искреннем* разочаровании Лакснесса в западной либеральной идее и особенно — в ее американском воплощении: безуспешные попытки писателя найти себе место в американской индустрии развлечений и стабильный заработок на литературном поприще привели к углублению в его сознании неприятия идей капитализма и рыночной конкуренции — литератор стал уделять повышенное внимание проблемам социального неравенства и жизни бедных слоев населения. Советский исследователь жизни и творчества исландского писателя А. С. Погодин замечал: «Вторая половина 20-х годов была для Лакснесса периодом решительной переоценки ценностей, коренных изменений в мировоззрении»²³. В частности, в США Лакснесс завел знакомство с известным американским писателем и радикальным социалистом Э. Синклером, взаимодействие с которым наложило отпечаток на дальнейшие публикации исландца²⁴. Как отмечали советские исследователи Н. И. Крымова и А. С. Погодин, опубликованная по возвращении из США «Книга народа» «свидетельствует о резком переломе в мировоззрении Халлдора Лакснесса»²⁵.

Отсюда, в свою очередь, вытекает предположение о том, что идеализация советской действительности в книге «Путь на восток» могла быть обусловлена не только идеологическими причинами, но и рациональным стремлением писателя проявить лояльность московским коммунистам и тем самым обеспечить себе

²² Ibid. Bls. 75.

²³ Погодин А. С. Новые саги о судьбах Исландии (вступительная статья) // Лакснесс Х. К. Самостоятельные люди. Исландский колокол. М., 1977. С. 6.

²⁴ Childers J. California Treason: Halldór Laxness and Upton Sinclair // Comparative American Studies: An International Journal, 2022. Vol. 19, № 2–3. P. 137.

²⁵ Крымова Н. И., Погодин А. С. Халлдор Лакснесс. С. 41.

стабильную возможность для извлечения выгоды из литературной деятельности в системе сотрудничества Москвы с зарубежными коммунистическими партиями — в ситуации, когда писатель столкнулся с большой неопределенностью на своем жизненном пути и в очередной раз пытался заслужить популярность за рубежом. В таком случае поездка в СССР выглядит как инвестиция Лакснесса в сотрудничество с Москвой: в самом начале путевых заметок писатель подчеркивал, что поездка состоялась полностью за его счет.

С другой стороны, предположение о том, что Лакснесс идеализировал советскую действительность, поскольку советские власти целенаправленно отказывали ему в возможности увидеть ее с разных сторон, также имеет под собой серьезные основания. Об этом, среди прочего, свидетельствует следующий эпизод.

В книге подробно описано знакомство исландского писателя с университетским преподавателем из Ленинграда: на встрече старых большевиков, прошедших через сибирскую ссылку и эмиграцию в дореволюционные времена, под звуки песен о Степане Разине²⁶ Лакснесс познакомился с человеком по фамилии Белоусов — неизвестно, намеренно или случайно, но их места в зрительном зале оказались рядом — и даже провел у него в гостях один из вечеров. Проживавший в просторной пятикомнатной квартире с «мебелью в наполеоновском стиле», арфой и библиотекой²⁷ и прекрасно владевший французским языком преподаватель рассказал ему, что является давним соратником Ленина по эмиграции. Жена Белоусова, по сообщению Лакснесса со слов его нового знакомого, раньше была певицей, а теперь работает на фабрике и преподает химию.

Примечательно, что Белоусов обратил внимание иностранного гостя на то, что он не состоит в Коммунистической партии и никоим образом не связан с ее политикой. Не меньшее удивление у Лакснесса вызвало сообщение Белоусова о том, что в университете он преподает статистику — предмет, место которому, по мнению исландского литератора, в школе²⁸. Рассказывая об этом исландской аудитории, Лакснесс тонко намекнул читателям на наличие у него сомнений в описанном: «Если что-то из сказанного мной неверно, то этому следует предпочесть то, что окажется вернее»²⁹. Эти слова — дословная, но скрытая от зарубежных глаз отсылка к известной на родине Лакснесса цитате из «Книги об исландцах» (др.-исл. *Íslendingabók*), написанной «отцом исландской истории» Ари Мудрым (1067–1148): «А всему, что неверно сказано в этих писаниях, следует предпочесть то, что окажется вернее» (En hvatki, er missagt er í fræðum þessum, þá er skylt að hafa það heldur, er sannara reynist)³⁰.

Сомнения Лакснесса не были беспочвенны. В настоящее время известно об ученом Борисе Павловиче Белоусове (1893–1970), который действительно

²⁶ *Laxness H. K. Í Austurvegi*. Bls. 113.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Ibid.* Bls. 114.

²⁹ *Ibid.*

³⁰ *Íslendingabók*. Reykavík, 1986. Bls. 3.

познакомился с Лениным в годы учебы в Цюрихе и даже играл там с ним в шахматы. Однако химией занималась не только и не столько жена Белоусова (видимо, ученый сказал об этом, чтобы оправдать наличие профессиональной литературы дома), сколько он сам: Белоусов действительно преподавал, но не статистику, а как раз химию и не в университете, а в Высшей военно-химической школе РККА, где обучал офицерский состав советской армии. После войны Белоусов войдет в историю химической науки благодаря открытию циклической «реакции Белоусова — Жаботинского»³¹.

Указанные обстоятельства соотносятся также с признанием Лакснесса в том, что в ходе визита его постоянно сопровождали инструкторы из Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС)³². С ВОКС также приходилось детально согласовывать программу поездок по советским городам³³.

Таким образом, известные современному историку факты позволяют предположить, что за не вполне сбалансированным и полным описанием советской действительности в книге «Путь на восток» стояли не только рациональные устремления автора, но и действия советских властей, в той или иной мере ограничивавших иностранному гостю свободу восприятия советских реалий.

2. Ось «Царская Россия — СССР»

Темпоральное сопоставление советской действительности с эпохой правления Николая II является второй смысловой осью, пронизывающей всю книгу.

Анализ текста позволяет констатировать, что советская действительность в отображении Лакснесса отнюдь не безупречна — косвенно на ее недостатки читателю указывает неоднократное замечание автора: большевикам от царской России досталось очень тяжелое наследство³⁴: российская промышленность веками отставала от западной³⁵. Описывая скромную одежду советских граждан (грубые черные пальто и серые рубашки прохожих³⁶ и недорогую одежду директора хлопчатобумажной фабрики³⁷), автор выражает уверенность, что в будущем ситуация улучшится. «Рим не был построен в одночасье», — констатирует литератор³⁸. С таким же оптимизмом Лакснесс повествует о нехватке хорошей мебели в новостройках промышленного квартала Москвы³⁹. Авторское осуждение «стариков, продающих на улице мыло и спички»⁴⁰, также косвенно свидетельствует о наличии в СССР неудовлетворенного спроса на эти продукты — в 1963 г. Лакснесс

³¹ Прилепская А. А., Старикова Е. Ю. К 60-летию открытия колебательных реакций // Вестник КузГТУ, 2012. № 1. С. 111.

³² Laksness H. K. Í Austurvegi. Bls. 134.

³³ Ibid. Bls. 136.

³⁴ Ibid. Bls. 14.

³⁵ Ibid. Bls. 18.

³⁶ Ibid. Bls. 117.

³⁷ Ibid. Bls. 154.

³⁸ Ibid. Bls. 125.

³⁹ Ibid. Bls. 152.

⁴⁰ Ibid. Bls. 114.

признается в том, что заметил в СССР некоторый дефицит товаров широкого потребления (особенно — бритвенных лезвий и ножниц) и, сообщив об этом своим советским знакомым, услышал шутовское предложение отправиться в новые промышленные районы Украины, чтобы помочь советским рабочим выплавить больше железа⁴¹.

Советский Союз предстает перед исландским писателем в виде причудливого сочетания старого и нового: «Старухи с шалями на головах возят в тачках известь, а конные повозки ездят мимо новых тракторов»⁴². Этот образ передан и на обложке книги: новые прямоугольные дома соседствуют с церквями (см. илл. 1).

Илл. 1. Обложка первого издания книги «Путь на восток»

Синтез двух эпох больше всего заметен в Ленинграде, городе, который «бедные отобрали у богатых»⁴³, — наиболее ярко проявляющийся в городской архитектуре контраст между царской Россией и Советским Союзом Лакнесс описывает с недовольством: дореволюционные здания, по его мнению, не соответствуют облику новой России⁴⁴. В результате Ленинград 1930-х гг. получает довольно

⁴¹ *Idem*. Skáldatími. Bls. 150.

⁴² *Idem*. Í Austurvegi. Bls. 108.

⁴³ *Ibid*. Bls. 120.

⁴⁴ *Ibid*. Bls. 121–122.

эмоциональную оценку: «Раньше эти дворцы придавали городу ценность, а теперь он напоминает старую уличную женщину, которая не может найти клиента»⁴⁵.

Описывая причины революции 1917 г., Лакснесс неявно делает акцент на тех проблемах, описание которых в 1933 г. было бы способно найти отклик среди исландских крестьян ввиду их присутствия в сельском хозяйстве островного государства. Проблемы сельского хозяйства и коллективизации получают в описании Лакснесса непропорционально больше внимания, нежели проблемы пролетариата и индустриализации. Это обусловлено, в первую очередь, ориентацией на исландскую аудиторию, жителей аграрной страны: на примере СССР Лакснесс изображает положительные последствия успешной модернизации национального хозяйства и урбанизации, которая влечет за собой и повышение качества жизни.

Таким образом, Российская империя начала XX в. в описании Лакснесса очень напоминает Исландию 1930-х гг. Рассказывая о дореволюционном сельском хозяйстве в России, писатель обращает внимание на масштабные диспропорции в доходах и имущественное неравенство в среде крестьянства⁴⁶. В этой связи он также заявляет о наличии множества нерешенных проблем в аграрном секторе исландской экономики: кооперация в крестьянской среде неэффективна, а детская смертность в среде крестьян высока⁴⁷.

Однако, изображая пессимистичную картину состояния исландской экономики на протяжении всей работы, Лакснесс воздерживается от каких-либо скрытых намеков и уж тем более явных призывов к революции в Исландии. Этот факт позволяет заключить, что задача работы — в распространении коммунистических взглядов и идей среди читающей части исландского общества, но не в прямом воздействии на «угнетенные» социальные группы, а также продвижение благоприятного образа СССР среди исландцев, которые посетят страну в будущем.

Взгляд Лакснесса на российскую историю в работе «Путь на восток» соответствует основным идеологическим установкам коммунистического движения и *полностью* согласуется с позицией Москвы, что косвенно свидетельствует о стремлении автора проявить лояльность советскому руководству.

Еще ярче это стремление проявляется в оценках взглядов советских противников И. В. Сталина. В частности, рассматривая промежуточные итоги стремительной индустриализации, Лакснесс подвергает критике подход Н. И. Бухарина, который выступал за «медленное развитие»⁴⁸. Подтверждением оправданности сталинского курса для исландского писателя является турбулентная внешняя среда, в которой приходится существовать молодому советскому государству. На этот же фактор Лакснесс списывает некоторые неудачи при выполнении промышленного плана: Москва вынуждена направлять огромные

⁴⁵ Ibid.

⁴⁶ Ibid. Bls. 32.

⁴⁷ Ibid. Bls. 38.

⁴⁸ Ibid. Bls. 131.

ресурсы на нужды военно-промышленного комплекса, поскольку «некоторые соседние страны отказались продлевать мирный договор», а ситуация в Восточной Азии становится все более напряженной^{49,50}.

Помимо позиции Бухарина объектом критики на страницах книги неоднократно являются взгляды Л. Д. Троцкого, который, среди прочего, «хотел, чтобы крестьянин был представлен самому себе»⁵¹. Отмечается также, что уже после революции Троцкий систематически принижал значение крестьян в классовой борьбе, делая упор на пролетариат⁵².

В то же время автор полностью обходит вниманием проявившиеся прежде разногласия Сталина с Г. Е. Зиновьевым и Л. Б. Каменевым (скорее всего, ввиду их покаяния и восстановления в партии) и крупные «процессы» рубежа 1920–1930-х гг. Ничего не сообщается в книге и о знакомстве писателя с вдовой Карла Либкнехта на концерте в Москве — исландский читатель узнает об этом только из мемуаров нобелевского лауреата⁵³.

Критике Бухарина и Троцкого сопутствует восхищение В. И. Лениным: Лакнесс восхваляет «мудрого и энергичного вождя пролетариата» и признается, что работы основателя советского государства гораздо увлекательнее, чем многие произведения художественной литературы⁵⁴. Вспоминая о бронзовой статуе вождя революции в одном из советских бассейнов, Лакнесс подчеркивает: плавающие там рабочие прекрасно понимают, что у них никогда не было бы бассейна, если бы не этот человек⁵⁵.

Полное согласие писателя с официальной позицией Советского Союза в вопросах, касающихся российской истории, а также его безоговорочная солидарность со Сталиным в его внутрипартийной борьбе подтверждают предположение о стремлении Лакнесса продемонстрировать идейную близость с Москвой — творческая свобода возвратившегося в Исландию писателя не была ограничена никакими внешними факторами, в отличие от времени его пребывания в Советском Союзе, и потому ярко выраженная идеологическая солидарность Лакнесса с позицией Сталина может быть объяснена либо его искренней уверенностью в правоте «человека из Кремля» и «передового ученика Ленина»⁵⁶, либо уже описанным выше рациональным желанием расположить к себе советское руководство и извлечь из этого расположения материальную выгоду, либо же, что более вероятно, сочетанием обоих факторов.

Ярким аргументом в пользу наличия неблагоприятной внешней среды, в которой советское руководство вынуждено проводить реформы, является

⁴⁹ Ibid. Bls. 130.

⁵⁰ Ibid. Bls. 16.

⁵¹ Ibid. Bls. 64.

⁵² Ibid. Bls. 28.

⁵³ *Idem*. Skáldatími. Bls. 147.

⁵⁴ *Idem*. Í Austurvegi. Bls. 35.

⁵⁵ Ibid. Bls. 150.

⁵⁶ Ibid. Bls. 46.

деятельность западных газет. По выражению Лакнесса, они ведут «крестовый поход против коллективизации»⁵⁷. Особенно активен на этом поприще британский газетный магнат Бивербрук⁵⁸. Исландские газеты тоже недостаточно внимания уделяют внутренней политике советской власти: показателем этого является тот факт, что во всем мире читатели прессы имели возможность ознакомиться с речью И. В. Сталина по итогам первой пятилетки, а на исландский язык она так и не была переведена⁵⁹.

Упрекая капиталистические издания в предвзятом отношении к Советскому Союзу, писатель обращает внимание на недостаточное внимание европейских журналистов к проблемам собственных стран. В этой связи Лакнесс описывает свой опыт чтения одной манчестерской газеты: вместо освещения забастовки работников текстильной промышленности в английском городе журналисты вновь писали о социальных проблемах СССР⁶⁰.

В качестве подтверждения своих слов Лакнесс апеллирует также к свидетельствам американского журналиста Г. Р. Никербокера о социальном кризисе в Венгрии — речь идет о книге «Может ли Европа восстановиться?», которая была опубликована в 1932 г.⁶¹ Годом ранее Никербокер стал лауреатом Пулитцеровской премии за серию репортажей о модернизации СССР в рамках первого пятилетнего плана. В работе «Может ли Европа восстановиться?» действительно описываются впечатления журналиста от поездки в Венгрию — Лакнесс же связывает негативные явления в национальном хозяйстве страны с тем, что ее «вырвали из рук коммунистов одиннадцать лет назад»⁶².

3. Голод

Объединяющей темой для описанных выше двух осей системы координат авторского повествования является проблема голода. Освещение этой проблемы в работе «Путь на восток» представляет интерес еще и потому, что в национальном хозяйстве Советского Союза во время пребывания Лакнесса в стране действительно наблюдались признаки продовольственного кризиса⁶³.

Признавая наличие «голодных детей» в СССР (апелляция к этому образу — один из верных признаков пропагандистской направленности публикации), Лакнесс отмечает, что советское руководство унаследовало указанную проблему от

⁵⁷ Ibid. Bls. 65.

⁵⁸ Ibid. Bls. 26.

⁵⁹ Ibid. Bls. 66.

⁶⁰ Ibid. Bls. 25.

⁶¹ *Knickerbocker* H. R. *Can Europe Recover?* London, 1932.

⁶² *Laxness* H. K. Í Austurvegi. Bls. 24.

⁶³ См., например: *Kotkin* J. *Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941*. London, 2017; *Fitzpatrick* J. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. New York; Oxford, 1999. (См. рус. пер.: *Коткин* С. *Сталин: В 3-х т. М., 2023. Т. 2. В предчувствии Гитлера (1929–1941) / Пер. с англ. Н. Эдельмана, под научн. ред. А. Белых; Фицпатрик* III. *Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е гг.: город / [Пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. 2-е изд. М., 2008.)*

царской России — она, по его мнению, является прямым следствием Первой мировой войны, «большой кровавой бани»⁶⁴. Именно дефицит продовольствия Лакнесс называет главной причиной произошедшей в России революции⁶⁵. В то же время коммунисты в Москве прикладывают все усилия, чтобы окончательно искоренить проблему голода, пока правительства капиталистических государств закрывают глаза на аналогичные сложности в своих странах. «Толпы голодных детей, — считает Лакнесс, — это настоящий бич Соединенных Штатов Америки». Количество блуждающих по Америке голодных детей исчисляется «сотнями тысяч, по некоторым свидетельствам, даже миллионами»⁶⁶. Но западная пресса замалчивает это обстоятельство⁶⁷.

Тем не менее на протяжении повествования писатель неоднократно отрицает острый характер указанной проблемы в СССР и подвергает критике публикации западных газет со свидетельствами массового голода.

Работа Лакнесса является еще одним примером сложно объяснимого культурного феномена: помимо него, острый характер продовольственного кризиса в Советском Союзе отрицали некоторые другие иностранные журналисты и писатели, пребывавшие в стране в годы первой пятилетки⁶⁸.

Ничего не говорит Лакнесс и о помощи, которую американская администрация оказывала Советской России в годы Гражданской войны в рамках программы АРА (англ. American Relief Administration, ARA). Нет свидетельств и о поставках американских сельскохозяйственных машин и технологий в годы первой пятилетки.

Лакнесс многократно описывает свои приемы пищи в компании советских граждан и делает особый акцент на том, что в рационе всегда были не только основные блюда, но и сладости. Рабочие в заводской столовой и вовсе имеют возможность свободного выбора: в меню присутствуют овощной суп, рыба, мясо и фрукты⁶⁹. Обед в первой-классной ленинградской столовой на проспекте Октября (сейчас — Невский проспект) обошелся Лакнессу в 2 руб. 50 коп. (с пивом — 3 руб.), что позволило удовлетворённому писателю сделать вывод о преимуществах системы планирования⁷⁰.

⁶⁴ Ibid. Bls. 23.

⁶⁵ Ibid. Bls. 16.

⁶⁶ Ibid. Bls. 23.

⁶⁷ Ibid. Bls. 25.

⁶⁸ Исследуя причины этого феномена применительно к репортажам лауреата Пулитцеровской премии 1932 г. У. Дюранти, американская исследовательница Э. Эшпбаум не смогла обнаружить каких-либо свидетельств давления советских властей на иностранного корреспондента. В качестве основной причины идеализации советских реалий в его работах она тоже рассматривает карьерные устремления журналиста и сопутствующее им желание снискать одобрение со стороны советских властей. (*Applebaum A. Red Famine: Stalin's War on Ukraine. Toronto, 2017. P. 268–269.*)

⁶⁹ *Laxness H. K. Í Austurvegi. Bls. 141.*

⁷⁰ Ibid. Bls. 111.

С таким же напором исландский писатель отрицает газетные свидетельства неназванной англичанки о репрессиях советской власти против духовенства⁷¹. Солдаты и полицейские, несмотря на их изначальную требовательность в ходе досмотра багажа Лакснесса на границе, являются все же друзьями народных масс⁷², некоторые из них — хорошо владеют иностранными языками.

Кроме того, признавая жестокость красных в ходе конфискации зерна у крестьян во времена Гражданской войны, Лакснесс вновь называет такие меры «временными»⁷³, считая их меньшим из зол по сравнению с жестокостью правящих классов на Западе. При этом коллективизацию сталинской эпохи писатель называет добровольным процессом: каждый крестьянин, по его словам, сам мог решать, присоединяться к колхозу или нет, однако те, кто предпочитал полагаться на собственные силы, не получали никакой помощи со стороны государства⁷⁴.

Заключение

Таким образом, говоря о причинах идеализации образа советской действительности в книге Х. Лакснесса «Путь на восток», необходимо выделить, во-первых, карьерные устремления писателя и ярко выраженное стремление развить деловые контакты с коммунистическим движением, заняв уникальную нишу в литературной среде Исландии и международного коммунистического движения; во-вторых, искреннюю веру Лакснесса в основы коммунистической идеологии, которая выразилась в стремлении автора распространить эти взгляды на исландскую аудиторию и наложила на произошедшее за несколько лет до поездки в СССР разочарование в американском образе жизни.

Подробный анализ содержания публикации позволяет опровергнуть утверждения о том, что в ходе продолжительного пребывания в Советском Союзе Лакснесс не имел возможности должным образом ознакомиться с жизнью советских граждан: в книге отражены многие негативные впечатления автора, однако, следуя описанным выше мотивам, автор все же относит их на счет царского правительства и враждебного окружения советского государства. При этом писатель выражает уверенность в способности советского правительства успешно завершить решение социальных проблем. Тем не менее ряд ключевых проблем социальной жизни СССР действительно остался скрытым от иностранного писателя и, как следствие, исландской аудитории. Помимо этого, имеются основания предполагать, что советские власти намеренно улучшали воспринимаемый писателем образ советской действительности в годы первой пятилетки, скрывая признаки продовольственного кризиса и политических репрессий. В то же время и сам Лакснесс не был заинтересован в преодолении воздвигаемых у него на пути барьеров — «обмануть

⁷¹ Ibid. Bls. 26.

⁷² Ibid. Bls. 106–107.

⁷³ Ibid. Bls. 54–55.

⁷⁴ Ibid. Bls. 64–65.

его было не трудно»: в этом отношении интересы советского руководства и исландского писателя совпадали.

Сделанные в 1960-х гг. мемуарные утверждения Лакснесса, будто идеализация советской действительности была мотивирована неизбежной необходимостью выбора между советским коммунизмом и германским национал-социализмом, также не подтверждаются, поскольку главным антиподом СССР в среде капиталистических государств на протяжении всей книги выступают США, а проблеме растущей популярности НСДАП уделяется в ней крайне мало внимания.

Само повествование в «Пути на Восток» отнюдь не сводится к описанию впечатлений литератора от поездки в СССР: не меньшее внимание уделено особенностям развития и текущему состоянию капиталистических обществ — они выступают в качестве своеобразной точки отсчета успехов советского руководства. Ключевым элементом анализа являются двучленные сопоставления и сравнения, проходящие по двум осям («царская Россия — Советская Россия» и «капиталистические страны — Советский Союз»), объединяет которые проблема голода, актуальная в 1920–1930-е гг. для каждой четверти этой системы координат авторского повествования, в том числе — для самой Исландии, на граждан которой была нацелена работа будущего нобелевского лауреата.

Список литературы

Берков, В. П. О передаче исландских собственных имен / В. П. Берков // Скандинавский сборник. — Таллин: Эстонское государственное издательство, 1959. — Вып. IV. — С. 206–215.

Джаксон, Т. Н. *Austr i Görðum*: древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках / Т. Н. Джаксон. — Москва: Языки славянской культуры, 2001. — 207 с.

Ильф, И. А. Одноэтажная Америка / И. А. Ильф, Е. П. Петров. — Москва: Издательство Юрайт, 2022. — 387 с.

Коровин, А. В. Сталинский Советский Союз в восприятии Х.К. Лакснесса / «Дорогие гости»: СССР глазами западных писателей / А. В. Коровин // Сталинский Советский Союз в восприятии Х. К. Лакснесса // Новые российские гуманитарные исследования [Электронный ресурс]. 2020. Т. 15. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/2124/>. — (15.08.2023).

Коткин, С. Сталин: В 3-х т. / С. Коткин. — Москва: Издательство Института Гайдара, 2023. — Т. 2. В предчувствии Гитлера (1929–1941) / Пер. с англ. Н. Эдельмана; под научн. ред. А. Белых. — 1000 с.

Крымова, Н. И. Халлдор Лакснесс: жизнь и творчество / Н. И. Крымова, А. С. Погодин. — Москва: Советский писатель, 1970. — 216 с.

Лапина, Г. Американцы в Москве: 1930–1940 / Г. Лапина. — Москва : Литфакт, 2022. — 322 с.

Погодин, А. С. Новые саги о судьбах Исландии (вступительная статья) / А. С. Погодин // Лакснесс, Х. К. Самостоятельные люди. Исландский колокол / Х. К. Лакснесс. — Москва : Художественная литература, 1977. — С. 5–20.

Прилепская, Л. Л. К 60-летию открытия колебательных реакций / Л. Л. Прилепская, Е. Ю. Старикова // Вестник КузГТУ. — 2012. — № 1. — С. 111–113.

Фицпатрик, Ш. Повседневный сталинизм : социальная история Советской России в 30-е гг. : город / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. — 2-е изд. — Москва : РОССПЭН, 2008. — 336 с. — (История сталинизма).

Фролова, Н. С. Образ Америки и американцев в советском кинематографе 1930-х гг. на примере фильма «Цирк» / Н. С. Фролова // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2011. — № 2 (32). — С. 206–212.

Applebaum, A. Red Famine : Stalin's War on Ukraine / A. Applebaum. — Toronto : Signal, 2017. — 496 p.

Childers, J. California Treason : Halldór Laxness and Upton Sinclair / J. Childers // Comparative American Studies: An International Journal. — 2022. — Vol. 19, no. 2–3. — P. 136–151.

Fitzpatrick, S. Everyday Stalinism : Ordinary Life in Extraordinary Times : Soviet Russia in the 1930s / S. Fitzpatrick. — New York ; Oxford : Oxford University Press, 1999. — 288 p.

Íslendingabók. — Reykjavík : Hið íslenska fornritafélag, 1986. — 527 bls.

Knickerbocker, H. R. Can Europe Recover? / H. R. Knickerbocker. — London : John Lane, 1932. — 308 p.

Kotkin, S. Stalin : Waiting for Hitler, 1929–1941 / S. Kotkin. — London : Penguin Press, 2017. — 1184 p.

Laxness, H. K. Í Austurvegi / H. K. Laxness. — Reykjavík : Sovetvinafélag Íslands, 1933. — 175 bls.

Laxness, H. K. Skáldatími / H. K. Laxness. — Reykjavík : Helgafell, 1963. — 319 bls.

Laxness, H. K. Gerska æfintýrið / H. K. Laxness. — Reykjavík : Heimskringla, 1938. — 243 bls.

Vessey, D. First-hand Accounts? Walter Duranty, William Henry Chamberlin and Eugene Lyons as Moscow Correspondents in the 1930s / D. Vessey // Journalism Studies. — 2023. — Vol. 24, no. 2. — P. 209–225.

Vilhjálmsson, B. Þ. Modernity and the Moving Image: Halldór Laxness and the Writing of 'The American Film in 1928' / B. Þ. Vilhjálmsson // Journal of Scandinavian Cinema. — 2011. — Vol. 1, issue 2. — P. 135–144.

Ólafsson, J. Andóf, ágreiningur og áróður: greinar um heimspeki / J. Ólafsson. — Reykjavík : Bifröst University, 2009. — 303 bls.

Ólafsson, J. Appelsínur frá Abkasíu: Vera Hertzsch, Halldór Laxness og hreinsanirnar miklu / J. Ólafsson. — Reykjavík : JPV, 2012. — 429, XXXII bls.

ПОЛУТИН Вадим Юрьевич / POLUTIN Vadim Yu.

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

vadim.polutin2017@yandex.ru

«ФИНЛЯНДСКИЙ ВОПРОС» В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ. ИСКЛЮЧЕНИЕ ИЛИ ПРАВИЛО?

THE 'FINNISH QUESTION' IN THE CONTEXT OF THE RUSSIAN EMPIRE'S
NATIONAL POLICY. THE EXCEPTION OR THE RULE?

Abstract: The Russian Empire's attempts to solve the 'Finnish question' at the turn of the 19th–20th centuries are discussed within the context of the Empire's national policy, in particular, that pertaining to the Polish and Baltic questions. The author identifies the general policy directions for these three regions, as well as the peculiarities characteristic of the situation in Finland. The author concludes that the policy towards Finland was quite in line with the general trends in the transformation of the empire's national policy, but at the same time had a number of important special features.

Ключевые слова / Keywords: Финляндия, Российская империя, русификация, Польша, национальная политика, национальные окраины / Finland, Russian Empire, Russification, Poland, national policy, national peripheries

На рубеже XIX–XX вв. во внутренней политике Российской империи окончательно оформилась тенденция на унификацию государственного управления. Империя более не считала необходимым сохранять прежнее положение национальных окраин, к которым относились в том числе Великое княжество Финляндское, Польша, а также Прибалтийские (Остзейские) губернии. К причинам таких изменений можно отнести ряд внутри- и внешнеполитических факторов. Во-первых, в России, как и в других государствах Европы, наблюдался подъем националистических настроений как у русской элиты, так и у элит национальных окраин. Таким образом, сталкивались два противоположных направления, с одной стороны, требование сократить автономию нерусских народов и централизовать управление империей, а с другой, сохранить и даже расширить автономию окраин. Во-вторых, все более тревожной и нестабильной становилась внешнеполитическая конъюнктура. Баланс сил в Европе изменялся. Все большую мощь набирала Германская империя, которая представляла угрозу для Российской империи на Балтийском море, особенно учитывая тот факт, что отношения между двумя государствами, начиная с 1880-х гг., постепенно, но неуклонно ухудшались.

В результате имперское правительство сделало выбор в пользу унификации имперского государственного аппарата и тем самым постепенной ликвидации автономных прав национальных окраин. Но не следует считать, однако, что этот процесс был запущен лишь на рубеже веков. В каждой из исследуемых автономий

он происходил по-своему, но именно к концу XIX столетия сформировалось некое общее видение того, как по-новому должны быть выстроены отношения между центром империи и окраинами. Целью данной статьи, таким образом, является выделение как общих черт проводимой имперским центром политики в отношении Финляндии, Польши и Остзейских губерний, так и выявления финляндской специфики для того, чтобы выяснить, в какой степени «финляндский вопрос» являлся уникальным явлением во внутренней политике Российской империи.

Сравнительный анализ политики в отношении трех указанных национальных автономий делают возможным следующие обстоятельства: во-первых, эти окраины территориально находились на западной границе империи, во-вторых, они были близки культурно, и в-третьих, в момент вхождения в состав Российской империи каждая из них имела особый политический статус.

В основе нашего исследования лежат историко-генетический и сравнительный методы исследования, которые позволяют сравнить политические практики в отношении изучаемых окраин, а также проследить их изменения во времени. Наше исследование мы постарались построить в парадигме так называемой новой имперской истории. Она подразумевает существование некой динамичной открытой системы «имперской ситуации», которая характеризуется в том числе тем, что в одном государстве отсутствуют универсальные, действующие повсеместно правила и даже законодательство. Империя, таким образом, представляется как совокупность регионов, окраин, городов и т. д., она анализируется в категориях частных национальных вопросов¹.

Детально изучить финляндскую политику империи стало возможным благодаря сборнику документов «Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.», изданному в трех томах в 2021 г. Этот сборник включает в себя сотни различных документов, таких как законопроекты и законодательные акты, манифесты, постановления, переписку имперских чиновников, журналы заседаний Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского, доклады чиновников, различные уставы, речи выступлений П. А. Столыпина в Государственной думе и др.

Начать анализ, на наш взгляд, необходимо с рассмотрения схожих направлений и подходов в национальной политике империи в отношении трех окраин. Первым существенным фактором является влияние внешнеполитической обстановки на национальную политику империи. Применительно к Остзейским губерниям и Финляндии ключевую роль играли отношения между Российской и Германской империями. Правительство с недоверием относилось к немецкому дворянству Остзейских губерний, считая, что последние выстраивали тайные связи с

¹ Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редактором журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. 2007. № 58. С. 218–238.

Германией². Кроме того, на территории Прибалтики находились важные стратегические объекты: железные дороги, порты и военные базы, которые находились бы под угрозой в случае конфликта с Германской империей. Финляндия же воспринималась как оборонительный щит Санкт-Петербурга³ в случае войны с Германией, Великобританией или даже, возможно, со Швецией, где были сильны прогерманские настроения⁴. Польша также была важна со стратегической точки зрения, так как помимо Германской империи она граничила с империей Габсбургов.

Одним из ключевых направлений политики империи можно, по нашему мнению, назвать ее стремление создать единое гражданско-правовое пространство путем обеспечения в национальных окраинах верховенства общеимперского законодательства над местным и, в частности, равенства в правах русских уроженцев и населения окраин. В Великом княжестве Финляндском это было, на наш взгляд, приоритетным направлением. Все ключевые законодательные акты, принимавшиеся в отношении Финляндии, были направлены на подчинение последней имперскому законодательству, начиная с Февральского манифеста⁵ 1899 г., закона 17 июня 1910 г.⁶ и заканчивая «Большой программой русификации»⁷ 1914 г., а одним из законов⁸, принятых в 1912 г., в правах были уравнены российские подданные и финляндцы. В отношении Польши схожая политика начала проводиться еще раньше, в первой половине XIX в., когда был упразднен польский законодательный орган — Сейм⁹. Таким образом, Царство Польское практически лишилось законодательной автономии, а после восстания 1863 г. Польша утратила остатки своей административной автономии¹⁰. Однако говорить о полной ликвидации особого законодательного статуса Польши не следует, так как на ее территории

² Андреева Н. С. Революция 1905–1907 гг. и прибалтийские немцы // Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 3. История. М., 2016. С. 5–6.

³ Голышев М. А. Поливариантность региональной политики российской империи в XIX веке (на примере Финляндии и Польши) // Региональная экономика: теория и практика. 2010. № 8. С. 82.

⁴ Jutikkala E., Pirinen K. A History of Finland. 5th rev. ed. Porvoo; Helsinki; Juva, 1996. P. 379.

⁵ Высочайший Манифест об утверждении Основных положений о составлении, рассмотрении и обнародовании законов, издаваемых для империи со включением Великого княжества Финляндского // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.: Сб. документов: В 3 т. / Отв. сост. М. В. Зеленев. М., 2021. Т. 1. От автономии к противостоянию: 1899–1908 гг. С. 53–54.

⁶ Проект закона о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения, одобренный Государственной думой // Там же. Т. 2. Динамика противостояния: 1908–1917 гг. С. 488–491.

⁷ Журнал № 41 Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского «По проекту программы законодательных предположений и мер, касающихся Финляндии, выработанному Комиссией Н. Н. Корево» (с приложением проекта программы) // Там же. Т. 2. С. 804–812.

⁸ Закон об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских подданных // Там же. Т. 2. С. 695–696.

⁹ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 101.

¹⁰ Там же. С. 193.

продолжало действовать особое законодательство, а именно Кодекс Наполеона¹¹. Схожая тенденция наблюдалась и в Остзейских губерниях, где постепенно упразднялось особое положение немецкого дворянства, что, в свою очередь, все больше подчиняло губернии общероссийскому законодательству. Так, в 1877 г. на Остзейские губернии было распространено действие общероссийского городского уложения 1870 г.¹²

Третьим направлением можно назвать политику русификации делопроизводства и системы образования национальных окраин. При этом важно отметить, что, как отмечали имперские чиновники, использование местных языков на бытовом уровне ограничению не подлежало. Так, например, в Польше после восстания 1830–1831 гг. все делопроизводство со столицей империи должно было вестись только на русском языке¹³. Однако в связи с тем, что владевших русским языком польских чиновников было недостаточно, как и владевших польским языком русских чиновников¹⁴, эта мера носила скорее символический характер. После польского восстания 1863 г. начался новый этап русификации. В 1866–1868 гг. было установлено, что переписка в губернских и уездных управлениях в Польше должна производиться на русском языке, с 1875 г. государственные средние учебные заведения полностью переводились на русский язык¹⁵. В Остзейских губерниях мы видим схожие процессы. С 1867 г. русский язык становился обязательным для ведения дел чиновниками, находящимися на государственной службе. Постепенно использование русского языка распространилось и на органы городского самоуправления, полицию и судопроизводство. В 1892 г. все факультеты Дерптского университета, в котором до того преподавание преимущественно велось на немецком языке, перешли на русский язык¹⁶. Попытки внедрения русского языка в делопроизводство предпринимались также в Великом княжестве Финляндском. Сторонником русификаторского курса в княжестве, а также его активным проводником являлся генерал-губернатор Финляндии Николай Иванович Бобриков¹⁷. В составленной им программе мероприятий одним из пунктов было введение русского языка в финляндское делопроизводство, а также в учебные

¹¹ *Becker S.* Chapter Seven. The Era of the Great Reforms (II): Constitutional Projects; Poland and Finland // *Ab Imperio*. 2021. № 1. P. 191.

¹² *Воробьева А. М.* Прибалтика на разломах международного соперничества: От нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. М., 2013. С. 293.

¹³ *Долбилов М., Миллер А.* Западные окраины Российской империи. С. 101.

¹⁴ *Каттелер А.* Россия — многонациональная империя / [Пер. с нем.: С. Червонная]. М., 2000. С. 184.

¹⁵ *Руднев Д. В.* Языковая политика в Российской империи в отношении западных окраин // Государственная языковая политика: Проблемы информационного и лингвистического обеспечения: Сб. ст. СПб., 2007. С. 79–80.

¹⁶ *Воробьева А. М.* Прибалтика на разломах международного соперничества. С. 330–331.

¹⁷ Доклад Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова Императору Николаю II с программой подчинения Финляндии России // *Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг.* Т. 1. С. 72–73.

заведения княжества. Реализацией этого положения стал манифест 1900 г. «О введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского»¹⁸. Манифест определял временной период для перехода делопроизводства ключевых государственных учреждений Финляндии на русский язык. Деятельность Сената должна была быть переведена на русский язык к октябрю 1903 г., а для всех прочих учреждений переходный период был ограничен октябрём 1905 г.¹⁹ Помимо этого, летом 1901 г. появилось распоряжение о заметном увеличении часов преподавания русского языка во всех государственных и частных средних школах княжества²⁰.

Четвертым направлением стало, с одной стороны, усиление власти имперских чиновников, а с другой, ослабление местных институтов автономий. Н. И. Бобриков²¹ предлагал упразднить или пересмотреть полномочия статс-секретаря по делам Финляндии, который обеспечивал особый порядок рассмотрения дел, касающихся княжества, вне имперских министерств, а также существенно расширить полномочия генерал-губернатора — назначавшегося, что следует иметь в виду, лично императором²². Кроме того, согласно Февральскому манифесту 1899 г. (и последующим актам, изданным после 1908 г.) финляндский Сейм и Сенат фактически становились законосовещательными органами. Н. И. Бобриков также считал необходимым создать новый Сеймовый устав, проект²³ которого он разработал. В нем очень четко прослеживается линия на уменьшение прав и полномочий депутатов, а также на усиление контроля над деятельностью Сейма со стороны Петербурга. Из постановления «Об изменении в некоторых частях учреждения Императорского Финляндского Сената»²⁴ следовало, что Сенат отныне в еще большей степени подотчетен и подчинен генерал-губернатору. В отношении Польши и Остзейских губерний мы наблюдаем схожие процессы. Так, в Польше после восстания 1863 г. был упразднен Государственный совет, его функции передавались центральным органам империи. В 1874 г. очень важный для автономного статуса Польши институт наместничества также упразднили, а вместо

¹⁸ Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство некоторых административных мест Великого княжества Финляндского // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. С. 163–164.

¹⁹ Высочайший Манифест о введении русского языка в делопроизводство... С. 164.

²⁰ *Клинге М.* Имперская Финляндия / [Пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева, А. Рупасова]. СПб., 2005. С. 423.

²¹ Подробнее о его деятельности см.: *Полуинен Т.* Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. СПб., 1997.

²² Доклад Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова Императору Николаю II с программой подчинения Финляндии России // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 1. С. 72–73.

²³ Предположения Финляндского генерал-губернатора Н. И. Бобрикова об изменении Сеймового Устава 1869 г. // Там же. Т. 1. С. 294–320.

²⁴ Высочайшее постановление по Великому княжеству Финляндскому «Об изменении в некоторых частях учреждения Императорского Финляндского Сената» // Там же. Т. 1. С. 337–340.

него введи должность генерал-губернатора²⁵. В Прибалтике усиление центральной власти наметилось еще на рубеже XVIII–XIX вв., в результате чего в 1801 г. было образовано единое генерал-губернаторство²⁶. Следующий этап наступил уже в 1860-х гг., когда начался процесс постепенного упразднения институтов автономии, связанных прежде всего с привилегированным положением немецкого дворянства края. Так, в 1866 г. были отменены цеховые ремесленные ограничения, что сильно ослабило власть немецкого дворянства в городах²⁷, в 1877 г., как упоминалось ранее, на Прибалтику оказалось распространено общероссийское городское уложение, в результате чего были образованы новые органы городского самоуправления, где русские, латыши и эстонцы получили большее представительство, а Петербург расширил свои возможности влиять на внутреннюю политику Остзейских губерний. После введения русского языка в органах местного самоуправления, полиции и судопроизводстве власть центра возросла еще больше.

Общим новым веянием стало также обсуждение национальных вопросов (особенно финляндского и польского) в российской Государственной думе, образованной в 1906 г. Активное участие в деятельности Думы принимали представители Польши, образовавшие одну из крупнейших национальных фракций — Польское коло. Польский вопрос, таким образом, стал одним из первых, поставленных на обсуждение в Думе. Суть сводилась к восстановлению автономии Польши в ее прежних границах, а также снятию всех ограничений, наложенных на «лиц польского происхождения»²⁸, как стали именоваться поляки в официальных имперских документах после восстания 1863 г.²⁹ Также польские делегаты предлагали разделить полномочия между центром и окраинами для более эффективного управления империей³⁰. Но Петербург в лице премьер-министра империи Петра Аркадьевича Столыпина обозначил свою позицию: никакого существенного пересмотра государственной политики ожидать не следует.

Представители от Финляндии на заседаниях Государственной думы так и не появились³¹ за все время ее существования, поскольку финляндцы считали нелегитимным законодательство, которое регламентировало участие княжества в деятельности Думы. Однако «финляндский вопрос» все же был поднят

²⁵ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. С. 193.

²⁶ Розенберг А. II. Российский фактор в Прибалтийском крае (XIX — начало XX в.) // Россия и современный мир. 2007. № 1. С. 142.

²⁷ Там же. С. 156.

²⁸ Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи. С. 359–361.

²⁹ *Staliūnas D.* The Identification of Subjects According to Nationality in the Western Region of the Russian Empire in 1905–1915 // *Ab Imperio*. 2020. № 3. P. 40.

³⁰ Кадио Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / Пер. с фр. Э. Кустовой. М., 2010. С. 111.

³¹ Юссла О., Хенттля С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии, 1809–2009. М., 2010. С. 112.

в Государственной думе третьего созыва³². Именно тогда проходила открытая дискуссия по поводу будущего финляндской автономии. Верх взяла линия, проводившаяся П. А. Столыпиным, в результате чего появился закон³³, который представлял собой усовершенствованную версию Февральского манифеста 1899 г. и позволял правительству далее проводить курс на сокращение автономии княжества. Кроме этого, стоит отметить, что именно в Государственной думе были подняты вопросы о пересмотре административных границ Польши и Финляндии. Из состава Польши предлагалось выделить и передать под прямое управление Петербурга Холмскую губернию³⁴, а из состава Финляндии — выделить Выборгскую губернию³⁵.

Также необходимо отметить, что правительство империи при проведении своей политики в окраинах, начиная со второй половины XIX столетия, в большей степени опиралось на местное крестьянство, нежели на городское население и дворянство, которые были зачастую настроены к империи оппозиционно. Здесь можно отметить попытки распространения деятельности Крестьянского поземельного банка на территорию Финляндии, которые вызвали, между прочим, резкое неприятие у финляндцев³⁶. Можно также добавить, что империя боролась с влиянием местных элит на народы, населявшие окраины, а также проживавшие у их границ. Ярким примером здесь может послужить противостояние так называемому полонизму (ополячиванию непольского населения) в Западном крае. Целью этой борьбы называлось «спасение» белорусов и украинцев, народов считавшихся имперской элитой частью русского народа³⁷, от обращения в поляков. Схожий процесс происходил в Остзейских губерниях, где власть боролась с германизацией эстонцев и латышей³⁸. Беспокоили Петербург и панфиннистские идеи, которые распространялись на прилегающие к княжеству территории, населенные карелами и вепсами³⁹.

Выделив общие тенденции, остановимся теперь на особенностях финляндской политики имперского правительства. Начать следует с того, что активное

³² Подробнее см.: *Аврех А. Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968.

³³ Проект закона о порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения, одобренный Государственной думой) // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2. С. 488–491.

³⁴ *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начала XX вв.). СПб., 1998. С. 334–337.

³⁵ Из журнала № 40 Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского «По вопросу о присоединении Выборгской губернии» // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2. С. 799–804.

³⁶ *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.). Петрозаводск, 1992. С. 15.

³⁷ *Долбилов М., Миллер А.* Западные окраины Российской империи. С. 131, 159.

³⁸ *Thaden E. C.* Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914. Princeton, 1981. P. 35–36.

³⁹ Записка Канцелярии Финляндского генерал-губернатора «об офиннении Карелии и о мерах к пресечению сего принятым» // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2. С. 723.

наступление на финляндскую автономию началось гораздо позже, чем на польскую и остзейскую, лишь на рубеже XIX и XX вв. Великое княжество, таким образом, смогло довольно продолжительное время сохранять свое особое положение, и, в частности, сильные политические институты автономии — Сенат и Сейм, которые, в свою очередь, оказывали активное сопротивление проводимой империей политике.

Революция 1905–1907 гг. в России, а также «великая финская забастовка»⁴⁰ осени 1905 г. позволили Финляндии в отличие от Польши и Остзейских губерний вернуть утраченные автономные права и восстановить статус-кво на момент 1899 г.⁴¹, то есть до начала активного наступления на автономию княжества. Однако необходимо упомянуть, что после того, как внутривластная обстановка стабилизировалась, империя возобновила прежний курс⁴².

Особенностью можно также назвать юридически-правовой характер финляндской политики имперского правительства. Вплоть до начала XX в. империя практически не использовала силовые методы для восстановления порядка в Финляндии, а стремилась легитимировать уменьшение автономии княжества путем создания нового законодательства. Финляндцы, в свою очередь, часто не признавали юридическую силу этих законов, из-за чего прийти к консенсусу сторонам не удавалось. Развернулась юридическо-правовая баталия, в которой каждая из сторон стремилась доказать свою правоту, ссылаясь на законодательные акты начала XIX в.⁴³

Необходимо также отметить, что финляндская политика постоянно находилась на особом контроле у империи, и прямым доказательством этого является учреждение Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского в 1907 г.⁴⁴, которое лично возглавил премьер-министр империи. Именно на заседаниях Особого совещания разрабатывалось финляндское направление политики империи, а также связанные с этим законодательные меры.

Кроме того, стоит подчеркнуть, что вопросы, связанные с религией и вероисповеданием, не играли существенной роли при формировании национальной политики в отношении Финляндии — в отличие от политики,

⁴⁰ Куяла А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2015. Т. 17. С. 202.

⁴¹ Юссила О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917 / [Пер. с фин.: В. М. Авцинов]; под ред. А. Ю. Румянцева. Хельсинки, 2009. С. 692.

⁴² Бахтуркина А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.). М., 2004. С. 237.

⁴³ Новикова И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века // Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности / Под ред. Б. В. Ананьича и С. И. Барзилова. М., 2001. С. 264–287.

⁴⁴ Юссила О. Великое княжество Финляндское... С. 719.

проводившейся в Остзейских губерниях и в особенности в Польше, где католическое духовенство представляло собой влиятельного политического актора и, например, выступало одной из главных движущих сил восстания 1863 г.⁴⁵, а также стремилось обратить в католичество население Западного края. Петербург не предпринимал значительных шагов, направленных на распространение в Финляндии православия, и не ограничивал деятельность лютеранской церкви. В отношении Польши и Западного края, наоборот, проводилась политика, направленная на довольно активную борьбу против влияния католической и униатской церквей и против перехода местного населения из православия в католичество и униатство⁴⁶.

Можно выделить еще одну тенденцию: если в отношении Польши и Прибалтики в 1910-х гг. наблюдалось смягчение русификаторской политики, то в отношении Финляндии в этот же период правительство, наоборот, только усиливало натиск, и апогеем здесь стало появление в 1914 г. «Большой программы русификации»⁴⁷.

Наконец отметим еще одну характерную особенность: к началу Первой мировой войны, несмотря на усилия власти в 1908–1914 гг. по созданию нового законодательства, ограничивающего автономию Финляндии, Великое княжество продолжало сохранять отдельное государственно-административное устройство и управление, а также не было интегрировано в состав империи, как это произошло, например, с Царством Польским после 1863 г.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. К концу XIX в. в Российской империи оформилось новое видение того, как должны быть выстроены отношения между национальными окраинами и центром. Главным направлением являлось стремление империи усилить центральную власть в национальных окраинах, а также максимально сократить их автономию. Мы выделили следующие общие тенденции политики в отношении трех исследуемых окраин: во-первых, сильное влияние на ее формирование оказывала внешнеполитическая обстановка, во-вторых, империя стремилась установить верховенство имперского законодательства над местным. В-третьих, проводился постепенный перевод делопроизводства окраин на русский язык. Еще одним направлением стало, с одной стороны, усиление власти имперских чиновников на местах, а с другой стороны, ослабление местной власти. При проведении своей

⁴⁵ Каттелер А. Россия — многонациональная империя. С. 188.

⁴⁶ Подробнее см.: Долбилов М., Миллер А. Западные окраины Российской империи.

⁴⁷ Журнал № 41 Особого совещания по делам Великого княжества Финляндского «По проекту программы законодательных предположений и мер, касающихся Финляндии, выработанному Комиссией Н. Н. Корево» (с приложением проекта программы) // Россия и независимость Финляндии 1899–1920 гг. Т. 2 С. 804–812.

политики империя опиралась прежде всего на местное крестьянство, а не на дворянство или городское население.

Также нам удалось обнаружить особенности финляндской линии в национальной политике Российской империи. Прежде всего нужно сказать о том, что активные попытки решения «финляндского вопроса» начались сравнительно позже, чем в остальных национальных окраинах. Во-вторых, Финляндии удалось сохранить сильные политические институты автономии, которые противодействовали новой политике имперского правительства. В-третьих, революционные события 1905–1907 гг. позволили княжеству вернуть ту часть автономии, которую оно утратило в период с 1899 по 1905 г. Империя держала на особом контроле «финляндский вопрос», для этой цели было образовано Особое совещание по финляндским делам, которое лично возглавлял премьер-министр империи. В-четвертых, противостояние империи и Финляндии носило в основном юридическо-правовой характер, а не силовой. Кроме того, связанные с религией вопросы не играли существенной роли в этом противостоянии. Наконец, Финляндия, несмотря на все усилия империи, смогла к началу Первой мировой войны сохранить свою обособленность от остальной империи во многих аспектах. Таким образом, можно говорить о том, что попытки решения империей «финляндского вопроса» вполне можно вписать в общий контекст национальной политики России на рубеже XIX–XX вв., однако финляндское направление имело также ряд важных особенностей, которые необходимо учитывать при анализе имперской национальной политики.

Список литературы:

Аврех, А. Я. Столыпин и Третья Дума / А. Я. Аврех. — Москва : Наука, 1968. — 520 с.

Андреева, Н. С. Революция 1905–1907 гг. и прибалтийские немцы / Н. С. Андреева. — Москва : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2016. — 32 с. — (Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 3. История; вып. 1).

Бахтурина, А. Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) / А. Ю. Бахтурина. — Москва : РОССПЭН, 2004. — 392 с.

Воробьева, Л. М. Прибалтика на разломах международного соперничества : от нашествия крестоносцев до Тартуского мира 1920 г. / Л. М. Воробьева. — Москва : ФИВ, 2013. — 535 с.

Долбилов, М. Западные окраины Российской империи / М. Долбилов, А. Миллер. — Москва : Новое литературное обозрение, 2006. — 608 с. — (Historia Rossica. Окраины Российской империи).

Дякин, В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начала XX вв.) / В. С. Дякин. — Санкт-Петербург : Лисс, 1998. — 1000 с.

Гольшев, М. А. Поливариантность региональной политики российской империи в XIX веке (на примере Финляндии и Польши) / М. А. Гольшев // Региональная экономика: теория и практика. — 2010. — № 8. — С. 78—87.

Кадио, Ж. Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / Ж. Кадио ; пер. с фр. Э. Кустовой. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 336 с. — (История науки).

Капелер, А. Россия — многонациональная империя / А. Капелер ; [пер. с нем.: С. Червонная]. — Москва : Традиция, 2000. — 344 с.

Клинге, М. Имперская Финляндия / М. Клинге ; [пер. с фин. И. Соломеща, В. Мусаева, А. Рупасова ; Ин-т Финляндии в Санкт-Петербурге]. — Санкт-Петербург : «Коло», 2005. — 615 с.

Куяла, А. Кризис в русско-финских отношениях (1899–1916) / А. Куяла // Русский сборник : исследования по истории России. — Москва : Модест Колеров, 2015. — Т. 17. — С. 198—212.

Новикова, И. Н. Особое государство или провинция империи: проблема государственно-правового статуса Финляндии в российско-финляндских отношениях XIX века / И. Н. Новикова // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности / под ред. Б. В. Ананьича и С. И. Барзилова. — Москва : МОНФ, 2001. — С. 264—287.

Полвинен, Т. Держава и окраина. Н. И. Бобриков — генерал-губернатор Финляндии 1898–1904 гг. / Т. Полвинен. — Санкт-Петербург : Европейский Дом, 1997. — 303 с.

Розенберг, Л. И. Российский фактор в Прибалтийском крае (XIX — начало XX в.) / Л. И. Розенберг // Россия и современный мир. — 2007. — № 1. — С. 140–160.

Руднев, Д. В. Языковая политика в Российской империи в отношении западных окраин / Д. В. Руднев // Государственная языковая политика : проблемы информационного и лингвистического обеспечения : сб. ст. — Санкт-Петербург : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2007. — С. 69—91.

Соломещ, И. М. Финляндская политика царизма в годы первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / И. М. Соломещ. — Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 1992. — 95 с.

Что такое «новая имперская история», откуда она взялась и к чему она идет? Беседа с редактором журнала *Ab Imperio* Ильей Герасимовым и Мариной Могильнер // *Логос*. — 2007. — №58. — С. 218–238.

Юссила, О. Великое княжество Финляндское, 1809–1917 / О. Юссила ; [пер. с фин.: В. М. Авцинов] ; под ред. А. Ю. Румянцева. — Хельсинки : Ruslandia Books Oy, 2009. — 844 с.

Юссила, О. Политическая история Финляндии, 1809–2009 / О. Юссила, С. Хентия, Ю. Невакиви ; [пер. Т. В. Андросова, Ю. С. Дерябин]. — Москва : Весь мир, 2010. — 441 с.

Becker, S. Chapter Seven. The Era of the Great Reforms (II): Constitutional Projects; Poland and Finland / S. Becker // *Ab Imperio*. — 2021. — № 1. — P. 185–234.

Jutikkala, E. A History of Finland / E. Jutikkala, K. Pirinen. — 5th rev. ed. — Porvoo ; Helsinki ; Juva : WSOY, 1996. — 485 p.

Staliūnas, D. The Identification of Subjects According to Nationality in the Western Region of the Russian Empire in 1905–1915/ D. Staliūnas // *Ab Imperio*. — 2020. — № 3. — P. 33–68.

Thaden, E. C. Russification in the Baltic Provinces and Finland, 1855–1914 / E. C. Thaden. — Princeton : Princeton University Press, 1981. — 514 p.

ПУБЛИКАЦИИ
PUBLICATIONS

МАТЮШИНА Инна Геральдовна / MATYUSHINA Inna G.

Институт высших гуманитарных исследований им. Е. М. Мелетинского, РГГУ & Университет Эксетера / E. M. Meletinsky Institute for Advanced Studies in the Humanities, Russian State University for the Humanities & University of Exeter
Россия, Москва & Соединенное Королевство, Эксетер / Russia, Moscow & United Kingdom, University of Exeter
innamat@hotmail.co.uk

**ПОЭМА «ПРОРИЦАНИЕ МЕРЛИНА» В КОНТЕКСТЕ
ДРЕВНЕИСЛАНДСКОЙ ПРОФЕТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ**

MERLÍNUSSPÁ IN THE CONTEXT OF OLD NORSE PROPHETIC TRADITION

Abstract: *Merlínusspá* is included into the short version of *Breta sögur* which goes back to Geoffrey of Monmouth's *Historia Regum Britanniae* (c. 1136) and is preserved in *Hauksbók* (AM 544 4to). The article argues that the main function of *Merlínusspá* is not only to narrate war and conflict but also to present British legends with the help of traditional Old Norse themes (feuds, the enmity of kinsmen, the death of all living things) and poetic means (Eddaic meter *fornyrðislag*, skaldic *keiðuhátt*, skaldic syntax with interwoven sentences and skaldic phraseology: kennings and heiti).

Ключевые слова / Keywords: «Прорицание Мерлина», «Саги о бриттах», Книга Хаука, «Прорицание вельвы», «История королей Британии», Гальфрид Монмутский, «Старшая Эдда», поэзия скальдов, саги об исландцах, король Артур, Мерлин / *Merlínusspá*, *Breta sögur*, *Hauksbók*, *Prophetiae Merlini*, *Historia Regum Britanniae*, the Poetic Edda, Skaldic poetry, *Völuspá*, *Íslendingasögur*, Geoffrey of Monmouth, King Arthur, Merlin

Исландская поэма «Прорицание Мерлина» (*Merlínusspá*, 1200 г.)¹, сохранилась в составе «Саг о бриттах» (*Breta sögur*, конец XII — начало XIII в.), основанных на «Истории королей Британии» (*Historia Regum Britanniae*, ок. 1136 г.) Гальфрида Монмутского². Гальфрид Монмутский, очевидно, почерпнул сведения о поэте-прорицателе из валлийской традиции, связывающей поэтический дар с даром прорицаний. Сочинив «Пророчества Мерлина» (*Prophetiae Merlini*, ок. 1134 г.) и поведав об участии Мерлина в событиях, предшествовавших рождению короля

¹ Большинство исследователей (*Kalinke M.* The Arthurian Legend in *Breta sögur*: Historiography on the Cusp of Romance // *Greppaminni: Essays in Honour of Vésteinn Ólason* / Ed. by Margrét Eggertsdóttir et al. Reykjavík, 2009. P. 217; *Gropper S.* *Breta sögur* and *Merlínusspá* // *The Arthur of the North: The Arthurian Legend in the Norse and Rus' Realms* / Ed. by M. E. Kalinke. Cardiff, 2015. P. 48) датируют поэму примерно 1200 г., однако другие склоняются к более ранней датировке (*Leach H. G.* *Angevin Britain and Scandinavia*. Millwood, 1975. P. 138 (репринт изд. 1921 г.); *Sveinbjörn Rafnsson.* *Merlínusspá og Völuspá í sögulegu samhengi* // *Skírnir*. 1999. Bd. 173. Bls. 391).

² Предполагается, что Гальфрид сочинил «Историю королей Британии» в конце 1137 — начале 1138 г. (*Tatlock J. S. P.* *The Legendary History of Britain*. Berkeley; Los Angeles, 1950. P. 433–437; *Gransden A.* *Historical Writing in England c. 550 — c. 1307*. London, 1974. P. 201; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth* / Ed. by N. Wright. Cambridge, 1985. Vol. 1. Bern, Burgerbibliothek, MS. 568. P. IX–XVI; *Geoffrey of Monmouth.* *The History of the Kings of Britain: An Edition and Translation of De gestis Britonum [Historia regum Britanniae]* / Ed. by M. D. Reeve; trans. by N. Wright. Woodbridge, 2007. P. VII).

Артура, Гальфрид создал едва ли не самого знаменитого героя рыцарского романа (с латинизированным именем Мерлин). В литературную биографию Мерлина Гальфрид инкорпорировал историю, рассказанную Неннием на три столетия раньше в «Истории бриттов» (*Historia Britonum*, ок. 769 г., гл. 39–43) о чудесном мальчике по имени Амброзий, превзошедшем мудростью колдунов короля Гвортигерна (Вортигерна). Гальфрид сочинил поэму «Жизнь Мерлина», (*Vita Merlini*, ок. 1148 г.), сохранившуюся в единственной рукописи: ее герой — безумный отшельник, живущий в лесу вещей муж, образ которого, возможно, навеян легендарным валлийским бардом VI в. Мирддином³.

«Саги о бриттах», в составе которых дошло до нашего времени исландское переложение «Прорицаний Мерлина», сохранились в двух редакциях: пространной (в рукописях AM 573 4to, 1330–1370 гг., и Stock. Papp. fol. no. 58, копии XVII в. с утраченной «Книги Орма Сноррасона», *Ormsbók*, XIV в.) и краткой в Книге Хаука (*Hauksbók*, AM 544 4to, 1302–1310 гг.), составленной исландским законоговорителем Хауком Эрлендссоном⁴ и включающей историографические и поэтические тексты⁵. Пространная редакция сохранилась не полностью: в Арнамагнеанской рукописи (AM 573) есть несколько лакун, а в Стокгольмской рукописи (Stock. Papp. fol. no. 58) текст обрывается на середине, что соответствует книге V в «Истории» Гальфрида. Фрагмент саги, местами не поддающийся прочтению, но излагающий сюжет подробнее, чем другие источники, включен в исландскую рукопись, найденную в 1968 г. в Дублине и до сих пор неопубликованную. Сохранность Книги Хаука тоже оставляет желать лучшего: она пострадала от времени и попыток реставрации в XV в., что делает понимание некоторых фрагментов текста затруднительным.

В редакции, сохранившейся в Книге Хаука, создатель саги вводит несколько значимых дополнений, в частности поэму «Прорицание Мерлина» (*Merlínusspá*), изучению которой посвящена предлагаемая статья. Поэма состоит из двух независимых частей с собственными введениями и заключениями и представляет собой свободное переложение прозаического текста «Пророчества Мерлина» (*Prophetiae Merlini*, ок. 1134 г.) Гальфрида, сочиненного раньше «Истории»,

³ Life of Merlin: Vita Merlini / Ed. by B. Clarke et al. Cardiff, 1973. P. 43–47; Jarman A. O. H. The Merlin Legend and the Welsh Tradition of Prophecy // The Arthur of the Welsh: The Arthurian Legend in Medieval Welsh Literature / Ed. by R. Bromwich, A. O. H. Jarman, B. F. Roberts. Cardiff, 1991. P. 117–146; Padel O. J. Geoffrey of Monmouth and the Development of the Merlin Legend // Cambrian Medieval Celtic Studies. 2006. Vol. 51. P. 37–66.

⁴ Высказывалось предположение, что большая часть текстов в рукописи Книги Хаука написана самим законоговорителем Хауком Эрлендссоном между 1302–1310 гг. (*Sverrir Jakobsson*. Hauksbók and the Construction of an Icelandic World View // Saga-Book. 2007. Vol. 31. P. 22–38. URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XXXI.pdf> (29.12.2023)).

⁵ О составе и датировке Книги Хаука см.: Rowe E. A. Literary, Codicological, and Political Perspectives on Hauksbók // Gripla. 2008. Bd. XIX. Bls. 51–76. URL: <https://gripla.arnastofnun.is/index.php/gripla/issue/view/21> (29.12.2023).

но добавленного в нее как часть книги VII⁶. В Книге Хаука «Прорицание Мерлина» приписывается исландскому монаху ученому и писателю Гуннлаугу Лейвссону из бенедиктинского монастыря Тингейпар (ум. 1218/1219 г.): «hereftir hefir Gvð[vn]lavgr mvnkr ort kvæði þat er heitir Merlinvsspá» — «монах Гуннлауг сочинил стихотворение, которое называется “Прорицание Мерлина”». Вероятно, это единственное сохранившееся сочинение Гуннлауга, дающее уникальный пример переложения латинской прозы средствами исландской поэзии⁷.

Гуннлауг считается автором нескольких несохранившихся историографических и агиографических латинских трудов⁸, известных только в скандинавских редакциях и переводах: жизнеописания епископа Йоуна Эгмундарсона, латинской версии «Пряди о Торвальде Бывалом» (*Þorvalds þáttur víðförla*), продолжения латинского описания Олда Сноррасона жизни конунга Олава Трюгвасона, сочинения о чудесах Святого Торлака, произведения о святом Амвросии (*Vita Sancti Ambrosii*)⁹. Поручение написать по-латыни о Святом Торлаке Торхальссоне, ставшим в 1178–1193 гг. епископом Скаульхольта и канонизованным католической церковью в 1984 г., и Святом Йоуне Эгмундарсоне, первом епископе Хоулара, было дано Гуннлаугу Гудмундом Арасоном (1203–1237)¹⁰, епископом Хоулара, который сам посылал Гуннлаугу рассказы о чудесах Святого Торлака¹¹.

⁶ Помимо текста Гальфрида в поэме также используются и другие источники: «Церковная история англо» (*Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum*) Беда Достопочтенного «Деяния королей англо» (*Gesta regum Anglorum*) Вильгельма Малсберийского (об аллюзиях на тексты Беда Достопочтенного и Вильгельма Малсберийского в исландской поэме см.: *Eysteinnsson J. S. The Relationship of Merlinús-spá and Geoffrey of Monmouth's Historia // Saga-Book. 1953–1957. Vol. XIV. P. 102, 110. URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XIV.pdf> (27.12.2023)), «История англо» (*Historia Anglorum*) Генриха Хантингдонского (о возможном влиянии Генриха Хантингдонского на исландскую поэму см.: *Gelling M. The Kingdom of Denmark // Christianization and the Rise of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200 / Ed. by N. Berend. Cambridge, 2007. P. 106*).*

⁷ *Wirth S. Der „Antikenroman“ in der isländischen Literatur des Mittelalters: Eine Untersuchung zur Übersetzung und Rezeption lateinischer Literatur im Norden. Basel, 1998. S. 206.*

⁸ *Finnur Jónsson. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. 2. udg. København, 1923. Bd. II. S. 394–395; Biskupa sögur / Gáfu út Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og P. G. Foote. Reykjavík, 1998. Bd. I (=Íslenzk fornrit XV). Bls. CCLXXXIII; de Vries J. Altnordische Literaturgeschichte. 2., völlig neubearb. Aufl. Berlin, 1967. Bd. II. Die Literatur von etwa 1150 bis 1300 = Die Spätzeit nach 1300. S. 246.*

⁹ *Finnur Jónsson. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. Bd. II. S. 394–403; Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953. P. 194–200; Bekker-Nielsen H. Nova historia sancti Ambrosii. Et tabt rimofficium af Gunnlaugr Leifsson // Maal og Minne. 1958. S. 8–14; de Vries J. Altnordische Literaturgeschichte. Bd. II, S. 245–247; Wirth S. Der „Antikenroman“ in der isländischen Literatur des Mittelalters. S. 205–206; Ciklamini M. Sainthood in the Making: The Arduous Path of Guðmundr the Good, Iceland's Uncanonized Saint // Alvíssmál. 2004. H. 11. S. 55–74. URL: <https://userpage.fu-berlin.de/~alvissmal/11gudmun.pdf> (29.12.2023); *Katrín Axelsdóttir. Gunnlaugur Leifsson og Ambrósíus saga // Skírnir. 2005. Bd. 179. Bls. 337–349.**

¹⁰ О поручении Гудмунда, данном Гуннлаугу написать житие Святого Йоуна и сочинение о чудесах Святого Торлака см. *Finnur Jónsson. Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie. Bd. II. S. 394–395.*

¹¹ *Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. P. 198–199.*

Нельзя исключать, что епископ Гудмунд Арасон мог поручить Гуннлаугу перевести «Пророчества Мерлина», а возможно, и всю «Историю» Гальфрида, ставшую образцом для исландских «Саг о бритгах». Предполагается, что текст Гальфрида оказался в Исландии благодаря епископу Линкольна Александру (1123–1143), которому Гальфрид посвятил свои «Пророчества Мерлина» и который мог получить их от самого автора¹². Текст Гальфрида мог быть известен учителям и ученикам школы собора Линкольна, среди которых были такие выдающиеся исландцы, как Святой Торлак Торхальссон, латинское житие которого составил Гуннлауг, и его племянник и преемник Пауль Йоунссон¹³.

Важность прорицаний Мерлина осознавалась и современниками создателя поэмы (ср. в Арнамагнеанской рукописи AM 573: «с той поры с этими прорицаниями часто справлялись мудрейшие люди в Англии» — «*Sv sprá hefir oft síðan af hinum vitrvztvm mönnum á Eínglandi rannsökuð uerid*»)¹⁴, и его потомками, создавшими их многочисленные переложения¹⁵. Однако в отличие от оригинала «Истории» Гальфрида, сохранившегося в двухстах рукописях, из которых около пятидесяти датируются XII в., и «Пророчеств Мерлина», которые дошли до нас более чем в 80 рукописях¹⁶, исландская поэма известна только по Книге Хаука.

«Прорицания Мерлина» сохранились в поврежденном виде с несколькими лакунами в строфах I 51 и II 48¹⁷. Возможно, часть текста утрачена, так как вторая половина поэмы (63 строфы) существенно короче первой (103 строфы): предполагалось, что из второй части потеряно примерно пятнадцать строф (после строфы 48)¹⁸. Различия в длине строф (от восьми строк до десяти и даже двенадцати) тоже могло быть вызвано как намеренными пропусками создателя поэмы, так и порчей текста при его письменной или устной передаче. Наибольший урон сохранности текста был нанесен условиями хранения кодекса¹⁹. К тому времени, когда текст поэмы попал к одному из главных представителей «исландской

¹² The *Historia Regum Britannie* of Geoffrey of Monmouth. Vol. 1.

¹³ *Orri Vésteinsson*. The Christianization of Iceland: Priests, Power, and Social Change, 1000–1300. Oxford, 2000. P. 154.

¹⁴ *Jón Sigurðsson*. Trójumanna saga ok Breta sögur, efter Hauksbók, med dansk Oversættelse // *Annaler for nordisk oldkyndighed og historie*. 1849. S. 13.

¹⁵ The *Historia regum Britanniae* of Geoffrey of Monmouth / Ed. by N. Wright. Cambridge, 1991. Vol. 4. *Crick J. C.* Dissemination and Reception in the Later Middle Ages. P. 76–77; *Dobin H.* Merlin's Disciples: Prophecy, Poetry, and Power in Renaissance England. Stanford (CA), 1990. P. 25, 51; *Faletra M. A.* Merlin in Cornwall: The Source and Contexts of John of Cornwall's *Prophetia Merlini* // *Journal of English and Germanic Philology*. 2012. Vol. 111. P. 306–309.

¹⁶ *Veysseyre G., Wille C.* Les commentaires latins and français aux Prophetie Merlini de Geoffroy de Monmouth // *Médiévales*. 2008. Vol. 55. P. 93–144.

¹⁷ *Wirth S.* Der „Antikenroman“ in der isländischen Literatur des Mittelalters. S. 81.

¹⁸ *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá) / Ed. by R. Poole // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Turnhout, 2017. Vol. 8. Poetry in fornaldarsögur / Ed. by M. Clunies Ross. P. 38.

¹⁹ *Hauksbók: The Arna-Magnæan Manuscripts 371, 4to, 544, 4to, and 675, 4to* / Ed. by Jón Helgason. Copenhagen, 1960. P. XXIV–XXV.

Поэма «Прорицание Мерлина» в контексте древнеисландской пророческой традиции 70 интеллектуальной среды своего времени»²⁰ Бьёрну Йоунссону из Скардса (1574–1655), автору анналов Скардса от 1400 до 1655 гг. (*Skarðsárannáll*), созданному на основании устных и письменных источников, чернила в рукописи Книги Хаука в значительной степени выцвели и многие строки были не вполне различимы. Эти места текста были переписаны заново, что хорошо видно в факсимильном издании поэмы, самим епископом Брюньольвом Свенссоном в 1660–1670 гг. и его помощниками Сигурдом Бьёрнссоном и Сигурдом Йоунссоном²¹. Отдельные следы старых чернил под обновленным текстом показывают, что не вся реставрация текста была проведена с должной тщательностью, в частности, в строфах второй части 6/1, 14/3, 16/1, 4, 20/7, 28/9, 36/2, 38/2, 65/4 до сих пор удается разобрать не все слова²².

Наиболее полное издание текста поэмы в составе «Саг о бриттах» принадлежит Йоуну Сигурдссону²³, который добавил латинский текст «Пророчеств» Гальфрида для сравнения. В издание Йоуна Сигурдссона внесены исправления Хатлыгримура Шевинга, учителя из Бессастира, которые показывают, насколько точно отдельные строки исландской поэмы отражают латинский оригинал²⁴. В классическом и до недавнего времени единственном издании поэзии скальдов Финнура Йоунссона, снабженном переводом на датский язык, текст поэмы следует редакции Йоуна Сигурдссона. Три современных издания поэмы, сопровождающиеся переводами на немецкий и английский языки, вновь обращаются к рукописям: таковы два немецких издания (Симоне Хёрст и Стефани Вюрт)²⁵ и английское издание Рассела Пула, в котором обе части поэмы опубликованы в порядке нарративной хронологии, снабжены параллельным латинским текстом «Пророчеств» Гальфрида Монмутского и подробными комментариями²⁶.

Большинство изданий поэмы следует Книге Хаука в расположении ее частей и помещают более краткую часть перед более пространной, что нарушает хронологию повествования: описание конца времен, которое завершает краткую часть поэмы, оказывается в середине текста. Предполагалось, что непоследовательность в расположении частей поэмы объясняется ее бытованием

²⁰ Lavender P. Oedipus industrius ænigmatum islandicorum: Björn Jónsson á Skarðsá's Riddle Commentary // Gripla. 2015. Bd. XXVI. Bls. 230. URL: <https://gripla.arnastofnun.is/index.php/gripla/issue/view/12> (29.12.2023).

²¹ Hauksbók: The Arna-Magnæan Manuscripts 371, 4to, 544, 4to, and 675, 4to.

²² Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 38.

²³ Jón Sigurðsson. Trójumanna saga ok Breta sögur, efter Hauksbók, med dansk Oversættelse' // Annaler for nordisk oldkyndighed og historie. 1848. S. 3–215; 1849. S. 3–145.

²⁴ Hauksbók: The Arna-Magnæan Manuscripts 371, 4to, 544, 4to, and 675, 4to. P. XXXVI.

²⁵ Merlínússpá: Merlins Prophezeiung / Hg. von S. Horst. München, 2012. Существует также перевод поэмы на немецкий язык, принадлежащий Стефании Вюрст (Isländische Antikensagas 1 / Hg. von S. Würth. München, 1996. S. 98–120).

²⁶ Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 38–189. Предлагаемый ниже перевод на русский язык был выполнен по изданию Рассела Пула.

в двух отдельных рукописях²⁷; однако нельзя исключать и того, что писец, скопировавший Книгу Хаука, записал части поэмы в обратном порядке. Одни исследователи считают, что и поэма, и «Сага о бриттах» принадлежат перу Гуннлауга Лейвссона²⁸, другие — что две части поэмы принадлежат разным авторам²⁹, третьи — что поэма была сочинена как самостоятельное произведение, а позднее была включена в состав «Саг о бриттах»³⁰, четвертые — что часть поэмы была создана подражателем Гуннлауга, а не им самим³¹.

Как и «Пророчества» Гальфрида, «Прорицания Мерлина» обращены правителю бриттов Вортигерну, который строит башню на горе, чтобы защититься от вторжений саксов, однако видит, что все построенное исчезает к утру. В тексте Гальфрида Вортигерн обращается за советом к мудрецам, и они убеждают его «разыскать юношу, у которого нет и не было никогда отца (*innemet sine patre*)³², и, разыскав такового, предать его смерти, дабы кровью убитого окропить щебень и камни» (перевод А. С. Бобовича)³³. Посланники короля находят юношу по имени Мерлин и узнают от его матери, которая происходит из королевского рода, что отцом Мерлина был инкуб. Мерлин, прозывавшийся Амброзием, разоблачает лживость советников короля и объясняет ему причину происходящего. Исландская поэма опускает повествование о происхождении Мерлина, его матери и лживости советников, но сразу переходит к объяснению причин разрушения королевской постройки и рассказывает о смысле предзнаменований. Мерлин говорит Вортигерну, что под горой скрывается озеро, в котором спят белый и красный драконы, а когда озеро осушают, драконы просыпаются и вступают друг с другом в бой: красный дракон — это бритты, а белый — язычники англ, вторгшиеся в страну.

Прибегая к аллегорической символике, «Прорицания Мерлина» представляют этносы в образах красного и белого драконов, а правителей в образах льва, рыси, вепря, лисы, волка, змеи. Использование зооморфных образов в поэме (особенно, в ее второй части, строфах 37–45) объясняли влиянием латинских сочинений о животных, в частности басен, поэм и романов о лисе-трикстере Ренаре и его противнике волке по имени Изенгрим³⁴, восходящих к басням Эзопа и индийским

²⁷ Nauksbók: The Arna-Magnæan Manuscripts 371, 4to, 544, 4to, and 675, 4to. P. XIII.

²⁸ Kalinke M. The Arthurian Legend in Breta sögur. P. 217; Gropper S. Breta sögur and Merlínússpá. P. 48.

²⁹ Симоне Хёрст предположила, что поэма была сочинена в течение разных временных промежутков, охватывающих период от 1210 г. до 1270 г. (*Horst S. Die Merlínússpá: ein Gedicht von Gunnlaugr Leifsson? // Skandinavistik. 2006. Bd. 36. S. 30–31*).

³⁰ Lavender Ph. Merlin and the Völva // Viking and Medieval Scandinavia. 2006. Vol. 2. P. 135.

³¹ Horst S. Die Merlínússpá. S. 22–31.

³² Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 137.

³³ Перевод А. С. Бобовича цитируется по: Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Изд. подг.: А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошеров. М., 1984.

³⁴ Taylor R. The Political Prophecy in England. New York, 1911. P. 4, 11.

сказкам³⁵. Хотя в Средние века наибольшее распространение получили латинская поэма «Изенгрим» (*Isengrimus*, нач. XII в.), ее переработка поэма «Рейнард» (*Reinardus*, 1150 г.), приписываемая монаху Ниварду³⁶, французское эпическое произведение о Ренаре-лисе и французский «Роман о Лисе»³⁷, в «Прорицаниях Мерлина» из этих произведений могли быть заимствованы не только образы лиса и волка, но и других животных, фигурирующих в латинских поэмах.

Основная часть «Прорицания Мерлина» посвящена повествованию о борьбе бриттов с англами, которые явились с большим войском и обманули коренное население Британских островов. Мерлин предсказывает, что к власти придет король в облике вепря (Артур), который разгромит саксов и покорит иров, англов, скоттов, франков, побережье Норвегии и северных данов (*Nóregs síðu ok Norðr-Dana*, 25.5)³⁸. Создатель поэмы устанавливает связь между легендарными королями Британии, которые в прозаической части саги возводились к троянским правителям, и скандинавскими конунгами, которые оказываются включенными в британскую историю, и следовательно, в историю Трои, пересказанную в начальной интерполяции об Энее в «Сагах о бриттах».

Создатель поэмы в энигматическом стиле ссылается на исторически верифицируемые события: нормандское завоевание, приход к власти династии Плантагенетов, печальную судьбу сына Генриха I Боклерка, принца Вильгельма, утонувшего на «Белом корабле», объявление наследницей английского престола дочери Генриха I Матильды, ее отстранение от престола после смерти ее отца в 1135 г., гражданскую войну между сторонниками Матильды и Стефана Блуаского, ее двоюродного брата, коронации сына Матильды Генриха II Плантагенета в 1154 г., который называется в поэме «одним достойнейшим» (*einn nýtastr*, I.56). Окончание первой части поэмы никак не соотносится с известными нам историческими событиями, однако содержит ссылки на пророчества ветхозаветного пророка Даниила и псалмы царя и пророка Давида³⁹.

Вторая часть «Прорицания Мерлина» содержит описание великих бед, междоусобных распрь, гибели людей и всего живого, которые предшествуют концу

³⁵ Топоров В. Н. Лиса // Мифология: Статьи для мифологических энциклопедий. М., 2014. Т. 1. С. 359–365; Mann J. From Aesop to Reynard: Beast Literature in Medieval Britain. Oxford, 2009. P. 17–19.

³⁶ *Nivardus*. Ysengrimus: Text with Translation, Commentary, and Introduction / Ed. by J. Mann. Leiden, 1987. P. 3.

³⁷ Михайлов А. Д. Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса: Вступительная статья // Роман о Лисе / Пер. со старофр., сост. А. Г. Наймана; коммент. А. Д. Михайлова; отв. ред. Г. В. Степанов. М., 1987. С. 3–34.

³⁸ «Прорицание Мерлина» цит. по: Den norsk-islandske skjaldedigtning / Udg. af Finnur Jónsson. København, 1967. A. Tekst efter håndskrifterne. Bd. 2. S. 10–36; 1973. B. Rettet tekst. Bd. 2. S. 10–45. (Репринт изд. 1912–1915 гг.)

³⁹ Детальное обсуждение того, считать ли Мерлина христианином или язычником см. Crick J. C. Geoffrey and the Prophetic Tradition // The Arthur of Medieval Latin Literature: The Development and Dissemination of the Arthurian Legend in Medieval Latin / Ed. by S. Echard. Cardiff, 2011. P. 77.

света: «Sultr verðr ok sótt — sék mart fyrir — manndauðr mikill; mein gengr of þjóð» — «голод начнется, и болезнь, великая гибель людей — я многое вижу — горе постигнет народ» (25); «Verðr á foldu, kvað inn fróði halr, / styrjöld mikil, stórar ógnir, / víg ok vélar, vargöld ok köld / hrími hvers konar hjörtu lýða» — «Приходит на землю — сказал муж мудрый — великая война, большие горести, битва и предательства, век волков, и сердца людей окованы хладом и морозом» (51); «Verst es í heimi; veitat sonr fǫður» — «хуже в мире, сын отца не знает» (54.1). Самая знаменитая эддическая поэма «Прорицание вёльвы» тоже повествует о падении нравов, разрушении родовых связей, жестоких битвах: «Bræðr munu berjask ok at bönum verðask, / munu systrungar sífjum spilla; / hart er í heimi, hórdómr mikill, / skeggöld, skalmöld, skildir ro klofnir, / vindöld, vargöld, áðr veröld steypisk; / mun engi maðr öðrum þyrma» — «Братья будут биться между собой и станут убивать друг друга, / родичи нарушат родовые обычаи; / тяжело в мире, / блуд великий, / век мечей, топоров, / треснут щиты, / век ветров, век волков, / пока не настанет конец света; / ни один человек не пощадит других» (*Völuspá*, 45). Трудно не заметить тематического сходства обеих поэм (упоминания о войнах, гибели людей, человеческой жестокости, вражде сородичей: сыновей, отцов и братьев) и вербальных совпадений (*vargöld* — «век волков» в обеих поэмах; *Geisar geimi* «море бурлит» в «Прорицании Мерлина» 1.61, *geisar eimi* — «пар пышет» в «Прорицании вёльвы» 57.5)⁴⁰.

В поэме присутствуют вербальные параллели не только с «Прорицанием вёльвы», но и с другими исландскими профетическими поэмами, в частности с «Прорицанием Грипира» и «Песни о Хюндле». Так, формулы *tun ey uppi* «всегда будут помнить» и *vera uppi* «жить в памяти» используются в «Пророчестве Грипира»: «fví at uppi tun, meðan öld lifir, / naddéls boði, nafn þitt vera» (*Gripisspá*, 23/5) — «всегда будут помнить, пока существует мир, зачинатель сражений, имя твое»; «fví tun uppi, meðan öld lifir, / þjóðar þengill, þitt nafn vera» (*Gripisspá*, 41/3) — «всегда будут помнить, пока существует мир, правитель мужей, имя твое». В «Прорицании Мерлина» доблесть правителя тоже прославляется при помощи формулы *Ey tun uppi* — «вечно будут помнить»: «Ey tun uppi / qðlings frami / ok hans hróðr fara / með himinskautum» (*Merlínusspá*, 27) — «Запомнят навечно доблесть владыки / И похвала ему достигнет краев небес». Сложное слово *himinskaut* — «края небес», которое встречается в приведенных строках «Прорицания Мерлина», употребляется и в исландских профетических песнях: в «Прорицании Грипира» (*Gripisspá*, 10/8: «Sér þú Sigurðar snör brögð fyrir, / þau er hæst fara und himinskautum» — «Видишь ли ты отважные подвиги Сигурда, самые великие

⁴⁰ Аргументацию противоположной точки зрения, согласно которой «Прорицание Мерлина» оказало влияние на «Прорицание вёльвы» см.: *Sveinbjörn Rafnsson. Merlínusspá og Völuspá í sögulegu samhengi. Bls. 377–419.*

под краями небес?) и в «Песни о Хюндле» (*Hyndluljóð*, 14/8: «hvarfla þóttu hans verk með himins skautum» — «его деяния были известны у краев небес»). Более того, пророческие формулы в «Прорицании Мерлина», такие как *þat sék gǫrla* — «я это ясно вижу» (*Merlínusþá*, 84) следуют традиции пророческих поэм, таких как «Прорицание Грипира» (*Grípissþá*, 21) и «Прорицание вельвы» (*Vǫluspá*, 64–66).

И «Прорицание вельвы», и «Прорицание Мерлина» рисуют картину гибели всего живого. В «Прорицании Мерлина» говорится, что небесные светила изменят ход, и море поднимется до небес: «En grund ept þat gróða hafnar; / né skúr ofan ór skýjum kemr. / Sól ok máni sjölf annan veg / fara fagrsköpuð, en þau fyrr hafí» — «После этого земля перестает плодоносить, и дождь не льется с небес. Сами солнце и луна, прекрасно сотворенные, идут иным путем, а не тем, как прежде» (58); «Ok þar á hlýrni heiðar stjörnur / má marka því / moldar hvergi. Sumar fara ofgar, sumar annan veg / af inni gömlu göngu sinni» — «И там на земле нельзя различить яркие звезды на небе. Одни идут вспять, другие – иной дорогой, прочь от своего древнего пути» (59); «Geisar geimi; gengr hann upp í lopt» — «море бурлит, оно поднимается до неба» (61). В «Прорицании вельвы» тоже идет речь о море, земле, небесных светилах (солнце, луне, звездах): «Sól tér sortna, sígr fold í mar, hverfa af himni heiðar stjörnur; geisar eimi ok aldrnari, leikr hár hiti við himin sjalfan» — «Солнце чернеет, земля тонет в море, жаркие звезды срываются с неба, неистовым становится пар и питающее жизнь пламя, огонь поднимается до самых небес» (*Vǫluspá*, 57). Обе поэмы завершаются апокалиптическим видением конца света: если «Прорицание вельвы» рассказывает о мифологическом прошлом, настоящем и будущем, кульминацией которого станет Рагнарёк, гибель богов и жизни на земле, то «Прорицание Мерлина» тоже изображает прошлое, настоящее и будущее, распри британских правителей, их сражения с друг с другом и с врагами, ведущие к уничтожению всего живого. «Прорицание вельвы» рисует картины возрождения жизни на земле (результат циклического восприятия времени), но и «Прорицание Мерлина» тоже оставляет надежду на спасение как воздаяние за благие дела. «Прорицание Мерлина» говорит о наказании за грехи и завершается призывом творить добро, избегать дурных дел, не следовать предательским советам, радоваться и обращать молитвы к Господу. Поэма Гуннлауга и «Прорицание вельвы» содержат «собственную морально-философскую концепцию: в мифологических образах трактуются проблемы возникновения зла в мире, борьбы добра и зла и искупления зла»⁴¹.

Сходство обеих поэм прослеживается не только на тематическом и структурном уровнях, но и на стилистическом, языковом и метрическом.

⁴¹ Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. Ленинград, 1963. С. 214 (комментарий М. И. Стеблин-Каменского).

В «Прорицании Мерлина» используются два размера: скальдический квидухатт, в котором нечетные строки состоят из трех ударных слогов: «Líðr byskups stóll / Lundúnum ór» (I, 30.1–2) — «престол епископа перемещается из Лондона», и эддический форнюрдислаг, каждая строка которого состоит из четырех ударных слогов, причем аллитерация обычно связывает первый и/или второй и третий ударные слоги: «Hljóðs bið ek allar helgar kindir, meiri ok minni mögu Heimdallar» — «Я прошу слушать все священные роды, большие и меньшие, потомки Хеймдаля» (*Vǫluspá*, 1). М. И. Стеблин-Каменский называет форнюрдислаг «эпическим размером» и приводит его этимологию (*fornyrðislag* < *forn* — «древний», *orð* — «слово», *lag* — «размер»): «В этом размере каждые две строки связаны попарно аллитерацией... Эпический размер — это размер большинства песней “Эдды” и всех ее повествовательных песней»⁴². Форнюрдислаг традиционно употребляется в эддических песнях, включающих профетические строфы, таких как «Прорицание вэльвы» (*Vǫluspá*), «Пророчество Грипира» (*Grípisþá*), «Речи Фафнира» (*Fáfnismál*), «Песнь о Хюндле» (*Hynduljóð*), а потому мог быть выбран в качестве основного размера создателем «Прорицания Мерлина»⁴³.

В «Прорицании Мерлина» используется не только эддическая и скальдическая метрика, но и скальдический синтаксис, в частности вставные предложения («þat es nýlunda» — «это новость») и переплетения предложений («Lát grund grafa... niðr ór fjalli» — «вели копать землю... внизу из горы»): «Lát grund grafa, / gera skorninga, / sagði Merlínus / menja deili. / Veitið vatni, / ok vitið síðan, / hvat spát hafi / spillir bauga, / — þat es nýlunda — / niðr ór fjalli» — «“Вели копать землю, делай каналы, — сказал Мерлин раздавателю обручий (=Вортигерну). — Осуши озеро и потом узнаешь, что разрушитель колец (=Мерлин) пророчил — это новость — внизу из горы”» (I, 13). В «Прорицании Мерлина» широко применяются поэтические синонимы, хейти (*flotnar* — «люди»: I, 3.3; II, 1.1), сложные слова (*lofsæl* — «счастливым хвалой»: II, 34.10, *fleinþollr* — «древо копья»: II, 11.8) и кеннинги (на 171 строфу поэмы приходится более ста кеннингов)⁴⁴, составляющие характерную черту эддической и скальдической фразеологии⁴⁵. Здесь встречаются и мифологические кеннинги: воин обозначается как *Mistar vinr* — «друг Мист

⁴² Стеблин-Каменский М. И. Древнескандинавская литература. М., 1979. С. 20.

⁴³ Помимо «Прорицания вэльвы» в исландской поэме можно заметить вербальные совпадения с другими эддическими поэмами, в частности, «Прорицание Грипира»: I 10/6, I 66/3, I 77/8, II 2/7–8, II 24/1, II 35/7, II 36/6, II 51/6, II 54/1, 3, II 59/2, II 61/1, а также с «Речами Высокого»: I 103/1–2, II 24/4. Ян де Фрис объяснял эти стилистические параллели прямыми заимствованиями из эддических песней (*de Vries J. Altnordische Literaturgeschichte. Bd. II. S. 75–76*).

⁴⁴ Классификация кеннингов в «Прорицании Мерлина» на пять групп (скандинавская мифология, животные, люди, битвы и оружие, части тела и здания) предложена в: *Cudmore D. Prophet, Poet, Seer, Skald: Poetic Diction in Merlínusþá // International Journal of Language Studies. 2018. Vol. 12. P. 38–44*.

⁴⁵ О стиле и стихосложении эддических песней см.: Стеблин-Каменский М. И. «Старшая Эдда» // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 186–195.

(=валькирии)» (I, 75.1), женщина именуется *gull-Skeggul* — «Скёгуль (=валькирия) золота» (II, 13.2), море называется *Ránar vegr* — «путь Ран» (=валькирии) (I, 89.1); и традиционные скальдические кеннинги, обозначающие такие денотаты, как корабль (*sunddýr* — «олень волны»: II, 17.1); змей (*beidar hvalr* — «кит пустоши»: II, 46.4, *belti grundar* — «ремни земли»: II, 16.2); муж (*andstafr* — «посох богатства»: II, 6.2; *ungva vinr* — «друг конунга»: I, 9.5; *gumna vinr* — «друг мужей»: I, 20.1; *spillir banga* — «уничтожитель колец»: I, 13.4; *menja deilir* — «делитель ожерелий»: I, 13.2), и кеннинги, не зарегистрированные в сохранившейся эддической и скальдической поэзии (например, кеннинги змей, которые служат в поэме для обозначения белого и красного драконов: *rauða ok hvíta seil rás* — «красная и белая веревка земли»: I, 12.8; *ljósum fjoturr laufvidar* — «белым оковам лиственного дерева»: I, 42.8; *fásýnir fræknið baugr fróns* — «редко виденные яростные кольца земли»: I, 15.8; *urðar sigðr* — «сноп груды камней»: II, 46.8). Кеннинги неодинаково распределяются в нарративном пространстве поэмы: они редко встречаются в описании конца света, но преобладают в рассказах о битвах.

В «Прорицании Мерлина» амплифицированы описания сражений, которые нередко включаются в скальдические панегирики правителям: «Hríð gerisk hjalma, hlífar klofna; / eru rammliða randir kníðar. / Gnesta geirar, es guðr vakin; / verðr víða lið at vallroði» — «Буря шлемов (=битва) начинается, кольчуги раскалываются, мощно бьются щиты, копьё звенит, бой пробуждается, войско облагает поле боя» (33, ср. также 35, 64–69). Как и в скальдических стихах, в поэме Гуннлауга содержание нуждается в разгадывании, однако смысл предсказаний затемнен не только посредством стихотворной формы, фразеологии и синтаксиса, как в поэзии скальдов, но и при помощи намеренной туманности выражения. Способ существования поэмы идентичен бытованию поэзии скальдов, которая цитируется в сагах в подтверждение сказанного в прозе. Если скальдические стихи существуют как цитаты в королевских сагах, основная функция которых состоит в повествовании о норвежских королях, то поэтическая интерполяция Гуннлауга включена в историческую хронику о правителях Британии, каковой представляются «Саги о бриттах» в Книге Хаука. Вероятно, Гуннлауг привлек внимание к «Истории» Гальфрида своим переложением «Прорицания Мерлина», сочиненным в традиции эддических песен и скальдических стихов, перекинув мост из Британии в Исландию, тем самым сделав возможным ее последующий перевод в Скандинавию.

Интерполяция поэмы «Пророчество Мерлина» представляется наиболее семантически важной, ее функция состоит не только в повествовании о распрях и войнах в назидание потомкам, но и в изложении британских легенд при помощи традиционно скандинавских поэтических тем (междоусобные распри, вражда

сородичей, гибель всего живого) и средств (эддическими размерами, скальдической фразеологией и синтаксисом).

Список литературы

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Гальфрид Монмутский ; изд. подг. А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошеров. — Москва : Наука, 1984. — 286 с.

Михайлов, А. Д. Старофранцузский «Роман о Лисе» и проблемы средневекового животного эпоса: вступительная статья / А. Д. Михайлов // Роман о Лисе / Пер. со старофр., сост. А. Г. Наймана ; коммент. А. Д. Михайлова ; отв. ред. Г. В. Степанов. — Москва : Наука, 1987. — С. 3–34.

Старшая Эдда : древнеисландские песни о богах и героях / пер. А. И. Корсуна ; ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. — Ленинград : Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР, 1963. — 259 с.

Стеблин-Каменский, М. И. «Старшая Эдда» / М. И. Стеблин-Каменский // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. — Москва : Художественная литература, 1975. — С. 182–213.

Стеблин-Каменский, М. И. Древнескандинавская литература / М. И. Стеблин-Каменский. — Москва : Наука. 1979. — 190 с.

Топоров, В. Н. Лиса / В. Н. Топоров // Мифология : статьи для мифологических энциклопедий. — Москва : Языки славянской культуры ; Знак, 2014. — Т. 1. — С. 359–365.

Bekker-Nielsen, H. Nova historia sancti Ambrosii. Et tabt rimofficium af Gunnlaugr Leifsson / H. Bekker-Nielsen // Maal og Minne. 1958. S. 8–14.

Biskupa sögur / gáfu út Sigurgeir Steingrímsson, Ólafur Halldórsson og P. G. Foote. — Reykjavík : Hið íslenska fornritafélag, 1998. — Bd. I. — CXXXVII, 492 bls. — (=Íslenzk fornrit XV).

Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá) / ed. by R. Poole // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. — Turnhout : Brepols, 2017. — Vol. 8. Poetry in fornaldarsögur / ed. by M. Clunies Ross. — P. 38–189.

Ciklamini, M. Sainthood in the Making : the Arduous Path of Guðmundr the Good, Iceland's Uncanonized Saint / M. Ciklamini // Alvíssmál. — 2004. — H. 11. — S. 55–74. — URL: <https://userpage.fu-berlin.de/~alvissmal/11gudmun.pdf>. — (29.12.2023).

Life of Merlin : Vita Merlini / ed. by B. Clarke et al. — Cardiff : University of Wales Press, 1973. — VIII, 253 p.

Crick, J. C. Geoffrey and the Prophetic Tradition / J. C. Crick // The Arthur of Medieval Latin Literature : the Development and Dissemination of the Arthurian Legend

Поэма «Профицание Мерлина» в контексте древнеисландской пророческой традиции 78
in *Medieval Latin* / ed. by S. Echard. — Cardiff: University of Wales Press, 2011. —
P. 67–82.

Cudmore, D. Prophet, Poet, Seer, Skald: Poetic Diction in *Merlinusþá* /
D. Cudmore // *International Journal of Language Studies*. — 2018. — Vol. 12. — P. 29–
60.

Dobin, H. *Merlin's Disciples: Prophecy, Poetry, and Power in Renaissance
England*. — Stanford (CA): Stanford University Press, 1990. — 257 p.

Eysteinnsson, J. S. The Relationship of *Merlínusþá* and Geoffrey of Monmouth's
Historia / J. S. Eysteinnsson // *Saga-Book*. — 1953–1957. — Vol. XIV. — P. 95–112. —
URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XIV.pdf>. — (27.12.2023).

Faletra, M. A. Merlin in Cornwall: The Source and Contexts of John of Cornwall's
Prophetia Merlini / M. A. Faletra // *Journal of English and Germanic Philology*. —
2012. — Vol. 111. — P. 304–338.

Den norsk-islandske skjaldedigtning / udg. af Finnur Jónsson. — København:
Rosenkilde & Bagger, 1967. — A. Tekst efter håndskrifterne. — Bd. 2. — 552 s.; 1973. —
B. Rettet tekst. — Bd. 2. — 610 s. (Репринт изд. 1912–1915 гг.)

Finnur Jónsson. *Den oldnorske og oldislandske litteraturs historie* /
Finnur Jónsson. — 2. udg. — København: Gad, 1923. — Bd. II. — 994 s.

Geoffrey of Monmouth. *The History of the Kings of Britain: an Edition and
Translation of De gestis Britonum [Historia regum Britanniae]* / Geoffrey of Monmouth;
ed. by M. D. Reeve; trans. by N. Wright. — Woodbridge: *Boydell & Brewer*, 2007. —
LXXXVI, 307 p.

Gelting, M. *The Kingdom of Denmark* / M. Geltig // *Christianization and the Rise
of Christian Monarchy: Scandinavia, Central Europe and Rus' c. 900–1200* /
ed. by N. Berend. — Cambridge: Cambridge University Press, 2007. — P. 73–120.

Gransden, A. *Historical Writing in England c. 550 — c. 1307* / A. Gransden. —
London: Routledge and Kegan Paul, 1974. — XXIV, 610 p.

Gropper, S. *Breta sögur and Merlínusþá* / S. Gropper // *The Arthur of the North:
the Arthurian Legend in the Norse and Rus' Realms* / ed. by M. E. Kalinke. — Cardiff:
University of Wales Press, 2015. — P. 48–60.

Horst, S. *Die Merlínusþá: ein Gedicht von Gunnlaugr Leifsson?* / S. Horst //
Skandinavistik. — 2006. — Bd. 36. — S. 22–31.

Jarman, A. O. H. *The Merlin Legend and the Welsh Tradition of Prophecy* /
A. O. H. Jarman // *The Arthur of the Welsh: the Arthurian Legend in Medieval Welsh
Literature* / ed. by R. Bromwich, A. O. H. Jarman, B. F. Roberts. — Cardiff: University of
Wales Press, 1991. — P. 117–146.

Hauksbók : the Arna-Magnæan Manuscripts 371, 4to, 544, 4to, and 675, 4to / ed. by Jón Helgason. — Copenhagen : Ejnar Muunksgaard, 1960. — XXXVII p. — (Manuscripta Islandica 5).

Isländische Antikensagas 1 / hg. von S. Würth. München : Diederichs, 1996. — S. 98–120.

Jón Sigurðsson. Trójumanna saga ok Breta sögur, efter Hauksbók, med dansk Oversættelse / Jón Sigurðsson // Annaler for nordisk oldkyndighed og historie. — 1848. — S. 3–215; 1849. — S. 3–145.

Kalinke, M. The Arthurian Legend in Breta sögur : Historiography on the Cusp of Romance / M. Kalinke // Greppaminni : Essays in Honour of Vésteinn Ólason / ed. by Margrét Eggertsdóttir et al. — Reykjavík : Hið íslenska bók-menntafélag, 2009. — P. 217–230.

Katrín Axelsdóttir. Gunnlaugur Leifsson og Ambrósíus saga / Katrín Axelsdóttir // Skírnir. — 2005. — Bd. 179. — Bls. 337–349.

Lavender, Ph., Merlin and the Völva / Ph. Lavender // Viking and Medieval Scandinavia. — 2007. — Vol. 2. — P. 111–139.

Lavender, Ph. Oedipus industrius ænigmatum islandicorum: Björn Jónsson á Skarðsá's Riddle Commentary / Ph. Lavender // Gripla. — 2015. — Bd. XXVI. — Bls. 229–273. URL: <https://gripla.arnastofnun.is/index.php/gripla/issue/view/12> (29.12.2023).

Leach, H. G. Angevin Britain and Scandinavia / H. G. Leach. — Millwood : Kraus, 1975. — 432 p. (Репринт изд. 1921 г.)

Nivardus. Ysengrimus : Text with Translation, Commentary, and Introduction / Nivardus ; ed. by J. Mann. — Leiden : Brill, 1987. — 568 p. — (Mittellateinische Studien und Texte 12).

Mann, J. From Aesop to Reynard : Beast Literature in Medieval Britain / J. Mann. — Oxford : Oxford University Press, 2009. — XII, 380 p.

Merlínússpá: Merlins Prophezeiung / hg. von S. Horst. — München : Herbert Utz Verlag, 2012. — 237 S. — (Münchner nordistische Studien 10).

Orri Vésteinsson. The Christianization of Iceland : Priests, Power, and Social Change, 1000–1300 / Orri Vésteinsson. — Oxford : Oxford University Press, 2000. — XV, 318 p.

Padel, O. J. Geoffrey of Monmouth and the Development of the Merlin Legend / O. J. Padel // Cambrian Medieval Celtic Studies. — 2006. — Vol. 51. — P. 37–66.

Rowe, E. A. Literary, Codicological, and Political Perspectives on Hauksbók / E. A. Rowe // Gripla. — 2008. — Bd. XIX. — Bls. 51–76. — URL: <https://gripla.arnastofnun.is/index.php/gripla/issue/view/21>. — (29.12.2023).

Sveinbjörn Rafnsson. Merlínusspá og Völuspá í sögulegi samhengi / Sveinbjörn Rafnsson // Skírnir. — 1999. — Bd. 173. — Bls. 377–419.

Sverrir Jakobsson. Hauksbók and the Construction of an Icelandic World View / Sverrir Jakobsson // Saga-Book. — 2007. — Vol. 31. — P. 22–38. — URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XXXI.pdf> (29.12.2023)

Tatlock, J. S. P. *The Legendary History of Britain: Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae and its Early Vernacular Versions* / J. S. P. Tatlock. — Berkeley; Los Angeles: University of California Press in co-operation with the Mediaeval Academy of America, 1950. — XI, 545 p.

Taylor, R. *The Political Prophecy in England* / R. Taylor. — New York: Columbia University Press, 1911. — 165 p. — (Columbia University Studies in English 2: 13).

The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth / ed. by N. Wright. — Cambridge: D. S. Brewer, 1985. — Vol. 1. Bern, Burgerbibliothek, MS. 568. — 238 p.; 1991. — Vol. 4. Crick, J. C. *Dissemination and Reception in the Later Middle Ages* / J. C. Crick. — 352 p.

Turville-Petre, G. *Origins of Icelandic Literature* / G. Turville-Petre. — Oxford: Clarendon Press, 1953. — 260 p.

Veysseyre, G. *Les commentaires latins and français aux Prophetie Merlini de Geoffroy de Monmouth* / G. Veysseyre, C. Wille // Médiévales. — 2008. — Vol. 55. — P. 93–144.

Vries, J., de. *Altnordische Literaturgeschichte* / J. de Vries. — 2., völlig neubearb. Aufl. — Berlin: de Gruyter, 1967. — Bd. II. *Die Literatur von etwa 1150 bis 1300 = Die Spätzeit nach 1300.* — IX, 577 s.

Würth, S. *Der „Antikenroman“ in der isländischen Literatur des Mittelalters: eine Untersuchung zur Übersetzung und Rezeption lateinischer Literatur im Norden* / S. Würth. — Basel: Helbing & Lichtenhahn, 1998. — 294 S.

ПРОРИЦАНИЕ МЕРЛИНА. ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

MERLÍNUSSPÁ I

1. Nú skalk flotnum, þats forðum vas,
— hlýði fróðir mér fyrðar — segja,
at buðlungr sat Bretlandi at;
hét vellskati Vortígernus.

Вам расскажу сейчас, что прежде было¹,
— Внимайте мне все, мудрые люди; —
Владыка Британией правил;
Вортигерном звался щедрый².

2. Jorð vas forðum fyrr kend Bretum,
sús Englum es eignuð síðan,
þvíat in enska þjóð áðan vélti
breks ósama brezka lýði.

Прежде земля называлась в честь бриттов,
Которой англы потом завладели.
Предательство англов народ совершил³,

¹ Перевод на русский язык сделан по изданию «Прорицания Мерлина» Рассела Пула (Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá) / Ed. by R. Poole // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Turnhout, 2017. Vol. 8. Poetry in fornaldarsögur / Ed. by M. Clunies Ross. P. 38–133); параллели с текстом Гальфрида приводятся по комментариям Рассела Пула, использованным в предлагаемых ниже комментариях; ссылки на латинский текст «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского приводятся по изданию: *Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain: An Edition and Translation of De gestis Britonum [Historia regum Britanniae]* / Ed. by M. D. Reeve; trans. by N. Wright. Woodbridge, 2007; ссылки на латинский текст прорицаний Мерлина Гальфрида Монмутского приводятся по изданию: *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth* / Ed. by N. Wright. Cambridge, 1988. Vol. 2. The First Variant Version: A Critical Edition; перевод «Истории бриттов» Гальфрида Монмутского, сделанный А. С. Бобовичем, приводится по изданию: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина* / Изд. подг.: А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошерв. М., 1984.

² Вортигерн — предводитель бриттов V в., который по преданию пригласил саксов в свою страну: «все, включая их короля Вортигерна, согласились с тем, что следует призвать на помощь саксов из-за моря. Как показали дальнейшие события, это зло было послано им Божиим промыслом в наказание за все их нечестивые дела» (*Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов* / Пер. с лат., вступ. статья, комментарии В. В. Эрлихмана. СПб., 2001. Глава 14).

³ Мотив предательства восходит к легендарному рассказу о заселении Британских островов англами и саксами (Ср. «Не так давно упомянутые народы хлынули на остров, и вот уже число пришельцев возросло настолько, что они начали наводить ужас на призвавших их местных жителей. Внезапно они заключили временное перемирие с пиктами, которых до этого разбили и прогнали, и повернули оружие против своих союзников. Сначала они заставили бриттов снабдить их большим количеством пищи, потом же, ища предлога для ссоры, потребовали еще припасов,

Потерю страны бритты отвергли⁴.

3. Ok láð þeira með liði miklu
sjölf eignaðisk í sögum fornum.
Ok, þars kristnir kænir byggja,
áðr tók heiðin þjóð hallir smíða.

Страной своею, с ратью огромной,
Сами завладели, как древние саги гласят,
Где мудрые христиане живут,
Строил народ языческий прежде палаты⁵.

4. Es áttbogi enskrar þjóðar
saxneskr sagaðr í sögum fornum.
Raðan eflðusk þeir til þrimu geira
landi at ræna lofðung Breta.

Род англов народа
К саксам восходит, так древние саги гласят,
Там укрепились они для грома копий (= *битвы*)
Дабы правителя бриттов земли лишить⁶.

5. En hers jaðarr halda máttit
brezkri jörðu né bauga fjöld.
Alt fór inn heiðni herr it eystra
eldi ok jarni eylands jaðar.

Не сумел удержать предводитель войска (= *Вортигерн*)
Ни землю бриттов, ни многие кольца,
Весь остров язычников рать захватила
С востока до самого края, огнем и железом⁷.

угрожая иначе разорвать договор и опустошить весь остров» (пер. В. В. Эрлихмана: *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англов. Глава 15).

⁴ «А бритты отвергли потерю страны»: *ósama breks* — букв. «которые были недовольны грабежом страны». В поэме подразумевается, что бритты не давали согласия на захват англами страны, но были обмануты лживыми обещаниями иноземцев.

⁵ «Завладели сами»: местоимение *sjölf* — сами относится к словосочетанию «народу англов» (*in enska þjóð*), которое было употреблено в предшествующей строфе.

⁶ Рассел Пул считает, что наречие «там» (*Raðan*) подчеркивает, что саксы прибыли на Британские острова издалека, с континента: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, *Merlínusspá*). P. 50.

6. En hertogi hœlis leitar;
gerisk traustan turn tyggi at smíða.
Ok þangat til þeirar gerðar
samnar mǫrgum mildingr smíðum.

Вождь, однако, крепость ищет,
Велит построить надежную башню.
Тогда правитель для той работы
Там собирает много кузнецов⁸.

7. Kómu til smíðar spakir vǫlundar
— þats ýtum sagt — uppi í fjalli.
En, þats drengir á degi gerðu,
sá þess engan stað annan morgin.

Явились работать кузнецы искусные⁹
Наверху на горе — так сказано людям.
Но того, что мужи днем сотворили,
Наутро уже нигде не видать¹⁰.

⁷ «С востока до самого края» — *eustra jaðar eylands*. Как предполагает Рассел Пул (*Ibid.* P. 51), упоминание о востоке восходит к «Церковной истории англов» Беда Достопочтенного, по мнению которого вторжение англов происходило в восточной части острова — «*in orientali parte insula*»: *Bede's Ecclesiastical History of the English People* / Ed. by B. Colgrave and R. A. B. Mynors. Oxford, 1969. P. 50 (I, 15).

⁸ Строфы 6 и 7 основаны на тексте «Истории королей Британии» Гальфрида Монмутского: «*Vocatis denique magis suis, consuluit illos iussitque dicere quid faceret. Qui dixerunt ut aedificaret sibi turrim fortissimam quae sibi tutamen foret, cum ceteras munitiones amisisset. ... Venit tandem ad montem Erii, ubi coadunatis ex diuersis patriis caementariis iussit turrim construere*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 137 [499–503]) — «Призвав затем своих прорицателей, он с ними посоветовался и повелев им наставить его, что ему подобает делать. Они ответили, что раз он лишился всех своих крепостей, ему надлежит построить для себя мощную башню, дабы он располагал ею как своею твердыней. ... Он прибыл наконец к горе Эрир и, собрав туда отовсюду работников, приказал воздвигнуть там башню» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 72).

⁹ «Кузнецы»: в оригинале существительное множественного числа *vǫlundar*, восходящее к имени собственному Вёлунд (*Vǫlundr*), в скандинавской мифологии чудесный кузнец, правитель альвов (ср. в «Старшей Эдде» «Песнь о Вёлунде»).

¹⁰ Одним из источников строфы 7 послужил текст Гальфрида Монмутского: «*Conuenientes itaque lapidarii coeperunt eam fundare. Sed quicquid una die operabantur, absorbebat tellus illud in altera, ita ut nescirent quorsum opus suum euanesceret*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 137 [§ 106 (503–506)]) — «Собранные ради этого каменотесы и каменщики принялись класть ее основание. Но все, что они наработали за день, назавтра поглощала земля, так что они никак не могли взять в толк, куда девались плоды их трудов» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 72).

8. Kalla lét fylkir fróða seggi;
 frá gunnþorinn gramr hvat olli,
 es gǫrла hvarf grundvǫllr sá brott,
 se*m grund gǫmul gleypði steina
 eða þhamloðin harmin seldi†.

Собрать повелел правитель мудрых мужей;
 Смелый в сраженьях князь спросил,
 Отчего постройка напрочь исчезла¹¹,
 Будто проглотила камни древняя земля,
 Или горе постигло, обличья лишенное¹².

9. Einn vas maðr sá, es myrkva frétt
 fyr skata skýrum skynja kunni.
 Hét yngva vinr Ambrósíus,
 en inn ágæti ǫðru nafni
 Merlínus sá maðr kallaðisk.

Мог лишь один человек объяснить,
 Мудрому владыке темный знак¹³.
 Звался Амвросием друг короля,
 Знатный, однако, имя иное имел,
 Мерлином тот человек прозывался.

10. Þat kvað valda verdags hǫtuðr,
 at þar undir vas ólítit vatn.
 Bauð grund grafa gumna stjóri;
 reynisk spaklig spámanns saga.

Сказал ненавистник дня моря
 (день моря = золото, враг золота = щедрый муж = Мерлин),

¹¹ Первые строки строфы 8 восходят к тексту Гальфрида: «Cumque id Vortegirno nunciatum fuisset, consuluit iterum magos suos ut causam rei indicarent» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 137 [506–507]) — «Когда Вортегирна уведомили об этом, он снова обратился к своим прорицателям, дабы те разъяснили причину происходящего» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 72).

¹² «Или горе постигло, обличья лишенное» — «еда þhamloðin harmin seldi†». Строка до сих пор представляет трудности для толкования. Предлагалась конъектура «еда hám glóða garmi seldi» — «или дал великому волку углей» (кеннинг огня): *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 53.

¹³ «Знаю» — frétt. Существительное frétt имеет значение «знак, знамение, предзнаменование».

Причина в озере немало там внизу¹⁴,
 Приказал копать землю повелитель людей (=Вортигерн),
 Провидца сага мудрой оказалась.

11. Ok inn fróði halr frétti lofða,
 hvat und vatni væri niðri.
 Ok, es engi þat annarr vissi,
 sagði fylki fleinþollr spökum:

Муж умный спросил людей,
 Под водою что под озером там.
 И когда никто другой не знал¹⁵,
 Мудрому вождю сказал яшень копья (=Мерлин):

12. ‘Sofa þar í dimmu djúpi niðri
 tvennir ormar tveim hellum í.
 Þeir eru lindar lands ólíkir;
 sék rauða seil rás ok hvíta.

Внизу там в мрачной глубине спят
 Змея два в пещерах двух¹⁶.
 Те ремни земли (=змеи) друг на друга не похожи;

¹⁴ Строфа 10 основана на тексте Гальфрида: «Tunc ait Merlinus, qui et Ambrosius dicebatur: “Domine mi rex, uoca operarios tuos et iube fodere terram, et inuenies stagnum sub ea quod turrim stare non permittit”. Quod cum factum fuisset, repertum est stagnum sub terra, quod eam instabilem fecerat» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 141 [§ 108 (565–569)]) — «Тогда Мерлин, прозывавшийся и Амброзием, проговорил: “Владыка король, призови строителей и прикажи им выкопать в земле яму поглубже, и ты обнаружишь озеро, которое не дает башне должной опоры”. Когда это было исполнено, под землей действительно оказалось озеро, в котором и крылась истинная причина неустойчивости основания башни» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 73).

¹⁵ Строфа 11 восходит к тексту Гальфрида: «Ammirans continuo rex super uerbis illius iussit uenire magos et coram Merlino sedere. Quibus ait Merlinus: “<...> ...dicite michi quid sub fundamento latet”. <...> Exrauescentes autem magi conticuerunt» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 141 [§ 108 (559–565)]) — «Озадаченный тем, что сказал юноша, король повелел прорицателям явиться безотлагательно и сесть перед Мерлином, и тот обратился к ним с такими словами: “...скажите, что, по-вашему, сокрыто под основанием...” Оробевшие прорицатели промолчали» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 73).

¹⁶ Строфа 12 амплифицирует текст Гальфрида: «“...et uidebis in fundo duos concauos lapides et in illis duos dracones dormientes”. <...> ...Egressi sunt duo dracones, quorum unus erat albus et alius rubeus» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 141 [573–574], 145 [26]) — «“...и ты увидишь на его дне два полых внутри камня и в них двух спящих драконов”. <...> ...Вышли внезапно два дракона, один белый, а второй — красный» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 73, 74). Под красным драконом Гальфрид подразумевает народ бриттов, а под белым — племена германцев: саксов и англов.

Вижу я красную веревку земли (=змею) и белую¹⁷.

13. 'Lát grund grafa, gera skorninga,
sagði Merlínus menja deili.
'Veitið vatni, ok vitið síðan,
hvat spát hafi spillir bauga,
— þat es nýlunda — niðr ór fjalli.'

Мерлин сказал раздавателю ожерелий (=щедрому человеку = *Вортигерну*):

«Вели копать землю, рыть каналы¹⁸,
— Узнаешь тогда — и озеро осуши,
Уничтожитель колец (=щедрый человек = *Мерлин*), что прорицал
— Внизу под горой — вот эту новость¹⁹.

14. Gerðu greppar, þats gumnum bauð;
varð vatni niðr veitt ór fjalli.
Ok seimgefendr snáka þekðu
tryggðarlausa, sem Týr firum
hafði Hristar hugspár sagat.

Сделали люди, как мужам приказал,
Осушили озеро внизу под горой²⁰.
Сокровищ раздаватели (=щедрые мужи) змей узрели,
Вероломных, как Тюр Христ (=Тюр битвы = муж = *Мерлин*)²¹
Воинам сказал разумом мудрый.

¹⁷ Кеннинги змеи («веревки земли», «ремни земли»), употребляющиеся в поэме, связаны с образом мирового змея Ёрмунганда, который опоясывает землю.

¹⁸ Начало строфы 13 содержит точный перевод текста Гальфрида: «Praecipere hauriri stagnum per riuiolos» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 141 [573]*) — «Распорядись, властитель, спустить озеро по канавкам» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 73*).

¹⁹ В строфе 13 используется переплетение предложений, характерное для скальдического синтаксиса: Veitið vatni ... niðr ór fjalli — «осуши озеро ...внизу под горой».

²⁰ Строфа 14 варьирует строку Гальфрида: «Credidit rex uerbis eius quia uerum dixerat de stagno et iussit illud hauriri» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 141 [§ 108 (575)]*) — «Король поверил и этому предвещанию юноши, ибо все, что тот говорил об озере, полностью оправдалось, и приказал его осушить» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 73*).

²¹ «Тюр Христ» (=Тюр битвы = муж = *Мерлин*) — Týr Hristar. В использованном в строфе 14 кеннинге Тюр Христ (Тýр Hristar) имя валькирии Христ, как считает Рассел Пул, служит для обозначения битвы, подобно более часто встречающемуся имени валькирии Хильд (hild). Следовательно, словосочетание Тюр битвы оказывается обычным скальдическим кеннингом мужа, воина (Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 57).

15. Ok drjúgligir drekar vǫknuðu;
gerðusk báðir brott úr rúmi.
Rennask síðan snart at móti
fróns fásýnir frœknir baugar.

И пробудились мощные змеи
Прочь обе ушли с лежбищ своих.
Бросились быстро тогда друг на друга²²
Редко виденные свирепые кольца земли (=змеи).

16. Gerisk sókn mikil snáka tveggja;
gara grimmliga grundar belti.
Hǫggvask hæknir hauðrs gyrðingar,
blásask eitri á ok blóm eldi.

Битва великая грядет меж двух змей,
Ремни земли (=змеи) злобно глазют.
Бьют друг друга жестокие ремни земли (=змеи),
Бушуют ядом и синим огнем²³.

17. Forflótti vas fránn inn rauði;
bar inn ljósi hann liðr at bakka.
En hann hagliga hrökk at móti;
elti hann inn hvíta hugtrúr dreka.

Змей красный в бегство обратился.
Змей белый к берегу его прижал.
Но он (=красный змей) для борьбы живо свернулся,
Змея белого он, отважный, погнал²⁴.

²² Строчка 15 представляет собой амплификацию всего одной строки Гальфрида: «Cumque alter alteri appropinquasset» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 14 [27]*) — «Когда они приблизились друг к другу».

²³ Подобно предшествующей строке, строка 16 развивает единственную строку Гальфрида: «...commiserunt diram pugnam et ignem anhelitu procreabant» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 145 [27–28]*) — «...они вступили в ожесточенную схватку, извергая из ноздрей языки пламени» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 74*), дополняя текст Гальфрида сообщением о яде и синем пламени, которые изрыгают змеи.

²⁴ Строчка 17 восходит к тексту Гальфрида: «Praeualebat autem albus draco rubeumque usque ad extremitatem lacus fugabat. At ille, cum se expulsum doluisset, impetum fecit in album ipsumque retro ire coegit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 145 [28–30]*) — «Одолевал белый дракон, и он уже прогнал красного до самого края озера, но тот, раздосадованный, что белый

18. Þeir víg gera vatns farveg í,
 ok lengi hvatt linnar berjask.
 Mega ormar þar ýmsir meira
 ok ýmsir þar undan leggja.

Бьются в бою они в озера устье²⁵,
 Борются змеи долго и злобно.
 Верх то один змей, то другой там держит,
 Внизу то один там, то другой укрывается²⁶.

19. ‘Seg, Merlínus,’ kvað menbroti,
 ‘— est þú fróðari fyrðum oðrum —,
 hvat tákna mun tveggja orma
 ógurligt víg aldar bǫrnum.’

«Мерлин, скажи,— молвил дробитель ожерелий (=Вортигерн),
 — мудрее ты других людей, —
 Что означает грозная битва
 Змеев двух для детей мужей»²⁷.

20. Grét gumna vinnr, es hann greiða bað
 þengill gofugr þessa hegju.
 Ok eptir þat aldar snytrir
 rokstæltá spá rekkum sagði.

Печальным стал друг мужей (=Мерлин), когда его попросил
 Правитель знатный объяснить событие это.
 И после того учитель людей (=Мерлин)
 Пророчество мудрое мужам изрек²⁸.

дракон берет над ним верх, бросился на него и заставил противника податься назад» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 74*).

²⁵ «Озера устье» — farveg vatns. Существительное farvegr (букв. «дорога странствия») обычно употребляется в описании реки, а не озера. См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 60.

²⁶ Строфа 18 распространяет строку Гальфрида, содержащую краткое упоминание о битве змей: «Ipsis ergo in hunc modum pugnantibus...» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 111 (30–31)]) — «И пока они бились подобным образом» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 74*).

²⁷ Строфа 19 амплифицирует одно предложение Гальфрида: «...praecipit rex Ambrosio Merlino dicere quid proelium draconum portendebat» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 111 (31–32)]) — «...король повелел Амброзию-Мерлину разъяснить, что предвещает эта битва драконов» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 74*).

21. ‘Táknar inn rauði rás fagrslí,
 kvað bjóðr bragar, ‘brezka lýði,
 en inn hvíti naðr ina heiðnu þjóð,
 es byggja mun brezkar jarðir.

Представляет красивая красная веревка земли (=змея), —
 Податель поэзии (=Мерлин) сказал, — бриттов народ,
 Представляет язычников белый змей,
 Которые земли бриттов займут²⁹.

22. ‘Es harmr mikill hǫldum at segja;
 segik sigr hafa snák inn hvíta.
 Láð mun leggjask ok lýða fjöld;
 munu dreyr gar ár ór dǫlum falla.

Великое горе людям объявят;
 Победа будет у белого змея, — скажу, —
 Подчинит себе землю и многих людей;
 Падут из долин кровавые реки³⁰.

23. ‘Farask mun krístni, kirkjur falla;
 sás harmr hǫfugr; herr es í landi.
 Þá mun enn eflask in auma þjóð;

²⁸ Основанная на краткой строке Гальфрида («Mox ille, in fletum erumpens, spiritum hausit prophetiae et ait...») (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 111 (32–33)]) — «И тот, обливаясь слезами, исполнился пророческого наития и возгласил» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 74), строфа 20 включает кеннинги Мерлина и определение его прорицания (rǫkstæltá spá — «обоснованное, то есть опирающееся на знаменья, мудрое прорицание»).

²⁹ Строфа 21 восходит к тексту Гальфрида: «Cavernas ipsius occupabit albus draco, qui Saxones quos inuitasti significat. Rubeus uero gentem designat Britanniae, quae ab albo opprimetur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 112 (34–36)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (1)]) — «Пещеру его займет белый дракон, который олицетворяет призванных тобой саксов, тогда как красный-исконное племя бриттов, каковое будет утеснено белым драконом» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 74).

³⁰ Строфа 22 основана на тексте Гальфрида: «Vae rubeo draconi; nam exterminatio eius festinat. <...> Montes itaque eius ut ualles aequabuntur, et flumina uallium sanguine manabunt» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 112 (34, 36–37)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (1)]) — «Горе дракону красному, ибо близится его унижение. <...> Горы Британии сравняются с ее долами, и реки в долах ее станут струиться кровью» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 74–75).

áðr es harðla hnekt hennar kosti.

Исчезнут крещеные, церкви падут;
Горькое горе — войско (*чужое*) в стране.
Тогда обретет силу несчастный народ,
Тяжкий ущерб благу его нанесен³¹.

24. ‘Mun þar í líki lofðungr koma
— sás vegligastr — villigaltar.
Hann fulltingir fárôðum her
ok und fótum trøðr ferðir Saxa.

Правитель туда придет
— Доблестный самый — в обличье дикого вепря.
Поможет он беспомощной рати
Растопчет ногами саксов войска³².

25. ‘Fersk undir hann foldu grœnni
ok eyja fjöld í úthafi,
Íra ok Engla ok Út-Skota,
víðum lönndum valskra þjóða,
Nóregs síðu ok Norðr-Dana.

Ему подчиниться зеленая страна
Островов множество в открытом океане,
Иров и англов и далеких скоттов,
Огромные земли народа франков,
Норвегии берег и северных данов (*страна*)³³.

³¹ Строфа 23 основана на тексте Гальфрида: «Cultus religionis delebitur, et ruina ecclesiarum patebit. Praeualebit tandem oppressa et saeuiciae exterorum resistet» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 145 [§ 112 (38–39)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (1, 2)]*) — «Почитание истинной веры иссякнет, и взорам предстанут развалины Господних церквей. И все же вера, гонимая и утесняемая, в конце концов возьмет верх и устоит перед свирепостью иноземцев» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*).

³² Строфа 24 восходит к тексту Гальфрида: «Aper etenim Cornubiae succursum praestabit et colla eorum sub pedibus suis conculcabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 145 [§ 112 (39–40)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (2)]*) — «Придет на подмогу и вепрь из Корнубии и своими копытцами растопчет их выи» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*). В описании короля Артура как вепря в поэме используется сравнение, однако опускается упоминание Корнуола. См.: *Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 63*.

26. 'Ok Rúmverjar ræsi ugga;
 megut reisa þeir rǫnd við stilli.
 Mart veitk annat of menbrota,
 en ógløgt sék ørlǫg konungs.

Правителя убоятся римляне;
 Поднять на владыку не смогут щита они³⁴.
 Про дробителя ожерелий (=Артура) много другого я знаю,
 Но судьбу конунга неясно я вижу³⁵.

27. Hann munu tígna tungur lýða;
 sá mun gramr vera gumnum tíðastr.
 Eу mun uppi ǫðlings frami
 ok hans hróðr fara með himinskautum.

Прославят его уста людей;
 Правитель станет самым известным среди мужей³⁶.
 Запомнят навечно доблесть владыки³⁷,

³³ Строфа 25 развивает одну строку Гальфрида: «Insule oceani potestati ipsius subdentur, et Gallicanos saltus possidebit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 145 [§ 112 (41)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (2)]*) — «Господству его подпадут на океане лежащие острова, и он овладеет Галльскими лесами и рощами» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*). Предполагалось, что создатель поэмы расширяет географию завоеваний Артура по сравнению с текстом Гальфрида (*Eysteinsson J. S. The Relationship of Merlínússþá and Geoffrey of Monmouth's Historia // Saga-Book. 1953–1957. Vol. XIV. P. 95–112. URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XIV.pdf> (27.12.2023)*). Интерес создателя поэмы к североатлантическим и скандинавским народам и странам можно заметить в упоминаниях таких этнонимов, как иры, англв, скотты, франки, северные даны, а также Норвегии (но не Исландии). В строфе употребляются несколько окказиональных слов, таких как úthafi — «внешний океан», Út-Skota — «внешние скотты» (то есть скотты, населяющие острова), Norðr-Dana — «северные Дань».

³⁴ Как считает Рассел Пул, выражение «поднять щит на кого-то» (reisa rǫnd við) значит «противостоять», «отражать нападение»: *Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínússþá). P. 65*.

³⁵ Строфа 26 распространяет предложение Гальфрида: «Tremebit Romulea domus saeuiciam ipsius, et exitus eius dubius erit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 145 [§ 112 (42)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (2)]*) — «Вострепещет дом Ромулов пред его свирепостью, и будущее римской державы станет сомнительным» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*). Дом Ромулов = Рим.

³⁶ Строфа 27 развивает текст Гальфрида: «In ore populorum celebrabitur, et actus eius cibus erit narrantibus» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 145 [§ 112 (42–43)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (2)]*) — «Уста народов станут его прославлять, и его деяния доставят пищу повествователям» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*).

³⁷ Формулы mun eu uppi «всегда будут помнить» и vera uppi «жить в памяти» используются в исландской пророческой поэзии: в «Пророчестве Грипира» (Gríp 23/5: «fvi at uppi mun, meðan öld lifir, / naddéls boði, nafn þitt vera» — «Всегда будут помнить, пока существует мир, зачинатель

И похвала ему достигнет краев небес³⁸.

28. ‘Ok óttungar ins ítra grams
laða at lofðungi landi ok þegnum.
En eptir þat orms ins hvíta
verðr meira vald en verit hafði.

Потомки владыки славного
Привлекут к правителю земли и людей.
После того у белого змея
Прибудет силы, больше, чем прежде³⁹.

29. ‘Honum fulltingir Fenrir sjóvar,
þeims Affríkar útan fylgja.
Verðr kristnibrot of kyni þjóðar;
þó munu sjalfir síðar nokkvi
enskir lýðir allir skírask.

Поможет тому Фенрир⁴⁰ моря,

сражений, имя твое»; Gríp 41/3: «því mun uppi, meðan öld lifir, / þjóðar þengill, þitt nafn vera» — «всегда будут помнить, пока существует мир, правитель мужей, имя твое»); в поэме Арнора Ярлова Скальда «Хрюнхенда» (Arn Hryn 15/1^{II}: «Kerpin vannt, þats æ mun uppi, / Yggjar veðr, meðan heimrinn byggvisk» — «Ты сражался, яростный, в буре Игга (= Одина, буря Одина = битва), которую всегда будут помнить, пока мир населен») и в поэме «Драпа Короткого Плаща» (Stutfeldardrápa) скальда Торарина Короткий Плащ: «Eу mun uppi Endils, meðan stendr sólborgar salr, svǫrgæðis fǫr» (Þstf Stuttðr 5) — «Всегда будут помнить поход кормителя птицы Эндиля (Эндиль – морской конунг, птица Эндиля = ворон, кормитель ворона = воин), до тех пор пока стоят палаты солнца (=земля).

³⁸ Сложное слово himinskaut — «края небес» используется в исландских пророческих песнях: в «Песни о Хюндле» (Hundl 14/8: «hvarfla þóttu hans verk með himins skautum» — «его деяния были известны у краев небес») и в «Пророчестве Грипира» (Gríp 10/8: «Sér þú Sigurðar snög brögð fyrir, / þau er hæst fara und himinskautum» — «Видишь ли ты отважные подвиги Сигурда, самые великие под краями небес?»).

³⁹ Строфа 28 основана на тексте Гальфрида: «Sex posterī eius sequentur sceptrum, sed post ipsos exsurget Germanicus uermis» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 112 (43–44)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (3)]) — «После него будет еще шесть венценосцев, но затем воспрянет германский змий» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). В примечаниях к изданию текста Гальфрида Монмутского приводятся пять имен королей: Константин, Аврелий Конан, Вортипорий, Мальгон, Каретик. Гильдас, к которому восходят имена королей Гальфрида, упоминает еще одно, шестое имя короля Кунегласа (*Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 247).

⁴⁰ «Фенрир моря» — Fenrir sjóvar. В построенном по модели кеннинга обозначении африканского царя Гормунда (см. примечание 42) упоминается мифологическое имя Фенрир (Fenrir), сын Локи и великанши Ангрбоды, о котором рассказывается в «Младшей Эдде»: «Волк страшно разевал пасть и метался и хотел всех покусать. Они же просунули в пасть ему меч: рукоять уперлась под язык, а острие — в небо. И так распирает меч ему челюсть. Дико он воет, и бежит слона из его пасти рекою, что зовется Вон. И так он будет лежать, пока не придет конец света» (перевод О. А. Смирницкой: *Младшая Эдда*. / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л.,

Кого африканцы чтят издалека.
 Христианство отвергнут родные народы⁴¹;
 Позднее немного, однако, сами
 Примут крещение все люди англов⁴².

30. Líðr byskups stóll Lundúnum ór
 í ina breiðu borg Kantara.
 Ok langa tígn Légíónum
 taka mun in mæta Menelógía.

Престол епископа перенесут из Лондона⁴³
 В Кентербери широкий город⁴⁴,
 И Каерлеона долгую славу⁴⁵
 Наследует великая Менелогия⁴⁶.

1970. С. 52). Волк Фенрир, брат Хель и Мирового Змея Ёрмунганда, ассоциируется в скандинавской мифологии с эсхатологией и концом света (Ragnarøk), ему суждено стать убийцей Одина.

⁴¹ «Христианства разрыв» (kristnibrot) представляет собой окказионализм в поэзии. См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 63.

⁴² Строфа 29 восходит к одной строке Гальфрида: «Sublimabit illum aequoreus lupus, quem Affricana nemora comitabuntur. Delebitur iterum religio...» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 112 (45–46)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2*. P. 102 [§ 112 (3)]): «Возвеличит его водный волк в сопровождении африканских лесов. Снова иссякнет вера...» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). В прорицании идет речь о том, что саксы зовут на помощь африканского царя Гормунда, который подчинил Ирландию и потому зовется «волком с моря», он приводит с собой войско, состоящее из 160 тысяч африканцев (главы 184, 186, 191). Источником поэмы, рассказывающем о крещении англов, могла быть «Церковная история англов» Беда Достопочтенного (I, XXXIII–XXXVI).

⁴³ Строфа 30 основана на тексте Гальфрида: «...et transmutacio primarum sedium fiet. Dignitas Lundoniae adornabit Doroberniam... Menevia pallio Urbis Legionum induetur...» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 145 [§ 112 (46–49)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2*. P. 102 [§ 112 (3)]) — «...и переместятся епархии. Лондонский епископат украсит собой Доробернию... Мeneвия облачится в мантию Города Легионов» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). О существовании престола архиепископа в Лондоне с римских времен известно не только из истории Гальфрида (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 112–113). Мeneвия (Сейнт-Дейвидс) считается местом погребения Святого Давида, архиепископа Города Легионов (Каэрлеона) (глава 179). См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 68.

⁴⁴ Кентербери — borg Kantara, город людей Кента.

⁴⁵ Каерлеон (в Прорицании Мерлина сохраняется форма латинского родительного падежа, множественного числа (Légíónum). Об архиепископском престоле в Каерлеоне до завоевания саксов упоминает только Гальфрид Монмутский (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 254–255). В Прорицании Мерлина заметно стремление возродить престол архиепископа в Каерлеоне (*Tatlock J. S. P. The Legendary History of Britain: Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae and its Early Vernacular Versions*. Berkeley; Los Angeles, 1950. P. 266, 415).

⁴⁶ «Наследует великая Менелогия» (Menelógía). Менелогийон (menologion, menologia) — литургический календарь греческой православной церкви, содержащий жития святых. Однако Рассел Пул допускает вариант с конъектурой Мeneвия (Menevia, Menovia): *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 68. В Мeneвии (валл. Мунуу), согласно Гальфриду Монмутскому (глава 179), почил и был погребен Святой Давид (валл. Туддеви), архиепископ Каерлионский.

31. ‘Stór verða røk, rignir blóði,
 hár snarpr at þat sultr mannkyni.
 En inn rauði snákr eflisk síðan;
 fær hann af miklu mátt erfiði.

Пойдут кровавые дожди, великие чудеса случатся,
 Поразит род людской жестокий голод при этом.
 Красный змей тогда соберется с силами;
 Прибудет мощь от трудностей многих⁴⁷.

32. ‘Líðr nauðr yfir nauðr inn hvíta;
 es hans kyn kvalit ok konur ristnar.
 Rænt es hann borgum ok búi mǫrgu,
 fé hvers konar, foldu grœnni;
 eru grimmliga gumnar drepnir.

Истерзают невзгоды белого змея;
 Его род сокрушится и жен разрежут,
 Отнимутся у него города и многие владения,
 Имущество всякое, земля зеленая.
 Убиты мужи будут жестоко⁴⁸.

33. ‘Hníga fyr brezkum bragninga kon
 siklingar sjau, sigri numnir.

⁴⁷ Строчка 31 восходит к тексту Гальфрида: «Pluet sanguineus imber, et dira fames mortales afficiet. His superuenientibus, dolebit rubeus sed emenso labore uigebit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (50–51)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (3, 4)]) — «Будет низвергаться кровавый дождь, и свирепый голод изнурит смертных. Красный дракон будет охвачен скорбью, претерпевая все это, но, перестрадав, снова окрепнет» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75).

⁴⁸ Строчка 32 основана на тексте Гальфрида: «Tunc infortunium albi festinabit et aedificia ortulorum eius diruentur. <...> Ventres matrum secabuntur, et infantes abortiui erunt. Erit ingens supplicium hominum ut indigenae restituantur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (51–55)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (4)]) — «Тогда белого дракона постигнут бедствия, и в садах его рухнут здания... Материнские чрева будут иссечены, и младенцев извлекают из них недоношенными. Случится великое истребление сынов человеческих, дабы восстали из праха исконные обитатели острова» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). Пророчество описывает победу бриттов и отвоевание ими своей страны под предводительством Кэвалло. Как предполагает Рассел Пул, в выражении ok konur ristnar — «и женщин разрежут» можно заметить смягченное описание страшной участи женщин у Гальфрида (*Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá)*. P. 70).

Ok heilagr verðr herja deilir
einn af enskum qðlingum sjau.

Падут пред отпрыском правителей бриттов (=Кэдвалло)
Победы лишенных, семь королей,
Повелитель войск (=Святой Освальд) станет Святым
Один из семи английских владык⁴⁹.

34. ‘Sá, es slíkt gerir, mun sjalfr taka
eirmann á sik, aldar stjóri;
ok of hô hliði hilmir síðan
eirhesti á ítarligr sitr.
Gætir Lundúna lofsæll konungr.

Примет сам тот, кто делает это,
Медное обличье на себя, вождь людей (=Кэдвалло);
Правитель на вратах высоких с той поры
На медном коне восседает во славе,

⁴⁹ Строфа 33 амплифицирует строку Гальфрида: «Septem sceptrigeri perimentur, et unus eorum sanctificabitur (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (52–53)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (4)]) — «Погибнут семь венценосцев и один из них будет причислен к лику святых». В «Прорицании Мерлина» говорится о кончине Святого Освальда (605 — 5 августа 642) и гибели вождей саксов, о которых повествуется в главах 189–199 «Истории» Гальфрида Монмутского. Валлийский правитель Кэдвалло (Кадваллон) в начале VII в. вступил в союз с мерсийским вождем Пендой, чтобы разбить англосаксов в Нортумбрии, однако был разгромлен нортумбрийским королем Освальдом в 633 г. Освальд погиб от рук Пенды в 642 г. (*Stenton F. Anglo-Saxon England*. Oxford, 1971. P. 80–82) и был канонизован. Как и поэма «Прорицание Мерлина», рассказ о Святом Освальде инкорпорирован в «Саги о бриттах» и состоит из трех частей. В первой говорится о том, как король бриттов Кэдвалла преследовал нортумбрийского правителя Освальда до границы с Шотландией, а затем послал сражаться с ним мерсийского военачальника Пенду. Окруженный войском Пенды, Освальд повелел воздвигнуть крест, призвал к нему своих воинов, приказал им встать на колени и обратиться к Господу молитву о помощи, после чего одержал победу над врагом. Во второй части идет речь о том, что Кэдвалла, узнав о победе Освальда, собрал огромную рать, которая численно превосходила войско Освальда. Поняв, что сопротивление бесполезно, Освальд сел, закрыл лицо ладонями, погрузился в молитву обо всех участниках битвы, и отошел ко Господу. Люди говорили, что Пенда мог придти и убить его, однако после этого все воины обратились в бегство. В третьей части рассказа о Святом Освальде идет речь о чуде излечения, когда старик из войска Кэдвалла с глубокой раной на руке, споткнулся, невольно омочил свою руку в крови короля Освальда и получил немедленное исцеление. Рассказ о чуде и описание кончины Освальда не встречаются в других источниках о святом. Предполагалось, что создатель саги мог заимствовать их из глоссы в тексте латинского жития Святого (*Wirth S. Der „Antikenroman“ in der isländischen Literatur des Mittelalters: Eine Untersuchung zur Übersetzung und Rezeption lateinischer Literatur im Norden*. Basel, 1998. S. 77). Однако возможно, что создатель саги почерпнул сведения о Святом Освальде из «Церковной истории англо» Беда Достопочтенного, хотя житие Святого рассказывается в ней не совсем так, как в саге (Освальд одержал победу над Кадваллоном, но был убит Пендой). Агиографические фрагменты в саге тоже могли появиться под влиянием сочинения Беда, в котором присутствуют многочисленные рассказы о Святых, включенные в историческое повествование.

Лондон хранит знаменитый конунг⁵⁰.

35. Þá gerisk þat of þjóð Breta,
 es þeim enn hefir áðr of grandat,
 at þeir sjalfir sízt sáttir verða.
 Deila þeir of veldi ok of víða fold;
 eru kappsamar kindir brezkar.

Тогда случится у народа бриттов,
 То, что уже вредило им в прошлом,
 Разлад у них самих наступит.
 Будут они бороться за власть и обширные земли,
 Бриттов роды соперничать станут⁵¹.

36. Kemr bardagi buðlungr himins
 ákafr of her, ári steypir.
 Kvelr inn harði helverkr fira;
 megut dauðan her dróttir hylja.
 Líðr sultr ok sótt at sigrviðum
 — missir manna — mǫrg stríð hǫfug.

Царя небес (=Бога) бедствие страшное
 Падет на людей, урожай уничтожит.

⁵⁰ Строфа 34 основана на тексте Гальфрида: «Qui faciet haec aeneum uirum induet et per multa tempora super aeneum equum portas Londoniae seruabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (55–56)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 102 [§ 112 (4)]) — «Кто это свершит, того облекут бронзовым мужем, и он на таком же коне долгие годы будет стеречь врата Лондона» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). В прорицании идет речь о том, что тело короля Кэдвалло положат в медную гробницу (в исландской поэме, как и в оригинале, употребляется окказионализм, сложное слово «медный муж» — *eirmann*) (ср. *Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 276–277), а затем сделают конную статую (в исландской поэме, как и в оригинале, употребляется окказионализм, сложное слово «медный конь» — *eirhesti*, ср. *eirhestr* в «Сагах о бриттах») (*Tatlock J. S. P. The Legendary History of Britain*. P. 375).

⁵¹ Строфа 35 дает развернутое описание внутренних распрей бриттов на основании всего одной строки Гальфрида: «Exin in proprios mores reuertetur rubeus draco et in se ipsum saeuire laborabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (56–57)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 112 (5)]) — «Затем красный дракон вернется к прежним делам своим и примется упорно вредить себе самому» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75), вероятно, дополняя ее текстом Беда Достопочтенного (*Bede's Ecclesiastical History of the English People*. P. 66–69 [I, 22]). Как пишет Гальфрид Монмутский (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 277–279 [Liber XI, 513–529]), Кадуаладрус Cadualadrus (или Кадвалладер Cadwallader, которого Беда называет Кидвалла Ciedwalla) сменил Кэдвалло на престоле, однако заболевает, тогда бритты будут сражаться друг с другом и страдать от голода и болезней.

Поразит мужей жестокая мука ада;
 Покойников хоронить люди не смогут.
 Настигнут древ победы (= *воинов*) голод и болезни
 — Люди исчезнут — и много горьких несчастий⁵².

37. 'Láð munu láta þeirs lífa eptir;
 ferr in þingdjarfa þjóð ór landi.
 Þýr blezaðr gramr — sás brezkr jøfurr —
 skip sín á brott, ok hann skjótla verðr
 taliðr tírgøfugr í tolfra holl
 sæll með sælum settr guðs vinum.

Страну покинут те, кто выживет;
 Из земли уедет народ, отважный в битве.
 Правитель благословенный — он бриттов предводитель —
 Свои корабли приготовит, и скоро его начнут
 Славным считать, сидящим в двенадцатых⁵³ палатах,
 Благого среди благих друзей Господа⁵⁴.

⁵² Строфа 36 основана на тексте Гальфрида: «Superueniet itaque ultio Tonantis, quia omnis ager colonos decipiet. Arripiet mortalitas populum cunctasque nationes euacuabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (58–59)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 112 (5)]) — «И вот обрушится мщение Вседержителя, ибо всякое поле обманет упования земледельцев. Смерть накинется на людей и произведет опустошения среди всех народов» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75).

⁵³ Выражение «в двенадцатых палатах» (í tolfra, ср. Duodecimi в тексте Гальфрида) было интерпретировано по-разному. Так, Рассел Пул считает, что оно обозначает сокращенную форму имени Иисуса Христа (*xri or *xti), в словосочетании caelestis regni aula «дворец небесного царства» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 281 [Liber XI, § 206 (586)]; ср. *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, *Merlínusspá*). P. 74). В комментариях Джейкоба Хаммера (*Hammer J. A Commentary on the Prophetia Merlini* (Geoffrey of Monmouth's *Historia Regum Britanniae*, Book VII): (Continuation) // *Speculum*. 1940. Vol. 15. P. 416) предлагается толкование «в палатах двенадцати, то есть в церкви Святого апостола Петра» — «in aula duodecimi, id est in ecclesia beati Petri apostoli». В комментариях Каролин Экхардт дается третий вариант: «король Кадваладре был погребен в церкви двенадцати апостолов и причислен к лику святых»: *The Prophetia Merlini of Geoffrey of Monmouth: A Fifteenth-Century English Commentary* / Ed. by C. D. Eckhardt. Cambridge (MA), 1982. P. 73.

⁵⁴ Строфа 37 восходит к тексту Гальфрида: «Residui natale solum deserent et exteris culturas seminabunt. Rex benedictus parabit nauigium et in aula duodecimi inter beatos annumerabitur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (59–61)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 112 (5)]) — «Пощаженные ею покинут родные края и станут засеивать чужеземные пашни. Благословенный король снарядит флот, и во дворце двенадцатого святителя будет сопричислен к лику святых» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). В прорицании идет речь о том, что народ бриттов покинет свою страну и поселится в Арморике (в западной части Галлии между устьями рек Сены и Луары). Проведя в изгнании одиннадцать лет, король бриттов Кадваладрус (Cadualadrus) захочет вернуться в Британию, однако его остановит глас ангела, повелевающий ему отправиться на покаяние в Рим,

38. ‘Svá tæmir láð lýða bǫrnum,
— drífr hryggr heðan herr ór landi —
at skógar þar skjótla vaða,
es ársamir akrar vöru
fyrir með fyrðum á fold Breta.

Покинута будет детьми людей эта земля
— Печальные люди потекут из этой страны—
Так что леса там быстро вырастут,
Прежде были поля плодородные
Среди людей в стране бриттов⁵⁵.

39. ‘Þá mun inn hvíti hjarlþvengr fara
snót saxneska snarráðr laða.
Ok með miklum mannfjöldi kemr
fjarðbyggis Skoꝓgul fold at byggja.

Поедет тогда белый ремень земли (=змея)
Позвать жену саксов с твердым решением.
Придет с великим множеством людей
Скёгуль (= валькирия) ячменя фьорда (каменя = драгоценности)
(валькирия драгоценности =женщина) заселить землю⁵⁶.

прежде чем он получит очищение от грехов и будет причислен к лику святых (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 278–281 [Liber XI, § 205–206]*).

⁵⁵ Строфа 38 амплифицирует строку Гальфрида: «Erit miseranda regni desolatio, et areae messium in fruticosos saltus redibunt» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 147 [§ 112 (61–62)]*; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 103 [§ 112 (5)]*) — «Горестным будет опустошение царства, и поля, с которых снимали жатву, превратятся в поросшие кустарником пустоши» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*). Гальфрид, очевидно, подразумевает, что голод и чума превратили Британию в необитаемый остров, где саксы не могли выжить так же, как и бритты. См.: *Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 75*.

⁵⁶ Строфа 39 распространяет строку Гальфрида: «Exurget iterum albus draco et filiam Germaniae inuitabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 147 [§ 112 (63)]*; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth / Ed. by N. Wright. Cambridge, 1985. Vol. 1. Bern, Burgerbibliothek, MS. 568. P. 75 [Prophecy 6]*) — «Снова восстанет белый дракон и призовет дочь Германии» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*). Гальфрид упоминает, что саксы, пережившие невзгоды и бедствия, пригласили людей из Германии, к которым, возможно, относится словосочетание *filia Germaniae* (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 278–279 [Liber XI, § 204]*). Рассел Пул (*Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 76*) предполагает, что выражение «жена саксов» (*snót saxneska*) в поэме «Прорицание Мерлина» относится к определенной женщине, возможно, к дочери Хенгиста, Ронвейн, которая упоминается в рассказе

40. 'Mun sáð koma sinni þóðru
 útlent yfir óra garða.
 En samt yfir á svólum barmi
 eylands þrumir ormr inn rauði;
 fær hann lítit af landinu.

Во второй раз чужое семя
 Прибудет в наши края.
 Все же красный змей
 Останется на холодном крае острова,
 От страны он мало получит⁵⁷.

41. Þá kórónask kapps hvítdreki,
 ok saxneskir seggir ríkja.
 En eirjǫfurr ofan at stíga
 verðr af brǫttum borgararmi.

Тогда коронуется воинственный белый змей,
 Саксы станут править.
 Спуститься придется медному вождю⁵⁸
 Сверху с отвесной городской стены⁵⁹.

42. 'Eru laufviðar ljósum fjǫtri
 takmörk gefin í tali ára.
 Munat hann ríkja of in rǫmmu skǫp

Гальфрида о завоевании англосаксов (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 128–131 [Liber VI, § 100]).

⁵⁷ Строфа 40 восходит к тексту Гальфрида: «Replebuntur iterum ortuli nostri alieno semine, et in extremitate stagni languebit rubeus» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (63–64)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 112 (6)]) — «Сады наши снова заполнятся иноземным семенем, а красный дракон будет чахнуть на краю болота» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). Пророчество подразумевает, что распространение бриттов в Уэльсе было ограниченным. В поэме упоминание об озере вытесняется образом всего острова, лишь малая часть которого достанется правителю бриттов. См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 77.

⁵⁸ «Медный вождь» (eirjǫfurr) относится к изображению Кэввалло, о котором шла речь в строфе 34.

⁵⁹ Строфа 41 основана на тексте Гальфрида: «Exin coronabitur Germanicus uermis et aeneus princeps humabitur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (65)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 112 (7)]) — «Вслед за тем будет увенчан короною змий Германии, а бронзовый государь низвержен» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). Выражение «бронзовый государь», вероятно, относится к представителю народа бриттов, королю Кэввалло.

né því inu fagra fróni ráða.

Белым оковам древа лиственного (=змею)⁶⁰

Пределы поставлены по счету лет.

Править не станет властными судьбами,

Прекрасной землей не будет владеть⁶¹.

43. ‘Vera mun* ára í aga miklum

fímtán tigi foldar belti.

En tíræð tíri gofgaðr

hundruð þrjú hann mun sitja

Lundúnum at ok lýða fjöld.

Пребудет в большой борьбе

Пятнадцать десятилетий ремень земли (=змеи).

По счету десятков, три сотни лет,

Править он будет, наделенный славой

Лондоном и множеством людей⁶².

44. ‘Pá mun grimmum ganga at móti

landnyrðingr hvass lundar fjötri

ok blóma þá á brott reka,

es vestrænir vindar græddu.

Тогда суровый северо-восточный ветер⁶³

⁶⁰ «Белым оковам древа лиственного» — «ljósum fjötri laufviðar». Как замечает Рассел Пул, детерминант указывает на место обитание (лес) обозначаемого кеннингом (змея): *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 78.

⁶¹ Строфа 42 распространяет текст Гальфрида: «Terminus illi positus est quem transuolare nequibit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 112 (66)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 112 (7)]) — «Змию предуказан срок, превысить каковой он бессилён» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). В поэме добавлено упоминание о правлении страной и о неподвластной белому змею судьбе. Рассел Пул предполагает, что в поэме речь идет о нормандском завоевании: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 78.

⁶² Строфа 43 амплифицирует текст Гальфрида: «...centum namque quinquaginta annis in inquietudine et subiectione manebit, ter centum uero insidebit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (66–67)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 113 (7)]) — «В течение ста пятидесяти лет он будет пребывать в тревоге и унижении, в течение следующих трехсот — в покое» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). В поэме добавлено, что белый змей будет править Лондоном и «множеством людей» (lýða fjöld). А. С. Бобович и М. А. Бобович замечают, что прорицание «заимствовано Гальфридом из книги Гильдаса, где приводится пророчество, что господство германцев временное» (*Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 248).

Обрушится на жесткие оковы роци (=змея)

Умчит прочь цветы,

Взращенные западными ветрами⁶⁴.

45. Mun gull glóa guðs húsum á,
 en lögðis veðr lægir þeygi.
 Mun trautt taka talsamr dreki
 híð sín mega, þvíat honum nálgask
 víti fyr vélar, þats hann verðr bera.

Будет сверкать золото в домах Господа,

Буря мечей (=битва) не утихнет,

Лукавый змей едва достигнет

Лежбищ своих, ибо придет воздаяние

За козни его, терпеть ему придется⁶⁵.

46. Fá mun hann uppgang afarlitla stund;
 hnekkir hönnum hringserkjat lið.
 Kómur sunnan sú sveit of ægi,
 es hann ríki mun ræna miklu.

Успеха добьется на краткое время⁶⁶

⁶³ «Северовосточный ветер» — landnyrðingr. Рассел Пул предполагает, что ветер приходит на Британские острова с западного побережья Норвегии и приводит в подтверждение следующие труды: *Stefán Einarsson*. Terms of Direction in Old Icelandic // *Journal of English and Germanic Philology*. 1944. Vol. 43. P. 265–285; *Haugen E.* 1957. The Semantics of Icelandic Orientation // *Word: Journal of the Linguistic Circle of New York*. 1957. Vol. 13. P. 447–459; *Jackson T. N.* On the Old Norse System of Spatial Orientation // *Saga-Book*. 1998–2001. Vol. XXV. P. 72–82. URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XXV.pdf> (27.12.2023); *Wanner K. J.* 2009. Off-Center: Considering Directional Valences in Norse Cosmography // *Speculum*. 2009. Vol. 84. P. 36–72.

⁶⁴ Строфа 44 распространяет текст Гальфрида: «Tunc exurget in illum aquilo et flores quos zephirus procreavit eripiet» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (68–69)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 113 (8)]) — «Вслед за тем на него обрушится северный ветер и вырвет с корнем цветы, взлелеянные дуновением весны» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). Прорицание относится к набегам викингов.

⁶⁵ Строфа 45 восходит к тексту Гальфрида: «Erit deauratio in templis, nec acumen gladiorum cessabit. Vix obtinebit cauernas suas Germanicus draco, quia ultio prodicionis eius superueniet» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (69–71)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 113 (8)]) — «Произойдет осквернение храмов, не затупятся острия мечей, с трудом будет удерживать пещеры свои германский дракон, ибо грядет отмщение за его предательство» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 75). Вместо слова cauernas «пещеры» в поэме употребляется слово híð «лежбища», однако слово «дракон» (dreka, лат. draco-) сохраняется. См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 81.

Его остановит кольчужное войско⁶⁷.

С юга по морю придет эта рать⁶⁸,

И лишит его великого царства⁶⁹.

47. ‘Sá mun lofðungr, es liði stýrir,
brátt brezkum her byggva jarðir.
Mun sáð tekit snáks ins hvíta
endr ór órum aldingorðum.

Войско тогда приведет правитель⁷⁰,

В землях народа бриттов быстро заселит.

Вновь семя белого змея

Искоренится в наших садах⁷¹.

48. ‘Pá mun hann gjalda grimmra ráða;
es hans tíundat tálaukit kyn.
Verðr hann grœna grund at vinna,
ok hann upp frá því aldri ríkir.
Tekr hann svá fyr svik sárar hefnðir.

Платить тогда он будет за жестокие дела;

Подлый род его истребится.

⁶⁶ «На краткое время» — *afarlitla* (в тексте Гальфрида *paulisper*). Возможно, имеется в виду промежуток времени между началом правления Эдуарда Исповедника (1043 г.) и нормандским завоеванием.

⁶⁷ «Кольчужное войско» — *hringserkjat* (*hap. leg.*), очевидно, относится к нормандским завоевателям.

⁶⁸ «С юга по морю» — *sunpan of ægi*, возможно, обозначает направление движения нормандского флота.

⁶⁹ Строфа 46 основана на тексте Гальфрида: «Vigebit tandem paulisper, sed decimatio Neustriae nocabit. Populus namque in ligno et ferreis tunicis superueniet, qui uindictam de nequitia ipsius sumebit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (72–73)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 113 (9)]) — «Он постепенно окрепнет, но его слабит беспощадное уничтожение со стороны неустрийцев-завоевателей, ибо нагрянет народ в ладьях и в железных доспехах, который воздаст ему за его мерзостные деяния» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76), в котором идет речь о нормандском завоевании.

⁷⁰ Создатель исландской поэмы упоминает о «правителе, который ведет войско» (*Sá lofðungr, es stýrir liði*), вероятно, имея в виду Вильгельма Завоевателя, который привел бриттов в составе своего войска, опирался на знатных людей бриттов и раздавал им земельные наделы (*Stenton F. Anglo-Saxon England*. P. 594, 629).

⁷¹ Строфа 47 распространяет строки Гальфрида: «Restaurabit pristinis incolis mansiones, et ruina alienigenarum patebit. Germen albi draconis ex ortulis nostris abradetur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (73–74)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 113 (9)]): «Этот народ (жители Нормандии. — *II. M.*) вернет коренным жителям их пепелища и на чужезмцев придет управа. Поросль белого дракона будет выкорчевана из наших садов» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76).

Придется ему работать на зеленой земле,
 Править он больше не будет никогда.
 Поплатится за свое вероломство страшными карами⁷².

49. Ríkir enn at þat ormar *tvennir*;
 missir annarr þar aldrs fyr skeyti,
 en annarr mun aprtr of hverfa
 und skugga nafns at skörum vinna.

Станут потом править оба змея⁷³;
 От стрелы один там лишится жизни⁷⁴,
 Снова другой возвратится
 С судьбами спорить⁷⁵ под прикрытием имени⁷⁶

⁷² Строфа 48 основана на тексте Гальфрида: «...et reliquiae generationis eius decimabuntur. Iugum perpetuae seruitutis ferent matremque suam ligonibus et aratris uulnerabunt» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (75–76)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 103 [§ 113 (9)]) — «...и остатки его потомков истреблены. На их выи будет возложено ярмо векового рабства, и свою мать изранят они сохами и мотыгами» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). В поэме опускается упоминание о матери, однако подчеркивается мотив коварства белого змея (саксонских завоевателей Британии), за которое следует воздаяние: истребление потомков («Его коварный род будет истреблен» — «es hans tíundat tálaukit kyn»). *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 84.

⁷³ Вместо существительного *dracones*, использованного в оригинале Гальфрида Монмутского, в исландской поэме употребляется слово *ormar* — «змеи», которое не следует ассоциировать с красным и белым змиями, подразумевающими бриттов и саксов. Рассел Пул предполагает, что речь идет о сыновьях Вильгельма Завоевателя: Вильгельме Рыжем и Роберте Куртгёзе (*Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 84).

⁷⁴ «Один там лишится жизни от стрелы» (*skeyti*). Возможно, прорицание содержит намек на обстоятельства кончины Вильгельма Рыжего, описанные Генрихом Хантингдонским («там Вальтер Тирел, прицелившись в оленя, случайно поразил стрелой короля» — *Ubi Walterus Tirel cum sagitta ceruo intendens regem percussit inscius* (*Henry, Archdeacon of Huntingdon. Historia Anglorum: The History of the English People* / Ed. by D. Greenway. Oxford, 1996. P. 446–447) и Вильгельмом Малмсберийским, рассказывающим, как король отправился на охоту, отделился от группы придворных, остался с Вальтером Тирелом, промахнулся, выстрелив в оленя, а когда прибежал второй олень, был поражен стрелой Тирела (*sagitta pectus... traiectus* — «пронзен... стрелой в грудь») и мгновенно скончался (*William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum*. Oxford, 1998. Vol. I / Ed. by R. A. B. Mynors, R. M. Thomson and M. Winterbottom. P. 504–505, 574–575). Согласно Ордерiku Виталию, олень пробежал между Вильгельмом и Вальтером Тирелом, который выпустил стрелу, скользнувшую по шерсти оленя и попавшую в короля (*The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis* / Ed. by M. Chibnall. Oxford, 1975. Vol. V. Books IX and X. Book X. Ch. XIV). В Петербургской рукописи Англосаксонской Хроники говорится, что Вильгельм был убит во время охоты одним из подданных (sub anno 1100): «And þær æfter on morgen æfter hlam mæssedæge weard se cyng Willelm on huntnoðe fram his anan men mid anre fla ofsceoten. 7 syððan to Winceastre gebroht. 7 on þam biscoprice bebyrged. þæt wæs þæs þreottedan geares þe he rice onfeng» — «И после этого, утром после дня Ламмас (< hláfmæsse — месса хлеба, 1 августа. — II. М.) король Вильгельм был застрелен стрелой во время охоты одним из его людей и после этого привезен в Уинчестер и погребен в епископской церкви. То было на тринадцатый год после того, как он унаследовал королевство». Исследование обстоятельств убийства Вильгельма Рыжего см: *Hollister C. W. The Strange Death of William Rufus* // *Speculum*. 1973. Vol. 48. P. 637–653; *Barlow F. William Rufus*. New Haven, 2000. P. 408–432.

50. Þá mun ríkja réttlætis dýr,
 þats eyverskir ormar hræðask.
 Ok fyr sunnan sæ sjalfir ugga
 víz rammligir valskir turnar.

Станет править тогда зверь правоты,
 Страшатся того островные змеи⁷⁷.
 Сами через южное море будут грозить
 Повсюду прочные вальские башни⁷⁸.

51. Þá mun gull snarat af grasi mǫrgu;
 flýtr ór klaufum kalfs ættar silfr.
 Eru fagrúin fljóð í landi;
 verðrat snótum siðbót at því.

Потом золото добудут из многих трав⁷⁹;

⁷⁵ Строфа 49 восходит к тексту Гальфрида: «Succedent duo dracones, quorum alter inuidiae spiculo suffocabitur, alter uero sub umbra nominis redibit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (76–78)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 104 [§ 113 (10)]): «Появятся два дракона, из коих один задохнется от жала ненависти, а другой станет тенью своего имени» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Прорицание содержит упоминание о сыновьях Вильгельма Завоевателя: старшем сыне Роберте Куртгёзе (Короткие Штаны), претендовавшем на правление Англией, и среднем сыне Вильгельме Рыжем, которому Вильгельм Завоеватель завещал свой престол в 1087 г., остранив Роберта от наследования. См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 84.

⁷⁶ Употребленная в строфе 49 фраза «Под прикрытием имени» — «und skugga nafns» представляет собой буквальный перевод фразы Гальфрида «sub umbra nominis». Предполагается, что речь идет о слабых правителях, использующих имя и репутацию великих предков (*Feeney D. C. Stat Magni Nominis Umbra: Lucan on the Greatness of Pompeius Magnus // Classical Quarterly*. 1986. Vol. 36. P. 239–243). Возможно, строфа содержит аллюзию на то, что Роберт Куртгёз, старший сын Вильгельма, был вынужден подчиниться Вильгельму Рыжему, среднему сыну Вильгельма Завоевателя.

⁷⁷ «Того убоятся островные змеи» — «þats eyverskir ormar hræðask». Под «островными змеями», вероятно, подразумеваются все правители британских островов (*Curley M. J. A New Edition of John of Cornwall's Prophetia Merlini // Speculum*. 1982. Vol. 57. P. 217–249).

⁷⁸ Строфа 50 распространяет текст Гальфрида: «Succedet leo iusticiae, ad cuius rugitum Gallicanae turres et insulani dracones tremebunt» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (78–79)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 104 [§ 113 (11)]) — «Появится лев правосудия, от рыкания коего затрясутся галльские башни и драконы на острове» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76), и, возможно, содержит намек на правление Генриха I Боклерка (1068/1069 – 1 декабря 1135 г.), четвертого сына Вильгельма Завоевателя. В поэме он называется «зверем правоты» (réttlætis dýr), перевод словосочетания Гальфрида leo iusticiae — «лев правосудия»: Генрих Боклерк прославился не только ученостью, но и своими административными и финансовыми реформами, образовавшими основу государственной системы страны (*William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum*. Vol. I. P. 742–743, 798–799).

Потечет серебро из-под копыт рода тельцов (=скота)⁸⁰.

Прекрасно одеты будут жены в стране;

От того не исправятся женские нравы⁸¹.

52. ‘Sprett es í miðju mótþenningum;
mun gǫrst gleðu glatask ránsemi.
Tennr munu gylðis trausti numnar,
ok léon^s vargar verða at fiskum
hvassir hvelpar hvaltúnum í.

Возникнет раскол в середине новых монет⁸²,

Воровские обычаи коршуна⁸³ совсем прекратятся.

Вольчи клыки лишатся силы,

Волки львиные рыбой станут⁸⁴

⁷⁹ Строфа 51 представляет собой вариацию текста Гальфрида: «In diebus eius aurum ex lilio et urtica extorquebitur et argentum ex ungulis mugientium manabit. Calamistrati uaria uellera uestibunt, et exterior habitus interiora signabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 147 [§ 113 (79–81)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 104 [§ 113 (11)]) — «В его дни золото станут добывать из лилий и крапивы, а серебро потечет из копыт тех, что мычат. Люди с убранными по-особому волосами облачатся в одежды различные, и их облик будет свидетельствовать об их внутренней сущности» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). В исландской поэме словосочетание «лилии и крапива» заменено на слово «травы» (*gras*).

⁸⁰ «Серебро потечет из-под копыт рода тельцов» (=скота) — *flýtr ór klaufum kalfs ættar silfr*. Вероятно, строка содержит намек на стремление Генриха пополнить казну и обложить налогами всех богатых землевладельцев, имевших скот (*Hollister C. W. Henry I*. Rev. ed. New Haven, 2003. P. 356–357).

⁸¹ Вторая половина строфы 51 отстает от текста Гальфрида, в ней суетность и стремление к нарядам приписывается только женщинам. Предполагается, что создатель поэмы основывался на тексте Генриха Хантингдонского, который содержит критику короля за разрешение священникам содержать наложниц: «Verum rex decipit eos simplicitate Willielmi archiepiscopi. Concesserunt namque regi iusticiam de uxoribus sacerdotum... <...> Accepit enim rex pecuniam infinitam de presbiteris, et redemit eos» — «Но король обманул их благодаря простоте архиепископа Вильгельма. Ибо они позволили королю распоряжаться в вопросе о женах священников... <...> Ибо король забрал у священников огромные суммы денег и освободил их» (*Henry, Archdeacon of Huntingdon. Historia Anglorum*. P. 484–485). Генрих Хантингдонский упоминает о развращенности самого короля: «Luxuria quoque, quia mulierum dicioni regis more Salomonis continue subiacebat» — «И распущенность, ибо он был во все времена во власти женщин, подобно царю Соломону» (*Ibid*. P. 700–701).

⁸² В первой строке строфы 52 содержится намек на денежную реформу, задуманную Генрихом I, по поводу которой Иоанн Вустерский и Симеон Даремский замечали (sub anno 1108), что монеты часто отвергались, так как оказывались погнутыми и сломанными, а потому Генрих I сделал несколько распоряжений, в частности, чтобы были выпущены круглые монеты в полпенса (*Tatlock J. S. P. The Legendary History of Britain*. P. 404). Новые монеты выпускались с ободком, который должен был препятствовать порче монет (*Poole A. L. From Domesday Book to Magna Carta, 1087–1216*. 2nd ed. Oxford, 1955. P. 415). Оказиональное существительное *mótþenningr* значит штампованная монета и, возможно, образовано создателем поэмы.

⁸³ Образ орла ассоциируется в тексте Гальфрида Монмутского с королевой Матильдой («а его орел построит себе гнездо на горе Аравии»), вступившей в 1114 г. в брак с Генрихом V, императором Священной Римской империи (со времен Карла Великого одноглавый черный орел на золотом фоне был признан гербом Священной Римской империи германской нации).

Детеныши хитрые в загоне китов (=море)⁸⁵.

53. Verðr meinliga mæki brugðit;
 sék blóði ben blása móður;
 líðr mart hǫfugt of lýða kyn.
 Rýðr varðar blóð Venedócíam,
 ok síðan sex snarpir lifra
 kynsmenn drepa Kórínéus.

С намереньем злым меч обнажится⁸⁶;

Вижу я рану с кровью матери хлынувшей;

Невзгоды многие падут на род людей.

Венедотию⁸⁷ кровь жены окрасит,

Бравые родичи Кориня затем⁸⁸

Братьев шестерых жизни лишат⁸⁹.

⁸⁴ Строка «И львиные волки рыбой станут» (ok léons vargar verða at fiskum) в строфе 52, возможно, относится к судьбе сына Генриха I от брака с Матильдой Шотландской Вильгельма, признанного наследником Англии и Нормандии, который возвращался в Англию 25 ноября 1120 г., корабль потерпел крушение и все находившиеся на борту погибли (*Henry, Archdeacon of Huntingdon. Historia Anglorum. P. 466–467; Taylor R. The Political Prophecy in England. New York, 1911. P. 13*).

⁸⁵ Строфа 52 восходит к строкам Гальффрида: «Findetur forma commercii; dimidium rotundum erit. Peribit miluorum rapacitas, et dentes luporum hebetabuntur. Catuli leonis in aequoreos pisces transformabuntur, et aquila eius super montem Arauium nidificabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 146–147 [§ 113 (83–86)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 104 [§ 113 (11)]*) — «Ценность монеты изменится, половина станет круглою. Коршуны перестанут быть хищными, и зубы волков затупятся. Детеныши льва превратятся в морских рыб, а его орел построит себе гнездо на горе Аравии» (перевод А. С. Бобовича: *Гальффрид Монмутский. История бриттов. С. 76*).

⁸⁶ Строка в строфе 53 «С намереньем злым меч обнажится» может относиться к восстанию валлийцев, приведшему к восстановлению королевства Дехейбар после смерти Генриха I.

⁸⁷ Латинский топоним «Венедотия» (Venedocia) соответствует валлийскому названию Гвинед (Gwynedd) в северном Уэльсе. В поэме использована латинская форма Venedócíam, первое склонение, вин. п., ед. ч.: Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 90.

⁸⁸ В строке строфы 53 «И затем отважные родичи Кориня» упоминается легендарный вождь, который был, вероятно, вымышлен Гальффридом, а его имя могло быть заимствовано из «Энеиды» (VI, 225–230) как эпоним для Корнубии (Корнуолл) (*Гальффрид Монмутский. История бриттов. С. 231*). Гальффрид дает описание Кориня («Их вождь, прозывавшийся Коринеем, муж скромный, благоразумный и проницательный, отличался выдающейся доблестью и такой же отвагой. И если ему случалось встретиться в единоборстве с каким-либо гигантом, он одолевал его с такой легкостью, словно тот был неокрепшим мальчиком. Установив общность происхождения и древность своего родства с местными жителями, новоприбывшие объединились с Коринеем и возглавляемым им народом, который по имени своего вождя впоследствии стал называться корнубиями» — перевод А. С. Бобовича: *Гальффрид Монмутский. История бриттов. С. 14*) и посвящает ему несколько глав своей истории (17–25).

⁸⁹ Строфа 53 восходит к строке Гальффрида: «Venedocia rubebit materno sanguine, et domus Corinei sex fratres interficiet» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 147, 149 [§ 113 (86–87)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 104 [§ 113 (11)]*) — «Венедотия заалет от материнской крови, а дом Кориня умертвит шестерых братьев» (перевод А. С. Бобовича: *Гальффрид Монмутский. История бриттов. С. 76*). Вероятно, строки Гальффрида содержат указание

54. Þá munu gumnar gráta á nóttum
ok þjóð gera þægjar bœnir.
Þá munu hǫlðar til himins kosta;
fá it langa líf lǫfðar nýtir.

Тогда мужи зарыдают в ночи,
Творить угодные молитвы⁹⁰ начнет народ,
Тогда жители к небесам обратятся,
Достойные люди долгую жизнь заслужат⁹¹.

55. Ænn munu í skógi skæðir síðan
vargar vakna veiða í borgum.
Þeir munu sína sjalfir dolga
fella eða fjotra; fáir munu verða,
þeirs treystask þeim telja at móti.

Вновь тогда пробудятся в лесах
Волки злые, выйдут на охоту в городах.
Врагов своих они станут сами

на преступления, совершенные в Корнуолле, против норманнов (датируемые 1100–1129 гг.) (*Padel O. Geoffrey of Monmouth and Cornwall // Cambridge Medieval Celtic Studies. 1984. Vol. 8. P. 1–28*).

⁹⁰ «Угодные молитвы» (þægjar bœnir), то есть молитвы, угодные Богу. Существительное «молитвы» (bœnir) употребляется в исландской поэме вместо слова omnia «всё» или с конъектурой oratio «молитва», которое использовано в тексте Гальфрида. Рассел Пул (*Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlinussprá)*. P. 91) ссылается на всеобщую молитву, к которой призвал в 1009 г. архиепископ Вульфстан, потребовавший, чтобы все явились босоногими на исповедь в церковь, выдержали трехдневный пост и раздали излишки еды как милостыню (*Keynes S. An Abbot, an Archbishop and the Viking Raids of 1006–7 and 1009–12 // Anglo-Saxon England. 2008. Vol. 36. P. 151–220; Cubitt C. Individual and Collective Sinning in Tenth- and Eleventh-Century England: Penance, Piety and the Law // Religion und Politik im Mittelalter: Deutschland und England im Vergleich = Religion and Politics in the Middle Ages: Germany and England by Comparison / Hg. von L. Körntgen und D. Wassenhoven. Berlin; Boston, 2013. P. 51–70*). Комментаторы интерпретируют omnia как все, что позволяет одержать победу над злом (*Hammer J. A Commentary on the Prophetia Merlini (Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae, Book VII) // Speculum. 1935. Vol. 10. P. 3–30; Blacker J. Where Wace Feared to Tread: Latin Commentaries on Merlin's Prophecies in the Reign of Henry II // Arthuriana. 1996. Vol. 6. P. 36–52*).

⁹¹ Строфа 54 опирается на строки Гальфрида: «Nocturnis lacrimis madebit insula, unde omnes ad omnia prouocabuntur. Nitentur posterī transuolare superna, sed fauor nouorum sublimabitur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 113 (87–89)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 104 [§ 113 (12), 114 (13)]) — «Ночными слезами будет сочтись остров, из-за чего все будут готовы на все. Потомки будут слиться взлететь на высоты, но благорасположение к новым усилится» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Строки рассказывают о реакции бриттов на злодеяния, которые описывались в предшествующей строфе.

Убивать или мучить; мало останется
 Тех, кто решится на них жаловаться⁹².

56. Einn sitr nýtastr Néústríe
 Englandi at auðar skelfir.
 Þó ’ro siklingar sunnan komnir
 fimm eða fleiri foldu at ráða.

Один достойнейший⁹³ из Нейстрии⁹⁴
 Потрясатель богатств (=человек) покорит Англию.
 Пять владык или больше
 Править страной с юга пришли⁹⁵.

⁹² Строфа 55 восходит к тексту Гальфрида: «Euigilabunt regentis catuli et postpositis nemoribus infra moenia ciuitatum uenabuntur. Stragem non minimam ex obstantibus facient et linguas taurorum abscedent. Colla rugientium onerabunt catenis» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 114 (94–97)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 104–105 [§ 114 (15)]) — «Детеныши рыкающего пробудятся от сна и, покинув леса, примутся за ловитву внутри стен городских. Немалый урон нанесут они тем, кто потщится им воспрепятствовать, и оторвут языки у быков. На выи мычащих возложат они бремя цепей» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Предполагается, что эта строфа и текст Гальфрида, к которому она восходит, не имеют исторических аллюзий: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 92. Возможно, в этих текстах есть отсылки к временам борьбы за престол короля Стефана Блуаского и императрицы Матильды после кончины Генриха I, приведшей к долгой гражданской войне, о которой Гальфриду и создателю исландской поэмы могло быть известно из хроник Генриха Хантингдонского и Вильгельма Мальмсберийского.

⁹³ «Один достойнейший» (einn nýtastr) относится к королю Генриху II, который, как намекает создатель поэмы, превосходит всех королев нормандской династии.

⁹⁴ Топоним Нейстрия (в V–IX вв. область на северо-западе франкского королевства Меровингов) встречается в Средние века как обозначение Нормандии и северо-западной Галлии (Франции). Гальфрид и создатель исландской поэмы тоже употребляют его применительно к Нормандии. В поэме использовано латинское окончание существительного первого склонения, род. падежа, ед. числа Néústríe — Нейстрии. См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 93.

⁹⁵ Строфа 56, возможно, основана на тексте Гальфрида: «Exin de primo in quartum, de quarto in tercium, de tercio in secundum rotabitur pollex in oleo» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 114 (97–99)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 114 (16)]) — «Затем большой палец, омоченный миром, прикоснется сначала к первому, после него к четвертому, после четвертого к третьему, после третьего ко второму» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Предполагалось, что эти строки относятся к миропомазанию нормандских королев: *Hammer J. A Commentary on the Prophetia Merlini* (Geoffrey of Monmouth’s *Historia Regum Britannie*, Book VII). Комментаторы считают, что в исландской поэме строки содержат отсылки к правлению пяти нормандских королев, сменившихся на престоле ко времени создания поэмы: Вильгельм Завоеватель, Роберт Куртгез, Вильгельм Руфус, Генрих Боклерк, (сын Генриха Вильгельм Аделин, погибший в море), Стефан Блуаский (*Curley M. J. A New Edition of John of Cornwall’s Prophetia Merlini; Faletta M. A. Merlin in Cornwall: The Source and Contexts of John of Cornwall’s Prophetia Merlini // Journal of English and Germanic Philology*. 2012. Vol. 111. P. 304–338).

57. ‘Sá bjartar brýtr borgir Íra
ok foldar til fellir skóga.
Gerir ræsir eitt ríki margra;
tekr léónis lávarðr hqfuð.

Уничтожит светлые города и ров,
Повергнет наземь леса.
Правитель создаст из многих царств одно,
Примет владыка голову льва⁹⁶.

58. ‘Es í reiðingu ráð þjóðkonungs
inn fyrra hlut fylkis ævi.
En inn øfri aldr auðvarpaðar
líkar helgum himinstilli vel.

В колебаниях пройдет жизнь могучего конунга
В первую часть века вождя.
Но поздняя жизнь метателя богатств (= человека)
Весьма понравится святому Правителю небес⁹⁷.

59. ‘Mun hann byskupa borgum skrýða
ok helgan stað hefja margan.
Tígnar borgir tvær pallío;
gefr hann þýjum Krists þægjar hnossir.

Наделит городами епископов он
И возвысит много святых мест.

⁹⁶ Стрoфа 57 восходит к тексту Гальфрида: «Sextus Hiberniae moenia subuertet et nemora in planiciem mutabit. Diuersas portiones in unum reducet et capite leonis coronabitur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 114 (99–100)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 114 (17)]) — «Шестой властитель порушит стены Ибернии и леса обратит в равнину. Различные части он сведет воедино и увенчает себя львиною головою» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Вероятно, в пророчестве идет речь о Генрихе II, который вторгся в Ирландию в 1171 г.

⁹⁷ Стрoфа 58 распространяет текст Гальфрида: «Principium eius uago affectui succumbet, sed finis ipsius ad superos conuolabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 114 (101–102)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 114 (17)]) — «Начало его будет подвластно смутным влечениям, но конец вознесет его к вышним» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Как и в предшествующей стрoфе, речь идет, скорее всего, о правлении Генриха II. Возможно, в стрoках содержится намек на убийство Томаса Бекета в 1170 г. в Кентерберийском соборе, после которого архиепископ Нормандский наложил на Англию интердикт. Томас Бекет был канонизирован в 1173 г., а в следующем году Генрих II босой принес покаяние к гробнице Томаса Бекета. См. *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 95.

Два города почтит паллиумами⁹⁸;
 Даст он сокровища служительницам Христа⁹⁹.

60. ‘Verðr af slíku sverðéls hǫtuðr
 himna ferðar hugþekkr grami.
 Ok at þetta líf þingdjarfr konungr
 taliðr es tyggja tungls með englum.

Станет этим угоден Господину сонма небес (=ангелов, Господин ангелов = Бог)
 Ненавистник бури мечей (=битвы, ненавистник битвы = Святой)¹⁰⁰.
 Смелый в схватках конунг после этой жизни
 Причислен будет к ангелам Владыки луны (=Бога)¹⁰¹.

61. ‘Glíkt mun gaupi grams jóð vesa;
 vill þat sinni þjóð sjalfri steypa.
 En af þeim sǫkum þermlask bæði
 Íra ok Engla auðgrar jarðar

⁹⁸ Строфа 59 основана на тексте Гальфрида: «Renouabit namque beatorum sedes per patrias et pastores in congruis locis locabit. Duas urbes duobus palliis induet et uirginea munera uirginibus donabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 149 [§ 114 (102–104)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 105 [§ 114 (17)]*) — «Ибо он обновит родительские святилища и расставит пастырей в должных местах. Двум городам даст он епископскую епитрахиль и одарит девственниц подобающими их девству дарами» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 76*). Вероятно, в прорицании идет речь о городах Йорк и Кентерберн, в которых были основаны (или обновлены) кафедры епископов (в тексте Гальфрида *pastores* — «пастырей», в поэме *byskupa* — «епископов»: *hann mun skrýða byskupa borgum* — «он наделит епископов городами»). На совете в 1075 г. архиепископ Ланфранк повелел епископам Личфилда, Сесли и Шерборна перенести свои кафедры в Честер, Чичестер и Солсбери (*Barrow G. W. S. Feudal Britain: The Completion of the Medieval Kingdoms 1066–1314. London, 1956. P. 61*).

⁹⁹ Словосочетание «служительницам Христа» — *þýjum Krists* представляет собой перевод существительного *uirginibus* — «девственницам» в тексте Гальфрида. В XII в. слово *virgo* обычно использовалось применительно к монахиням (*Freeman E. Gilbert of Hoyland's Sermons for Nuns: A Cistercian Abbot and the cura monialium in Twelfth-Century Lincolnshire // Cistercian Studies Quarterly. 2015. Vol. 50. P. 267–291*). В поэме, речь может идти и о монахинях, и о тех, кто был причислен к лику святых.

¹⁰⁰ «Ненавистник бури мечей» (*hǫtuðr sverðéls*): буря мечей = битва, ненавистник битвы = Святой. Кеннинг «ненавистник битвы» кажется несовместимым со словосочетанием «отважный в схватках конунг» (*þingdjarfr konungr*), употребленным в той же строфе по отношению к тому же денотату и подчеркивающим воинственность святого. Рассел Пул предлагает конъектуру *hvǫtuðr* — «подстрекатель» вместо *hǫtuðr* — «ненавистник», однако обращает внимание, что святые короли, такие как Святой Освальд, о котором шла речь в поэме как о воинственном вожде (I 33/5–6), играли в битвах активную роль: *Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 96*.

¹⁰¹ Строфа 60 распространяет строку Гальфрида: «Promerebitur inde fauorem Tonantis et inter beatos collocabitur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 149 [§ 114 (104–105)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 105 [§ 114 (17)]*) — «Он заслужит благоволение Вседержителя и будет причислен к лику святых» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 76*)

Néústría ok numin tígnum.

Сын вождя уподобится рыси;
 Сам он захочет уничтожить свой народ.
 Нейстрия по этим причинам
 Страну богатую иров и англов
 Навек утратит и почестей лишится¹⁰².

62. ‘En eptir þat óðals á vit
 fara frálíga fyrðar brezkir.
 Þó es illa áðr ært í landi;
 eru ósáttar enskar þjóðir.

Быстро после этого в родную вотчину
 Бриттов люди уйдут.
 Плохой урожай прежде родился на этой земле;
 Будут не в ладах народы англов¹⁰³.

63. ‘Ríðr inn prúði til Peritónis ár
 hvítum hesti hvatr öldurmaðr.
 Ok hvítum þar hann markar staf
 aldrænn yfir ô kvernar hús.

Победный воин, отважный господин¹⁰⁴,

¹⁰² Строфа 61 восходит к тексту Гальфрида: «Egredietur ex eo linx penetrans omnia, quae ruinae propriae gentis imminebit. Per illam enim utramque insulam amittet Neustria et pristina dignitate spoliabitur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 114 (105–107)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 114 (18)]) — «Из него выйдет обладающая всепроникающим взором рысь, которая будет угрожать гибелью собственному народу. Ведь именно из-за нее Неустрия лишится и того и другого острова и утратит былое достоинство» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Рысь (gauри) упоминается как ассоциирующаяся с необыкновенно острым зрением, превосходящим других животных.

¹⁰³ Строфа 62 восходит к тексту Гальфрида: «Deinde reuertentur ciues in insulam; nam discidium alienigenarum orietur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 115 (107–108)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 115 (19)]) — «Затем на остров вернутся исконные его обитатели, ибо между чужеземцами вспыхнет раздор» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76). Возможно, речь идет о возвращении бретонцев из Арморики (западной части Галлии) на Британские острова во времена гражданской войны между Стефаном Блуаским и императрицей Матильдой. В исландской поэме добавлен мотив неурожая.

¹⁰⁴ Значение существительного в словосочетании «отважный господин» (hvatr öldurmaðr) не вполне однозначно. С одной стороны, существительное öldurmaðr (древнеангл. ealdormann, aldormann) встречается в значении вождь в поэзии скальдов XII в.: в «Драпе о йомсвикингах» епископа Бьярни Кольбейнссона («Enn vildu þá einkum / öldurmenn» — «тогда вожди особенно захотели»:

Поскачет на белом коне к реке Перирон.

Преклонный годами, он там белым посохом

Вверху по течению мельницу отметит¹⁰⁵.

64. Kalla mun Kónan Káðvaládrus

ok skilfinga* Skotlandi af.

Rýkr af grimmu Gøndlar éli;

verðr it mikla malmþing háit.

Призовет Конана Кадваладр

И правителей из Шотландии¹⁰⁶.

Jómsvíkingadrápa 11) и в «Драпе о Плациде» («út bôru þeir aura / öldurmanns ór ranni» — «они вытащили ценности из дома вождей»: Plácitusdrápa 13). С другой стороны, существительное öldurmaðr используется для обозначения ветхозаветных патриархов и, возможно, ассоциируется с существительным aldr- «возраст, старость» (Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 100).

¹⁰⁵ Строфа 63 основана на тексте Гальфрида: «Niveus quoque senex in niveo equo fluuium Perironis diuertet et cum candida uirga molendinum super ipsum metabitur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 115 (108–110)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 115 (19)]) — «Белоснежный старец на белоснежном коне запрудит реку Пирон и ослепительно белой тростью разметит место, на котором поставит мельницу» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 76–77). Река Перирон (латинская форма родительного падежа Peritónis) упоминается в Картулярии Ландафского собора («Книга из Ландафа» — *Liber Landavensis*, ок. 1150 г.) и называется притоком реки Кадлан, протекающим недалеко от города Монмут (юго-восток Уэльса) (*Curley M. J. A New Edition of John of Cornwall's Prophetia Merlini*. P. 244). Недалеко от Монмута, согласно кельтской профетической поэме X в. «Прорицания Британии» (*Armes Prydein*), состоялась битва валлийцев с войском короля Уэссекса, вероятно, Этельстаном (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain / Ed. and trans. by M. A. Faletra. Peterborough (ON), 2008. P. 134*). Предлагалось и иное толкование строфы, согласно которому речь в ней идет о возвышении ордена цистерцианцев, одеяния которых состояли из белых ряс из некрашенной шерсти: самое раннее упоминание о белых облачениях цистерцианцев встречается в письме аббата Ключи Петра Достопочтенного (1092/94–1156) Бернарду Клервоскому (*Burton J. The Monastic Order in Yorkshire, 1069–1215. Cambridge, 2006. P. 10*). Рассел Пул считает упоминание о мельнице неслучайным, так как монастыри цистерцианцев обычно располагались рядом с отведенным от реки потоком воды, который мог использоваться для домашних нужд, в частности, приводить в движение мельничное колесо. В подтверждение своей гипотезы он ссылается на упоминание Гальфрида Монмутского (*Libellus Merlini*) о Тинтернском аббатстве, основанном цистерцианцами недалеко от Монмута: Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 100.

¹⁰⁶ Строфа 64 амплифицирует строку Гальфрида: «Cadualadrus Conanum uocabit et Albaniam in societate accipiet» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 115 (110–111)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 115 (20)]) — «Кадваладр призовет Конана и примет в союз Альбанию» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77). Король Кадваладр упоминается как последний правитель Британии до ее завоевания саксонскими племенами (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 278–279 [Liber XI, § 204–205]). В Прорицании выражается надежда на образование союза кельтских племен, изгнание германцев и восстановление правления бриттов (*Taylor R. The Political Prophecy in England*. P. 90). В этот союз войдут Шотландия и Бретань («другая Британия»), основанная по преданию Конаном Мериадоком (Супан Meiriadoc), о котором рассказывается в кельтской профетической поэме X в. «Прорицания Британии» (*Armes Prydein*), где он упоминается вместе с Кадваладром как спаситель, которому в тяжелые времена суждено встать во главе бриттов (*Trioedd Ynys Prydein / Ed. by R. Bromwich. 2nd ed. Cardiff, 1978. P. 320–321*).

поднимется дым от суровой бури Гёндуль (*валькирия, буря валькирии = битва*),
 Произойдет великая встреча железа (= *битва*).

65. 'Svífr it hvassa hagl tvíviðar
 — hnígr hólða lið — hart af strengjum.
 En geyst hinig gaflok fara;
 megut Skoqlar ský við skotum halda.

Острый град лука (= *стрелья*)
 — Валится войско людей — безжалостно падает с тетивы.
 Неистово копья сюда летят;
 Не могут тучи Скёгуль (= *валькирии, тучи валькирии = щиты*)
 Натиска выдержать¹⁰⁷.

66. 'Bresta brynjur, bíta malmar,
 eru dreyrfaíð dorr á lopti,
 fleinn á flaugun, folk í dreyra,
 bíldr í benjum, broddar á skildi,
 hjalmr á hofði, hlíf fyr brjósti,
 geirr á gangi, guðr í vexti.

Кольчуги лопаются, кусают мечи,
 Окровавленные дроты в воздухе,
 Копье в полете, войско в крови,
 Стрела в ране, наконечники копий в щитах,
 Шлем на голове, щит перед грудью,
 Секира в движении, битва в разгаре¹⁰⁸.

¹⁰⁷ Строфа 65 представляет собой развитие темы битвы и не имеет параллелей в тексте Гальфрида. Существительное tvíviðr, употребленное в кеннинге стрел «град лука» (hagl tvíviðar) встречается в скальдической поэзии дважды: в тулах лука (Anonymous, Voga heiti / Ed. by E. Gurevich // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. 2017. Vol. 3. Poetry from Treatises on Poetics / Ed. by K. E. Gade and E. Marold. P. 821) и в «Драпе о Торе» Эйлива Годрунсона: «Kom at tvíviðar tívi, / tollurr karms þás harmi, / -brautar liðs, of beitti, / bekk- fall, jǫtuns rekka» — «Произошло падение свиты дороги скамей (= *дома*) на божество лука (= *воина, Гейррёда*), когда посох повозки (*возница = Тор*) причинил горе воинам великана».

¹⁰⁸ Как и предшествующая, строфа 66 амплифицирует тему битвы и не имеет параллелей в тексте Гальфрида. Если в предшествующей строфе используются четыре синонима, обозначающих оружие, из них два кеннинга, то в этой строфе их десять. Почти все синонимы относятся к сложным словам или поэтизмам: dreyrfaíð dorr — «обогранные кровью дроты», fleinn — «копье», broddar — «наконечники стрел», brynjur — «кольчуги», malmar — «мечи» (железо), skjöldr — «щит», hjalmr — «шлем», hlíf — «щит», geirr — «копье».

67. Hittisk targa ok inn togni hjör,

hjalmr ok hneitir, hlíf ok ǫrvar,

brynja in brezka ok brandr roðinn,

manns móttug hönd ok meðalkaflí,

hvítmylingar ok hólða brjóst.

Клинок обнаженный встречает броню,
Шлем и меч¹⁰⁹, щит и стрелы,
Кольчуга бриттов и кинжал окровавленный,
Сильная десница мужа и сабли рукоять,
Стрелы с белым опереньем¹¹⁰ и груди воинов.

68. Hrapa hræva gǫr, hátt gjalla spjǫr,
es malmþrima mest á hjarlí.
Verðr einn við einn valkǫstr hlaðinn;
munu blóðgar ár af bjǫðum falla,
en vígróða verpr á hlýrni.

Груды трупов валятся, громко копья звенят,
Грохот оружия (=битва) сильнейший на земле.
Гора убитых возвышается рядом с другой,

¹⁰⁹ Строфа 67 продолжает описание битвы, не имеющее параллелей в тексте Гальфрида. Большая часть синонимов оружия встречается в тулах и в основном скальдическом корпусе. Существительное hneitir — «меч» используется как имя собственное, называющее меч Олава Святого в драпе Эйнара Скуласона «Гейсли»: «Hneitir, frákk, at héti, / hjaldrs at várna galdri, / Óláfs hjör, þess's orra / ilbleikum gaf steikar» — «Я слышал, что меч Олава, который давал пищу бледноногим тетеревам битвы (=воронам) в звоне оружия (=битве) назывался Хнейтир». Рассказ о судьбе Хнейтира после смерти Олава Святого, представляет собой самое длинное повествование о чудесах в «Гейсли» (строфы 43–50) и не встречается в других агиографических источниках: Хнейтир был подобран после битвы при Стикластадире шведским солдатом и хранился в его семье, пока не попал во владение члена варяжской гвардии в Византии. Меч был куплен византийским императором после того, как оказалось, что он обладал чудесной силой, и был повешен над алтарем церкви, которая была освящена в честь Олава Святого. Предполагается, что рассказ о мече в драпе Эйнара восходит к устной традиции, а в «Круге Земном» Снорри Стурлусона (*Snorri Sturluson. Heimskringla: III / Gaf út Bjarni Adalbjarnarson. Reykjavík, 1951. Bls. 369–371*) унаследован из упомянутой драпы Эйнара (Einarr Skúlason's Geisli: A Critical Edition / Ed. by M. Chase. Toronto; Buffalo; London, 2005. P. 41–42).

¹¹⁰ Определение в словосочетании «стрелы с белым опереньем» (букв. «беломордые» — hvítmylingar) встречается в «Поминальной песни о Магнусе Голоногом» Гисли Иллугасона (Magnús berfœttr Erfikvæði 13): «Stukku af almi, / þeims jǫfurr sveigði, / hvítmylingar, / áðr Hugí felli» — «Стрелы с белым опереньем летели из вяза (=лука), который гнул вождь, прежде чем пал Хуги» и в тулах стрелы (Anonymous, Ǫrvar heiti / Ed. by E. Gurevich // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. 2017. Vol. 3. P. 818).

Багровые реки падут с земель,
Битвы кровавые в небеса устремятся¹¹¹.

69. Falla fyrðar í fleindrifu;
verðr enskri þjóð aldrspell skipat.
Es vǫllr roðinn en víg boðin;
hlýtr hóvan sigr helmingr Breta.

Падут мужи в буране стрел (=битве),
Потеря жизни народу англоv предназначена.
Поле обогрено, и бой предстоит,
Победу великую заслужит воинство бриттов¹¹².

70. Ýppir fjöllum fljótt Valbreta;
munu Brútus þau bera kórónu.
Grœnask ǫflgar eikr Kornbreta;
fagnar slíku fús Kambría.

Быстро поднимутся горы валльских бриттов¹¹³;
Брута корону они вознесут¹¹⁴.

¹¹¹ Единственную параллель с текстом Гальффрида можно найти в строке: «...tunc flumina sanguine manabunt...» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 149 [§ 115 (111–112)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 105 [§ 115 (20)]*) — «...тогда реки потекут кровью...» (перевод А. С. Бобовича: *Гальффрид Монмутский. История бриттов. С. 77*). Остальная часть строфы 68 представляет собой описание битвы, характерное для поэзии скальдов. В первой строке («Hrara hræva gǫr, / hátt gjalla spjǫr» — «Валяются груды трупов, громко звенят копья») используется конечная рифма, заставляющая вспомнить о размере рунхент. (*Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 104*).

¹¹² Строфа 69 представляет собой вариацию на тему одной строки Гальффрида: «Tunc erit strages alienigenarum» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 149 [§ 115 (111)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 105 [§ 115 (20)]*) — «Тогда произойдет избиение чужеземцев» (перевод А. С. Бобовича: *Гальффрид Монмутский. История бриттов. С. 77*), которая в поэме перефразирована: «Falla fyrðar / í fleindrifu; / verðr enskri þjóð / aldrspell skipat» — «Падут мужи в буране стрел, / Потеря жизни народу англоv предназначена». Существительное víg может использоваться в значении «бой, битва, резня, убийство» (*Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 105*). В третьей строке («Es vǫllr roðinn / en víg boðin» — «Поле обогрено, и бой предстоит») встречается конечная рифма, которая, однако, не используется регулярно.

¹¹³ «Валльских бриттов» (Valbreta) — этноним, возможно, введенный в употребление создателем поэмы, который обозначает с его помощью галльских бриттов (бретонцев), населяющих Арморик (западную часть Галлии), и считает их отличными от бриттов Корнуолла (Kornbreta) (*Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 106*). Компонент Val- «галльский» используется в названии Галлии — Valland (ср. в «Викингских висах» Сигвата Тордарсона, Sigvatr Þórðarson, *Víkingarvísur 6: «Vǫlsk sverð bitu»* — «вальские (галльские, франкские) мечи кусают»), хотя изначально он относился к Нормандии (*Footnote P. G. Aachen, Lund, Hólar // Les relations littéraires Franco-Scandinaves au moyen âge: Actes du Colloque de Liège (avril 1972). Paris, 1975. P. 53–75*).

Бриттов Корнуолла зазеленеют могучие дубы¹¹⁵;
Обрадуется тому рьяная Камбрия¹¹⁶.

71. ‘Eudisk eyjar it enska nafn;
mun hon Anglía eigi kǫlluð.
Hlýtr hon at halda heiti inu forna;
kend es við Brútum Brítannía.

Острова удалится английское название;
Он больше не называется Англией.
Он сможет сохранить древнее имя;
Он называется Британией по имени Брута¹¹⁷.

72. ‘Mun villigǫltr vígdjarfr koma
ór kynstórri Kónánus ætt
sá vigra konr Vallandi á.
Höggr yngva sonr eikr ór skógi;
þó mun hilmir hollr smáviði.

Появится дикий зверь, смелый в битве,
Происхождения знатного из рода Конана¹¹⁸,
Потомок кабанов¹¹⁹ в Валланде (=Галлии)¹²⁰.

¹¹⁴ «Корону Брута они вознесут» — «munu Brútus þau / bera kórónu». В прорицании говорится, что бритты возмут корону Брута, тем самым установив исконное владычество бриттов на принадлежащем им острове. Брут (Brútus) упоминается как легендарный основатель Британии, потомки которого бритты составляют коренное население Британии.

¹¹⁵ «Бриттов Корнуолла» (Kornbreta) — этноним, обозначающий бриттов Корнуолла, возможно, введен в употребление создателем поэмы, который применяет его для перевода этнонима Cornubiae, использованного Гальфридом.

¹¹⁶ Строфа 70 восходит к тексту Гальфрида: «...tunc erumpent Armorici montes et diademate Bruti coronabuntur. Replebitur Kambria laetitia, et robora Cornubiae uirescent» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 115 (112–113)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 115 (20)]) — «...тогда в Арморике наружу вырвутся родники и будут увенчаны короною Брута. Камбрия преисполнится радости, и зазеленеют дубы Корнубии» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77). В прорицании идет речь о возвращении правителей бриттов и их союзе с Бретанью (Арморикой), Уэльсом (латинское название Камбрия) и Корнуоллом (Корнубией).

¹¹⁷ Строфа 71 подробно распространяет строки Гальфрида: «Nomine Bruti uocabitur insula, et nuncupatio extraneorum peribit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 115 (114)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105 [§ 115 (20)]) — «Остров будет наречен по имени Брута и изникнет название, данное ему чужеземцами» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77), подчеркивая, что название Англия исчезнет, а исконное название Британия возвратится.

¹¹⁸ «Из рода Конана» — Kónánus ætt. Имеется в виду легендарный основатель Британии Конан Мериадок.

Правителя сын срубает дубы из леса,
Но вождь будет милостив к малым деревцам¹²¹.

73. Munu Rábítar ræsi ugga
út í heimi ok Affríkar.
För mun vísi¹²² víðlendr gera
á it ýtra ægr Ispáníam.

Бояться правителя на свете
Будут арабы и африканцы.
Грозный вождь с обширными землями
Поедет в дальний край Испании¹²³.

74. Sitr ept hilmí hafr at lǫndum;
hans esat skilja skap frá vífni.
Berr hann á hǫfði horn ór gulli;
es skegg skata skapat ór silfri.

¹¹⁹ «Потомок кабанов» — *konr vígra*. Предлагались различные толкования строки: с использованием хейти кабана (*vígrir*); с конъектурой *vígrǫppum* — «с боевыми клыками» вместо «потомок кабанов» (*víga konr*); с конъектурой *konr víga* — «воин битвы» (где *konr* употребляется в значении «муж», «воин», которое встречается реже, чем значение «потомок», «отпрыск»): *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, *Merlínusspá*). P. 108.

¹²⁰ «В Валланде» (*Vallandi*) — в Галлии.

¹²¹ Строфа 72 основана на тексте Гальфрида: «*Ex Conano procedet aper bellicosus, qui infra Gallicana nemora acumen dentium suorum exercebit. Truncabit namque quaeque maiora robora, minoribus uero tutelam praestabit*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 115 (114–117)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 105–106 [§ 115 (21)]) — «От Конана произойдет доблестный вепрь, который в Галльских лесах покажет, до чего остры его клыки. Он подсечет самые могучие из дубов, а меньшие станет оберегать» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77). В прорицании говорится о том, что власть бриттов будет простираться и на Галлию, причем, возможно, речь идет о распространении славы короля Артура. Можно упомянуть, что романы артуровского цикла завоевали все европейские страны, однако создание куртуазных романов бретонского цикла связано с именем французского поэта Кретьена де Труа.

¹²² Синтаксическая организация строфы характерна для поэзии скальдов: определение (прилагательное *ægr* — «устрашающий, внушающий ужас») оторвано от существительного (*vísi* — «правитель»), к которому оно относится. Они разделены целой строкой.

¹²³ Строфа 73 восходит к строкам Гальфрида: «*Tremebunt illum Arabes et Affricani; nam impetum cursus sui in ulteriorem Hispaniam protendet*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149 [§ 115 (117–118)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (21)]) — «Арабы и африканцы вострепещут пред ним, ибо свой безудержный бег он устремит в Испанию Дальнюю» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77). Прорицание развивает тему распространения славы короля Артура: он покорит арабов (*Rábítar*) и африканцев (*Affríkar*), о нем узнают и дальние края Испании (*Ispánía*). Использование наречия *ýtra* — «снаружи, извне, внешне», то есть «далеко», подразумевает, что описание дается с перспективы Британии или Скандинавии. (*Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, *Merlínusspá*). P.109).

Над землями после конунга козел воцарится;
 Нраву его женщины любви.
 Несет на голове золотые рога;
 Из серебра борода вождя сделана¹²⁴.

75. 'Blæs Místar vinnr ór nǫsum †tíossa†
 þoku þvílǫkri, at þekr of ey.
 Friðr es of fylkis fastr lífdaga;
 brestr eigi þá ár í landi.

Выдувает друг Мист (*валькирии*, = *воин*)¹²⁵ из ноздрей
 Туман такой, что покрывает остров.
 Воцарится мир в правление вождя;
 Тогда не исчезнет благо в стране¹²⁶.

76. 'Þá munu á foldu fǫgr víf draga;
 blístrar meyjum metnuðr í spor.
 Munu kvensemí kastra smíðuð¹²⁷;

¹²⁴ Строфа 74 распространяет строки Гальфрида: «Succedet hircus Venerii Castris, aurea habens cornua et argenteam barbam» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 149, 151 [§ 115 (118–119)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (22)]) — «Явится козел из чертогов Венеры; будет он с золотыми рогами и серебряною бородкой» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77). Возможно, в прорицании идет речь о Генрихе I, которого церковные власти обвиняли в распутстве и у которого было не менее двадцати пяти внебрачных детей: *Thompson K. Affairs of State: The Illegitimate Children of Henry I // Journal of Medieval History*. 2003. Vol. 29. P. 129–151.

¹²⁵ «Друг Мист» (= воин, Мист — валькирия) — *vinnr Místar*. Вместо существительного *hafr* — «козел», упомянутого в предшествующей строфе, в поэме вводится кеннинг воина, с помощью которого становится ясно, что с самого начала речь шла о человеке, а не о животном. В строке: «Blæs Místar vinnr / ór nǫsum †tíossa†», отсутствует аллитерация, поэтому предполагалось, что вместо имени валькирии Мист использовалось другое хейти (Финнур Йоунссон предлагал конъектуру Ньёра (Njǫrðr), а Аксель Кок — Ништ (Nípt = хейти валькирии, сестра, родственница). См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 111.

¹²⁶ Строфа 75 восходит к строкам Гальфрида: «...qui ex naribus suis tantam efflabit nebulam quanta tota superficies insulae obumbrabitur. Pax erit in tempore suo et ubertate glebae multiplicabuntur segetes» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 115 (119–122)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (22–23)]) — «...и станет из ноздрей выпускать настолько густой туман, что тот окутает собою весь остров. Нерушимый мир будет царить в его время, и благодаря плодородию почвы умножатся урожаи» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77).

¹²⁷ «Для жажды женщин возведут замки» — «Munu kvensemí kastra smíðuð». Древнеисландское словосочетание *kastra kvensemí*, в котором *kvensemí* (*kvennsemí*) — «жажда женщин», переводит словосочетание Гальфрида *castra Veneris* — «замки Венеры». Предполагалась, что в поэме осуждается складывающийся культ куртуазной любви, достигший апогея при дворе Алиеноры Аквитанской, королевы Франции в 1137–1152 гг., королевы Англии в 1154–1189 гг. (*Kelly A. Eleanor of Aquitaine and Her Courts of Love // Speculum*. 1937. Vol. 12. P. 3–19; *Snabey F. Eleanor of Aquitaine, Courtly Love, and the Troubadours*. Westport (CT), 2004) и Эрменгарды Нарбоннской, виконтессы

svíkr gumna vin girnð in ranga.

Прекрасные жены тогда пройдут по земле¹²⁸;

Нарбонна в 1134–1192 г. (*Fredric L. C. Ermengard of Narbonne and the World of the Troubadours*. Ithaca, 2001. P. 237–245; *Jacqueline C., Reyerson K. L. Medieval Narbonne: A City at the Heart of the Troubadour World*. Aldershot; Burlington, 2005). Аудитории, которой была предназначена исландская поэма, несомненно, были известны стихи скальдов, вдохновленные Эрменгардой Нарбоннской, а возможно, и лирическая поэзия трубадуров с ее искусством *fin' Amors*. В подтверждение можно привести так называемый «нарбоннский эпизод», в котором участвовало несколько исландских скальдов: в 1151 г., во время крестового похода, Рёгнвальд Кали, ярл Оркнейских островов, один из авторов знаменитого «Ключа размеров» (*Háttalykill*), остановился в Лангедоке в Нарбонне, которой в то время правила виконтесса Эрменгарда, покровительница многих трубадуров: Пейре Роджера, Пьера Овернского, а может быть, даже Бернарта де Вентадорна. При дворе Эрменгарды Рёгнвальд Кали сложил несколько вис, в том числе и следующие: «*Víst' r at frá berr flestum, / Fróða meldrs, at góðu / velskúfaðra vífa / vöxtr þinn, Bil en svinna; / skorð lætr hár á herðar / haukvallar sér falla, / (átgjörnum rauðk erni / ilka), gult sem silki*» (B I 482, 15) — «Действительно, твои волосы (стан?), умная Биль (= женщина), более прекрасны, чем у других увитых золотом жен. Опора долины ястреба (= женщина) позволяет упасть на плечи своим волосам — я обогрил когти жадного орла — золотым, как шелк»; «*Orð skal Ermengerðar / ítr drengr muna lengi; / brúðr vill rökk, at ríðim / ránheim til Jórdánar; / en er aprt fara runnar / unnviggs of haf sunnan, / rístum heim, at hausti, / hvalfrón til Nerbónar*» (B I 482, 16) — «Долго будет помнить слова Эрменгарды знатный человек, величественная женщина хочет, чтобы мы отправились страной Ран (= морем) к Иордану. Но когда осенью деревья жеребца волн (= мореходы) вернутся морем с юга, мы пустимся в путь по дороге китов (= морю) к Нарбонне». По одной строфе сочинили также и спутники ярла Рёгнвальда, исландские скальды Одди Глумссон и Армод: «*Trautt erum vér, sem vættik, / verðir Ermengerðar; / veitk at horsk má heita / hlaðgrund konungr sprunda; / þvít sómir Bíl bríma / bauga-stalls (at öllu / hon lifi sæl und sótar / setri) miklu betra*» (B I 510, 2) — «Вряд ли мы, как я думаю, достойны Эрменгарды, знаю я, что умная земля головной повязки (= женщины) может быть названа конунгом среди женщин; ибо Билль огня опоры колец (опора колец = рука, огонь руки = золото, Билль золото = женщина, т. е. Эрменгарда) — пусть живет она счастливо под домом солнца (= небом) — достойна много лучшего»; «*Ek mun Ermengerði, / nema annars sköp verdi, / margr elr sút of svinna, / síðan aldri finna; / værak sæll, ef ek svæfa, / (sýn væri þat gæfa), / brúðr hefr allfagrt enni, / eina nótt hjá henni*» (B I 511, 3) — «Я никогда вновь не найду Эрменгарды, если судьба не ссудит иначе, многие терпят горе из-за умной. Я был бы счастлив, если бы мог уснуть — большим счастьем это было бы — у женщины очень красивый лоб — на одну ночь рядом с нею». Отсутствие прямой связи с ситуацией, обстоятельства сочинения и исполнения этих четырех вис, напоминающие придворную этикетную игру, исключают любые сомнения: нарбоннский эпизод подтверждает реальность путей, по которым, начиная с середины XII в., осуществлялось влияние поэзии трубадуров. Сами висы рассматриваются как свидетельства того, сколь успешно мог имитироваться скальдами стиль провансальских кансон и характерные черты их семантики, такие как восхваление дамы, утверждение ее превосходства (в том числе внешнего, ср. описание волос), мотивы служения и самоумаления автора (*Gering H. Die Episode von Rognvaldr und Ermingerðr in der Orkneyinga saga // Zeitschrift für deutsche Philologie*. 1911. Bd. 43. S. 428–434. *Idem. Die Episode von Rognvaldr und Ermingerðr in der Orkneyinga saga: Zweite Artikel // Ibid.* 1915. Bd. 46. S. 1–17; *Meissner R. Ermengarde Vicegräfin von Narbonne und Jarl Rognvald // Arkiv for Nordisk Filologi*. 1925. Bd. XLI. S. 140–191; *de Vries J. Jarl Rognvalds Lausavísur // Saga och Sed*. 1959. S. 133–141; *Bibire P. The Poetry of Earl Rognvald's Court // St. Magnus Cathedral and Orkney's Twelfth-Century Renaissance / Ed. by B. E. Crawford. Aberdeen, 1988. P. 208–240; Finlay A. Skalds, Troubadours and Sagas // Saga-Book*. 1994–1997. Vol. XXIV. P. 105–153. URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XXIV.pdf> (27.12.2023)).

¹²⁸ «Тогда прекрасные жены пройдут по земле» — «*Þá munu á foldu fōgr víf draga*». Опираясь на текст Гальфрида («Уподобившись змеям, женщины обретут плавность в движениях»), следует толковать глагол *draga* как обозначающий движение, тогда существительное *foldu* следует понять как обозначающее «землю» с конъектурой *á foldu* — «по земле». Однако можно интерпретировать существительное *foldu* без конъектуры как *fōldu* — «головная повязка» (*faldr* — «головная повязка»),

Влачится гордыня по следам дев.

Возведут замки для жажды женщин;

Предаст друга мужей (=правителя) преступная похотливость¹²⁹.

77. Verðr at blóði brunnr inn fagri;

þós á grundu gnótt hvers konar.

En á holmi hildingar tveir

berjask of brúði bjarthaddaða;

sús í víðri Vaðbatúli.

Прекрасный источник обернется кровью;

Пусть пребудет на земле всякое изобилие.

Правителя два на острове

Бьются из-за жены светловолосой¹³⁰;

В широком Вадбакули¹³¹ место ее.

тогда глагол *draga* можно понять как «носить» и истолковать предложение как «тогда прекрасные женщины будут носить головные повязки» (*Þá munu fagr víf draga fõldu*). См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 112.

¹²⁹ Строфа 76 восходит к строкам Гальфрида: «*Mulieres incessu serpentes fient, et omnis gressus earum superbia replebitur. Renouabuntur castra Veneris, nec cessabunt sagittae Cupidinis uulnerare*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 115 (122–124)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (23)]) — «Уподобившись змеям, женщины обретут плавность в движениях, и всякий их шаг будет исполнен высокомерия. Обновятся чертоги Венерины, и Купидоновы стрелы не перестанут наносить рань» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77).

¹³⁰ «Из-за жены светловолосой» — *bjarthaddaða brúði*. Этот эпитет встречается в «Прорицании Грипира» применительно к дочери Гримхильда (Гудрун): «*Þú verðr, siklingr, fyr svikum annars, muntu Grímhildar gjalda ráða, mun bjóða þér bjarthaddat man dóttur sína, dregr hon vél at gram*» (*Gríp*. 33/6) — «Будешь, князь, коварно обманут, горе узнаешь от козней Гримхильда: дочь ее, дева светловолосая, будет тебе в жены предложена» (перевод А. С. Корсуна: *Беовульф. Старшая Эда. Песнь о Нибелунгах*. М., 1975. С. 272).

¹³¹ Строфа 77 распространяет строки Гальфрида: «*Fons Annae uertetur in sanguinem, et duo reges duellum propter leaenam de Vado Baculi committent. Omnis humus luxuriabit, et humanitas fornicari non desinet*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 115 (124–126)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (23)]) — «Источник Амне станет бить кровью, и два короля сойдутся в единоборстве из-за львицы с Брода Дубинки. Вся земля погрязнет в разврате, и человечество не прекратит предаваться распутству» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77). Гальфрид упоминает в названии неиндефицированного источника имя Амне (вариантное написание Анне), создатель поэмы говорит в более общих выражениях о «прекрасном источнике» (*brunnr inn fagri*), сохраняя тем не менее латинское название Гальфрида (*Vadum Baculi*), обозначающее английский топоним Стаффорд (букв. «брод посоха», англонормандский топоним *gué de bastun*: *The Anglo-Norman Verse Prophecies of Merlin / Ed. by J. Blacker // Arthuriana*. 2005. Vol. 15. P. 41). В исландском топониме (*Vaðbatúli*) первый компонент представляет собой перевод существительного *Vadum* со значением «брод» (др.-исл. *vað*), однако второй компонент (существительное *baculum* — «палка, посох») не переводится, но воспроизводится в латинской транслитерации (*batúli*, вариант написания — *bacúli*) (*Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 114). Для защиты от данов в Стаффорде были укреплены римские оборонительные сооружения и построен замок по приказу правительницы Мерсии (*Myrcna hlædige*) Этельфледы (870–918), дочери Альфреда Великого, сестры Эдуарда Старшего, жены мерсийского

78. 'Sjá þessi røk þrennar aldir,
— þó es lýða ráð ljótt fyr dróttni —
unz landrekar Lundúnum í
grafnir ór grundu gumnum vitrask.

Эти чудеса видели три века,
— Пред Господом мерзок нрав людской—
Пока не будут явлены людям в Лондоне
Правители, из земли выкопанные¹³².

79. 'Kømr árgalli enn inn mikli
ok meinliga manndauðr of her;
eyðask borgir við bragna tjón.
Es maðr mikil nýtra manna;
flýr margr á brott maðr ór landi.

Вновь наступит великий упадок урожая,
Больно ударит смертность народ;
Города опустеют из-за потери жителей.
Большая нужда для отважных мужей;
Бегут прочь из страны многие люди¹³³.

правителя Этельреда II (*Stenton F. Anglo-Saxon England. P. 605*). Благодаря ассоциации Этельфледы со Стаффордом в тексте Гальфрида мог появиться образ львицы (*Tatlock J. S. P. The Legendary History of Britain. P. 27–28*). Не вполне понятно, к какому эпизоду англосаксонской истории относится упоминание о двух правителях, сражающихся на острове из-за светловолосой женщины. Возможно, имеется в виду восстание Этельвольда, сына старшего брата Альфреда Великого Этельреда I, который после смерти Альфреда оспаривал английский престол у Эдуарда Старшего (брата Этельфледы), и битва при Хольме (902 г.), в которой войско Эдуарда было разбито, а Этельвольд убит.

¹³² Строфа 78 распространяет строку Гальфрида: «*Omnia haec tria saecula uidebunt donec sepulti reges in urbe Lundoniarum propalabuntur*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 115 (126–127)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (24)]*) — «Все это увидят три века, пока не будут отысканы могилы королей, погребенных в Лондоне» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 77*). Мотив эксгумации в строках поэмы («unz landrekar Lundúnum í grafnir / ór grundu gumnum vitrask» — «Пока не будут явлены людям в Лондоне правители, из земли выкопанные») напоминает аудитории историю Кадваладра, который был причислен к лику святых: его тело было возвращено на родину и захоронено в монастыре Эглуис Айл, переименованном в его честь в Ллангadwalдр. В зависимости от трактовки синтаксической организации строфы (и порядка слов), возможны также интерпретации: «пока короли, погребенные в Лондоне, не восстанут из земли и не явят себя», «пока короли, погребенные в Лондоне, не явят себя людям, восстав из земли» и «пока короли, погребенные в Лондоне, не явят себя людям из-под земли» (unz landrekar grafnir í Lundúnum vitrask gumnum ór grundu). См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 115).

¹³³ Строфа 79 восходит к тексту Гальфрида: «*Redibit iterum fames, redibit mortalitas; et desolationem urbium dolebunt ciues*» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 115 (127–128)]*);

80. Kǫmr kaupskapar kappgóðr þinig
villigalti virðum samna,
þeims af fróni flýðu áðan.
Lætr hann byggva þá brezkar jarðir,
borgir eyddar, ból góligust.

Дикий вепрь торговли на редкость благой¹³⁴
Придет людей собрать,
Которые прежде из страны бежали.
Повелит он восстановить там на землях бриттов,
Поверженные города, лучшие владения¹³⁵.

81. Mun hans brjóst vesa brøgnum fœzla,
þeims fátt hafa fjár með høndum.
Ok in tállausa tunga hilmis
slökkvir þorsta þjóðans liði.

Пропитание людям грудь его обеспечит,
У которых мало собственности во владении.
Правителя язык, от обмана свободный,
Последователей вождя жажду утолит¹³⁶.

The *Historia Regum Britannie* of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (25)] — «Снова вернется голод, снова начнет свирепствовать смерть, и граждане будут скорбеть о разорении городов» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 77*). В тексте допущена конъектура паудр — «нужда, несчастья, бедствия, напасти», для того, чтобы сохранить аллитерацию в строке (в рукописи слово аудн — «запустение, пустыня, опустошение, разруха»).

¹³⁴ «На редкость благой» (kappgóðr) — окказионализм, не встречающийся нигде, кроме поэмы. Первый компонент карр- (от карр — «азарт, рвение») используется как субстантивный эпитет, усиливающий значение последующего прилагательного. В поэме этот компонент встречается и в составе сложного слова: í karpsauðga borg — «необычайно процветающий город» (II 9/3–4), и изолированно: hvítdreki karps — «белый змей воинственности» (I 41/2), mǫnnum karps — «людям отваги» (I 92/1).

¹³⁵ Строфа 80 амплифицирует строку Гальфрида: «Superueniet aper commercii, qui dispersos greges ad amissam pascuam reuocabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 115 (128–129)]*; The *Historia Regum Britannie* of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (26)] — «Явится вепрь торговли, который возвратит рассеянные стада на позабытое пастбище» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 77*). Поэма рационализирует образ вепря-спасителя, изображая его как благого правителя, который придет (kǫmr), чтобы наладить торговлю, вернуть (samna — «собрать») людей, восстановить (byggva — «отстроить») города, вернуть «лучшие владения» (góligust ból) и приводит дополнительные примеры его добрых дел в последующих строках (81–82). Благой правитель противопоставляется дурному господину, о котором говорится в строфе 87 (asni illingar — «осел зла», I 87/1–2).

¹³⁶ Строфа 81 развивает образ благого правителя и основана на строке Гальфрида: «Pectus eius cibus erit egentibus, et lingua eius sedabit sicientes» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain.*

82. Falla ór orða almærrí vǫk
 dynjandi ár dróttar stýris.
 Þær munu dögga dýrar jarðir
 geðs í glæstum gollorheimi
 ok þurrar kverkr þjóðar margrar.

Из всеславного ущелья слов (= из уст, изо рта)
 Владетеля дружины (= вождя, конунга) истекут гремящие реки.
 Оросят они росой дорогие земли ума (= сердца)
 В великольном чертоге сердца (= груди)
 В гортанях сухих многих народов¹³⁷.

83. Upp renn síðan — sék þat fyrir —
 traust í turni tré Lundúna;
 þrír eru kvistir þeim lundi á,
 en hann laufi þekr land með hringum.

Вытянется вверх тогда— вижу я это —
 Великое древо в башне Лондона;
 Ветви три на древе том,
 Листвою своею оно защитит страну¹³⁸.

P. 151 [§ 115 (130)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (26)] — «Грудь его будет пищей для алчущих, а язык его утолит жаждущих» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. С. 77). В поэме добавляется важная особенность благого правителя, отсутствующая у Гальфрида: «Ok in tállausa tunga hilmis» — «и его язык, свободный от обмана». Мотивы обмана, предательства не раз появляются в поэме в характеристике германских завоевателей, обманувших бриттов лживыми обещаниями и изгнавших их из исконных земель (ср. I, 2: «kin enska þjóð áðan vélti» — «и народ англоv обман совершил»; ср. также в тексте Гальфрида: «...с трудом будет удерживать пещеры свои германский дракон, ибо грядет отмщение за его предательство» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. С.75).

¹³⁷ Строфа 82 представляет собой дальнейшее развитие образа благого правителя и восходит к строке Гальфрида: «Ex ore ipsius procedent flumina, quae arentes hominum fauces rigabunt» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 115 (130–131)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (26)] — «Из пасти его изольются реки, которые увлажнят иссохшие глотки людей» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. С. 77). Характерной особенностью строфы можно считать использование четырех кеннингов: almærrí vǫk orða — «из прославленного ущелья слов» (= из уст, изо рта); stýris dróttar — «управителя дружины» (=вождя, конунга); dýrar jarðir geðs — «дорогие земли ума» (=сердца); glæstum gollorheimi — «в чертоге сердца» (=груди). Кеннинг груди встречается только в тулах ума и сердца: «Móðr, hjarta, hnegg, / munr, hugr, sefi, geð, heil, sjafni, / gollorr ok eljun» — «Дух, сердце, сердцевина, удовольствие, мысль, разум, настроение, ум, любовь, перикард и энергия» (Anonymous, Hugar heiti ok hjarta / Ed. by E. Gurevich // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 3. P. 964). Предполагалось, что существительное gollorr — «перикард» представляет собой хейти сердца (*Nordal G. Tools of Literacy: The Role of Skaldic Verse in Icelandic Textual Culture of the Twelfth and Thirteenth Centuries*. Toronto; Buffalo; London, 2001. P. 255).

84. Kømr þar af lægi landnyrðingr hvass;
lýstr hann illum byl einn af stofni.
Þar munu kvistir, es þruma eptir,
þess rúm taka; þat sék gǫrla.

Ветер резкий северный налетит туда с моря;
Вырвет он злым порывом одну (*ветвь*) из ствола.
Ветви, что там останутся,
— Вижу я это ясно¹³⁹ — займут ее место¹⁴⁰.

85. Hylja þeir alla ey með laufi,
unz annarr þar oðrum bægir
ok eyðir hans öllu laufi;
tekr hann þrjú rúm þrekstórr hafa.

Покроют они весь остров листвою,
Пока одна (*ветвь*) не подчинит там другие,
Пожрет всю листву.
Прочная самая, все три места она займет¹⁴¹.

¹³⁸ Строфа 83 распространяет строку Гальфрида о дереве с тремя ветвями: «Echin super turrim Lundoniarum procreabitur arbor, quae tribus solummodo ramis contenta superficiem totius insulae latitudine foliorum obumbrabit» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 115 (131–133)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 106 [§ 115 (27)]*) — «Затем на Лондонской башне вырастет дерево, которое, удовлетвовавшись только тремя ветвями, своею густою листвою погрузит в тень лик всего острова» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 77*).

¹³⁹ «Я это ясно вижу» — «þat sék gǫrla». Эта строка в поэме следует традиции пророческих поэм, таких как «Прорицание вельвы» (*Völuspá*, 64–66) и «Прорицание Грипира» (*Grípisspá*, 21).

¹⁴⁰ Строфа 84 основана на тексте Гальфрида: «Huic aduersarius Boreas superueniet atque iniquo flatu suo tercium illi ramum eripiet. Duo uero residui locum extirpati occupabunt...» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 115 (134–135)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 106–107 [§ 115 (27–28)]*) — «На дерево налетит враждебный Борея и своими неистовыми порывами обломает его третью ветвь; место уничтоженной займут две оставшиеся невредимыми» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 75*). Строфа основана на прорицании Гальфрида о набегах викингов (*hvass landnyrðingr* — «резкий северный ветер») под предводительством Эйстейна Харальдссона (ок. 1150 гг.): *Taylor A. B. Eysteinn Haraldsson in the West, c. 1151: Oral Traditions and Written Record // The Fourth Viking Congress, York, August 1961 / Ed. by A. Small. Edinburgh, 1965. P. 119–134*).

¹⁴¹ Строфа 85 варьирует строки Гальфрида: «...donec alter alterum foliorum multitudine adnichilabit. Deinde uero locum duorum optinebit ipse...» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 115 (135–137)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 107 [§ 115 (28)]*) — «...пока одна из них не задушит другую неисчислимым множеством своих листьев и не завладеет местом обеих...» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов. С. 77*).

86. 'Ok hann síðan þekr þykku laufi
 einn of alla eybarms fjöru.
 Megut þá fljúga foglar í landi,
 þvíat hann ægir þeim, en hann enn til sín
 laðar fogla fljótt ferð útlendra.

Покроет потом густою листвою
 Берег одна из всех до острова края¹⁴².
 Птицы на земле летать там не смогут,
 Перепугает она их, а сама к себе мигом
 Привлечет стаи птиц чужеземных¹⁴³.

87. Þá mun illingar asni ríkja;
 sás fljótr taka fé gullsmiða.
 Es lofða vinr latr at hefna
 gylðis barna gramr ránsemi.

Злое правление осла тогда наступит¹⁴⁴;
 Захватит он быстро богатство мастеров золотых дел.
 Грозный друг людей (=правитель)¹⁴⁵ не торопится
 Отомстить за алчность детей волка¹⁴⁶.

¹⁴² «Она одна весь берег до края острова» — «einn of alla eybarms fjöru». В издании поэзии скальдов Финнура Йоунссона сохранен вариант существительного eykarms — «берег острова», в издании Рассела Пула используется конъектура eybarmr — «край острова» (ср. словосочетание barmi eylands — «оконечность острова») на основании того, что это существительное (eybarmr) встречается в виле 32 в «Саге о Хервёр и Хейдреке конунге», в которой Ангантиор предупреждает Хервёр об опасности («Hnigin er helgrind, / haugar ornaz, allr er í eldi / eybarmr at sjá» — «пали врата Хель, курганы отвезлись, виден до края весь остров в огне»: *Hervarar saga ok Heiðreks* / Ed. by H. Burrows // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. Vol. 8. P. 393).

¹⁴³ Строфа 86 восходит к строкам Гальфрида: «...et uolucres exterarum regionum sustentabit. Patriis uolatilibus nociuus habebitur; nam timore umbrae eius liberos uolatus amittent» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 115 (137–139)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 107 [§ 115 (28)]) — «...она приютит на себе птиц из заморских стран, но окажется вредоносной для отечественных пернатых, ибо те, страшась царящей здесь тьмы, утратят свободу полета» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С.77).

¹⁴⁴ «Правление зла» — illingar ríkja. Слово illing — «зло» преимущественно употребляется в духовных и гомилетических текстах: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínussþá). P. 122.

¹⁴⁵ «Суровый друг людей» (=правитель) — Gramr vinr lofða. Прилагательное gramr — «суровый, жестокий, свирепый» может относиться к существительному vinr — «друг» и принимать участие в кеннинге мужа «друг людей» или с конъектурой grams (род. п., ед. ч.) относиться к существительному gylðis (род. п., ед. ч.) — «волк» (grams gylðis — «жесткого волка»): Ibid.

¹⁴⁶ Строфа 87 амплифицирует строку Гальфрида: «Succedet asinus nequitiae, in fabricatores auri ueloc sed in luporum rapacitatem piger» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 115 (139–140)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 107 [§ 115 (29)]) — «Затем явится осел беспугства, быстрый возле кующих золото и медлительный при нападении жадных волков» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77).

88. ‘Ok á hans dögum harðla brenna
ófs rammligar eikr ór skógum.
Enn á lítlum lindar kvistum
vex þrliga akarn í lundi.

Свирепо горят в его дни
Самые могучие дубы из лесов.
Снова на липы тонких ветвях
Споро вырастет желудь в роще¹⁴⁷.

89. ‘Ok Ránar vegr renn of ósa
Sábrínus sjau; sék þat fyrir.
En Óskarô — þat es undr mikit —
mun mánuðr sjau móttug vella.
Gervisk fiskum fjörtjón at því,
en ór sjölfum þeim snákar verða.

Ляжет дорога Ран (=море)¹⁴⁸
По семи устьям Сабрина¹⁴⁹; я это предвижу.
Будет Оскаро¹⁵⁰ — то чудо великое —

¹⁴⁷ Строфа 88 основана на строке Гальфрида: «In diebus illis ardebunt quercus per nemora et in ramis tiliarum nascentur glandes» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 116 (140–141)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol 2. P. 107 [§ 116 (30)]) — «В эти дни в лесах запылают дубы и на ветвях лип окажутся желуды» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77).

¹⁴⁸ «Дорога Ран» (=море) — vegr Ránar — мифологический кеннинг моря, в котором используется имя морского божества из рода ётунов, Ран (Rán), жены Эгира, владевшей волшебной сетью, с помощью которой она ловила корабли и утаскивала их на дно морское.

¹⁴⁹ «По семи устьям Сабрина» — «of sjau ósa Sábrínus». В тексте Гальфрида: «море Сабрина» — Sabrinum mare (реки Северн) — древнее название Бристольского канала (валлийское Mór Hafren). Возможно, в поэме устье реки Северн (Sábrínus) отписывается как море (лат. mare). См.: *Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá)*. P.123.

¹⁵⁰ «Будет Оскаро» — En Óskarô — река Аск в Уэльсе, название которой предположительно происходит от кельтского корня со значением «вода» или «изобилующий рыбой». Гальфрид пишет о реке Оске (совр. Аск) как расположенной вблизи Сабринского моря: «In Glamorgantia etenim super Oscam fluuium non longe a Sabrino mari amoeno situ locata, prae ceteris ciuitatibus diuitiarum copiis abundans tantae sollempnitati apta erat. Ex una namque parte praedictum nobile flumen iuxta eam fluebat, per quod transmarini reges et principes qui uenturi erant nauigio aduehi poterant. Ex alia uero parte pratis atque nemoribus uallata, regalibus praepollebat palaciis ita ut aureis tectorum fastigiis Romam imitaretur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 209 [§ 156 (312–318)]) — «Ведь расположенный в Гламорганции на реке Оске в прелестной местности недалеко от Сабринского моря, превосходя прочие города обилием всевозможных богатств, он подходил для столь великого торжества. Одна из его сторон омывалась вышеназванной преславной рекой, по которой могли приплыть на своих кораблях заморские короли и правители, предполагавшие посетить Артура. Другая, упираясь в луга

Бурно бурлить семь месяцев.
 Лишатся от этого жизни Рыбы,
 Будет опасность змеям грозить¹⁵¹.

90. Munu Bádónis borgar verða
 — líðr mart yfir — laugar kaldar.
 Ok hennar vøtn heilnæm firum
 gera þá dauða drjúgt mannkyni.

Во граде Бат станут
 — Много всего пройдет — источники холодными.
 Мужам целебные воды их,
 Смерти тогда беспощадно роду людскому принесут¹⁵².

91. Verðr tuttugu tjón þúsunda
 ljóna ferðar Lundúnum í.
 Þeir munu drengir drepnir allir;
 gerir karla tjón Tems at blóði.

Случится утрата двадцати тысяч
 Воинства людей в Лондоне.
 Все те воины убиты будут;
 В кровь превратит Темзу потеря мужей¹⁵³.

и леса, блистала зданием королевских дворцов, кровли которых с золотыми коньками напоминали Рим» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. С. 104).

¹⁵¹ Строфа 89 представляет собой вариации на тему текста Гальфрида: «Sabrinum mare per septem hostia discurrat, et fluuius Oscae per septem menses feruebit. Pisces illius calore morientur, et ex eis procreabuntur serpentes» (*Geoffrey of Monmouth*. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 116 (141–143)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 107 [§ 116 (30)]) — «Семью рукавами потечет в море Сабрина, а река Оска будет кипеть в продолжение семи месяцев; рыбы ее погибнут от жары, и из них народятся змеи (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. С. 77).

¹⁵² Строфа 90 амплифицирует строку Гальфрида: «Frige bunt Badonis balnea, et salubres aquae eorum mortem generabunt» (*Geoffrey of Monmouth*. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 116 (143–144)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 107 [§ 116 (30)]) — «Источники Бадона остынут, и их целебные воды станут смертельными» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. С. 77). Топоним Бадон соответствует современному Бату с его целебными (heilnæmr, варианты написания: heilnæmiligr, heilnæmligr) водами. См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P.124.

¹⁵³ Строфа 91 развивает строки Гальфрида: «Lundonia necem uiginti miliorum lugebit, et Tamensis in sanguinem mutabitur» (*Geoffrey of Monmouth*. The History of the Kings of Britain. P. 151 [§ 116 (144–145)]; The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth. Vol. 2. P. 107 [§ 116 (30)]) — «Лондон оплачет гибель двадцати тысяч людей, и Темза потечет кровью (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. С. 77).

92. ‘Munu kapps mǫnnum kvánfǫng boðin:
 eru ekkjur þar orðnar margar.
 En á kǫldum kall þeira næst
 menn Mundíu montum heyra.’

Мужам смелым свадьбы предложат¹⁵⁴:
 Многие там вдовами сделались¹⁵⁵.
 Однако потом на холодных горах¹⁵⁶
 Мундиу люди их крик услышат¹⁵⁷.

93. Hér munk létta ljóð at semja
 ok spásǫgu spillis bauga.
 Þó eru fleiri orð ins fróða manns;
 hefki sumt af þeim samit í kvæði.

Перестану я здесь песнь сочинять
 Прорицание дробителя колец (=Мерлина).
 Однако у мудрого мужа есть еще больше слов;
 Поэму из них я составил¹⁵⁸.

¹⁵⁴ «Смелым мужам» — kapps mǫnnum. Так как в тексте Гальфрида речь идет о монахах: «Cucullati ad nuptias prouocabuntur...» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 116 (145)]) — «Монахи начнут вступать в браки» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77), Рассел Пул предлагает конъектуру *kárpmǫnnum — «мужи в капюшонах» (от kárumaðr), близкое по смыслу к латинскому существительному cucullati — «в капюшонах» (*Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 125). В противном случае вместе образа монахов, которых принуждают вступать в брак, в поэме создается образ воинов, вынужденных вступать в брак, так как много женщин осталось вдовами. Не вполне понятно, относится ли существительное «крик» (kall) к мужам или к вдовам.

¹⁵⁵ Добавление о вдовах («margar eru orðnar ekkjur þar» — «Вдовами там многие сделались») относится к инновациям создателя поэмы.

¹⁵⁶ «На холодных горах Мундиу» — «á kǫldum montum Mundíu». В тексте Гальфрида употреблено словосочетание montibus Alpium — «в альпийских горах». Топоним Мундиа (Mundía), или Монт (Mont) обозначает Альпы (*Montgiu < Mont Joux < лат. Mons Jovis — «гора Юпитера», латинское название содержит аллюзию на храм Юпитера) и встречается также в виле Сигвата Тордарсона: «Stóðk á Mont, ok minntumk, mǫrg hvar sundr fló targa breið ok brynjur síðar borgum nær, of morgin» — «Я стоял однажды утром в Монте (Альпах) и вспоминал, как много широких щитов и длинных кольчуг разбивалось напрочь около городов» (*Síguatr Þórðarson. Lausavísur / Ed. by R. D. Fulk // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. 2012. Vol. 1. Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035 / Ed. by D. Whaley. P. 722).

¹⁵⁷ Строчка 92 основана на строке Гальфрида: «Cucullati ad nuptias prouocabuntur, et clamor eorum in montibus Alpium audietur» (*Geoffrey of Monmouth. The History of the Kings of Britain*. P. 151 [§ 116 (145–146)]; *The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth*. Vol. 2. P. 107 [§ 116 (30)]) — «Монахи начнут вступать в браки, и их выкрики будут слышны на альпийских вершинах» (перевод А. С. Бобовича: *Гальфрид Монмутский. История бриттов*. С. 77).

¹⁵⁸ Начиная с 93 строфы, создатель поэмы перестает опираться на текст Гальфрида.

94. Þau eru önnur ljóð upp frá þessum;
 †alvísk† eigi auðs berdraugar
 — biðk þjóðir þess — við þenna brag,
 þó at ek mynt hafa mál at hætti,
 þeims spár fyrir spjöllum rakði
 malmþings hvötuðr, í mörögum stað.

Песни другие есть, за этими следующие¹⁵⁹;
 Поленья богатства (=мужи) да не будут¹⁶⁰
 — Прошу это я у людей — поэзии той (...избегать?)¹⁶¹,
 Поведал я рассказ в размере,
 Прорицания в речах составил
 Подстрекатель тинга оружия (*тинга оружия = битвы, подстрекатель битвы —*
воин = Мерлин) во многих местах¹⁶².

95. Viti bragnar þat, þeirs bók lesa,
 hvé at spjöllum sé spámanns farit,
 ok kynni þat kjaldýrs viðum,
 hverr fyrða sé framsýnna hôttr
 mól at rekja, þaus menn vitut.

Пусть знают люди, что книгу ту прочитают,
 Как прорицателя речи были изложены,
 Поучат тому деревьев зверя кия (*зверя кия=корабля, деревьев корабля = мореходов,*
людей)¹⁶³,
 Каким образом¹⁶⁴ прорицающие мужи

¹⁵⁹ «Другие есть песни, следующие за этими» — «Þau eru önnur ljóð upp frá þessum». Речь здесь идет о второй части поэмы, которая осталась непереведенной в предлагаемом издании.

¹⁶⁰ «Поленья богатства» (= мужи) — berdraugar auðs, кеннинг человека, мужа < auðs — «богатство» + berr — «голый» + draugar — «полено», хейти дерева. Существительное berdraugr — «голые поленья» встречается в кенниге мужа в виле Глума Гейрасона: «Vel hefr hefnt, en hafna hjörs berdraugar fjörvi, — folkkrakkr, of vannt, fylkir, framligt — Haraldr Gamla» — «Харальд достойно отомстил Гамли, и голые поленья мечей (=воины) отдали жизни — ты славно сражался, вождь отважный в битве» (*Glúmr Geirason. Lausavísa / Ed. by D. Whaley // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. Vol. 1. P. 266*).

¹⁶¹ (...Избегать?) этой поэзии — †alvísk† eigi við þenna brag». Строка, трудная для интерпретации. Рассел Пул предлагает трактовать †alvísk† как «раздражаться, обвинять»; возможна также конъектура ylfisk — беспокоить, преследовать (Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 127).

¹⁶² «Подстрекатель тинга оружия» — hvötuðr malmþings. В кенниге мужа (Мерлина) тинг оружия (malmþings) = битва, подстрекатель битвы (hvötuðr malmþings) — воин = Мерлин.

¹⁶³ «Деревьев зверя кия» (=корабля, = мореходов, людей) — viðum kjaldýrs. Кеннинг мужей включает кеннинг корабля kjaldýrs — «зверь кия» (от kjölr — «киль»). См.: Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P.128.

Поведают то, о чем люди не знают.

96. Lesi sálma, spjöll lesi spámanna,
lesi bjartar þeir bækur ok roðla,
ok finni þat, at inn fróði halr
hefr horskliga hagat spásögu,
sem fyr hönnum fyrðar helgir.

Читают псалмы пусть, речи пророков читают¹⁶⁵,
Читают красивые книги и свитки¹⁶⁶,
Чтобы понять, что мудрый муж
Благоразумно составил свое прорицание,
Как до него святые люди.

97. Virði engi þat vitlausu,
þótt hann hoddskötum heiti gæfi
viðar eða vatna eða veðrs mikils
eða alls konar orma eða dýra.
Táknar eðli talðrar skepnu
spjör ráðanda spjöll eða kosti.

Пусть никто не подумает, что будет лишено смысла,
Коль даст он вождям сокровищ (=правителям) хейти (= имя, название)
Крепкой бури, озер или леса,¹⁶⁷

¹⁶⁴ «Каким образом» — hverr hótt. Существительное háttр полисемантично и имеет значения «способ, образ действий, род, нравы, обычаи, мера». Это существительное употребляется в значении «стихотворный размер, метрика, строфическая организация», в частности, в названиях размеров: квидухатт (Kviðuháttр), эпический размер, которым сочинено «Прорицание вельвы» (Völuspá), льодахатт (Ljóðaháttр), используемый в «Речах Высокого» (Hávamál); малахатт (Málaháttр), а также в названии третьей части Младшей Эдды «Перечень размеров» (Háttatal) и «Ключ размеров» (Háttalykill) ярла Рёгнвальда Кали. Предполагалось, что именно это значение, возможно, имелось в виду в исландской поэме (*Sveinbjörn Rafnsson*. Merlínusspá í sögulegu samhengi: Fáein drög til sögulegrar gagnrýni // Samtíðarsögur = The Contemporary Sagas: Höfundar / Ed. Sverrir Tómasson. Reykjavík, 1994. Vol. II. P. 734–742), однако Рассел Пул предлагает трактовать его в расширительном значении: «стиль, язык» (Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 128).

¹⁶⁵ «Пусть читают псалмы, читают речи пророков» — «Lesi sálma, lesi spjöll spámanna». Приведенную строку толковали по-разному: как «пусть читают речи (или слова) псалмов (spjöll sálma) и как «пусть читают псалмы, речи пророков» (lesi sálma, spjöll spámanna). См.: Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P.128.

¹⁶⁶ «Свитки» — roðla. Окказионализм, возможно, заимствованный из латинского rotula — «колесико», rotulus — «свиток, папирус» (старофранц. role, rolle).

¹⁶⁷ «Леса или озер или великой бури» — «viðar eða vatna eða veðrs mikils viðar». Не вполне понятно, о каких прорицаниях здесь идет речь. Возможно, о датском лесе из второй части Прорицания Мерлина: «Fá mun vakna viðr inn danski ok manns røddu mæla sjalfri» — «Тогда пробудится датский

Змей разного вида или зверей¹⁶⁸.

Природа описываемого создания обозначает

Повелителей копий изыяны или достоинства (= *воинов*)¹⁶⁹.

98. Segir Dániel drauma sína
 margháttaða merkjum studda.
 Kvezk drjúglic sjá dýr á jörðu,
 þaus tóknuðu tyggja ríki,
 þaus á hauðri hófusk síðan.

Представляет Даниил сны свои разные,

Подкрепленные чудесами.

Повествует он, что видит могучих зверей на земле¹⁷⁰,

Правителей царств означающих,

Пришедших на землю позднее.

99. Rekr inn dýri Dávið konungr
 margfalda spó, ok mælir svá:
 'Fjöll munu fagna ok inn fríði skógr,

лес и заговорит самым человеческим голосом» (II 15) или об водах, озерах (vatna) устья реки Северн (I 89).

¹⁶⁸ В строфе 97 объясняется аллегорический смысл пророчеств и предсказывается, что для определенной части аудитории они останутся «лишенными смысла» (vitlauss). См.: *Breta saga* (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P.129.

¹⁶⁹ «Вождам сокровищ (= *правителям*) — hoddskötum. Необычный кеннинг (правителя или мужа), засвидетельствованный только в строфе 97 первой части и в строфе 29 второй части: «En hoddskata hræðask báðir; flýja barmar brott ór landi» — «и оба (брата) испугаются вождя сокровищ (= *правителя*, мужа); братья прочь убегут из страны».

¹⁷⁰ «Говорит, что видит могучих зверей на земле» — «Kvezk drjúglic sjá dýr á jörðu». В строфе содержатся аллюзии на Книгу пророка Даниила (гл. VII): «1. В первый год Валтасара, царя Вавилонского, Даниил видел сон и пророческие видения головы своей на ложе своем. Тогда он записал этот сон, изложив сущность дела. 2. Начав речь, Даниил сказал: видел я в ночном видении моем, и вот, четыре ветра небесных боролись на великом море, 3. и четыре больших зверя вышли из моря, непохожие один на другого. 4. Первый - как лев, но у него крылья орлиные; я смотрел, доколе не вырваны были у него крылья, и он поднят был от земли, и стал на ноги, как человек, и сердце человеческое дано ему. 5. И вот еще зверь, второй, похожий на медведя, стоял с одной стороны, и три клыка во рту у него, между зубами его; ему сказано так: "встань, ешь мяса много!" 6. Затем видел я, вот еще зверь, как барс; на спине у него четыре птичьих крыла, и четыре головы были у зверя сего, и власть дана была ему. 7. После сего видел я в ночных видениях, и вот зверь четвертый, страшный и ужасный и весьма сильный; у него большие железные зубы; он пожирает и сокрушает, остатки же попирает ногами; он отличен был от всех прежних зверей, и десять рогов было у него» (Дан VII: 1–7). На основании Книги пророка Даниила был составлен латинский памятник «Сны Даниила» (*Somniale Danielis*, V в.), который включал список символов (в том числе и животных), нашедших отражение в средневековой Исландии (*Turnville-Petre G. Dreams in Icelandic Tradition // Folklore. 1958. Vol. 69. P. 93–111*) и Англии (*Anglo-Saxon Prognostics: An Edition and Translation of Texts from London, British Library, MS Cotton Tiberius A.iii / Ed. with a translation by R. M. Liuzza. Cambridge, 2011. P. 80–123*).

en skœðar ár skella lófum,
ok dalir ymna dróttni syngja.⁷

Произнес благородный конунг Давид
Пророчества многие и сказал так:
«Прекрасные леса и горы возрадуются,
Опасные реки захлопают в ладоши,
И долины воспоют славу Господу»¹⁷¹.

100. Hirtisk hólðar at hæða bœkr;
nemi skynsemi ok skili gørla,
hvat táknat mun í tölum þessi;
esat enn liðin öll spásaga;
þó eru mǫrgum myrk mól própheta.

Пусть люди остерегаются оскорбительных книг;
Пусть осваивают мудрость и поймут глубоко,
Подразумевающееся в этом рассказе;
Пророчество все еще не исполнилось;
Пророков слова туманны для многих¹⁷².

¹⁷¹ Строфа 99 содержит аллюзии на псалмы Давида: «7. Да шумит море и что наполняет его, вселенная и живущие в ней; 8. да рукоплещут реки, да ликуют вместе горы 9. пред лицом Господа» (Пс ХСVII: 7–9) В поэме к горам и рекам добавляются также и прекрасные леса (inn fríði skógr), и долины (dalir). Значимость псалмов Давида в средневековой исландской культуре подтверждается контекстом «Саги о Сверрире: «Til þeira orða munum vér taka er psálmaskáldit mælti: *Miserere mei deus quoniam conculcavit me homo, tota die expugnans tribulavit me*. Ok þetta segir svá: “Miskunnaðu mér, Guð, því at maðrinn trað mik undir fótum ok barðisk allan dag í gegn mér ok kvalði mik”. Þessi spásaga er nú fram komin á várum dögum er spáð var fyrir mǫrgum öldum, er Magnús frændi minn barðisk í gegn ok bjósk at tæpa mínu lífi, en Guð leysti mik nú sem fyrr ok skipti mér ríki hans» (Sverris saga / Gaf út Þorleifur Hauksson. Reykjavík, 2007. Bls. 152) — «Мы обратимся к словам, сказанным псалмопевцем: “Miserere mei deus quoniam conculcavit me homo, tota die expugnans tribulavit me” [Psalm 56: 1]. И это значит: “Помилуй меня, Боже! ибо человек хочет поглотить меня; нападавая всякий день, теснит меня”. Это пророчество, которое было предсказано много веков назад, исполнилось в наши дни, когда Магнус, мой родич, сражался со мной и хотел окончить мою жизнь, но Господь помиловал меня, сейчас, как Он сделал это прежде, и Он даровал мне его владение» (гл. 99). В «Саге о Сверрире» утверждается, что пророчества «скальда псалмов» (psálmaskáldit), то есть царя Давида, исполнились во времена самого Сверрира. Предполагалось, что Сверрир сознательно проводит параллель между царем Давидом и самим собой, уподобляя себя ему (Cole R. The Jew Who Wasn't There: Studies on Jews and Their Absence in Old Norse Literature: Doctoral dissertation. Cambridge (MA): Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences, 2015. P. 186–189. URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/23845410> (27.12.2023)).

¹⁷² О непонятности, туманности значения пророчеств говорится в Stjórn (XIV в.): «Spamanna bœkr ok postolanna ritningar uerda mǫrgum sua myrkar ok uskilianligar. sem þær se meðr nǫckurum þokum edr skyflokum skyggdar ok huldar. enn þa uerda þær uel skiliandi monnum sua sem nytsamligh sannleiks skúúr. ef þær eru medr margfalldri ok uitriligri traçteran talaðr ok skynsamliga skurðar» — «Книги пророков и писания апостолов для многих настолько туманны и непонятны, будто они затенены и скрыты

101. Frétti fyrðar, þeirs á fold búa
 enn at óra ævi liðna,
 hvat of her gerisk ok huga leiði.
 Beri in nýju spjöll við spásögu;
 sé síðan þat, hvé saman falli.

Пусть мужи, которые останутся на земле,
 После того, как пройдет наше время,
 Узнают, что произойдет с людьми, и внимание обратят.
 Пусть они сопоставят новые известия с прорицанием;
 Пусть увидят, как оба совпадут¹⁷³.

102. Varð sú in enska ætt fyr stundu
 veldis missa; nús valskr konungr.
 Þós þeygi enn þeira hætti
 liðit af láði, né lýðs Breta
 hvössum mæki hjarl eignaðisk.

Пришлось в прошлом времени англоv роду
 Потерять владычество, теперь галльский конунг¹⁷⁴.
 Пока еще обычаи их не совсем
 Пропали из страны, и земля народа бриттов
 Не отвоевана острым мечом¹⁷⁵.

103. Heilir allir, þeirs hlýtt hafa,
 fleinvarpaðir fræði þessu.
 Geri gótt gumar en glati illu,
 bíði bráða bót afruna,

туманами или грядями облаков, однако потом они становятся ясными людям, подобно благотворным ливням правды, если они рассказаны со многими мудрыми толкованиями и подробно объяснены» (Stjorn: Gammelnorsk bibelhistorie fra verdens skabelse til det babyloniske fangenskab / Udg. af C. R. Unger. Christiania, 1862).

¹⁷³ В поэме выражается уверенность, что все, предсказанное в пророчествах Мерлина, полностью исполнится (Taylor R. The Political Prophecy in England. P. 103–104).

¹⁷⁴ «Теперь галльский конунг» — «nú es valskr konungr». Предполагалось, что галльский конунг — это один из правителей династии Плантагенетов: Генрих II (1154–1189), Ричард I Львиное Сердце (1189–1199) или Иоанн Безземельный (1199–1216) (Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá). P. 133).

¹⁷⁵ В строфе 102 прошлое экстраполируется в будущее: народу англоv пришлось покориться нормандскому правителю, однако страна все еще ждет того времени, когда будет отвоевана бриттами и обычаи англоv исчезнут.

hafí hylli guðs ok himinríki.

Да здравствуют все бросатели шипов (=воины)¹⁷⁶,

Повествование это слушавшие.

Пусть люди творят добро и избегают зла,

Получат быстрое исцеление за свои ошибки,

Заслужат милость Божью и Небесное Царство¹⁷⁷.

Перевод и комментарии И. Г. Матюшиной

Список литературы

Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Беда Достопочтенный ; пер. с лат., вступ. статья, комментарии В. В. Эрлихмана ; отв. ред. С. Е. Федоров. — Санкт-Петербург : Алетея, 2001. — 361 с.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. — Москва : Художественная литература, 1975. — 751 с.

Гальфрид Монмутский. История бриттов. Жизнь Мерлина / Гальфрид Монмутский ; изд. подг. А. С. Бобович, А. Д. Михайлов, С. А. Ошеров. — Москва : Наука, 1984. — 286 с.

Младшая Эдда / [Снорри Стурлусон] ; изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. — Ленинград : Наука, 1970. — 254 с.

Anglo-Saxon Prognostics : an Edition and Translation of Texts from London, British Library, MS Cotton Tiberius A.iii / ed. with a translation by R. M. Liuzza. — Cambridge : D. S. Brewer, 2011. — 305 p. — (Anglo-Saxon Texts 9.)

Anonymous, Boga heiti / ed. by E. Gurevich // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. — Turnhout : Brepols, 2017. — Vol. 3. Poetry from Treatises on Poetics / ed. by K. E. Gade and E. Marold. — P. 821.

Anonymous, Hugar heiti ok hjarta / ed. by E. Gurevich // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. — Turnhout : Brepols, 2017. — Vol. 3. Poetry from Treatises on Poetics / ed. by K. E. Gade and E. Marold. — P. 964.

¹⁷⁶ «Бросатели шипов» (=воины) — fleinvargaðir. Необычный кеннинг война, мужа, не встречается более нигде в сохранившемся поэтическом корпусе.

¹⁷⁷ Заключительную строфу поэму сравнивали с последней строфой в «Речах Высокого»: «Heill sá er kvað! heill sá er kann! þjóti sá er nam! heilir þeirs hlýddu!» (Hávnm 164/5-8) — «Благо сказавшему! Благо узнавшим! Кто вспомнит — воспользуйся! Благо внимавшим!» (перевод А. С. Корсуна: Корсуна: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. С. 204). См.: *Turville-Petre G. Origins of Icelandic Literature. Oxford, 1953. P. 201.*

Anonymous, *Qrvar heiti* / ed. by E. Gurevich // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. — Turnhout : Brepols, 2017. — Vol. 3. Poetry from Treatises on Poetics / ed. by K. E. Gade and E. Marold. — P. 818.

Barlow, F. *William Rufus* / F. Barlow. — New Haven : Yale University Press, 2000. — 484 p. — (Yale English monarchs series).

Barrow, G. W. S. *Feudal Britain : The Completion of the Medieval kingdoms 1066–1314* / G. W. S. Barrow. — London : Edward Arnold, 1956. — 452 p.

Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. by B. Colgrave and R. A. B. Mynors. — Oxford : Clarendon Press, 1969. — LXXVI, 618 p.

Bibire, P. *The Poetry of Earl Rognvald's Court* / P. Bibire // *St. Magnus Cathedral and Orkney's Twelfth-Century Renaissance* / ed. by B. E. Crawford. — Aberdeen : Aberdeen University Press, 1988. — P. 208–240.

Blacker, J. *Where Wace Feared to Tread : Latin Commentaries on Merlin's Prophecies in the Reign of Henry II* / J. Blacker // *Arthuriana*. — 1996. — Vol. 6. — P. 36–52.

Breta saga (Gunnlaugr Leifsson, Merlínusspá) / ed. by R. Poole // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. — Turnhout : Brepols, 2017. — Vol. 8. Poetry in fornaldarsögur / ed. by M. Clunies Ross. — P. 38–189.

Burton, J. *The Monastic Order in Yorkshire, 1069–1215* / J. Burton. — Cambridge : Cambridge University Press, 2006. — 380 p. — (Cambridge Studies in Medieval Life and Thought: Fourth Series, Series Number 40).

Caille, J. *Medieval Narbonne : a City at the Heart of the Troubadour World* / J. Caille, K. L. Ryerson. — Aldershot ; Burlington : Ashgate, 2005. — XXVI, 388 p. — (Variorum Collected Studies 792).

Cole, R. *The Jew Who Wasn't There : Studies on Jews and Their Absence in Old Norse Literature : doctoral dissertation* / R. Cole. — Cambridge (MA) : Harvard University, Graduate School of Arts & Sciences, 2015. — 300 p. — URL: <https://dash.harvard.edu/handle/1/23845410>. — (27.12.2023).

Cubitt, C. *Individual and Collective Sinning in Tenth- and Eleventh-Century England : Penance, Piety and the Law* / C. Cubitt // *Religion und Politik im Mittelalter : Deutschland und England im Vergleich = Religion and Politics in the Middle Ages : Germany and England by Comparison* / hg. von L. Körntgen und D. Wassenhoven. — Berlin ; Boston : De Gruyter, 2013. — S. 51–70. — (Prince Albert Studies 29).

Curley, M. J. A New Edition of John of Cornwall's *Prophetia Merlini* / M. J. Curley // *Speculum*. — 1982. — Vol. 57. — P. 217–249.

de Vries, J. Jarl Rǫgnvalds Lausavísur / J. de Vries // *Saga och Sed*. — 1959. — S. 133–141.

Einarr Skúlason's *Geisli* : a Critical Edition / ed. by M. Chase. — Toronto ; Buffalo ; London : Toronto University Press, 2005. — 249 p.

Eysteinnsson, J. S. The Relationship of Merlínússpá and Geoffrey of Monmouth's *Historia* / J. S. Eysteinnsson // *Saga-Book*. — 1953–1957. — Vol. XIV. — P. 95–112. — URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XIV.pdf>. — (27.12.2023).

Faletra, M. A. Merlin in Cornwall: The Source and Contexts of John of Cornwall's *Prophetia Merlini* / M. A. Faletra // *Journal of English and Germanic Philology*. — 2012. — Vol. 111. — P. 304–338.

Feeney, D. C. *Stat Magni Nominis Umbra* : Lucan on the Greatness of Pompeius Magnus / D. C. Feeney // *Classical Quarterly*. — 1986. — Vol. 36. — P. 239–243.

Finlay, A. *Skalds, Troubadours and Sagas* / A. Finlay // *Saga-Book*. — 1994–1997. — Vol. XXIV. — P. 105–153. — URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XXIV.pdf>. — (27.12.2023).

Foote, P. G. *Aachen, Lund, Hólar* / P. G. Foote // *Les relations littéraires Franco-Scandinaves au moyen âge : actes du Colloque de Liège (avril 1972)*. — Paris : Société d'Éditions "Les Belles Lettres", 1975. — P. 53–75. — (Bibliothèque de la Faculté de Philosophie et Lettres de l'Université de Liège 208).

Fredric L. C. *Ermengard of Narbonne and the World of the Troubadours* / L. C. Fredric. — Ithaca : Cornell University Press, 2001. — 496 p.

Freeman, E. *Gilbert of Hoyland's Sermons for Nuns : a Cistercian Abbot and the cura monialium in Twelfth-Century Lincolnshire* / E. Freeman // *Cistercian Studies Quarterly*. — 2015. — Vol. 50. — P. 267–291.

Geoffrey of Monmouth. *The History of the Kings of Britain : an Edition and Translation of De gestis Britonum [Historia regum Britanniae]* / Geoffrey of Monmouth ; ed. by M. D. Reeve ; trans. by N. Wright. — Woodbridge : Boydell & Brewer, 2007. — LXXXVI, 307 p.

Geoffrey of Monmouth. *The History of the Kings of Britain* / Geoffrey of Monmouth ; ed. and trans. by M. A. Faletra. — Peterborough (ON) : Broadview, 2008. — 307 p.

Gering, H. Die Episode von Rǫgnvaldr und Ermingerðr in der Orkneyinga saga / H. Gering // Zeitschrift für deutsche Philologie. — 1911. — Bd. 43. — S. 428–434.

Gering, H. Die Episode von Rǫgnvaldr und Ermingerðr in der Orkneyinga saga : Zweite Artikel / H. Gering // Zeitschrift für deutsche Philologie. — 1915. — Bd. 46. — S. 1–17.

Glúmr Geirason. Lausavísa / Glúmr Geirason ; ed. by D. Whaley // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. — Turnhout : Brepols, 2012. — Vol. 1. Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035 / ed. by D. Whaley. — P. 266.

Hammer, J. A Commentary on the Prophetia Merlini (Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae, Book VII) / J. Hammer // Speculum. — 1935. — Vol. 10. — P. 3–30.

Hammer, J. A Commentary on the Prophetia Merlini (Geoffrey of Monmouth's Historia Regum Britanniae, Book VII): (Continuation) / J. Hammer // Speculum. — 1940. — Vol. 15. — P. 409–431.

Haugen, E. The Semantics of Icelandic Orientation / E. Haugen // Word: Journal of the Linguistic Circle of New York. — 1957. — Vol. 13. — P. 447–459.

Henry, Archdeacon of Huntingdon. Historia Anglorum : the History of the English People / Henry, Archdeacon of Huntingdon ; ed. by D. Greenway. — Oxford : Clarendon Press, 1996. — 899 p.

Hervarar saga ok Heiðreks / ed. by H. Burrows // Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages. — Turnhout : Brepols, 2017. — Vol. 8. Poetry in fornaldarsögur / ed. by M. Clunies Ross. — P. 367–487.

Hollister, C. W. The Strange Death of William Rufus / C. W. Hollister // Speculum. — 1973. — Vol. 48. — P. 637–653.

Hollister, C. W. Henry I / C. W. Hollister. — Rev. ed. — New Haven (CT) : Yale University Press, 2003. — 588 p.

Jackson, T. N. On the Old Norse System of Spatial Orientation / T. N. Jackson // Saga-Book. — 1998–2001. — Vol. XXV. — P. 72–82. — URL: <https://vsnr.org/wp-content/uploads/2021/11/Saga-Book-XXV.pdf>. — (27.12.2023).

Kelly, A. Eleanor of Aquitaine and Her Courts of Love / A. Kelly // Speculum. — 1937. — Vol. 12. — P. 3–19.

Keynes, S. An Abbot, an Archbishop and the Viking Raids of 1006–7 and 1009–12 / S. Keynes // Anglo-Saxon England. — 2008. — Vol. 36. — P. 151–220.

Meissner, R. Ermengarde Vicegräfin von Narbonne und Jarl Rǫgnvald / R. Meissner // *Arkiv for Nordisk Filologi*. — 1925. — Bd. XLI. — S. 140–191.

Nordal, G. Tools of Literacy : the Role of Skaldic Verse in Icelandic Textual Culture of the Twelfth and Thirteenth Centuries / G. Nordal. — Toronto ; Buffalo ; London : University of Toronto Press, 2001. — 440 p.

Padel, O. Geoffrey of Monmouth and Cornwall / O. Padel // *Cambridge Medieval Celtic Studies*. — 1984. — Vol. 8. — P. 1–28.

Poole, A. L. From Domesday Book to Magna Carta, 1087–1216 / A. L. Poole. — 2nd ed. — Oxford : Clarendon Press, 1955. — 541 p.

Sigvatr Þórðarson. Lausavísur / Sigvatr Þórðarson ; ed. by R. D. Fulk // *Skaldic Poetry of the Scandinavian Middle Ages*. — Turnhout : Brepols, 2012. — Vol. 1. Poetry from the Kings' Sagas 1: From Mythical Times to c. 1035 / ed. by D. Whaley. — P. 722.

Stefán Einarsson. Terms of Direction in Old Icelandic / Stefán Einarsson // *Journal of English and Germanic Philology*. — 1944. — Vol. 43. — P. 265–285.

Stenton, F. Anglo-Saxon England / F. Stenton. — Oxford ; Clarendon Press, 1971. — 765 p.

Stjorn : gammelnorsk bibelhistorie fra verdens skabelse til det babyloniske fangenskab / udg. af C. R. Unger. — Christiania : Feilberg og Landmarks forlag, 1862. — 654 s.

Sveinbjörn Rafnsson. Merlínússpá í sögulegu samhengi : fáein drög til sögulegrar gagnrýni / Sveinbjörn Rafnsson // *Samtíðarsögur = The Contemporary Sagas : höfundar* / ed. Sverrir Tómasson. — Reykjavík : Stofnun Árna Magnússonar, 1994. — Vol. II. — P. 734–742.

Sverris saga / gaf út Þorleifur Hauksson. — Reykjavík : Hið íslenska forn ritafélag, 2007. — 337 bls. — (Íslensk fornrit 30).

Swabey, F. Eleanor of Aquitaine, Courtly Love, and the Troubadours / F. Swabey. — Westport (CT) : Greenwood, 2004. — 224 p. — (Greenwood Guides to Historic Events of the Medieval World).

Tatlock, J. S. P. The Legendary History of Britain : Geoffrey of Monmouth's *Historia Regum Britanniae* and its Early Vernacular Versions / J. S. P. Tatlock. — Berkeley ; Los Angeles : University of California Press in co-operation with the Mediaeval Academy of America, 1950. — XI, 545 p.

Taylor, A. B. Eysteinn Haraldsson in the West, c. 1151 : Oral Traditions and Written Record / A. B. Taylor // The Fourth Viking Congress, York, August 1961 / ed. by A. Small. — Edinburgh : Oliver & Boyd, 1965. — P. 119–134.

Taylor, R. The Political Prophecy in England / R. Taylor. — New York : Columbia University Press, 1911. — 165 p. — (Columbia University Studies in English 2: 13).

The Anglo-Norman Verse Prophecies of Merlin / ed. by J. Blacker // Arthuriana. — 2005. — Vol. 15. — P. 1–125.

The Ecclesiastical History of Orderic Vitalis / ed. by M. Chibnall. — Oxford : Clarendon Press, 1975. — Vol. V. Books IX and X. — 434 p. — (Oxford Medieval Texts).

The Historia Regum Britannie of Geoffrey of Monmouth/ ed. by N. Wright. — Cambridge : D. S. Brewer, 1985. — Vol. 1. Bern, Burgerbibliothek, MS. 568. — 238 p.; 1988. — Vol. 2. The First Variant Version : a Critical Edition. — 335 p.

The Prophetia Merlini of Geoffrey of Monmouth : a Fifteenth-Century English Commentary / ed. by C. D. Eckhardt. — Cambridge (MA) : Medieval Academy of America, 1982. — 104 p.

Thompson, K. Affairs of State: the Illegitimate Children of Henry I / K. Thompson // Journal of Medieval History. — 2003. — Vol. 29. — P. 129–151.

Trioedd Ynys Prydein / ed. by R. Bromwich. — 2nd ed. — Cardiff : University of Wales Press, 1978. — P. 320–321.

Turville-Petre, G. Dreams in Icelandic Tradition / G. Turville-Petre // Folklore. — 1958. — Vol. 69. — P. 93–111.

Turville-Petre, G. Origins of Icelandic Literature / G. Turville-Petre. — Oxford : Clarendon Press, 1953. — 260 p.

Wanner, K. J. Off-Center: Considering Directional Valences in Norse Cosmography / K. J. Wanner // Speculum. — 2009. — Vol. 84. — P. 36–72.

William of Malmesbury. Gesta Regum Anglorum / William of Malmesbury. — Oxford : Clarendon Press, 1998. — Vol. I / ed. by R. A. B. Mynors, R. M. Thomson and M. Winterbottom. — 912 p. — (Oxford Medieval Text).

Würth, S. Der „Antikenroman“ in der isländischen Literatur des Mittelalters : eine Untersuchung zur Übersetzung und Rezeption lateinischer Literatur im Norden / S. Würth. — Basel : Helbing & Lichtenhahn, 1998. — 294 S.

**МАТЕРИАЛЫ НАУЧНЫХ
КОНФЕРЕНЦИЙ**
PAPERS OF THE ACADEMIC
CONFERENCES

ПРЕДИСЛОВИЕ

FOREWORD

21–22 сентября 2023 г. состоялась VI Международная научно-практическая конференция «Архивы и генеалогия», организованная Национальным архивом Республики Карелия. Такие конференции проводятся ежегодно начиная с 2017 г., и каждый раз количество их участников увеличивается, а география докладчиков расширяется.

В 2023 г. помимо докладчиков из Карелии в конференции приняли участие представители таких субъектов Российской Федерации как Москва, Санкт-Петербург, Ленинградская, Новгородская, Вологодская, Мурманская области, Республика Хакасия. Среди новых участников — Республика Крым, Камчатский край, Нижегородская, Свердловская, Курская, Астраханская, Ивановская, Архангельская области. Это не только специалисты архивных учреждений и органов управления архивным делом, но и представители научно-исследовательских институтов, музеев, библиотек, общественных организаций. В рамках конференции состоялось подписание соглашений о сотрудничестве Национального архива Республики Карелия с Национальным архивом Республики Беларусь и с Центром розыска и информации Общероссийской общественной организации «Российский Красный Крест», которые открывают новые перспективы сотрудничества.

37 докладов были представлены очно, а также в режиме видеоконференции и в формате видеозаписи. Всего в работе конференции приняло участие более четырехсот слушателей. Тексты выступлений публикуются на сайте Национального архива Республики Карелия в электронном издании материалов конференции (<http://www.rkna.ru/exhibitions/conference/>).

В этом выпуске Альманаха мы публикуем два доклада, посвящённых истории Карелии и вызвавших большой интерес участников конференции.

Елена Витальевна Усачёва,
начальник отдела использования и публикации документов
Национального архива Республики Карелия

МАРКОВА Варвара Александровна / MARKOVA Varvara A.

Национальный архив Республики Карелия / National Archives of the Republic of Karelia

Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk

pustelga4444@gmail.com

**ЗАТЕРЯННЫЕ В СТАТИСТИКЕ: ПОДРОБНЕЕ О ПЕРЕПИСЯХ
НАСЕЛЕНИЯ 1897 И 1926 ГГ. (ПО ДОКУМЕНТАМ НАЦИОНАЛЬНОГО
АРХИВА РЕСПУБЛИКИ КАРЕЛИЯ)**

LOST IN STATISTICS: A FEW MORE THOUGHTS ABOUT THE RUSSIAN
NATIONAL CENSUSES OF 1897 AND 1926 (BASED ON THE DOCUMENTS
OF THE NATIONAL ARCHIVES OF THE REPUBLIC OF KARELIA)

Abstract: The article is devoted to describing Karelian-specific features of the censuses of 1897 and 1926 by means of comprehensive archival data analysis from the documentary collections of statistical regional operators responsible for the two census campaigns (currently stored in the National Archives of the Republic of Karelia). Both enterprises were meant as the ultimate collection of valuable and most overall inclusive data about the national population. The article shows both the scientific and genealogically oriented potentials of the archival census documents.

Ключевые слова / Keywords: Перепись населения 1897 г., перепись населения 1926 г., народность, национальность, этнодемография, архивные документы, Национальный архив Республики Карелия / Census 1897; census 1926; ethnicity, nationality; ethnodemography, archival documents, the National Archives of the Republic of Karelia

Зачастую увлеченные генеалогией люди не без удивления находят работу с дореволюционными документами гораздо более простой и понятной, чем с материалами советского периода. В первую очередь, конечно, это относится к основному пласту генеалогических источников: метрическим книгам, исповедным ведомостям и ревизским сказкам. Каждый из указанных типов документов несет в себе структурированные списки населения, сформированные по некому основополагающему принципу: метрики содержат сведения об актах гражданского состояния, как это принято называть в настоящее время. Исповедные ведомости хранят учет явившихся или не явившихся на исповедь прихожан конкретной церкви за определённый промежуток времени, а ревизские сказки повествуют о числе податного населения конкретных населенных пунктов. Логическим продолжением ревизских кампаний должны были стать переписи населения (городские, сельские,

промышленные, общегосударственные и др.), которые также предполагалось вести с определенной периодичностью.

Сегодня под переписью населения понимается *процесс сбора сведений о лицах, находящихся на определенную дату на территории страны, проводимый на этой территории в строгом соответствии с официальной статистической методологией в целях формирования официальной статистической информации о демографических, экономических и социальных процессах*¹. Полученные по результатам переписи данные подлежат публикации и могут использоваться как основание для внесения разного рода изменений в жизнь общества: из них следуют число избирателей, нынешних и будущих пенсионеров, прослеживается средняя продолжительность жизни, средний уровень образования среди мужчин и женщин и множество других параметров общества. Но так было не всегда — форма и содержание переписей населения в разные исторические эпохи выглядели по-разному, а зависело это от основной цели проведения переписной кампании.

Ведение статистического учета населения в России имеет долгую историю: первые задокументированные переписи проводились в русских княжествах в XIII в. представителями ордынского ханства с целью организации податной системы². С течением времени формы составления перечней населения претерпевали изменения, напрямую зависящие от принятой в конкретный момент времени конкретным правителем системы налогообложения. Так появились писцовые, межевые, приправочные, переписные, перечневые и прочие книги учета налогоплательщиков. До петровских реформ начала XVIII века единой системы учета населения на всей территории государства не существовало, как не было и единых правил хранения и использования устаревших и неактуальных списков. Кроме того, такие переписи проводились бессистемно и охватывали лишь некоторую часть земель российского государства, и даже в рамках этих границ учитывали не все население, а только определенные группы: владельцев земельных наделов, глав крестьянских хозяйств, работников мужского пола и т. п.³. С точки зрения демографического или генеалогического исследования такие материалы,

¹ ФЗ от 25 января 2002 г. № 8-ФЗ «О Всероссийской переписи населения» [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A4%D0%97%20%D0%BE%D1%82%2025.01.2002%20%E2%84%96%208-%D0%A4%D0%97.pdf>. (10.10.2023).

² Пустоход П. И., Воблый В. К. Переписи населения. М., 1936. С. 9.

³ Кауфман А. А. К вопросу о статистическом методе в историко-экономических исследованиях // Сборник статей. М., 1915. С. 413–414.

сколь угодно ценные как старейшие источники информации о хозяйственном укладе описанных территорий, малоинформативны и не вполне достоверны⁴.

В эпоху петровских реформ организация переписей претерпела серьезные изменения: подати от подворных перешли к подушным, т. е. учету податного населения по количеству душ. Новые переписи получили наименование «ревизий», их основной документ — «ревизской сказки». Всего в России было проведено 10 ревизий — с 1718 по 1858 гг. В ходе составления ревизских сказок подсчету подлежали: податное сословие — крестьяне, мещане и посадские люди; освобожденное от податного обложения население — представители православной церкви (их учет мог проводиться в аналогичных бланках «для ведома»), а также члены семей военнослужащих (жены и дети несущих воинскую повинность вносились в отдельные дополнительные сказки по месту проживания). В ревизские сказки записывались имена всех членов домохозяйства (от самых старших до младенцев; в большей части ревизий — с учетом женской половины семей), возраст (на момент прошлой ревизии и по состоянию на настоящую), причина отлучки, если кто-то выбывал из счета. В Олонецкой и Архангельской губерниях ревизии составлялись на русском языке без каких-либо указаний на народность и язык повседневного общения жителей переписываемых населенных пунктов⁵. Почерпнуть из ревизских сказок сведения о существовании проблемы языкового барьера⁶ в волостях с карельским и вепским населением невозможно. Все данные о

⁴ В переписных кампаниях до начала XVIII века крайне мало внимания уделялось демографическим вопросам: звание, чин, промысел, занятие, место рождения, имущественное положение, уровень образования, народность, владение языками в перечнях, как правило, отсутствуют. За составление сказки отвечал специально назначенный грамотный человек (часто деревенский староста), который мог допускать ошибки в написании имен или подсчете возраста опрашиваемых. Обычно ошибки в ревизских сказках правились поверх основного текста, а также указывались в конце книги. Если правки вносились в более позднее время, то в их тексте указывался нормативный акт, на основании которого требовалось внести данные изменения.

⁵ В некоторых книгах могут попадаться отдельные указания на место рождения, проживания, службы или бегства того или иного лица. Главным образом это характерно для ранних ревизских сказок приграничных с финскими территориями населенных пунктов. В таких книгах часто упоминается «убег в Швецию», «взята в замужество из Финляндской губернии» и т. д. Сведения о вероисповедании, народности и языке в ревизиях, за редким исключением, не приводятся.

⁶ Языковой вопрос в Карелии имеет очень долгую историю. Несмотря на то, что официально все делопроизводство в Олонецкой и Архангельской губерниях велось на русском языке, в них существовала практика приглашения на работу в разные ведомства людей, владеющих «местными» языками. Так, например, Олонецкое губернское особое о земских повинностях присутствие еще в 1857 г. распорядилось о создании должности переводчика с карельского языка при Олонецком, Петрозаводском и Повенецком уездных земских правлениях для нужд судебного производства (Национальный архив Республики Карелия (далее — НАРК). Ф. 1. Оп. 24. Д. 6/13. Л. 4–7 об.). Подготовка таких переводчиков, правда, едва ли походила на организованный процесс, серьезно к этому вопросу религиозные и светские власти стали подходить значительно позже.

населении этих мест давались на русском языке (в т. ч. имена и фамилии, воспроизводимые по святцам или их разговорными эквивалентами), что было продиктовано общим принципом неделения православных племен в составе российского государства на этнические группы⁷.

После отмены крепостного права в 1861 г. ревизии податных сословий не проводились, и, несмотря на общемировые тенденции в сфере учета населения городов и сельской местности,⁸ в Российской империи проведению полноценной переписи упорно мешали всевозможные внешние факторы⁹. В течение нескольких десятилетий существовали только планы и предложения по разработке проекта всероссийской переписи населения, однако только к 1895 г. началась фактическая подготовка к переписи. Интересно, что вплоть до конца XIX века в отсутствие более актуальных унифицированных списков населения ревизские сказки продолжали широко использоваться в самых разных сферах как юридическое основание для вынесения разного рода решений: так, например, по «Высочайше установленным правилам усыновления детей» (1891 г.) в качестве одного из основных документов, необходимых заявителю для усыновления ребенка, указаны заверенные выписки из ревизских сказок 1858 г. (!); и только в случае, если участники процесса родились позднее 10-й ревизии, допускалась замена на выписи из метрических книг более позднего периода со всеми удостоверяющими их подлинность подписями и печатями¹⁰. Широта применения информации из ревизских сказок демонстрируют универсальность этого документального источника, а также (что не вполне очевидно) показывают особенности обращения российского бюрократического аппарата с персональной информацией до переписи 1897 г.

⁷ Казьмина О. Е., Пучков П. И. Основы этнодемографии: учебное пособие. М., 1994. С. 31–33.

⁸ Зарубежный опыт проведения переписей населения: информационный бюллетень. Материалы к всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] URL: <https://12.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%92%D0%9F%D0%9D-2010.%D0%97%D0%B0%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%B5%D0%B6%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%BE%D0%BF%D1%8B%D1%82%20%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%20%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%B5%D0%B9%20%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F.pdf> (10.10.2023).

⁹ Борщук Н. Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность» [Электронный ресурс]. 2017. № 3 (9). С. 45–53. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-vsrossiyskaya-perepis-naseleniya-1897-g-deloproizvodstvo-i-dokumentoobrot>. (10.10.2023).

¹⁰ НА РК Ф. 151. Оп. 1. Д. 42/8. Л. 289–289 об.

Первая всероссийская перепись населения проводилась в январе 1897 г., основной ее целью стал полный учет населения России¹¹. За организацию методической работы, отбор и подготовку переписчиков, организацию процедуры опроса населения, сбор и анализ полученных материалов и подведение первичных итогов переписи отвечало Министерство внутренних дел. Проведение переписи представляло большой интерес для анализа экономики, промышленности, демографии, народного образования России, поэтому в опросные листы включалось большое число самых разных вопросов, на которые опрошиваемым предлагалось ответить лично при помощи переписчика. Разработка итогов переписи с учетом ее объемов растянулась вплоть до начала Первой мировой войны.

К активной подготовке к проведению переписи губернские статистические комитеты приступили к середине 1896 г. и начали с составления списков населенных мест и организации системы переписных и счетных участков. В условиях Олонецкой губернии чиновникам необходимо было учитывать две особенности территории: небольшая численность населения на больших расстояниях друг от друга и значительное число проживающих в уездах «инородческих элементов» — местного финно-угорского населения. В циркулярном распоряжении МВД от 23 мая 1896 г. земским начальникам Олонецкой губернии указывалось «при распределении переписных участков <...> внимательно обсудить, как бы удобнее по условиям переездов соединить в каждый переписной участок по несколько отдельных поселений», а также «для поселений с инородческим элементом чудским и корельским непременно должны быть счетчики, знающие эти языки, дабы при опросе и ответах не встретилось недоразумений и сомнений»¹². К работе счетчиков привлекались представители духовенства, сельские учителя, торговцы, приказчики, конторщики и грамотные крестьяне (обоих полов), среди которых особенно ценились те, кто был хорошо знаком с населенными пунктами своего счетного участка, был «толковым и бойким». Для четкой работы членов переписных комиссий на местах было издано особое «Наставление сельским счетчикам»¹³, подробно

¹¹ «Инструкция заведывающим переписными участками в уездах», утвержденная МВД 31 августа 1896 г. на основании Высочайше утвержденного положения о Первой всеобщей переписи населения Российской Империи от 5 июня 1895 г. // НА РК Ф. 508. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 17–20 об.

¹² Там же. Л. 8–8 об.

¹³ НА РК Ф. 508. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 48–64.

описывающее методику проведения опроса в дни переписи и правила заполнения переписных листков.

Задачей особой важности для переписных комиссий стала просветительская работа на местах: государственные чиновники прекрасно понимали, что после опыта составления ревизий население страны может отнестись с опаской и недоверием к новой переписи и намеренно исказить реальное число членов своих семей и сведения о земельных владениях. Так, для предупреждения бегства населения от счетчиков члены Петрозаводской уездной переписной комиссии составили агитационные материалы, в которых подробно разъясняли, как следует пояснять «не развитому»¹⁴ населению (так автор документа, заведующий первым переписным участком А. Богданов, обозначил необразованных жителей губернии, которым тонкости государственных демографических проектов могли быть непонятными) задачи переписи. Ключевым отличием от ревизий был охват: перепись учитывала всех жителей страны вне зависимости от их налоговых обязательств и никаких новых налогов и льгот за собой не тянула (по крайней мере, так рекомендовалось сообщать крестьянам). Населению следовало рассказывать в популярной форме¹⁵, что цели переписи не в закабалении людей, а, напротив, в улучшении их бытовых и социальных условий (например, для правильного проектирования новых дорог, открытия ярмарок и базаров, больниц и аптек).

Несмотря на серьезный подход губернских и уездных органов власти к организации четкой работы уездных счетных участков, счетчики на местах столкнулись с множеством проблем. Так, Повенецкая уездная переписная комиссия в своем отчете в Олонецкую губернскую переписную комиссию от 12 мая 1897 г.¹⁶ (т. е. по окончании проведения переписи) о своей деятельности в дни переписной кампании отмечает, что для счетчиков большой проблемой было добираться до разбросанных на большом расстоянии друг от друга мелких населенных пунктов (в которых находилось обыкновенно около 5–10 дворов), часто единственным способом туда попасть были лыжи. Это обстоятельство повлияло и на почтовое сообщение: из-за слабого развития инфраструктуры в уезде систематически отмечались длительные задержки в доставке корреспонденции (циркуляров, правил и методических рекомендаций, а также самих переписных бланков), в следствие чего

¹⁴ НА РК Ф. 443. Оп. 1. Д. 7. Л. 10–11 об.

¹⁵ Там же. Л. 18–19.

¹⁶ НА РК Ф. 508. Оп. 1. Д. 9. Л. 24–29.

в некоторых местностях, ввиду недостатка бланков, сведения об опрашиваемых заполнялись в единственном экземпляре вместо двух положенных. К тому же во многих из отдаленных поселений проживали карелы, в большинстве случаев русский язык совсем не понимающие, из-за чего для работы счетчика необходимо было подбирать людей, свободно владеющих местным наречием карельского языка, но также физически способных осилить путь к жителям карельских деревень. При очевидно ограниченном числе кандидатов ситуацию усугубляло скромное денежное вознаграждение, от которого потенциальные переписчики упорно отказывались¹⁷.

Опросные листы переписи 1897 г. включили в себя 14 основных вопросов об участнике переписи: Ф.И.О., возраст и место рождения, сословная принадлежность, основное занятие, вероисповедание, родной язык и уровень грамотности и т. д. Вопрос о национальной принадлежности опрашиваемого (или его народности) именно в такой формулировке отсутствовал. Сведения, включенные в опросные листки, не разрешалось публиковать и распространять. В Инструкции Главной переписной комиссии при МВД «о порядке создания переписных комиссий на местах» от 31 августа 1896 г. № 697¹⁸ прописывались правила обращения с персональными данными из материалов переписи: без личного разрешения министра внутренних дел получить уточняющие сведения из личных листков переписи было невозможно. Сами переписные листы (составленные в двух экземплярах с возможностью создания дополнительной копии для нужд территориальных ведомств), пройдя обработку и сверку необходимых данных, направлялись в пудовых мешках в Санкт-Петербург, где могли частично сохраниться, но в большинстве своем уходили на переработку¹⁹. Таким образом, выдача справок на основе переписных листков изначально была трудно осуществимой задачей.

¹⁷ Там же в отчете приводятся сведения о финальном повышении вознаграждения счетчикам за работу — 12 руб. на человека, а в сумме на всех счетчиков уезда — 698 руб. Позднее уездная комиссия была вынуждена запрашивать дополнительные средства, но получила в итоге лишь 230 руб. В помощь платным счетчикам (их было немного) приглашались и «бесплатные», состоявшие большей частью из отпущенных с основного места работы на время переписи учителей церковно-приходских школ, служащих казенной лесной стражи, военных и полицейских.

¹⁸ НА РК Ф. 443. Оп. 1. Д. 1/6. Л. 5–7 об.

¹⁹ Брюханова Е. А., Иванова Н. П. Документоведческий и источниковедческий анализ первичных материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. // Вестник Томского государственного университета [Электронный ресурс]. 2019. № 442. С. 96–107. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentovedcheskiy-i-istochnikovedcheskiy-analiz-pervichnyh-materialov-pervoy-vseobschey-perepisi-naseleniya-rossiyskoy-imperii/viewer>. (10.10.2023).

В фондах Национального архива Республики Карелия личные листки переписи 1897 г. не сохранились. Они отсутствуют и на хранении в Российском государственном историческом архиве²⁰, однако в фондах уездных переписных комиссий Олонецкой губернии и губернского статистического комитета обнаруживаются другие полезные исследователю документы. В делах, посвященных переписке о подготовке и проведению переписи населения, могут находиться ведомости для подсчета населения по уезду или городу, единичные выписки из домовых книг, прошения и переписка по вопросам установления проживания отдельных лиц в конкретных домохозяйствах, паспорта и разрешения на их получение. Также в делах переписных комиссий отложилось большое число документов общего характера о проблемах и особенностях создания счетных участков, подборе счетчиков, затратах на исполнение распоряжений МВД и Олонецкой губернской переписной комиссии; среди них встречаются перечневые списки по переписным участкам, материалы которых в последствии ложились в основу многих статистических отчетов губернской статистической комиссии. В отдельных делах содержатся журналы собраний членов переписных комиссий с описанием работы последних, сроков и процедур принятия решений по спорным вопросам.

Отдельный пласт документов, полезных в том числе и в генеалогическом поиске, представляют документы учета и награждения переписчиков уездных переписных комиссий, хранящиеся в фондах соответствующих территориальных учреждений: в большинстве таких списков кроме фамилии и инициалов можно обнаружить сведения о возрасте, социальном положении, месте рождения, постоянного проживания и службы, полученном образовании и семейном статусе²¹. В таких списках отсутствуют указания на владение языками, кроме русского, но могут присутствовать сведения об участке, на котором тот или иной счетчик работал. Кроме того, в фондах уездных комиссий встречаются заявления о согласии лиц приступить к работе счетчика, прошения и заявления по вопросу материальной помощи и аналогичные документы.

²⁰ Проект «Архивные фонды Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года» (Алтайский государственный университет, Е. А. Брюханова) [Электронный ресурс]. URL: <https://arch1897.histcensus.asu.ru/>. (10.10.2023).

²¹ НА РК Ф. 48. Оп. 1. Д. 1/3. Л. 244 об. – 246.; Ф. 443. Оп. 1. Д.1/2. Л. 197 об. – 198.

Вторая всеобщая перепись населения была намечена на 1915 г., однако в силу очевидных обстоятельств она не состоялась. На хранении в государственных архивах зачастую могут встречаться отдельные материалы о подготовке к проведению переписи²². В НА РК некоторые из этих документов можно встретить в фонде 27 «Олонецкий губернский статистический комитет».

В 1917 г. в целях проведения аграрной реформы состоялась первая в стране сельскохозяйственная перепись, которая собрала материалы о текущем положении дел в этой сфере. В НА РК по данной переписи сохранились некоторые отдельные карточки учета землевладельцев (зачастую анонимные), разрозненные списки и вспомогательные документы переписных комиссий (например, в фонде Олонецкого (!) губернского статкомитета имеется список домохозяйств Кемского уезда за 1920 г, «связующий перепись 1917 г. с настоящей»²³). Отдельные листы переписи включали в себя небольшой объем сведений: фамилию (часто только с инициалами) землевладельца, его национальность, адрес хозяйства, общее число членов домохозяйства. Основное внимание переписчиков принадлежало учету и описанию земельных участков, технических и жилых помещений на них, размерам пахотных земель и количеству поголовья домашнего скота.

В 1920 г. советская власть получила первую возможность провести собственный учет населения, притом перепись изначально позиционировалась как демографическая. В НА РК в составе фондов Р-122 «Олонецко-Карельское статистическое бюро»²⁴ и Р-659 «Госкомстат Республики Карелия» имеются владельческие карточки, квартирные карты, поселенные бланки, подворные карточки и личные листы данной переписи. Специфической особенностью данных документов является то, что перепись проводилась одновременно на территории новообразованной Карельской Трудовой Коммуны (КТК) и Олонецкой губернии по-разному: широко и полно сохранились переписные бланки Лодейнопольского уезда (ныне — Ленинградская и Вологодская области), составленные в рамках

²² Так, например, небезынтересны уточненные по состоянию на 1914 г. списки населенных пунктов сельских обществ, в частности: НА РК Ф. 27. Оп. 2. Д. 32/508. Л. 64–69, 70–75 об., 76–81, 85–89 об., 90–91 об., 92, 93–94.

²³ НА РК Ф. 27. Оп. 11. Д. 3/26.

²⁴ См. подробнее по теме переписи 1920 г. в документах НА РК: Каюмова М. Р. Документы первичного учета Всероссийских демографической и сельскохозяйственной переписей 1920 г. как источник генеалогической информации. 2022 г. [Электронный ресурс] URL: <http://www.rkna.ru/index.php/mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-arkhivy-i-genealogiya-2022-g/3967-kayumova-2>. (10.10.2023).

переписной кампании, и наравне с ними имеются материалы по Кемскому уезду, многие из которых записывались на основе данных 1917 г.²⁵

По прошествии трех лет после проведения первой советской переписи в марте 1923 г. была организована новая переписная кампания²⁶, которая унаследовала от своей предшественницы методику сбора информации, особенности подготовки переписчиков и основные формуляры: *личные листки, семейные карты и квартирные карты*. Одной из ключевых задач городской переписи населения 1923 г. стало уточнение сведений о жилых помещениях городов: размеры полезной площади и число жильцов на ней, тип освещения (керосин или электричество), материал стен и др. По итогам обработки трех первичных формуляров создавались итоговые ведомости, промышленные карты и различные специфические списки. В фондах Национального архива Республики Карелия, в частности, сохранились единичные документы второй категории — итоговые материалы по разным предприятиям и учреждениям г. Петрозаводска²⁷, в которые, кроме чисто хозяйственных сведений о зданиях города, вошли и некоторые сведения о владельцах жилплощади, входящей в ведение учреждения. В целом, материалы данной переписи малочисленны, сохранились в фрагментарном и довольно бессистемном состоянии.

Практически сразу после окончания переписи 1923 г., масштабы и специфика которой не позволяли работать с крупными статистическими данными, центральными органами власти было принято решение о проведении следующей общегосударственной переписи населения.

Кампания была назначена на декабрь 1926 г., а за год до проведения переписи, 1 декабря 1925 г., в расширенном составе членов Центрального статистического управления СССР (к работе привлекались сотрудники статистических ведомств ряда регионов) разрабатывались основные подходы к организации новой переписи. Основной целью проведения кампании 1926 г. было «представить социально-профессиональную структуру населения и дать демографическую характеристику социально-профессиональных групп²⁸», и потому основной упор при разработке методических пособий для будущих переписчиков делался на четкое и подробное

²⁵ Эти данные также легли в основу аналитических справок Олонецкого губернского статбюро по итогам переписи 1920 г. (основание: Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 1/15. Л. 90).

²⁶ Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1957. С. 16–17.

²⁷ Напр., НА РК Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 109/1727.

²⁸ Всесоюзная перепись населения 1926 года: Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Занятия. Т. XVIII. М., 1929. С. VII.

соотнесение человека с полезным трудом, которым он занимался, или, если он попадал под категорию «несамодельного», не занимался.

Основной инструментарий переписи включил в себя *личные листки, семейную карту, владенную ведомость* для городов (которую полагалось печатать на двух языках — русском и местном)²⁹ и *поселенного списка* для сельской местности. Личные листы переписи составлялись отдельно на каждого гражданина, не исключая грудных младенцев. Важной учетной единицей становилось домохозяйство, притом в состав условной «семьи» входили исключительно те люди, что находились на иждивении главы домохозяйства (его или ее), при этом люди даже с самым малым самостоятельным доходом, например студенты-стипендиаты, включались в отдельное хозяйство, пусть даже проживали на одной площади с родственниками³⁰. Из-за такого подхода в сводных ведомостях переписи можно увидеть за одной фамилией (главы семьи) некое другое число числящихся за его хозяйством переписных листов, что обозначает число находившихся на его/ее иждивении лиц.

Основной принцип учета повторял особенности переписи 1897 г. — «принцип наличного населения», т. е. в переписные листы вносились только те люди, что находились в наличии на момент проведения переписи. Для максимального привлечения населения к переписи членами переписных комиссий заранее проводилась работа по уточнению количества проживающих в домовладении лиц, а также сбор сведений о тех из них, кто по объективным причинам не сможет находиться дома на момент обхода. Отдельные переписчики из числа работников закрытых учреждений занимались сбором сведений о людях, временно находящихся вне дома в установленных местах (больницах, тюрьмах, казармах). Интересной особенностью такого подхода стало вынужденное включение принципа «самоисчисления» — т. е. самостоятельного заполнения переписных бланков гражданами³¹.

В рамках целевого опроса у населения выяснялись среди прочего адрес, семейное положение, народность³² (чего не было в переписи 1897 г., но впервые

²⁹ Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 19.

³⁰ Справочный материал к докладу о проведении Всесоюзной переписи населения 1959 года. М., 1957. С. 1.

³¹ Воробьев Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. С. 26–27.

³² Формулировка данного вопроса вызвала в ЦСУ бурные споры: между терминами «национальность» и «народность» подразумевалась значительная разница. Первый термин описывал сложившиеся после революции 1917 г. тенденции к развитию национального самосознания у населения новообразованных национальных республик, а второй — указывал на племенное

было введено в 1920 г.), родной язык и уровень грамотности (в том числе на национальных языках)³³, сведения вносились в бланки карандашом или чернилами и не требовали никакой документальной проверки, из-за чего к записям следует относиться с осторожностью — они часто содержат ошибки и неточности³⁴. Бланки переписи печатались на русском языке и заполнялись также, что может выглядеть довольно странно с учетом почти полной финнизации бюрократического аппарата Кемского уезда: еще с 1921 г. административным языком в учреждениях уезда официально считался финский (в некоторых документах он мог именоваться «карельским», который на тот момент не имел письменной нормы и на севере Карелии встречался в форме, максимально приближенной к финскому языку), он же использовался в служебной переписке с региональными органами власти³⁵. В отложившихся на хранении в НА РК документах переписи 1926 г. данные о переписываемых лицах вносились в основном на русском языке, однако есть несколько дел (например, по Ухтинской волости), в которых имеются записи и на финском языке.

В НА РК в фонде Р-659 «Госкомстат Республики Карелия» имеются целые дела и отдельные листы переписи 1926 г., в том числе семейные карты жителей городов и малых населенных пунктов АКССР, однако состав документов неполный. В числе наиболее полно представленных можно отметить территории г. Петрозаводска и Кемского уезда. Отдельно стоит отметить, что часть населения СССР переписывалась на основе похозяйственных карточек из-за невозможности соблюдения критических сроков проведения переписи; в число территорий, на которых сбор сведений был затруднен и использовались отличные листы учета, относились и территории «Ленинградско-Карельского района и части Мурманской области»³⁶, т. е. довольно значительная часть АКССР. Такой подход к проведению переписи привел к тому, что в ряде случаев сведения из переписных листов могли

(этническое) происхождение. «Народность», таким образом, представляла собой более нейтральное и менее политизированное определение.

³³ Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 64/1026.

³⁴ Важно отметить, что в число методических пособий для переписчиков входили разнообразные словари правильного написания наименований национальностей, языков, профессий и т. п. В фондах НА РК, в частности, сохранились некоторые материалы по разработке дополнительных словарей переводов основных терминов профессиональной принадлежности в языковой паре русский-карельский(е) языки.

³⁵ Ф. Р-550. Оп. 1. Д. 5/59. Л. 29–31.

³⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года: Северная полоса. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Занятия. Т. XVIII. М., 1929. С. 215–496.

качественно не соответствовать реальному положению вещей, зафиксированному в других документах гражданского учета (продовольственных комитетов, земельных управлений, рабоче-крестьянской инспекции и т. д.). При этом в систематизации документов внутри архивного фонда четких указаний на дела, в которых такой подход был осуществлен, нет.

Другой особенностью переписных документов кампании 1926 г. стало широкое привлечение государственных учреждений и производственных организаций к сбору информации: при анализе материалов фонда Р-659 удалось выявить систематическое сходство в написании бланков ряда организаций. Сходство заполнения, способа передачи данных и почерка писавшего могут говорить о том, что на государственное хранение в архив поступили не первичные переписные листы, а некие переписанные или же «чистовые» их варианты, что в свою очередь бросает тень на достоверность внесенных в документы сведений. Информация, указанная в таких документах (заполненных чернилами, а не карандашами), могла быть внесена в бланк не со слов переписываемых и не ими самими, а по заранее составленным спискам или документам кадрового делопроизводства организаций и включать в себя «официальную» информацию, не обязательно соответствующую действительности.

Первые обобщенные итоги всесоюзной переписи увидели свет в Карелии в 1927 г.: местное издание статистического комитета выпустило ограниченным тиражом собственные «Предварительные итоги [переписи населения 1926 г.] по Карельской республике»³⁷ — 39-страничную брошюру на русском и финском языках с кратким изложением основных выводов статистического ведомства о динамике развития человеческого потенциала (как можно было бы сформулировать в настоящее время) в республике. Сведения, указанные в данном издании, включили в себя первый унифицированный список наименований населенных мест Карелии на русском и финском языках, который лег в основу будущего информационного справочника «Список населенных мест Карельской АССР» 1928 г.

Результаты переписи 1926 г. изданы ЦСУ СССР в 1929 г. после систематизации и подсчетов информации обо всех субъектах Советского Союза. Демографические и экономические сведения о населении АКССР вошли в многотомное издание,

³⁷ Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Предварительные итоги по Карельской республике. Издание статистического управления АКССР. Петрозаводск, 1927.

в котором АКССР указана сразу в двух разделах: в восьмом томе сведения о ней даны в обобщенных статистических таблицах в подразделах «Ленинградско-Карельский район»³⁸ и «Карельская АССР». В таблицах специальных экономических томов (включая восьмой том) данного издания к вопросу национальной принадлежности жителей Карелии подошли просто: существует столбец «русские» и «карелы, финны, вепсы» без разделения на подгруппы. Таблицы даны без комментариев и уточнений. Прочие национальности, встречавшиеся в бланках переписи в указанное издание не вошли. Отдельно вопросу народности³⁹, родного языка, возраста и грамотности населения посвящен том I, в котором представлен основной массив сведений о проживающих в карельской автономии этносах (из числа 40 кодифицированных народностей из специально изданного методического пособия), о распространенности «родного языка» (также по утвержденному списку наименований), степени владения местными и общегосударственным языками.

Перепись 1926 г. стала фактически второй общегосударственной кампанией по сбору основных демографических данных о населении страны. Ее проведение в значительно меньшей степени по сравнению с двумя предыдущими советскими переписями было подвержено погрешностям из-за нестабильного политического положения и ограниченного охвата территорий. Во многом первая Всесоюзная перепись повторила подход и формулировки первой Всероссийской переписи 1897 г., в том числе унаследовала и особенности, от которых после 1937 г. было решено отказаться вовсе: учет только наличного населения, проведение основных опросов в один день. С другой стороны, в основу образцовой советской переписи 1926 г. легло стремление более подробного и четкого сбора сведений о населении. В работе переписных комиссий приняло участие значительно большее число людей, чем прежде, притом на этот раз для составления формуляров переписи привлекались и владеющие финским и карельским языками лица.

Работа с первичными документами переписей населения, хранящимися в архивах страны, в том числе и обеих первых — Всероссийской и Всесоюзной, — оказывается трудоемкой задачей для исследователя. Многообразие формуляров переписей позволяет вести исследовательскую работу по самым разным

³⁸ Любопытная деталь: в сборнике имеются два территориальных образования со словом «Карелия» в названии: «Ленинградско-Карельский район» (с французским переводом: «de Leningrad et Republique Aut. de Carelie») и «Карельская АССР».

³⁹ Всесоюзная перепись населения 1926 года: Северный район. Ленинградско-Карельский район. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Т. I. М., 1928. С. 114–116, 135–140.

направлениям, но в то же время существенно усложняет аналитическую работу ученого или генеалога: при кажущихся большими объемах отложившихся в архивных фондах материалов переписей едва ли получится найти полный комплект документов (личные листки, семейная карта, владенная ведомость/поселенный список) на конкретного человека/семью или жителей какого-либо населенного пункта. Разница в назначении и использовании формуляров переписей после окончания проведения опросов сказалась в первую очередь на их сохранении: многие семейные карты и личные листки после обработки уничтожались; во время итоговых подсчетов формуляры разделялись по типам и передавались для обработки отдельным специалистам, сведения из них учитывались в разных по тематике итоговых ведомостях и таблицах. Внутри фондов НА РК дела сформированы большей частью по видам документов, но нередко оказывается, что по какой-то территории на хранении отложился только один из формуляров переписей, из-за чего сверка данных, указанных в бланках переписей, и последующее исчерпывающее исследование становится принципиально невозможным. В то же время огромную ценность приобретают мало применяемые в исследованиях персональные и групповые биографические документы о создании и функционировании переписных комиссий: в случае с переписью 1897 г., утраченной для современного исследователя, именно эти документы позволяют увидеть и оценить условия, особенности и ход проведения переписи на территории нынешней Карелии.

С точки зрения генеалогического исследования, переписи населения открывают новые измерения в изучении истории семьи, населенного пункта и края, поясняют и открывают исторический контекст, в котором создавались документы, как, кем и для чего собирались сведения о населении региона и какое отражение это находит в современной науке и бытовой картине мира граждан страны.

Список литературы

Борщик, Н. Д. Первая Всероссийская перепись населения 1897 г.: делопроизводство и документооборот / Н. Д. Борщик // Вестник РГГУ. Серия «Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность» [Электронный ресурс]. — 2017. — № 3 (9). —

С. 45–53. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pervaya-vserossiyskaya-perepis-naseleniya-1897-g-deloproizvodstvo-i-dokumentooborot>. — (10.10.2023).

Брюханова, Е. А. Документоведческий и источниковедческий анализ первичных материалов первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / Е. А. Брюханова, Н. П. Иванова // Вестник Томского государственного университета [Электронный ресурс]. — 2019. — № 442. — С. 96–107. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dokumentovedcheskiy-i-istochnikovvedcheskiy-analiz-pervichnyh-materialov-pervoy-vseobschey-perepisi-naseleniya-rossiyskoy-imperii/viewer>. — (10.10.2023).

Воробьев, Н. Я. Всесоюзная перепись населения 1926 г. / Н. Я. Воробьев. — Москва : Госстатиздат., 1957. — 107 с.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 года. Предварительные итоги по Карельской республике. Издание статистического управления АКССР. — Петрозаводск : Стат. упр-ние АКССР, 1927. — 39 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Москва : ЦСУ, 1928–1930. — 56 т. ; Т. 18: Северная полоса: Северный район. Ленинградско-Карельский район. Занятия. — 1929. — 552 с.

Всесоюзная перепись населения 1926 года. — Москва : ЦСУ, 1928–1930. — 56 т. ; Т. 1. Северный район. Ленинградско-Карельский район. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. — 1928. — 303 с.

Казьмина, О. Е. Основы этнодемографии : Учеб. пособие / О. Е. Казьмина, П. И. Пучков. — Москва : Наука, 1994. — 253 с.

Кауфман, А. А. К вопросу о статистическом методе в историко-экономических исследованиях / А. А. Кауфман // Сборник статей. — Москва : Г.А. Леман и Б.Д. Плетнев, 1915. С. 401–423.

Каюмова, М. Р. Документы первичного учета Всероссийских демографической и сельскохозяйственной переписей 1920 г. как источник генеалогической информации / М. Р. Каюмова. — 2022 г. // Национальный архив Республики Карелия [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.rkna.ru/index.php/mezhdunarodnaya-nauchno-prakticheskaya-konferentsiya-arkhivy-i-genealogiya-2022-g/3967-kayumova-2>. — (10.10.2023).

Пустоход, П. И. Переписи населения / П. И. Пустоход, В. К. Воблый. — Москва : Соцэкгиз, 1936. — 206 с.

Справочный материал к докладу о проведении Всесоюзной переписи населения 1959 года. — Москва : Госстатиздат., 1957. — 13 с.

ТАКАЛА Ирина Рейевна / TAKALA Irina R.

Петрозаводский государственный университет, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН / Petrozavodsk State University, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
Россия, Петрозаводск / Russia, Petrozavodsk
irina.r.takala@gmail.com

**К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТЯХ БИОГРАФИКИ: ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ
ЭЭРО ХААПАЛАЙНЕНА***

ON THE POSSIBILITIES OF BIOGRAPHICAL STUDIES: THE LIFE AND
DEATH OF EERO HAAPALAINEN

Abstract: ‘The biographical turn’ that occurred in historical scholarship at the turn of the twenty-first century transformed the possibilities and scope of historical biography, refining the historian’s toolkit, proposing new principles for selecting personalities, expanding the range of questions, directing the researcher’s focus towards the identification and understanding of ‘individuality,’ introducing interpretative methods into research practice, identifying models and types of biographical studies, etc.

This article examines the Finnish Social Democrat Eero Haapalainen, who emigrated to Soviet Russia in 1918 and left a significant mark on the histories of both Russia and Finland. However, his name remained erased from our history and memory for a long time. The author of this article wrote a concise biography of him almost 30 years ago, which remains the only detailed account of his life. In revisiting her old text, the author is motivated by the possibilities offered by the ‘new biographical history.’ This is also an opportunity to draw attention to the challenges faced by historians when studying previously unpopular topics that have since been reactualized, such as the biographies of immigrants like the Red Finns in Russia or those who fell victim to Stalinist terror — topics on which Soviet historical scholarship either remained silent or disseminated inaccurate information.

The article utilizes new methodologies and sources to reconstruct the biography of Eero Haapalainen while charting paths for its further exploration. Interpretative directions in his life story involve juxtaposing his personal history with his political and academic biography, analyzing the nuances of his behavior, life choices and searches, and psychological details of his portrait. All of this not only broadens the horizons of studying the so-called ‘secondary figure’ but also brings to the forefront the phenomenon of the figure of the Other.

The biographies of Finnish immigrants are not just the life stories of ordinary individuals in a transformative era of wars and revolutions. They are also the life accounts of individuals with cultural traditions, perceptions, and customs that differentiated them from the surrounding society. History, as portrayed through the persona of an immigrant, can become an effective means of understanding the society in which they involuntarily found themselves.

Ключевые слова / Keywords: Биографика, «новая биографическая история», «персональная история», Ээро Хаапалайнен, красные финны, иммигранты, советская

* Работа подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации». Номер регистрации: 121070700117-1

Карелия, Финляндия / Biographical studies, 'New Biographical History', 'personal history', Eero Naapalainen, Red Finns, immigrants, Soviet Karelia, Finland

Необходимое вступление

Историко-биографический жанр, существующий со времён античности, за тысячелетия пережил множество взлётов и падений, но менялся мало. Сосредоточенность исследователей на изучении и описании жизни выдающихся исторических личностей постоянно критиковалась с разных сторон, и многие профессиональные историки отводили биографическому жанру второстепенную (если не маргинальную) роль. На рубеже XX–XXI вв. в результате мощного воздействия «интеллектуальных вызовов» эпохи постмодернизма, с развитием исторической антропологии и микроистории, возрастанием роли индивидуализирующего подхода в исторических исследованиях, появилась необходимость разработки теории и методологии биографического письма и создания соответствующей научной дисциплины со специальным понятийным аппаратом, исследовательским инструментарием, сложившейся системой междисциплинарных взаимодействий. Так в отечественной науке появляется понятие «биографика», у которого, правда, до сих пор нет устойчивого определения и которым пользуются далеко не все исследователи.

В 1990-е гг. существование биографики обосновал Иосиф Львович Беленький, определив её как «систему философско-методологических, историографических, историко-культурных, рецептурных знаний и представлений об отдельных биографических жанрах, о смысле, задачах и возможностях биографического мышления и познания, о методах биографической реконструкции»¹. В терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» биографика названа вспомогательной исторической дисциплиной, разрабатывающей теоретические, методические, историографические, источниковедческие проблемы биографий, одной из основных задач которой является изучение типов биографического письма и биографического сознания².

Современными отечественными учёными теории биографии и смежные дисциплины определяются и рассматриваются по-разному, предлагается различная типология биографических исследований³. Среди терминологического и

¹ Беленький И. А. Биография и Биографика в отечественной культурной исторической традиции // История через личность: Историческая биография сегодня. М., 2010. С. 38.

² Некрасова Н. В. Биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 31.

³ Подробнее см.: Дунаева Ю. В. Биография в современной исторической науке: от микроистории до метабиографии. (Сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Информационно-аналитический журнал. 2016. № 4. С. 6–14; Она же. Историческая биография: от персональной истории до философии истории //

методологического многообразия нам больше всего импонирует концепция известного историка, а также специалиста в области теории истории и биографии Лорины Петровны Репиной, представляющая собой некий синтез классической исторической биографии и новейших теоретических разработок биографического жанра. Её теоретические изыскания внесли значительный вклад в осмысление современного состояния исторической биографии и привели к возникновению термина «новая биографика» обозначающего *предметное поле* современного исторического знания. Это предметное поле называют также «новой биографической историей», в качестве самоназвания используются понятия «индивидуальная» и «персональная история» (*personal history* в современной англоязычной историографии)⁴.

По определению Л. П. Репиной, «современная историческая биография не ограничивается повествованием о жизненном пути исторического персонажа, а представляет собой историческое *исследование*: это история, показанная через личность. Новая биографическая история, поставив во главу угла анализ деятельности индивида, индивидуального сознания и самосознания, личного интереса и целеполагания, помогает в конечном счёте ответить на вопрос, каким образом и в какой степени унаследованные культурные традиции, обычаи, представления определяли поведение людей в специфических исторических обстоятельствах (а тем самым и весь ход событий и их последствия), и какую роль играли в этих границах индивидуальный выбор и инициатива». Таким образом веками устоявшаяся форма историко-биографических исследований «наполнилась новым содержанием, их предметное поле существенно расширилось, а «номенклатура» неизмеримо выросла за счёт жизнеописаний людей, которые выступали как реальные агенты, акторы, т. е. *действующие лица истории*, но отнюдь не на главных ролях и не могут быть формально причислены к выдающимся историческим деятелям. Несмотря на определенный методологический эклектизм, ориентацию на принципиально различные исследовательские стратегии (от моделей рационального выбора до теорий культурной и гендерной идентичности или до психоистории), общая установка персональной или новой биографической истории состоит в том, что реконструкция личной жизни и неповторимых судеб отдельных исторических индивидов, изучение формирования и развития их внутреннего мира рассматриваются *одновременно* — и как главная цель исследования, и как одно из эффективных средств познания того исторического социума, в котором они жили и творили, радовались и страдали,

Историческая экспертиза. 2023 (Препринт). URL: [Ю.В. Дунаева Историческая биография: от персональной истории до философии истории \(istorex.org\)](https://istorex.org) (18.09.2023).

⁴ Некрасова Н. В. Новая Биографика // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 334.

мыслили и действовали»⁵. Важной составляющей биографической концепции Л. П. Репиной является особое внимание к личным, персональным источникам, ко всему их спектру, объединённому термином «эго-документы».

В целом можно говорить о «биографическом повороте» в историографии, который изменил возможности и масштабы исторической биографии, совершенствуя инструментарий историка, предлагая новые принципы выбора персоналий, приращение проблемного поля, нацеливая оптику исследователя на выявление и осмысление «человеческой индивидуальности», вводя в исследовательскую практику интерпретативные методы, выделяя модели, типы биографических исследований и т. д.⁶

Героем нашего исследования является эмигрировавший в 1918 г. в Советскую Россию финский социал-демократ Ээро Хаапалайнен, который оставил заметный след в истории обоих государств, но имя которого на долгое время было вычеркнуто из нашей истории и нашей памяти.

Краткую биографию этого человека я написала почти 30 лет назад и до сих пор она является единственным столь подробным рассказом о нём⁷. Возвращение к старому тексту обусловлено желанием проверить возможности «новой биографической истории» и обратить внимание на сложности, с которыми

⁵ Репина Л. П. От исторической биографии к биографической истории // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей. СПб., 2010. С. 6–7. См. также: Репина Л. П. Личность и общество, или история в биографиях // История через личность: историческая биография сегодня. М., 2005. С. 5–16; Она же. От «истории одной жизни» к «персональной истории» // Там же. С. 55–74; Она же. «Новая историческая наука» и социальная история. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2009. 320 с.

⁶ Теоретические изыскания Л. П. Репиной получили свое продолжение в работах многих других авторов. См., например: Голубович И. В. Биография как социокультурный феномен: Методология анализа в гуманитарном знании // Интегративна антропология. Одесса, 2009. № 1 (13). С. 47–53; Дунаева Ю. В. Историческая биография: упадок или возрождение? (Аналитический обзор) // Историческая биография: современные подходы и методы исследования. 2011. С. 8–32; Иванова Т. Н., Мягков Г. П. Новые аспекты биографики в современных историографических исследованиях // Историческое познание историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М., 2012. С. 167–176; Попова Т. Н. Биоисториописание в контексте научных традиций: концепты и модели // Диалог со временем. 53. М., 2015. С. 30–53; Она же. В поисках азимута, или новые траектории «старого» биографизма // Профессия — историк (к юбилею Л. П. Репиной). М., 2017. С. 46–68; Николаева А. Б. Научная биография как персональная история: векторы интерпретации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019. Том 8. № 1 А. С. 73–79; Настуев С. В. Концепция «новой биографической истории» в работах Л. П. Репиной: поиск формы и содержания // Исторические и психолого-педагогические науки: сб. науч. статей. Минск, 2020. С. 113–120; Она же. Историографические проблемы изучения биографии в исторической биографике // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2022. № 4 (133). С. 43–47.

⁷ Такала И. Р. Ээро Хаапалайнен — революционер, журналист, ученый (К 115 годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография (От античности до современности). Петрозаводск, 1996. Вып. II. С. 187–193; *Idem.* Naapalainen, Eero (1880–1937) punakaartien ylipäällikkö, kansanvaltuuskunnan jäsen, SAJ:n puheenjohtaja // Kansallisbiografia. 1999. Электронный ресурс. URL: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/4772> (Дата обращения 18.09.2023); *Idem.* Naapalainen, Eero (1880–1937). Överbefälhavare för röda gardet, fackorganisatör // Biografiskt lexikon för Finland. 3, Republiken A-L. Helsingfors, 2011 (электронная версия: <https://www.blf.fi/artikel.php?id=4772> (28.12.2023)).

сталкивается исследователь, обращаясь к таким непопулярным ранее, но востребованным ныне, темам как, например, биографии иммигрантов, каковыми были красные финны в России, или тех людей, которые стали жертвами сталинского террора и о которых советская историография долгое время либо умалчивала, либо тиражировала неверные данные.

Жизнь и смерть Ээро Хаапалайнена⁸

Первый председатель Профессиональной организации Финляндии, вдохновитель и руководитель революционных боев 1905–1906 и 1917–1918 гг., советский и партийный деятель, журналист и ученый, — все в своей жизни он делал страстно и без оглядки. Поистине этого человека можно было бы назвать «неистовым Ээро».

Родился Ээро Хаапалайнен 27 октября 1880 г. в городе Куопио в семье рабочего. Его отец Ааро Фредрик Хаапалайнен (1838–1918) был плотником, а мать Миина (Вильгельмина) ткала дома материи для магазина тканей Минны Кант⁹. Семья была большая, но родители, мечтая сделать из сына священника, сумели дать ему неплохое образование. Впрочем, сам он еще в школьные годы начал зарабатывать себе на

⁸ Все иллюстрации в статье взяты из открытых источников.

⁹ Минна Кант (1844–1897) первая известная финская писательница, драматург, журналист, общественный деятель, предприниматель.

жизнь, обучая истории и математике сыновей катушечного фабриканта Саастомойнена. Окончив реальное училище и двухгодичные курсы Коммерческого института, Хаапалайнен в 1901 г. на ссуду, полученную от Саастомойнена, поступил на юридический факультет Хельсинкского университета, где проучился четыре года, но из-за нехватки средств окончить его не смог¹⁰. Мешало учёбе и то, что в совсем юном возрасте он связал свою жизнь с рабочим движением.

В среде академической молодежи в то время весьма популярны были радикальные идеи и горячий, порывистый Хаапалайнен не смог остаться в стороне от активной политической жизни столицы. В 1903 г. он вступает в профсоюз деревообработчиков, становится членом Социал-демократической партии Финляндии (СДПФ) и редактором рабочей газеты «Tuomies»¹¹. В партии Хаапалайнен относился к левому крылу, горячо выступая за революционные методы борьбы: многие молодые люди его поколения тогда настолько верили в идеалы социализма, что были готовы защищать их с оружием в руках. Он с головой окунулся в события 1905 г., став одним из организаторов Красной гвардии.

Очевидно, немаловажную роль в становлении политических взглядов Хаапалайнена сыграло его близкое знакомство с российскими большевиками. Он был участником ряда их партийных конференций, в 1906 г. представлял СДПФ на IV съезде РСДРП в Стокгольме, где было зачитано его заявление о резко отрицательном отношении финских социал-демократов к участию в выборах в Государственную думу¹². Вместе с Юхо Сааристо Хаапалайнен входил в состав финляндской военной организации РСДРП, закупувавшей в Финляндии в массовом количестве оружие для боевых дружин большевиков¹³. Он был представителем СДПФ в подпольном комитете по подготовке Свеаборгского восстания и принял в нём активное участие. За импульсивный, взрывной характер товарищи по оружию прозвали Хаапалайнена «Свирепый Ээро» (Hurja-Eero) и долго ещё с ностальгией вспоминали его вооружённые авантюры во время восстания в Свеаборге¹⁴.

В апреле 1907 г. в Тампере состоялся учредительный съезд Профессиональной организации Финляндии (ПОФ, фин.: Suomen Ammattijärjestö, SAJ), объединившей 18 профсоюзов страны, на котором Ээро Хаапалайнен был избран первым

¹⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 1–2. Niemi R. Kohtalon rattaissa // Neuvosto-Karjala. 1988. Lokakuun 9. pnä.

¹¹ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 2.

¹² Хаапалайнен Э. Мои встречи с Лениным // Ленин в воспоминаниях финнов. М., 1979. С. 31–33. Съезд, как известно, принял меньшевистскую резолюцию об участии РСДРП в выборах в Государственную думу для использования внутридумских конфликтов в интересах расширения и углубления революционного движения (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 1. 1898–1917. М., 1983. С. 197–198).

¹³ Коронен М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969. С. 30.

¹⁴ Havaintoja Viaporin kapinan ajolta // Kansan Lehti. 14.8.1926. No 186. S. 4–5. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1749321/articles/79216856> (3.10.2023).

председателем нового союза¹⁵. На съезде присутствовало 365 официальных делегатов, представлявших примерно 40 тысяч рабочих¹⁶. Об известности и популярности Хаапалайнена свидетельствует то, что из семи кандидатов (в том числе Юрьё Сирола, Эмиль Хитонен, Матти Паасивуори) он получил наибольшее количество голосов — 233.

В начале XX века профсоюзная деятельность была весьма неблагоприятным занятием. Профессиональные союзы боролись за право вести переговоры об условиях трудовых договоров с работодателями, но казна их была скромной, а уровень организации довольно низким. Многочисленные трудовые споры, как правило, рабочие проигрывали, работодатели же активно использовали локауты. ПОФ была тесно связана с СДПФ, и первый её председатель вознамерился превратить союз в активную боевую организацию. Владея несколькими иностранными языками, Хаапалайнен начал свою деятельность с переводов работ о европейском рабочем движении¹⁷ и брошюр-агиток¹⁸, в которых призывал рабочих присоединиться к профсоюзной борьбе. В 1908 г. он становится главным редактором газеты ПОФ «Suomen Ammattijärjestö», оставаясь на этом посту до 1918 г.¹⁹.

Пост председателя ПОФ ему пришлось покинуть раньше, в 1911 г., из-за пьяного скандала в ресторане городского отеля в Хямеенлинне. В нетрезвом виде Хаапалайнен, согласно полицейскому отчёту, «кидал в джентльменов крабовыми панцирями и производил неприятный шум»²⁰. Тогда впервые его пристрастие к спиртному становится предметом публичного обсуждения²¹, хотя проблемы с алкоголем у него были и раньше. Свою первую судимость за пьянство он получил в 1907 году, когда, согласно приговору суда, «в пьяном виде беспокоил прохожих на Эспланаде в Хельсинки, сопротивлялся и оскорблял полицию, а также вел себя агрессивно в полицейском участке»²². В 1909 году он был приговорен к трём месяцам тюремного заключения «за пьянство, буйство и сопротивление полиции»²³.

¹⁵ *Valkonen M.* Центральная организация профсоюзов Финляндии. 1907–1982. Хельсинки, 1985. С. 9, 54, 56.

¹⁶ *Bergholm T.* SAK:n vuosisata. SAK, 2001. S. 10.

¹⁷ Orjuus vanhalla ajalla: lehtinen työväenluokan historiasta. Viipuri, 1907; *Danielson A.* Sosialidemokratia, sen synty ja kehitys vuoteen 1894. Turku, 1908; *Legien C.* Saksan ammattiyhdistysliike. Kuopio, 1910; *Clarke W.* Teollisuuden kehitys. Tampere, 1910.

¹⁸ *Haapalainen E.* Miksi vaadin elantopalkkaa ja kysynnän ja tarjonnan laki. Helsinki, 1909; *Idem.* Olet voimaton yksin, voimakas liitossa. Helsinki, 1909; *Idem.* Kirje sinulle raatajal Helsinki, 1911.

¹⁹ HA РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 2.

²⁰ Sosialistisen ammattijärjestöjen sihteerin toimia // *Työmies.* 01.08.1911. No. 173. S. 7. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1186837/articles/79216897> (3.10.2023).

²¹ *Niemi R.* Kohtalon rattaissa.

²² Oikeus- ja poliisiasioita // Otava. 4.7.1907. No. 73. S. 3. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/746420/articles/79216859> (3.10.2023).

²³ Oikeus- ja poliisiasioita // Savo. 8.3.1910. No. 28. S. 4. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/687648/articles/79216896> (3.10.2023).

Неоднозначное поведение председателя ПОФ становится предметом насмешек со стороны буржуазной прессы. Правый шведоязычный сатирический журнал «Fyren» карикатурно изображал Хаапалайнена то с пистолетом в руках, называя его Юокахайненем партии²⁴, то в похмельном бреду, обыгрывая «крабовую историю» в Хямеенлинна²⁵

Пристрастие к алкоголю, сохранявшееся всю жизнь, тем не менее не влияло на работоспособность и творческую деятельность Хаапалайнена. Работу в ПОФ он продолжил в качестве руководителя Лесопильного союза (1912–1918)²⁶, сосредоточившись на агитационно-издательской работе. В 1911–1917 годах Хаапалайнэн пишет три книги о взаимоотношениях трудовых коллективов и профсоюзов с работодателями, обосновывая необходимость заключения между ними коллективных, а не индивидуальных договоров²⁷. Книги оказались чрезвычайно актуальными и востребованными, а в финском языке благодаря ему появляется новое слово «коллективный договор» («työehtosopimus»), которое широко используется и

²⁴ Fyren. 07.05.1910. No 20. S. 4. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1007651?page=4> (5.10.2023). Прозвище созвучно с именем Юокахайнена (фин. *Joukahainen*), демонического персонажа эпоса «Калевала», однако перестановка местами двух букв — *Juokahainen* — кардинально меняет смысл (*juoppo* — «пьяница»).

²⁵ Fyren. 19.08.1911. No. 33–34. S. 4. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1007711?page=4> (5.10.2023).

²⁶ Suomen Sahaliitto 15-vuotias // Eteenpäin. 29.7.1927. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1380895/articles/79216860> (3.10.2023).

²⁷ *Haapalainen E.* Osuustoiminta ja ammattiyhdistysliike. Helsinki, 1911; *Idem.* Työväenjärjestöt ja työnantajaliitot. Helsinki, 1913; *Idem.* Työehtosopimuksesta ja teollisuusperustuslaillisuudesta. Helsinki, 1917.

сегодня²⁸. Он был также редактором первых четырёх томов пятитомного труда по истории профсоюзов Европы, США и международных рабочих организаций²⁹.

У организатора и участника более чем 140 экономических и политических стачек, забастовок, маевок и уличных демонстраций были, конечно, и более серьёзные столкновения с полицией. В 1909 г. Хаапалайнена привлекали по делу о взрыве порохового склада под Хельсинки, но доказать его вину тогда не смогли. В 1914 г. ему все же пришлось отсидеть три месяца в тюрьме за политическую агитацию³⁰.

Естественно, что и в бурных событиях 1917–1918 гг. Ээро Хаапалайнен проявил себя как решительный сторонник самых радикальных революционных мер. В ноябре 1917 г., в разгар всеобщей забастовки, на съезде ПОФ её бывший председатель призвал товарищей последовать примеру русских и выразил уверенность в победе революции. 21 ноября делегация Красной гвардии во главе с Хаапалайненом явилась на заседание социал-демократической фракции сейма и потребовала отменить решение о прекращении всеобщей забастовки и совершить революцию по русскому образцу. Это требование было повторено несколько дней спустя на чрезвычайном съезде СДПФ, где Хаапалайнен заявил, что промедление со взятием власти в свои руки только наносит вред делу рабочих³¹.

В январе 1918 г. Ээро Хаапалайнен возглавил Рабочий исполнительный комитет, взявший курс на революцию. 27 января он подписал знаменитое воззвание к народу Финляндии, провозгласившее переход власти в стране в руки организованных рабочих³². В созданном день спустя революционном правительстве Хаапалайнен занял пост уполномоченного по внутренним делам и главнокомандующего Красной гвардии³³.

Гражданская война в Финляндии длилась недолго. Дела у красных шли всё хуже, положение на фронтах становилось критическим. В разгар сражений горячая, нетерпеливая натура главнокомандующего вновь сыграла с ним злую шутку: Хаапалайнен периодически срывался, принимал необдуманные решения, сильно пил. Во время инспекционной поездки в Тампере он напился и повздорил с командующим фронтом Вилшула Эрки Карьялайненом. Командующий Северным фронтом

²⁸ Впервые он использовал это слово в статье 1910 г. о тарифных соглашениях между отраслевыми профсоюзами и работодателями: *Haapalainen E.* Työosuuskunnat Pohjolan tukkitöissä // *Työmies*. 25.01.1910. No 19. S. 7. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/730180/articles/79216893> (5.10.2023).

²⁹ *Ammattiyhdistysliike Saksassa, Englannissa, Tanskassa, Ruotsissa, Norjassa, Ranskassa, Yhdysvalloissa, Suomessa ja Kansainväliset työväenjärjestöt. Osa 1–4.* Kotka, 1915.

³⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 2, 11.

³¹ *Холодковский В. М.* О позиции руководителей социал-демократии Финляндии во время революционной ситуации в ноябре 1917 г. // *Вопросы истории Европейского Севера*. Петрозаводск, 1979. С. 87, 93, 95.

³² *Vallankumousjulustus Suomen kansalle* // *Työmies*. 28.01.1918. No 26. S. 1. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1190652/articles/79219901> (5.10.2023).

³³ *Сюкияйнен И. И.* Революционные события 1917–1918 гг. в Финляндии. Петрозаводск, 1962. С. 292–293; *Holodkovski V.* Suomen työväen vallankumous 1918. Moskova, 1978. S. 157, 175–178, 182–183.

красных Хуго Салмела в марте 1918 г. в сердцах заявил, что ждать помощи от него не приходится, «этот человек может только орать»³⁴. В конце концов с поста главнокомандующего Хаапалайнен был снят, а в апреле за пьянство, неадекватное поведение и неосторожное обращение с оружием арестован. 23 апреля Красный военный суд Выборга приговорил его к лишению жалованья на 25 суток и отправке на фронт рядовым³⁵. Вступить в силу это решение не успело, Хаапалайнен остался в числе офицеров, командовавших Выборгским фронтом.

После высадки в Финляндии немецких войск, взятия Тампере и Хельсинки, Выборг оставался последним оплотом красных, там с начала апреля находились революционное правительство и Главный штаб Красной гвардии. В ночь на 26 апреля 1918 г. руководители финской революции покинули сражающийся Выборг на корабле «Меркатор», взяв курс на Петроград. Ээро Хаапалайнен эвакуироваться отказался и оставался со своими бойцами до конца. Он, как и Эдвард Гюллинг, считал невозможным для себя предать товарищей, бросив их на произвол судьбы³⁶. Последним пароходом из Выборга в Советскую Россию уехала и семья Хаапалайнена — жена Найми, медсестра красного госпиталя, с тремя маленькими детьми. Сам он сумел бежать в Петроград в мае 1918 г. на небольшой моторной лодке³⁷.

³⁴ Haapala P., Norri T. (toim.). *Sisällissodan pikkujättiläinen*. Helsinki, 2009. S. 118.

³⁵ Manninen O. *ym.* (toim.). *Itsenäistymisen vuodet 1917–1920: 2. Taistelu vallasta*. Helsinki, 1993. S. 589–590.

³⁶ Викстрем У. Отто Вилле Куусинен. Петрозаводск, 1974. С. 66–68; Кийскинен А. За десятилетиями: воспоминания. Петрозаводск, 1958. С. 225.

³⁷ Osipova K. *Huvä perhetuttava ihmantoisän // Ptalehti*. 1995. Huhtikuun 22, pñä.

Сразу после приезда в Советскую Россию, в июне 1918 г., Ээро Хаапалайнен был назначен военкомом полка особого назначения, сформированного в Перми из финских красногвардейцев-добровольцев³⁸ — эти финские части Красной Армии должны были сражаться против Колчака. Тогда же, летом 1918, Хаапалайнен принял участие в работе учредительного съезда Компартии Финляндии, состоявшегося в Москве, и вступил в члены РКП(б)³⁹.

Должность военкома Красной Армии стала последней в военной карьере Хаапалайнена. В декабре 1918 г. он был демобилизован и направлен на работу в Центральное бюро финских организаций при ЦК РКП(б)⁴⁰. Одной из основных его задач в то время было оказание помощи финским эмигрантам и их семьям. Весной 1919 г. Хаапалайнен вместе с Эдвардом Торниайненом и Отто Вильми по мандату Ленина организовал на Украине, под Киевом, санаторий для 500 инвалидов-красногвардейцев⁴¹. Правда, с наступлением войск Деникина санаторий пришлось срочно эвакуировать обратно в Петроград. В 1919–1920 гг. он преподавал на курсах финских красных командиров в Петрограде и был агитатором в 6-м финском полку.

Когда в июне 1920 г. была образована Карельская трудовая коммуна, которую возглавил Эдвард Гюллинг, Ээро Хаапалайнена командировали в Петрозаводск. Он работал в Совете народного хозяйства республики, возглавлял Информационное бюро при Карисполкоме⁴². Пригодился и его богатый журналистский опыт: Хаапалайнен был редактором первых двух выпусков финноязычной газеты Карелии «*Karjalan Kommuni*», увидевшей свет осенью 1920 г.⁴³.

³⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 2.

³⁹ Там же. Л. 1; *Hyvönen A.* Suomen kommunistinen puolue 1918–1924. Helsinki, 1968. S. 45.

⁴⁰ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 2. Впрочем Хаапалайнен и после демобилизации участвовал в марте-апреле 1920 года в боях против финских войск в качестве комиссара лыжного батальона на печенгском направлении (*Harjula M.* Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922. Helsinki, 2006. S. 190).

⁴¹ *Торниайнен Э.* На беседе у Ленина // Ленин в воспоминаниях финнов. С. 29–30; *Хаапалайнен Э.* Мои встречи с Лениным // Там же. С. 34–35. Эдвард Торниайнен ошибочно в своих воспоминаниях указывает, что третьим в этой поездке на Украину был Отто Куусинен (с. 29). Однако в записке Ленина в Народный комиссариат социального обеспечения от 10 мая 1919 года указаны фамилии Торниайнена, Хаапалайнена и Вильми с просьбой оказать им всяческое содействие и помощь (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. М., 1970. С. 309). Здесь следует отметить, что отбор материалов к этому сборнику воспоминаний был достаточно произвольным как признавал составитель книги Тууре Лехен в предисловии к первому, финскому изданию (*Lenin suomalaisten muistelmissa.* Kansankulttuuri, 1969. 150 s.). Большинство из них создавалось спустя много лет после описываемых событий и трудно было избежать некоторых противоречий, неточностей в изложении деталей и фактов. К тому же в случае с Хаапалайненом статья «Мои встречи с Лениным» — это не совсем авторский текст, а изложение составителями избранных отрывков из написанных им в 1934 г. обширных мемуаров (рукопись хранится в архиве КарНЦ РАН).

⁴² НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 2.

⁴³ *Сало П.* Республиканская газета на финском языке // На фронте мирного труда: воспоминания участников социалист. строительства в Карелии, 1920–1940. Петрозаводск, 1976. С. 250.

В руководстве республики в те годы было мало людей с хорошим образованием. Знания, эрудицию и огромный политический опыт Хаапалайнена ценили и уважали, однако неукротимый нрав бывшего главнокомандующего доставлял много хлопот партийным властям. Независимый характер Хаапалайнена не позволял ему подчиняться партийной дисциплине, он спорил с начальством, не выполнял приказы, желая делать всё по-своему, и, как многие финские иммигранты в то время, сильно пил. Алкогольные девиации иммигрантов носили во многом характер ретритизма — кто-то не смог смириться с поражением 1918 года и адаптироваться в новой социальной среде, кто-то не понимал и не принимал волюнтаризм большевиков и царящую вокруг нищету, кто-то просто скучал по родине.

В 1922 г. Карельский обком РКП(б) попытался отправить Хаапалайнена «для исправления» в Ухту (поселок на севере Карелии, современное название — Калевала). Он ехать отказался, сославшись на тяжелое семейное положение. Тогда дело закончилось выговором, но в начале 1923 г. Информационное бюро при Карисполкоме было ликвидировано, и Хаапалайнен, у которого на руках были жена и трое детей, остался без работы. На этот раз республиканские власти решили послать его в Москву, в распоряжение Центрального бюро финских организаций. Хаапалайнен снова отказался куда-либо ехать, получил строгий выговор с занесением в личное дело и в конце концов оказался в Ухте на должности переводчика уездного исполкома. Тем временем между Карельским обкомом и Центральным бюро финских организаций завязалась оживленная переписка относительно судьбы бывшего главкома. Похоже ни Москва, ни Петрозаводск не желали иметь у себя столь независимого и неконтролируемого работника⁴⁴. Возникла даже идея направить его в США для работы в Финском бюро Рабочей партии Америки (WP USA), но этому воспротивились уже американцы: член ЦИК РПА Израэль Амтер попросил Секретариат ИККИ заменить Хаапалайнена «другим товарищем»⁴⁵.

Последний раз Ээро Хаапалайнена попытались использовать на ответственной партийной работе в 1925 г., когда финским бюро Коминтерна он был послан в командировку в Германию. Кончилось это плачевно. Его очередная пьяная выходка привела чуть ли не к провалу всей работы и 30 марта 1925 г. Ээро Хаапалайнен, «несмотря на революционные заслуги, высокую развитость и образование», был исключен из РКП(б)⁴⁶.

Исключение из партии не сломило дух старого революционера. Вернувшись в Ухту, он в том же 1925 г. во время перевыборов в местный совет организовал

⁴⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 5–9.

⁴⁵ Коминтерн и Финляндия 1919–1943: Документы / Под ред. Н. С. Лебедевой, К. Рентолы, Т. Саарелы. М., 2003. С. 132.

⁴⁶ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 11. Впоследствии он был восстановлен в партии в качестве кандидата, но в ходе партийной чистки 1934 г. снова исключён.

фракцию беспартийных кандидатов в депутаты⁴⁷. Ничего незаконного в его действиях не было, в 1920-е годы в Карелии большинство членов местных советов были беспартийными. Тем не менее с этого времени Хаапалайнен окончательно попадает под негласный надзор ОГПУ.

Пять лет Ээро Хаапалайнен жил и работал в Калевальском крае, став одним из создателей лесопромышленного комплекса на севере Карелии⁴⁸. Одновременно он продолжал заниматься журналистикой, редактировал местную газету, преподавал на курсах финского языка, писал учебники для детей и взрослых⁴⁹.

В 1930-е годы начинается новый, может быть, самый значимый для Карелии этап в его жизни. В мае 1931 г. Ээро Хаапалайнен возглавил историко-революционную секцию только что созданного Карельского научно-исследовательского института (КНИИ)⁵⁰. Это было первое академическое учреждение республики, и Хаапалайнен, по сути, стал первым профессиональным историком края. Кроме него в штате секции числился лишь один человек — нарком просвещения Юрье Сирола, занимавший должность консультанта⁵¹. Вся работа велась при помощи временно создаваемых бригад, трудившихся над сбором материалов по той или иной теме и готовивших их к печати. Хаапалайнен старался привлекать к себе в помощники наиболее

⁴⁷ Справка КГБ КАССР № 422/н от 5.06.1992 (хранится в Архиве КарНЦ РАН).

⁴⁸ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 11705. Л. 3–4.

⁴⁹ См.: *Haapalainen Eero. Neuvostovallan lasten aapinen*. 1. р. М.–Л., 1924; *Idem: Työläisten ja talonpoikain aapiskirja*. М.–Л., 1924; *Idem: Työläisten ja talonpojan aapinen. Punainen raataja*. Л., 1930; *Idem: Suomenkielinen oppikirja kouluja, kursseja ja itseopiskeluja varten*. Л., 1931; *Yhteisvoima. Alkeiskirja vähälukutaitoisia varten / Toim. Eero Haapalainen*. 2. uud. р. Л.–Р., 1930; *Yhteisvoima. Lukukirja vähälukutaitoisille / Toim. Eero Haapalainen*. 2. uud. р. Petroskoi, 1932.

⁵⁰ Архив Карельского Научного Центра РАН. Ф. 1. Оп. 48. Д. 1. Л. 1об.

⁵¹ Там же. Д. 11. Л. 44–45.

квалифицированных и подготовленных людей. В разное время с ним работали Степан Макарьев, Николай Хрисанфов, Лаури Летонмяки, Николай Виноградов, Эмиль Паррас и др.

Здесь следует напомнить об изменениях, происходивших в исторической науке того времени. Академическое дело 1929–1931 гг. кардинально изменило прежний российский историографический ландшафт, надолго превратив историков в послушное орудие советской пропагандистской машины. С подачи Сталина существенно меняется и понимание того, что должно являться основной источниковой базой исторических исследований. Его открытое письмо в журнал «Пролетарская революция» стало серьёзным ударом по источниковедению, поскольку архивные разыскания в нём были названы «копанием в случайно подобранных бумагах», а исследователи, строившие свою работу на основе архивных материалов — «архивными крысами»⁵². Письмо было воспринято Центральным архивным управлением, созданным при ВЦИК в 1929 г., как «важнейшая политическая директива» и руководство к действию. Следствием реорганизации, произошедшей в архивном деле в начале 1930-х гг. стало то, что архивы начинают работать в режиме бесконечных ограничений и запретов, а приоритетами в работе ЦАУ становится не использование архивов в научных целях, а их охрана и контроль над использованием документов⁵³. В целом письмо Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» вызвало огромный резонанс, оказало сильнейшее влияние на развитие советской историографии и определило основные направления исторических исследований, главными из которых стали история партии большевиков, рабочее движение, российские революции и гражданская война.

Тогда же, в 1931 г., выходит постановление ЦК ВКП (б), одобрявшее инициативу А. М. Горького по изданию для широких трудящихся масс многотомной «Истории гражданской войны». Особую значимость издания и его официальный государственный характер подчеркивало включение в главную редакцию И. В. Сталина и таких известных в стране людей, как А. М. Горький, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Киров, А. С. Бубнов и Я. Б. Гамарник⁵⁴. Созданию фундаментального труда придавался всесоюзный размах: в помощь редколлегии привлекались партийные, советские и военные работники республик, краёв и областей СССР. Из их числа формировались комиссии содействия, призванные

⁵² Сталин. И. В. О некоторых вопросах истории большевизма: Письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» 20–26 октября 1931 г. // «Краткий курс истории ВКП(б)». Текст и его история. Ч. 1. М., 2014. С. 70–71.

⁵³ Подробнее см.: Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е годы. М., 1994; Она же. Архивы в «Зеркале»: архивоведческая культура тоталитарных режимов // Россия. XX век: Советская историография. М., 1996. С. 191–214.

⁵⁴ Протокол № 49 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15 июля 1931 года // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/48444> (7.10.2023).

заниматься сбором документов и воспоминаний, составлением биографий активных участников гражданской войны⁵⁵.

Это направление — сбор материалов по истории революционного движения и гражданской войны на северо-западе России — стало основным в работе историко-революционной секции КНИИ под руководством Хаапалайнена. При этом уделялось внимание событиям, происходившим не только в Карелии, но и в Финляндии: в пограничной республике, во главе которой стояли финны-иммигранты, подобный подход к исследованию темы выглядел вполне логично. Планы были обширны, шла работа по сбору воспоминаний участников революционных событий и гражданских войн в Финляндии и Карелии, составлялись истории крупных предприятий и совхозов республики, таких как Онежский тракторный завод, Петрозаводская лыжная фабрика, сельскохозяйственная коммуна *Säide*, совхоз № 2 и т. д.⁵⁶. Комплекс материалов, накопленных в секции Хаапалайнена за пять лет его работы, огромен и до сих пор они представляют значительный научный интерес. Так, для альбома «Красные партизаны» к осени 1935 г. Ээро Хаапалайненом было собрано и отредактировано 606 автобиографий, из них 383 биографии финских красногвардейцев и 223 русских и карельских партизан⁵⁷.

Издать удалось гораздо меньше. В 1931–1935 гг. вышло несколько сборников под редакцией Хаапалайнена и его исследований, посвященных гражданской войне, социалистическому строительству в Карелии, революционным событиям 1905–1906 гг. в Финляндии⁵⁸. Последней работой, которую ему удалось опубликовать (и которая сразу же была изъята из библиотек), была книга «*Kommuni Kylväjä*» о сельскохозяйственной коммуне, созданной американскими финнами на Северном Кавказе в начале 1920-х годов⁵⁹. Большинство собранных материалов, в том числе и рукописи, почти готовые к печати, остались лежать невостребованными в архиве института. Некоторые из них безвозвратно утеряны.

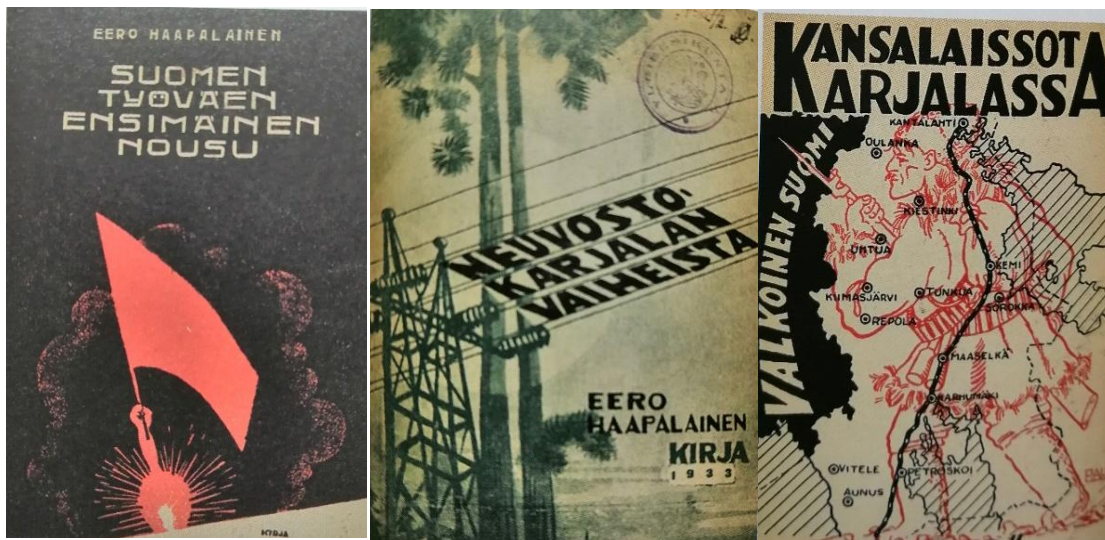
⁵⁵ Подробнее см.: *Найда С. Ф., Рыбаков М. В.* Роль А. М. Горького в организации издания «Истории гражданской войны в СССР» // Вопросы истории. 1958. № 8. С. 72–83; *Родин А. М.* Зарождение советской историографии Гражданской войны // Материалы Международной научно-практической конференции «История Гражданской войны в России 1917–1922 гг.». М., 2016. С. 23–27.

⁵⁶ Архив Карельского Научного Центра РАН. Ф. 1. Оп. 48. Д. 5. Л. 76; Д. 14. Л. 68.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Haapalainen Eero.* Kollektiivinen talous ja millä tavalla sen järjestämme. L., 1930; *Idem.* Suomen työväen ensimmäinen nousu. Muistelmia ja katsauksia vallankumousvuoden 1905 tapauksiin Suomessa // Vuosi 1905 Venäjällä ja Suomessa. L., 1931. S. [III]–XIX; *Idem.* Neuvosto-Karjalan vaiheista. L., 1933; Kansalaissota Karjalassa: kansalaissodan historiaa Karjalassa koskevien materiaalien kokoelma, omistettu banditismien likvidoinnin 10-vuotispäiville. I:n osa. Toimitusbrigaadi: L. Letonmäki, S.A. Makarjev, J. Toivola, E. Haapalainen, J. Heikkola ja N.V. Hrisanfov. L., 1932; В боях за Советскую Карелию = Taistelussa neuvosto Karjalan puolesta: Очерки и воспоминания. Л., 1932; Viapori: sotilaskapina v. 1906 / V. N. Sokolov; litteenä Suomen punakaartilaiden osanotosta Viaporin kapinaan. Kirjoittanut *Eero Haapalainen.* Petroskoi, 1935.

⁵⁹ *Haapalainen Eero.* Kommuuni Kylväjä. P., 1935. 168, [3] s.

В 1935 г. в республике произошли большие перемены, коснувшиеся и жизни КНИИ. 30 июня в газете «Красная Карелия» появилась статья В. Новицкого, в которой резко критиковалась деятельность института и его историко-революционной секции за «отсутствие классовой бдительности в работе». В ответ Хаапалайнен пишет обширную записку «Несколько слов о работе историко-революционной секции КНИИ», где подробно освещает основные направления деятельности своего подразделения, отчитывается о проделанной работе, доказывая несостоятельность обвинений в его адрес⁶⁰. Опровержение опубликовано не было.

Основные события развернулись осенью, после того как в сентябре 1935 г. на V пленуме Карельского обкома партии была провозглашена борьба с «финским буржуазным национализмом». Руководители республики Эдвард Гюллинг и Густав Ровио были отозваны в Москву, газеты запестрели разоблачительными статьями, тщательной проверке, а иногда и разгрому подвергались целые парторганизации⁶¹. 28 октября приказом по институту Ээро Хаапалайнен был освобожден от руководства историко-революционной секцией «как немогущий обеспечить правильное политическое направление работы». Из научных планов были вычеркнуты темы по изучению истории совхоза № 2 и коммуны *Säide*. Тем же приказом № 128 бывший зам. директора института, коллега Хаапалайнена, Степан Макарьев отстранялся от составления и редактирования «Истории Карелии», карельской энциклопедии, и работы над монографией «Вепсы»⁶². За два дня до этого, 26 октября 1935 г.,

⁶⁰ Архив Карельского Научного Центра РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 357. Л. 1–3.

⁶¹ Подробнее см.: *Takala Irina. Taistelua ja kuolemaa: Neuvosto-Karjalan suomalaiset 1920- ja 1930-luvulla.* Helsinki, 2021. S. 191–203.

⁶² Архив Карельского Научного Центра РАН. Ф. 1. Оп. 48. Д. 13. Л. 76.

Макарьев был арестован органами НКВД как активный участник контрреволюционной националистической группы⁶³.

Ээро Хаапалайнен пока оставался в институте на должности научного сотрудника, однако уже 1 ноября 1935 г. последовал новый приказ об увольнении его с работы «за непригодность»⁶⁴. Других репрессивных актов в отношении него тогда не последовало. Формально он считался пенсионером, вместе с тем власти постарались сделать все, чтобы вычеркнуть Хаапалайнена не только из жизни, но и из истории. Имя его безжалостной рукой цензоров старательно вымарывалось с титульных листов изданий, подготовленных им к печати, статьи из сборников вырезали, книги уничтожали или прятали в спецхран. До сих пор трудно восстановить полный список трудов Хаапалайнена.

«Неистовый Ээро» оставался верен себе до конца жизни. Осенью 1937 г., когда по всей стране НКВД вело охоту за участниками так называемой «финской буржуазной организации», Ээро Хаапалайнен призвал финнов к восстанию с целью освобождения из тюрьмы Эдварда Гюллинга. Во время собственного ареста в день рождения 27 октября 1937 г. он набросился на сотрудников НКВД с кулаками и попытался выгнать их из квартиры⁶⁵.

Обвинения, предъявленные Хаапалайнену, были стандартны: участник контрреволюционной националистической организации, враг народа. Виновным себя он не признал. 27 ноября 1937 г. Ээро Хаапалайнен по постановлению тройки НКВД КАССР (ст. 58-10-11 УК РСФСР) был расстрелян в окрестностях Петрозаводска. Реабилитирован 7 мая 1956 г. Военным трибуналом Северного военного округа⁶⁶.

В 1989 г. в Куопио на улице Минны Кант 49 была установлена мемориальная доска с надписью, что в этом месте стоял дом, где родился главнокомандующий Красной гвардии Ээро Хаапалайнен. Автор произведения Риитта Хуттунен образно и точно изобразила водоворот его жизни, правда год смерти указан неверно⁶⁷. Тогда же, в 1989 г., в Петрозаводске при проведении земляных работ были обнаружены первые массовые захоронения людей, расстрелянных в годы Большого террора (первоначально в районе Сулажгорского кирпичного завода, затем в районе посёлка

⁶³ Архив УФСБ по РК. П-3611. Л. 34–35.

⁶⁴ Архив Карельского Научного Центра РАН. Ф. 1. Оп. 48. Д. 13. Л. 77.

⁶⁵ Справка КГБ КАССР № 422/н от 5.06.1992.

⁶⁶ Там же; Поминальные списки Карелии, 1937–1938. Петрозаводск, 2002. С. 722; *Labti-Argutina E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainonuhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun*. Turku, 2001. S. 97. Следует отметить, что в самой большой электронной базе данных жертв политических репрессий в СССР «Открытый список» (<https://ru.openlist.wiki>) допущено несколько ошибок в сведениях об Ээро Хаапалайнене. То же можно сказать и о российской статье в Википедии. (см.: URL: [Хаапалайнен, Ээро — Википедия \(wikipedia.org\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Хаапалайнен,_Ээро) (8.12.2023))

⁶⁷ Фото со страницы «Luettelo Kuopion julkisista taideteoksista ja muistomerkeistä». URL: https://fi.wikipedia.org/wiki/Luettelo_Kuopion_julkisista_taideteoksista_ja_muistomerkeist%C3%A4 (8.12.2023).

Бесовец). В 1991–1993 гг. найденные останки — около 400 человек — были перезахоронены в братской могиле на Зарецком кладбище в Петрозаводске. На месте захоронения сооружен мемориальный комплекс, где на трех гранитных плитах выбиты имена 38 человек расстрелянных в ночь на 27 ноября 1937 г., в том числе и имя Ээро Хаапалайнена (с ошибочной датой рождения)⁶⁸.

Там, где родился Хаапалайнен, стоит совсем другой, современный дом, но финны, несмотря на травму 1918 года, на десятилетия расколовшую общество, установили мемориальную доску своему соотечественнику. Место его гибели доподлинно нам не известно. В окрестностях Петрозаводска в 1937–1938 гг. было расстреляно около 4,5 тысяч человек. Зарецкий мемориал — это условное место памяти, никак не соотносящееся с расстрельными полигонами, на которых вырос послевоенный Петрозаводск.

О сложностях изучения биографий иммигрантов

Реконструированная нами биография Ээро Хаапалайнена не может считаться полной. Это, по типологии, предложенной итальянским историком Джованни Леви⁶⁹, скорее «контекстуальная биография», в которой реконструкция социального контекста — исторических событий той переломной эпохи, среды и окружения Хаапалайнена — позволила отчасти заполнить источниковые лакуны и воссоздать

⁶⁸ Kuva: Pekka Vauhkonen / 15.7.2011. URL: <http://www.silviisii.com/vls/kvk/003.shtm> (8.12.2023).

⁶⁹ Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 197–198. См. так же: Леви Дж. К вопросу о микроистории // Там же. С. 167–190; Репина А. П. Персональная история: биография как средство исторического познания // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. Выпуск 2. М., 1999. С. 78–79; Репина А. П., Селунская Н. А. «Общие вопросы» и «частные ответы»: непрочитанные страницы Джованни Леви // Диалог со временем. 2020. Вып. 73. С. 323–342.

портрет этой неординарной личности. Но проблемы с поиском источников, в том числе и эго-документов, а также с доступом к ним остаются.

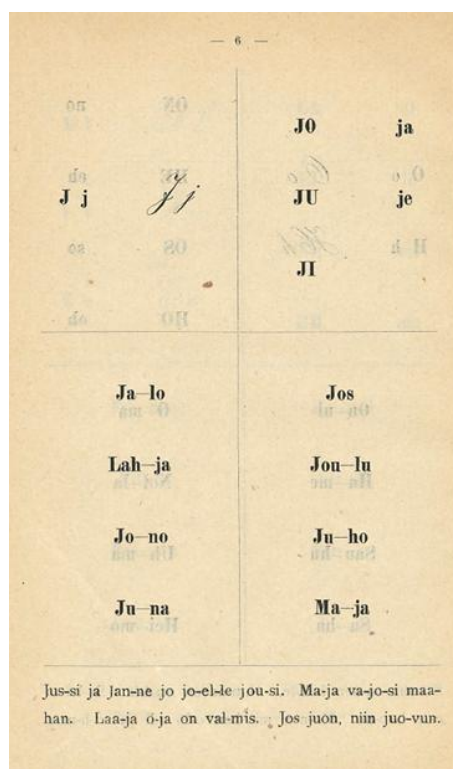
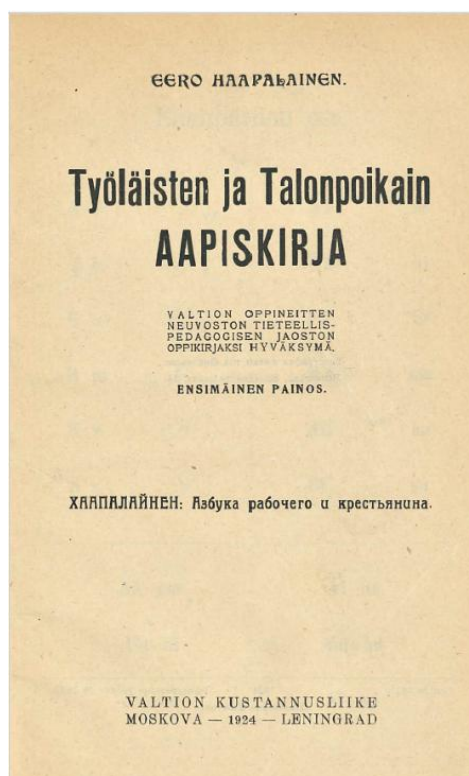
Конечно, любой историк сталкивается с проблемой наличия или недостаточности, доступности или недоступности исторических источников, но в случае с иммигрантами, к тому же репрессированными в СССР 1930-х гг., эта проблема ещё больше усугубляется. Сведения, необходимые для написания таких биографий, часто бывают утрачены или намеренно сфальсифицированы. Многие из этих людей не оставили после себя дневников или мемуаров, письма в семьях не сохранились, а отложившиеся в архивах эго-документы (автобиографии, анкеты, объяснительные записки и т. п.) не всегда позволяют адекватно судить о личности субъекта, тем более, если речь идёт о партийных фондах. Всегда следует помнить, что умение писать правильную, подлинно советскую и большевистскую автобиографию было важнейшим навыком члена ВКП(б). В случае с финнами-иммигрантами приходится учитывать и то, что писались многие из этих документов не на родном языке, либо вовсе представлены в чьём-то переводе. Практически все красные финны были членами ВКП(б) и в партийных автобиографиях они предпочитали рассказывать лишь о своих революционных заслугах, опуская лишние сведения о семье, заграничных родственниках и вообще о финляндском периоде жизни.

Ээро Хаапалайнен, в отличие от многих своих товарищей, оставил значительное творческое наследие, которое ещё ждёт своего исследователя. Например, очень интересным представляется анализ написанных им букварей для взрослых. Есть целый пласт исследований, анализирующих так называемые «буквари революции», назначением которых была не только ликвидация неграмотности, но и идеологическое воспитание, внедрение в массовое сознание новой государственной идеологии и революционной лексики. К сожалению, советскими финноязычными азбуками для взрослых, целевой аудиторией которых было прежде всего карельское население, практически никто не занимался⁷⁰, хотя даже беглое знакомство с одним из букварей Хаапалайнена — «Työläisten ja talonpoikain aapiskirja» («Азбука рабочего и крестьянина»), 1924 г. — порождает множество исследовательских вопросов. В какой степени финский революционер-иммигрант, выходец из общества с почти 100% грамотностью, был знаком со своей целевой аудиторией — карельским крестьянином,

⁷⁰ Финноязычные учебники для начальной школы Карелии рассматривались в работах О. П. Илюха и Ю. Г. Шикалова. См.: *Илюха О. П., Шикалов Ю. Г. «Финский след» в букваристике Карелии конца XIX — начала XX вв. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2012. № 4 (7). С. 41–60; Они же. Два букваря для карельских школьников начала XX века: русский ответ на финский вызов // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа. Петрозаводск, 2012. С. 331–342; Они же. Ребенок, семья, родина в финноязычных учебниках для начальной школы Карелии: 1920-е — 1940-е годы // Букварь — это молот: учебники для начальной школы на заре Советской власти, 1917–1932 гг. Сборник научных трудов и материалов. М., 2011. С. 80–112.*

с русскими букварями, с методиками и дидактическими приёмами советского просветительского проекта?

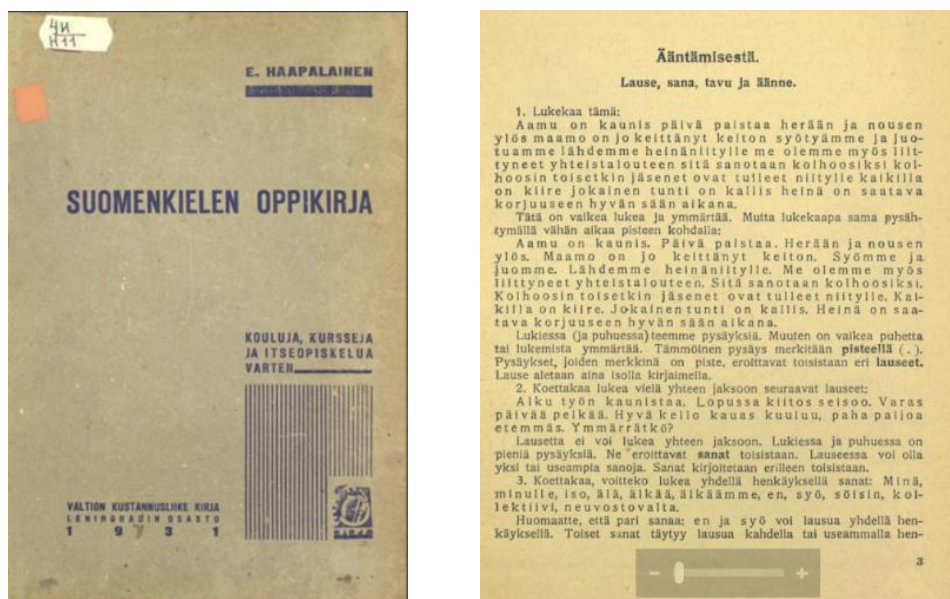
Структура его азбуки и рекомендации учителю наводят на мысль, что он видел, по крайней мере, учебное пособие Н. А. Алчевского 1919 г.⁷¹: такое же (с учётом особенностей финского языка) попоговое знакомство с буквами, словами, разбитыми на слоги, короткими предложениями. Тексты для чтения во второй части тоже вполне отвечали просветительским и политико-идеологическим аспектам кампании по ликвидации неграмотности: Советская власть, Красная армия, коммунистическая партия, профсоюзы, эмансипация женщин, финский перевод «Интернационала» Эжена Потье. Однако примеры некоторых слов и предложений под разными буквами алфавита свидетельствуют о том, что тщательный лингвистический и текстуальный анализ букварей Хаапалайнена мог бы нам больше рассказать об авторе и его представлениях об окружающей действительности⁷².

⁷¹ Рабоче-крестьянский букварь для школ взрослых: учебное пособие / Сост. Н. А. Алчевский. Киев: Издание при Народном комиссариате просвещения, 1919. 19 с.

⁷² Скажем, достаточно странными для букваря выглядят следующие примеры: буква Jj: «Jos juon, niin juov-un» («Если я пью, я пьянею» — с. 6) или буква Pp: «Pis-ki kuo-li re-ru-na-kuor-raan» («Писки умер в картофельной яме» — с. 9). Лишь в одном случае (буква Tt — с. 10) все примеры выдержаны в советском духе.

Ещё больший интерес может представлять анализ учебника финского языка Хаапалайнена предназначенного для школ, курсов и самостоятельного изучения⁷³.

Учебник был опубликован в Ленинграде в 1931 г. и подвергся жестокой критике. Например, ленинградская финноязычная газета «Varaus» писала, что весь учебник наполнен «гнилым либерализмом и троцкизмом», опирается на буржуазное языкознание и вообще «попахивает упрощенным языком буржуазии», где слова используются, чтобы «попытаться запутать реальную классовую природу дела». Приводимые Хаапалайненом в качестве примеров пословицы и поговорки были названы «кулацкими лозунгами в откровенно троцкистской форме»⁷⁴. Позже, при аресте в 1937 г., ему эти троцкистские обвинения припомнили. По мнению следователей ещё в 1926 г. он «создал контрреволюционную троцкистскую группировку в с. Ухта, устраивал нелегальные собрания этих групп и проводил троцкистскую агитацию»⁷⁵.

Научное наследие Хаапалайнена тоже остаётся ещё неисследованным. Важно было бы проанализировать и сравнить с русскоязычными работами не только его опубликованные книги и статьи, но и подготовительные материалы к ним — заметки, готовые рукописи, черновики, собранные воспоминания. Многие из этих воспоминаний так и не увидели свет поскольку не укладывались в официальные рамки описания событий гражданской войны на Севере⁷⁶. К сожалению, часть

⁷³ Haapalainen E. Suomenkielinen oppikirja kouluja, kursseja ja itseopiskelua varten. L.: Kirja, 1931. 141 s.

⁷⁴ Цит. по: Rahalla saa ja hevosella pääse // Maakansa. 29.05.1932. No. 122. S. 2. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1879728?page=2> (10.10.2023).

⁷⁵ Takala I. Taistelua ja kuolemaa. S. 176–177.

⁷⁶ Подробнее см.: Дубровская Е. Ю. Судьбы приграничья в «Рассказах о Гражданской войне в Карелии» (по материалам Архива КарНЦ РАН) // Межкультурное взаимодействие в полиэтничном пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 102–106; она же: Гражданская война и

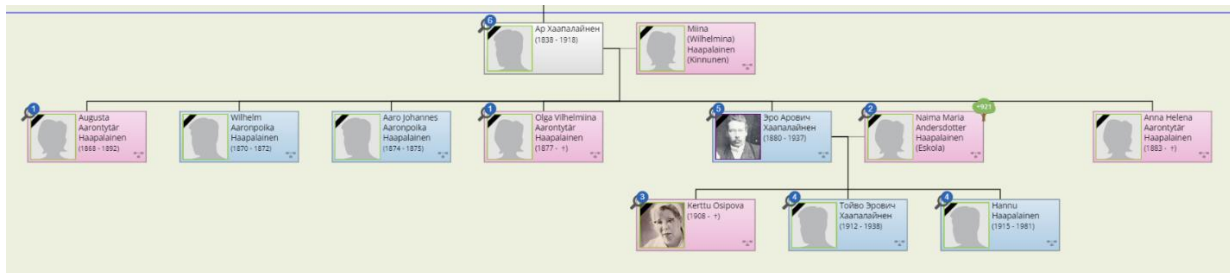
материалов историко-революционной секции была уничтожена после ареста Хаапалайнена, а оставшиеся в архиве КарНЦ РАН, прежде всего финноязычные, всё ещё ждут своего исследователя.

Очень мало сохранилось сведений о личной жизни и семьях иммигрантов. Атмосфера страха, царившая среди финнов Карелии конца 1930-х гг., заставляла родственников репрессированных уничтожать их личные письма, дневники, фотографии. Долгие годы судьба арестованных членов семьи оставалась неизвестной и о них предпочитали публично не вспоминать. Со сменой поколений биографии всё больше фрагментировались, а табуирование на государственном уровне вклада финнов в строительство карельской автономии и их имён на десятилетия вычеркнули этих людей из нашей исторической памяти.

Сегодня, когда доступ к материалам ведомственных архивов России крайне затруднён (как и возможность работать в финляндских архивах, к сожалению), оставшиеся лакуны помогает восполнять новый вид источников — интернет-ресурсы. Имеются в виду прежде всего генеалогические и биографические порталы, личные сетевые блоги, оцифрованные документы и книги, а также базы данных жертв политических репрессий в СССР.

В случае с Хаапалайненом они позволили установить имена его родителей, сестёр и братьев, судьбы детей, подробности биографии финляндского периода жизни. Вместе с тем эти сведения тоже нуждаются в уточнении и верификации.

Генеалогические сайты MyHeritage и Geni (свыше 71 миллиона пользователей) свидетельствуют о том, что на детях Ээро Хаапалайнена оборвалось прямая линия семьи, родоначальником которой (глубже не прослеживается) был Матти Хаапалайнен (примерно 1680 г. р.)⁷⁷:

Двое братьев Ээро умерли в младенчестве и это объясняет стремление небогатых родителей вложить средства в образование единственного оставшегося в живых сына.

военная интервенция в Российскую Карелию в восприятии участников и очевидцев событий (по воспоминаниям 1920-х — 1950-х гг.) // Война в человеческом измерении: идеология, психология, повседневность, историческая память. Материалы Международной научной конференции (г. Москва, 20 марта 2020 г.). СПб., 2021. С. 250–260.

⁷⁷ Geni [Электронный ресурс]. URL: <https://www.geni.com/family-tree/index/6000000082602315907> (7.10.2023).

Старшая сестра Августы погибла 8 августа 1892 года в результате крушения парохода «Аякс». Авария произошла, когда корабль возвращался из Порвоо, где Августы, возможно, праздновала свой 24-й день рождения. «Аякс» в темноте столкнулся с гребным судном «Рунеберт» в результате чего затонул, унеся с собой 38 человек⁷⁸. Годы смерти матери (Миина Хаапалайнен, ур. Киннунен, 1842 г. р.) и двух сестёр (Ольги и Анны), как и их судьбы, остаются не известными. О том, что в конце века у матери уже была собственная лавка⁷⁹, Хаапалайнен в советских автобиографиях не писал.

Практически ничего не известно о жене Ээро Хаапалайнена Найме Марии, ур. Эскола, 1879 г. р. Первый раз он женился в 1905 г. на Вере Козлофф, происходившей из «старых русских» Финляндии. Брак был недолгим — в 1909 г. пара развелась, в решении суда причиной развода называлась измена мужа⁸⁰. После развода Хаапалайнен женился на Найме Марии Эскола, первый ребенок у пары — дочь Керту — родился уже в 1908 году. Сведения о судьбе Наймы Марии после ареста мужа и о достоверном годе её смерти надо искать в наших архивах. Как это ни парадоксально, пока не удалось найти и год смерти дочери Хаапалайнена Керту Ээровны Осиповой, хотя в 1950-60-е гг. она была известным в Петрозаводске врачом.

В семье было ещё два сына — Тойво (1912–1938) и Ханну (1915–1981). Тойво Хаапалайнен работал инженером-технологом на Петрозаводской лыжной фабрике. Введённая в эксплуатацию в 1931 г. фабрика считалась одной из важных новостроек СССР периода первой пятилетки, была хорошо оборудована для своего времени и снабжала лыжами как гражданское население, так и Красную Армию. Значительных успехов предприятие добилось и в производстве товаров широкого потребления — различной деревянной мебели⁸¹. Директором фабрики был красный финн, талантливый инженер, спроектировавший и построивший механический завод шпалоопиления, Илья Туомайнен. По установкам Наркомтруда, предприятие на 75 % было укомплектовано национальными кадрами: в 1934 г. из общего числа занятых на фабрике рабочих 15 % были карелами и 60% финнами⁸². К 1937 г. Петрозаводская лыжная фабрика была одним из лучших предприятий Карелии, производила четверть

⁷⁸ Roivainen A. Ruotusotamiehen сувуста punakaartin ylipäälliköksi // Hajamietteitä Pöljältä. URL: <http://airaroivainen.blogspot.com/2020/07/ruotusotamiehen-suvusta-punakaartin.html> (8.10.2023). Хотелось бы поблагодарить блогера Айру Ройвайнен за подсказки в поисках нужных газетных материалов.

⁷⁹ См. объявление о продаже товаров: Kauppatavaraa // Savo-Karjala. 01.11.1899. No. 124. S. 4. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/552503/articles/79216854> (8.10.2023)

⁸⁰ Oikeus ja poliisiasioita // Otava. 26.06.1909. No. 143 (6-päiv. painos). S. 3. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/746420/articles/79216859> (8.10.2023).

⁸¹ Туомайнен И. Три года жизни и работы лыжной фабрики // Советская Карелия. 1934. № 9–10. С. 76.

⁸² НА РК. Ф. П-89. Оп. 1. Д. 21. Л. 1; Туомайнен И. Три года жизни и работы лыжной фабрики. С. 76.

всех лбж, сделанных в стране, они считались лучшими в Советском Союзе и были, по заключению экспертов, близки к мировым стандартам.

В годы Большого террора на фабрике была репрессирована треть всех работников-финнов — свыше 100 человек. Одним из них был 25-летний Тойво Хаапалайнен. После ареста в июле 1937 г. директора фабрики Ильи Туомайнена газеты обрушились на всю «националистическую банду» предприятия. В день начала Большого террора 5 августа 1937 г. газета «Punainen Karjala» сообщила об исключении из комсомола «националиста» Хаапалайнена, который «рационализировал» производство так, что это привело к снижению производительности труда⁸³. Арестован он был год спустя, 29 июня 1938 г. и по приговору Особой тройки НКВД Карельской АССР (20.09.1938, ст. 58–6 УК РСФСР — шпионаж) был расстрелян 21 сентября в окрестностях г. Петрозаводска. Реабилитирован 4 сентября 1956 г. Военным трибуналом Северного военного округа⁸⁴.

О Ханну Хаапалайнене известно очень мало. Во время войны он жил в г. Тавда Свердловской области и 20 декабря 1942 г. был мобилизован Тавдинским райвоенкоматом в трест «Челябметаллургстрой», став рядовым печально известной «трудовой армии» НКВД⁸⁵. После освобождения («демообликации») в августе 1946 г.⁸⁶ следы его теряются.

Борьба с «финским буржуазным национализмом», развёрнутая в Карелии осенью 1935 г. тоже нуждается в дальнейшем исследовании и фундированный анализ биографий иммигрантов мог бы здесь многое прояснить. Представляется, что отчасти кампания была спровоцирована действиями финляндских праворадикальных движений, которая внимательно отслеживалась органами безопасности СССР, давая им повод к массовым репрессиям внутри собственной страны⁸⁷. Например, подозрительное отношение к находящемуся под надзором ОГПУ/НКВД Хаапалайнену могла усилить кампания, развязанная против него в финляндской

⁸³ Suksitehdas natsionalistisen koplan johdettavana // Punainen Karjala. 05.08.1937. No 178. S. 2. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/2079831?page=2> (8.10.2023).

⁸⁴ Поминальные списки Карелии, 1937–1938. С. 765; *Labti-Argutina E.* Olimme joukko vieras vaap. S. 98.

⁸⁵ См.: Система исправительно-трудовых лагерей в СССР: 1923–1960. Справочник / Сост. М. Б. Смирнов. М., 1998 (Электронная версия: <http://old.memo.ru/history/nkvd/gulag/>); Герман А. А. Трудовая армия как исторический феномен Великой отечественной войны: к завершению проекта «Gedenkbuch» («Книга Памяти») // Новый исторический вестник. 2022. №2 (72). С. 85–102; Книга памяти немцев-трудармейцев ИТЛ Бакалстрой-Челябметаллургстрой, 1942–1946. В 4 т. М.; Нижний Тагил, 2011–2014; *Rislakki J., Labti-Argutina E.* Meilla ei kotia taalla. Helsinki, 1997.

⁸⁶ Сроки пребывания в трудармии удалось установить по достаточно путаным сведениям «Открытого списка» (<https://ru.openlist.wiki/> — Хаапалайнен Хаану Эрович 1915 г. р. и Хаапалайнет Хаану Эрович 1919 г. р.).

⁸⁷ См., например: Справка «Антивоветские-контрреволюционные «племенные» организации Финляндии». 1934 г. // Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. СПб., 2010. С. 17–55. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/219892-spravka-locale-nil-antisovetskie-kontrevolyutsionnye-locale-nil-plemennye-locale-nil-organizatsii-finlyandii-locale-nil-1934-g#mode/inspect/page/1/zoom/4> (8.10.2023).

шпоцкоровской прессе в первой половине 1935 г.⁸⁸. Правые издания обвиняли Хаапалайнена в том, что в революционные 1905–1907 гг. он сотрудничал с царской охранкой, часто посещал в Хельсинки конспиративную квартиру Бориса фон Люде — начальника финляндского жандармского управления в 1906 г., снабжая его сведениями о Красной гвардии и деятельности СДПФ.

Впервые статья под красноречивым названием «О годах угнетения. Тайное общение Ээро Хаапалайнена с офицером жандармерии. Предатель партии» появилась в январском номере журнала шпоцкора округа Раахе «Kuormareunki»⁸⁹. Автором её был писатель и по совместительству ответственный сотрудник Центральной сыскной полиции Эйно Инто Парманен. Его роман «Чары коммунизма», опубликованный в 1927 г., вызвал неоднозначную реакцию в финляндском обществе, большинство критиков сочло книгу пропагандистской и тенденциозной, больше напоминающую «обвинения по делу о коммунистическом шпионаже» нежели роман⁹⁰. Книга рассказывала о жизни финского коммуниста (и двойного шпиона) в Советской России периода гражданской войны. Помимо прочего (Олонецкий поход 1919 г., убийство в клубе Куусинена и тартуские мирные переговоры 1920 г.) много внимания в романе уделялось взаимным спорам коммунистов-эмигрантов, среди персонажей — братья Рахья, Отто Вилле Куусинен, Куллерво Маннер, Юрьё Сирола и Ээро Хаапалайнен⁹¹. Парманен объяснял, что черпал информацию из рассказов очевидцев, которые он слышал, будучи начальником Сортавальского отдела Центральной сыскной полиции. Впоследствии он написал четырёхтомную историю финского сопротивления в годы угнетения⁹².

Статья о Хаапалайнене, по всей видимости, была из подготовительных материалов к будущей книге. Сообщения об этом появлялись и раньше, в шведоязычной прессе⁹³, но в феврале-июне 1935 г. статью (иногда под другим названием) напечатали газеты едва ли не всех окружных отделений шпоцкора⁹⁴.

⁸⁸ Шпоцкор (фин. *Suojeluskunta*, «гражданская стража») — добровольная военизированная организация в Финляндии в 1918–1944 гг. См.: *Selén K., Pylkkänen A. Sarkatakkien armeija. Suojeluskunnat ja suojeluskuntalaiset 1918–1945. Helsinki, 2004.*

⁸⁹ *Eino I. Parmanen. Sortovuosilta. Eero Haapalainen salaisessa yhteydessä santarmiupseeriin. Puolueen kavaltajana // Kuormareunki: Raahan suojeluskuntapiirin lehti. 01.01.1935. No 1–2. S. 8–10. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/aikakausi/binding/1097454?page=8> (11.10.2023).*

⁹⁰ *Seppänen U. Kirjanen kommunismista // Uusi Suomi. 13.11.1927. No 263. S. 15. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1705898?page=15> (11.10.2023).*

⁹¹ Там же; *Mitä kirjat puhuvat // Vanha Jämsä. 6.4.1928. No 14. S. 4. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1117365?page=4> (11.10.2023).*

⁹² *Parmanen E. I. Taistelujen kirja, kuvauksia itsenäisyystaistelun vaiheista sortovuosina. O. 1–4. WSOY, 1936–1941.*

⁹³ *1906 års bankplundrarligor voro samma andas barn som inbördeskriget röda garden // Åbo underrättelser. 16.12.1933. S. 1. URL: <https://digi.kansalliskirjasto.fi/sanomalehti/binding/1719797?page=1> (11.10.2023).*

⁹⁴ См.: *Rajan turva: Sortavalan suojeluskuntapiirin äänenkannattaja. 01.02.1935; Nuijasoturi. 01.03.1935; Kannaksen vartio: Viipurin suojeluskuntapiirin tiedonantolehti. 01.04.1935; Savon miekka: Kuopion*

Степень достоверности информации Партанена никто не проверял⁹⁵, статья, порочащая красных финнов, была выгодна многим, в том числе, как выяснилось, и органам НКВД СССР.

Словом, многое в биографии Ээро Хаапалайнена ещё предстоит изучить. Интерпретационные направления его жизнеописания — сопоставление персональной истории с политической и научной биографией (дихотомия индивидуального / коллективного), анализ особенностей поведения, выбора, поисков (то есть того, «что выпадает из общей нормы» по определению Жака Ревеля⁹⁶), психологические детали его портрета — всё это не только расширяет горизонты изучения так называемого «человека второго плана», но и актуализирует феномен фигуры Другого.

Биографии финнов-иммигрантов — это не только истории жизни простых людей переломной эпохи войн и революций, это жизнеописание человека с иными культурными традициями, представлениями, обычаями нежели окружающий их социум. История, показанная через личность иммигранта, может стать эффективным средством познания того общества, в котором они поневоле оказались. Кроме того, это ещё и биография городов, регионов и стран на разных исторических этапах их жизненного пути.

Список литературы

Беленький, И. А. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И. А. Беленький // История через личность: Историческая биография сегодня. — Москва : Кругъ, 2005. — С. 37–54.

Дунаева, Ю. В. Биография в современной исторической науке: от микроистории до метабиографии. (Сводный реферат) / Ю. В. Дунаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. — Сер. 5. — История: Информационно-аналитический журнал. — 2016. — № 4. — С. 6–14.

Дунаева, Ю. В. Историческая биография: от персональной истории до философии истории / Ю. В. Дунаева // Историческая экспертиза. — 2023 (Препринт). — URL: [Ю.В. Дунаева Историческая биография: от персональной истории до философии истории \(istorex.org\)](https://istorex.org). — (8.12.2023).

История через личность: Историческая биография сегодня / Под ред. А. П. Репиной. — Москва : Кругъ, 2005. — 720 с.

suojeluskuntapiirin kuukausijulkaisu. 01.04.1935; Kainuun sissi. 01.05.1935; Pohjan mies: Oulun suojeluskuntapiirin äänenkannattaja. 01.06.1935 и др.

⁹⁵ Лишь впоследствии многие его заявления подвергались верификации и критике. См.: *Kujala A.* Tapaus Waldburg - Mitä Keisari-Venäjän «ohranan» asiamiehen paljastukset kertovat valtiollisesta poliisista? // *Genos*. 1997. № 68. S. 153–157.

⁹⁶ *Ревель Ж.* Биография как историографическая проблема. М., 2002. С. 17.

Коминтерн и Финляндия 1919–1943 : Документы / Под ред. Н. С. Лебедевой, К. Рентолы, Т. Саарелы. — Москва : Наука, 2003. — 420 с.

Коронен, М. Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов / М. Коронен. — Ленинград : Лениздат, 1969. — 224 с.

Леви, Дж. Биография и история / Дж. Леви // Современные методы преподавания новейшей истории. — Москва : ИВИ РАН, 1996. — С. 191–206.

Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. — Москва : Аквилон, 2014. — 576 с.

Ревель, Ж. Биография как историографическая проблема / Ж. Ревель. — Москва : РГГУ, 2002. — 57 с.

Репина, Л. П. «Новая историческая наука» и социальная история / Л. П. Репина. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Изд. ЛКИ, 2009. — 320 с.

Репина, Л. П. От исторической биографии к биографической истории / Л. П. Репина // В тени великих: образы и судьбы: Сборник научных статей : Алетейя. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 5–18.

Сюкияйнен, И. И. Революционные события 1917—1918 гг. в Финляндии / И. И. Сюкияйнен. — Петрозаводск : Карельское книжное изд-во, 1962. — 312 с.

Такала, И. Р. Ээро Хаапалайнен — революционер, журналист, ученый (К 115 годовщине со дня рождения) / И. Р. Такала // Политическая история и историография (От античности до современности). — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1996. — Вып. II. — С. 187–193.

Холодковский, В. М. О позиции руководителей социал-демократии Финляндии во время революционной ситуации в ноябре 1917 г. / В. М. Холодковский // Вопросы истории Европейского Севера. — Петрозаводск : Изд-во Петрозаводского гос. ун-та, 1979. — С. 86–99.

Хорхордина, Т. И. Архивы в «Зазеркалье»: архивоведческая культура тоталитарных режимов / Т. И. Хорхордина // Россия. XX век: Советская историография. — Москва : РГГУ, 1996. — С. 191–214.

Haapala, P. Sisällissodan pikkujättiläinen / P. Haapala, T. Hoppu. — Helsinki : WSOY, 2009. — 502 s.

Harjula, M. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922 / M. Harjula. — Helsinki : SKS, 2006. — 700 s.

Holodkovski, V. Suomen työväen vallankumous 1918 / V. Holodkovski. — Moskova : Kustannusliike Edistys, 1978. — 566 s.

Hyyönen, A. Suomen kommunistinen puolue 1918–1924 / A. Hyyönen. — Helsinki : Kansankulttuuri, 1968. — 304 s.

Lahti-Argutina, E. Olimme joukko vieras vaan: Venäjänsuomalaiset vainonuhrit Neuvostoliitossa 1930-luvun alusta 1950-luvun alkuun / E. Lahti-Argutina. — Turku : Siirtolaisuusinstituutti, 2001. — 654 s.

Manninen, O. Itsenäistymisen vuodet 1917–1920 : Osa 2. Taistelu vallasta / O. Manninen, S. Ahto. — Helsinki : VAPK-Kustannus, 1993. — 781 s.

Takala, I. Taistelua ja kuolemaa: Neuvosto-Karjalan suomalaiset 1920- ja 1930-luvulla / I. Takala. — Helsinki : Karjalan Sivistysseura, 2021. — 344 s.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

БАТАНОВА Амина Фаридовна / BATANOVA Amina F.

Независимый исследователь / Independent scholar

Россия, Москва / Russia, Moscow

norsewindart@gmail.com

РЕЦ. НА КН.: Невилл К. Искусство и культура Скандинавской Центральной Европы: 1550–1720 / Пер. с англ. О. Ермаковой. Бостон: Academic Studies Press; СПб.: Библиороссика, 2023. 388 с.

REVIEW OF: Kristoffer Neville. *Iskusstvo i kultura Skandinavskoi Tsentralnoi Evropy. 1550–1720*, trans. Olga Ermakova (Boston: Academic Studies Press; St. Petersburg: Bibliorossika, 2023), 388 p.

Ключевые слова / Keywords: Раннее Новое время, Скандинавия, датское искусство, шведское искусство, готицизм, история архитектуры / Early Modern Period, Scandinavia, Danish art, Swedish art, Gothicism, history of architecture

Источник: <https://www.bibliorossicapress.com/>

Монография доктора философии и заведующего кафедрой истории искусств Калифорнийского университета в Риверсайде Кристоффера Невилла была написана в 2019 г. и описывает сложную историю интеграции королевских дворов

Дании и Швеции в более широкую культуру раннего Нового времени. Автор утверждает, что «королевские дворы Дании и Швеции были полностью интегрированы в культуру Центральной Европы и играли ведущую роль в более крупном масштабе в период с XVI по XVIII век»¹. Невилл не ставит своей целью подчеркнуть уникальность или самобытность художественной культуры Дании и Швеции в рассматриваемый период, вместо этого он указывает на тесную связь между культурой европейских дворов, связанных близкородственными связями. Его исследование, с одной стороны, представляет обзор художественной культуры Швеции и Дании, а с другой — попытку переосмыслить их вклад в европейскую культуру в период примерно с 1500-х по 1800-е гг.

С начала XIX в. исторический подход в сочетании с выделением национальных школ стал господствующим в науке истории искусства. Целью национальных историй стало построение нарративов, которые бы создавали впечатление непрерывной традиции и помогали сохранить чувство нации как стабильного и прочного носителя культурных, социальных и политических идентичностей. Однако при таком подходе игнорируется сложность исторических обстоятельств, а порой предлагается заведомо политически искаженное прочтение истории. Кристоффер Невилл выходит за рамки национальной парадигмы в изучении истории в область гораздо более актуального транснационального дискурса и создает сложный и многогранный обзор искусства региона в XVI–XVIII вв., сосредоточившись при этом практически исключительно на обзоре придворного искусства Швеции и Дании. Вместе с тем география исследования гораздо шире, чем территории Швеции и Дании и простирается на юг до Мюнхена. Косвенным доказательством избегания автором национального прочтения истории является то, что он не использует такие устоявшиеся клише, как «отец датской живописи» в отношении Кристоффера Вильгельма Эккерсберга, «отец норвежской пейзажной живописи» в отношении Йохана Кристиана Даля или «отец шведской живописи» в отношении Дэвида Клэккера-Эренстраля, так как понятие «отцовства» является атрибутом национального нарратива.

Исследование Невилла является междисциплинарным и представляет собой не только обзор искусства и культуры Центральной Европы раннего Нового времени, но и историю дипломатии, военной политики, религиозной и визуальной культуры, а также историю формирования коллекций искусства при королевских дворах Швеции, Дании и в немецких землях в период раннего Нового времени. Такой подход позволяет всесторонне погрузиться в исторический контекст и дает гораздо более полное представление о процессах, происходивших в этом регионе.

¹ Невилл К. Искусство и культура Скандинавской Центральной Европы: 1550–1720 / Пер. с англ. О. Ермаковой. Бостон; СПб., 2023. С. 22.

Перегруженность исследования датами, именами, титулами, названиями памятников, с одной стороны, усложняет восприятие материала и ограничивает круг читателей только весьма подготовленными специалистами, а с другой — является значительным плюсом монографии, так как огромный объем источников и библиографии скрупулезно и с большим мастерством переработан автором и предложен читателю в сжатом до самой сути виде. Значительным плюсом книги является богатый иллюстративный материал, практически полностью подготовленный самим автором во время многочисленных полевых исследований.

Важно отметить, что в русскоязычной историографии практически отсутствует литература, в которой предпринимаются попытки осмыслить процессы в культурной сфере стран Скандинавии. Как правило, искусство Дании, Швеции или Норвегии упоминается либо в исторических монографиях, либо описывается в кратких обзорных статьях по всеобщей истории искусств. Этот существенный дефицит делает любое переведенное на русский язык исследование, посвященное культуре и искусству Скандинавских стран, особенно ценным.

Что касается англоязычной литературы, то имеется значительный корпус исследований, посвященных искусству Дании, Швеции и Норвегии, в которых, как правило, исследуется период, начиная с XIX в., реже — с XVIII в. Предшествующие периоды упоминаются как время, когда искусство в странах Скандинавского региона развивалось спорадически и не привело к сложению художественных традиций, появлению шедевров общеевропейского уровня и тем более не вышло за пределы этих стран. Подобные исследования интересны в первую очередь историкам искусства, так как в них описываются процессы становления национальных художественных школ, с большим вниманием к биографиям художников, историям отдельных произведений, обучению художников в культурных центрах Европы. Тогда как Невилл сосредотачивается на гораздо менее изученном периоде. Таким образом, своим исследованием автор закрывает имеющиеся пробелы — если не устраняет ошибки — в историографии и в какой-то мере пересматривает сложившееся отношение к искусству Скандинавских стран как периферийному, слабо развитому или подражательному, а к самим этим странам — как к реципиентам культурных традиций стран Центральной Европы.

Исследование структурировано согласно тематическому и хронологическому порядку и включает семь глав: первая посвящена идеологии готицизма в германском мире и ее репрезентации в культуре, вторая — различиям в репрезентации идей Реформации в Швеции и Дании, третья и четвертая главы — развитию искусства в Дании в период правления Фредерика II и Кристиана IV, главы пятая, шестая и седьмая — художественной культуре Швеции, начиная с 1650 г. и до заката эпохи

величия королевства. Завершается исследование эпилогом с рассуждениями Невилла о возникновении романтизма в Скандинавских странах.

Дания и Швеция до XVIII в. были неотъемлемой частью германской культуры, и Невилл доказывает, что представление скандинавских королей в виде готов следует понимать не как специфически скандинавскую черту, а скорее как проявление общей истории региона. Отмечается существовавшее противоречие между классицизмом и модернизированным искусством, с одной стороны, и нарративом готицизма, который продвигали шведские и датские историки, — с другой. В первую очередь это касалось архитектуры и придворного портрета. Вместе с тем Невилл замечает, что, хотя готицизм и был для шведов и датчан привлекателен благодаря прославлению побед над римлянами, они считали себя также и неотъемлемой частью классического мира, то есть идеи готицизма и греко-римская архитектура не воспринимались как конфликтующие концепции, а представлялись как концептуально согласующиеся.

Невилл анализирует различия в проведении лютеранской Реформации, с одной стороны, в Швеции, где движущей силой были светские интересы, а Реформация служила интересам монарха, и с другой стороны, в Дании, где процесс был более сложным. Отличались также формы репрезентации идей Реформации — как в церковной архитектуре, к которой у шведского короля Густава Васы и датского монарха Кристиана II было разное отношение, так и в дворцовом строительстве. При Густаве Васе чаши для причастия и серебряные распятия изымались в пользу государственной казны, упразднялись монастыри, а церковное строительство прекратилось. Невилл пишет, что король Густав разрушал церкви, но некоторыми исследователями высказывалось и иное мнение², согласно которому к моменту правления Густава Васы количество церквей стало достаточным и в их строительстве не было нужды. Датский король Кристиан II, напротив, занимался активным строительством церквей. По образцу первой лютеранской капеллы Торгау в Саксонии в Дании стали строиться дворцовые капеллы, но украшенные гораздо богаче, чем завещал Лютер, — датские короли стремились подчеркнуть, что они не только лютеране, но и лютеранские князья. То есть приверженность канону развивалась наравне с репрезентативными функциями религиозных построек.

Густав Васа приглашал иностранных мастеров, в основном немцев и нидерландцев, для выполнения светских заказов, что было вполне естественным, так как шведская буржуазия в то время и вплоть до конца XVII в. была тесно связана с буржуазией немецкой и нидерландской. При этом следует отметить, что и в более ранние периоды в Швецию приезжали иностранные мастера. Выдающимся образцом шведской скульптуры эпохи Средневековья является скульптурная группа

² Laurin C., Hannover E., Thiis J. *Scandinavian Art: Illustrated*. New York, 1922. P. 59.

«Святой Георгий и Дракон», выполненная немецким мастером Бернтом Нотке и установленная в 1480 г. в т. н. Большой церкви (*Storkyrka*) в Стокгольме. О значении этой скульптуры говорят слова шведского короля Густава II Адольфа о том, что в Швеции было три шедевра: «Рыцарь Святого Георгия» в Стокгольме, алтарная картина в Линчёпинге голландского художника и «Спаситель» в Вадстене³.

Автор подчеркивает, что его книга не является исследованием о культурном обмене, так как культурный обмен подразумевает взаимодействие нескольких существенно различающихся культур, напротив, он утверждает, что обмен художественными практиками происходил в рамках одного большого и общего для входящих в Центральную Европу государств художественно-исторического контекста, в котором художники и архитекторы без особых усилий могли перемещаться от одного королевского двора к другому. Такая мобильность художников, скульпторов и архитекторов, а также многочисленные династические связи между немецкими и скандинавскими дворами привели к созданию культурной общности на протестантских германских и скандинавских территориях, которая проявилась в том числе в определенных типах монументов, таких как фонтан или королевская гробница. Так, голландский скульптор Корнелис Флорис создал по заказу Кристиана III гробницу отца этого датского монарха Фредерика I. Она впоследствии стала образцом для гробницы саксонского курфюрста Морица, более того, именно с нее началась гонка за более роскошные монументы. Помимо Флориса, Якоб Бинк и ювелир Ханс де Виллерс из Кёнигсберга также работали сразу на оба двора: датский Фредерика II и прусский Альбрехта Прусского. Для Кронборга Фредерик II заказал фонтан «Нептун», выполненный Георгом Лабенвольфом, а через три года после его завершения подобный фонтан был установлен в Нюрнберге.

Работа таких мастеров XVI в., как Флорис и Йохан Грегор ван дер Шардт, при датском дворе была широко известна за пределами королевства и создала репутацию Дании как месту, где покровительствуют искусствам. Но в XVII в. в период правления Кристиана IV произошел настоящий расцвет культуры в датском королевстве, которому Невилл посвятил отдельную главу. Этот расцвет был связан прежде всего с распространением искусства Нидерландов, откуда король Кристиан приглашал мастеров.

В литературе, касающейся истории искусства Скандинавских стран, можно встретить тезис о сильном контрасте между, с одной стороны, искусством эклектичной и космополитичной Швеции, а с другой, «домашним» искусством Дании, а также о том, что шведское искусство развивалось экстенсивно, тогда как в Дании — интенсивно и в строгом соответствии с политическими и социальными

³ Ibid. P. 53.

традициями страны. В обзорах датского искусства оно также предстает, как правило, однородным с точки зрения содержания и плавным с точки зрения развития. Часто подчеркивается на контрасте со Швецией отсутствие у датчан амбиций по достижению величия. Этот тезис опровергают описанные Невиллом амбициозные проекты Кристиана, такие как строительство дворцов Фредериксборг и Русенборг, основание городов Кристианиа (ныне — Осло), Кристианополь, Кристианстад и менее монументальные проекты, такие как фонтан «Нептун» авторства Адриана де Вриса, работавшего в Праге в качестве придворного скульптора императора Священной Римской империи Рудольфа II. Важное значение монографии Невилла заключается также в подробном описании малоизученных и известных лишь узкому кругу специалистов трех живописных циклов картин с разными концепциями, заказанных Кристианом IV для Кронборга, Фредериксборга и Русенборга.

С 1650 г. Швеция становится великой европейской державой и признанным лидером среди лютеранских государств. Гегемония королевства начинается с ее участия в подписании Вестфальского мира в 1648 г., когда шведские монархи получили статус князей Священной Римской империи. Страна занимала с середины XVII и до начала XVIII в. доминирующее положение в Европе и утратила его во время правления Карла XII. В главах, посвященных этому периоду, Невилл описывает значимые художественные и архитектурные проекты шведских монархов Густава II Адольфа, королевы Кристины, Карла X Густава, королевы Хедвиг Элеоноры, Карла XI и Карла XII.

Культурное развитие Швеции в XVII в. основано на многих предпосылках, главная из которых — изменение статуса королевства. Решающую роль в невиданном развитии искусства сыграло участие королевства в Тридцатилетней войне (1618–1648), в которую страна вступила в 1630-е гг. Король и его войско оказались в непосредственном контакте со многими культурными центрами немецкоязычного мира, кроме того, победы шведского короля Густава II Адольфа над католиками подняли его престиж среди протестантов. В Нидерландах продавались портреты короля, увенчанного лавровым венком, маленькие фигурки с его изображением из металла и воска. В благодарность королю жители Аугсбурга преподнесли ему серебро и другие ценные предметы, а ведущий скульптор Аугсбурга Георг Петель по заказу города создал бюст Густава II Адольфа. Многие благодарные шведскому королю мастера предпочитали сами отправиться в Швецию или послать туда своих детей, как это сделал Элиас Холль, лютеранский мастер-строитель из Аугсбурга.

Королевская коллекция произведений искусства пополнялась способом, который кажется сегодня диким. Когда шведские войска Густава II Адольфа захватили Мюнхен, они разграбили резиденцию курфюрста Баварского

Максимилиана I и вывезли в Стокгольм работы Лукаса Кранаха Старшего, Ганса Гольбейна и других прославленных мастеров. Работы были также захвачены в Браунсберге, Майнце и других городах. В 1648 г. шведские войска захватили императорскую резиденцию в Праге, разграбив дворец в Градчанах и Бельведер, где хранились остатки знаменитой коллекции императора Рудольфа II. За несколько дней в Стокгольм были вывезены практически все предметы искусства: 470 картин, включая работы Тициана, Веронезе и Корреджо, 69 бронзовых скульптур, 179 изделий из слоновой кости и многое другое. Таким образом, в 1649 г. в Стокгольм прибыли неслыханные сокровища. К сожалению, подобные разграбления сокровищниц были нормальной практикой для многих государств до момента заключения Вестфальского мира в 1648 г.

Главными характеристиками художественной жизни Швеции в XVII в. были многочисленные связи между придворными мастерами, посредниками, аристократами и самими монархами, а также удивительная мобильность мастеров, которые переезжали от одного двора к другому. Невилл предлагает читателю по-новому взглянуть на тесную связь между историей шведской дипломатии и историей искусства, а также анализирует роль четырех шведских меценатов в культурном развитии королевства: Акселя Оксеншерны, Карла Густава Врангеля, Карла X Густава Пфальц-Клеебургского и Магнуса Габриэля Делагарди. Многие мастера, поддерживаемые меценатами, происходили из Нидерландов — Питер Исаак, Питер Спиринк, Бальтазаре Гербье, — и все они, подобно Питеру Паулю Рубенсу, были одновременно художниками и дипломатами. Благодаря этим примерам читатель узнает, что совмещение карьеры художника с дипломатическими функциями в тот период было практикой, если не обыденной, то во всяком случае не такой уж удивительной.

Невилл обходит стороной влияние европейского барокко на строительство частных домов в странах Скандинавии, хотя такие примеры есть. Многие частные дома богатых горожан, возведенные в Стокгольме в период Тридцатилетней войны, демонстрируют вкус к богатым формам барочной архитектуры. Один из примеров — дом Эрика фон дер Линде, уроженца Голландии и шведского дворянина. Фасад дома украшают многочисленные фрукты на дверных косяках и фигуры Нептуна и Меркурия, что указывает на коммерцию и торговлю, как источник богатства владельца дома. Другие примеры частных построек этого времени в Стокгольме — дом Петерсена, построенный в 1650 г., и один из лучших частных домов середины XVII в. в Стокгольме дворец Макалёс (*Makalös*, т. е. «бесподобный, несравненный»), который принадлежал семье Делагарди.

Отдельная глава монографии посвящена эпохе правления двух шведских королей — Кристины и Хедвиг Элеоноры. Автор сравнивает их усилия в

преобразовании художественной культуры королевства. Во время недолгого правления Кристины, которая была страстным коллекционером, коллекция искусства была значительно расширена и систематизирована, а уровень живописи был поднят на новый уровень, благодаря художникам Дэвиду Беку и Себастьяну Бурдону. С гораздо большим вниманием и симпатией Невилл, будучи соавтором исследования о Хедвиг Элеоноре и придворной культуре в Северной Европе XVII века (2017)⁴ и автором монографии о Никодемусе Тессине Старшем (2009)⁵, уделяет второй королеве. Ее вкусы кардинально отличались от предпочтений Кристины: она любила изящный фарфор, кабинеты редкостей и резную слоновую кость и, вероятно, сыграла более важную роль в развитии искусства в Швеции, чем Кристина. Хедвиг Элеонора с гораздо большим энтузиазмом строила дворцы и заказывала для них картины и скульптуры, при ней также практиковались новые формы поддержки мастеров. Основным архитектурным проектом в карьере Тессина Старшего, который при Хедвиг Элеоноре стал главным архитектором Стокгольма, и основным проектом всего периода ее правления стало строительство дворца Дроттнингхольм — стандарта вкуса для шведской аристократии того времени. С именем Хедвиг Элеоноры связана биография и творчество Дэвида Клэккера-Эренстраля, который в 1678 г. основал квазиакадемию, где предполагались обучение рисунку и работа с «живыми моделями». Примерно в то же время были созданы академии в Нюрнберге (1662), Аугсбурге (1670–1674), Дрездене (ок. 1680), Вене (1692) и Берлине (1696), что указывает на общую возникшую потребность в институционализации обучения живописи и рисунку и свидетельствует о полноценном включении шведского королевства в культурные процессы Центральноевропейского региона в XVII в. При Хедвиг Элеоноре произошло важное изменение в понимании сути работы архитектора и строителя, когда Тессин Старший написал памятку, согласно которой деятельность архитектора и строителя строго разграничивались. Таким образом, поддержанные Хедвиг Элеонорой отец и сын Тессины, а также Эренстраль стали первопроходцами в процессе трансформации искусства в профессиональную деятельность в Северной Европе. Следует отметить, что, сосредоточившись на реформаторской деятельности Эренстраля, Невилл не упоминает его заслуги живописца. Немец по происхождению, Эренстраль вошел в историю искусства как «отец шведской живописи», в том числе благодаря тому, что ввел в шведское искусство жанровую живопись и анималистику. При Хедвиг Элеоноре также произошли изменения в традиции репрезентации идей готицизма. По просьбе королевы портретную

⁴ Nevill K. Nicodemus Tessin the Elder: Architecture in Sweden in the Age of Greatness. Turnhout, 2009.

⁵ Queen Hedwig Eleonora and the Arts: Court Culture in Seventeenth-Century Northern Europe / Ed. by K. Nevill and L. Skogh. London, 2017.

галерею, в которую уже входили изображения Густава II Адольфа и Карла X, дополнили 14 бюстов готских правителей, а также изображения готских королей, что создавало непрерывную династическую линию: от древних королей готов до современных шведских правителей.

Правление в 1672–1697 гг. сына Хедвиг Элеоноры Карла XI, который прилагал серьезные усилия для упорядочения церковной организации в стране, привело к строительству большого числа церквей с богато украшенными алтарями и кафедрами. Это был период заката шведской знати, вынужденной склониться перед абсолютизмом, который установился в Швеции в 1680-х гг. Королева Кристина одаривала свою аристократию земельными наделами, Карл XI стал эти земли возвращать, к тому же значительно сократив численность аристократии. Таким образом, корона стала главным заказчиком и покровителем искусств, самым важным из которых продолжала оставаться архитектура. Никодемус Тессин Младший, получив в 1697 г. должность суперинтенданта искусств в королевстве, превратился в фигуру, сопоставимую с Ж.-Б. Кольбером при Людовике XIV. Тессин Старший обслуживал интересы не только монарха, но и представителей знати, в то время как Тессин Младший полностью посвятил себя служению короне. И если Карл XI стал абсолютным монархом, то Тессин Младший — абсолютным архитектором. Апогеем репрезентации шведского абсолютизма стал королевский дворец в Стокгольме, который, начиная со Средневековья, многократно перестраивался, но хаотично и без общей эстетической программы. Тессин, взявшись за этот амбициозный проект, руководствовался принципом использования «итальянской традиции для внешних форм и французской — для декора интерьеров», при этом и форма, и содержание были заимствованы из Версаля, как и приглашенные мастера. В результате дворец стал важнейшей частью архитектурного облика столицы шведского королевства. Жак Фуке смоделировал конный памятник Карлу XI по образцу конных статуй Людовика XIV, созданных Франсуа Жирардоном, с которым Тессин был лично знаком, как и с Бернини, Карло Фонтана, Ж. Ардуэн-Мансаром и Андре Ленотром. Другим важным проектом Тессина стал проект здания церкви Каролинской династии в Стокгольме (1708), образ которой, вероятно, оказал влияние на строительство династической церкви Карлскирхе в Вене (1715). Тессин также распространял информацию о преобразованном Стокгольме за пределами Швеции посредством публикации топографического описания столицы, подготовленного в рамках масштабного проекта конца XVII — начала XVIII в. по изданию труда «Швеция, древняя и сегодняшняя» (*Suæcia Antiqua et Hodierna*). Благодаря «рекламе» Тессина, Стокгольмский дворец был признан одним из самых выдающихся зданий в

Северной Европе рубежа XVII–XVIII веков, послужив образцом для нескольких проектов за пределами страны.

Стратегии формирования образа королевской власти в государствах Центральной Европы были схожими: каждый двор следил за практиками репрезентации других и заимствовал подходившие ему элементы. Еще с XVI в. существовала практика публикации крупных проектов королевских дворов, из которых правители узнавали о последних тенденциях в сфере искусства. Но не только скандинавские монархи следили друг за другом, правители в немецких землях также пристально и с интересом наблюдали за строительством в Копенгагене и особенно в Стокгольме. Интерес этот был связан со стремлением немецких князей к королевским титулам. Примечательно, что курфюрст Бранденбурга Фридрих III, коронованный себя в 1701 г. королем Пруссии Фридрихом I, для репрезентации нового статуса Берлина как королевской столицы, в качестве образцов выбрал не Версаль или Рим, а королевские дворцы Швеции и Дании. И потому его придворный архитектор Иоганн Фридрих Эозандер фон Гёте много путешествовал по Северной Европе, но при этом никогда не бывал в Риме. Невилл прослеживает также примеры влияния королевской архитектуры Швеции на репрезентацию имперской Вены и сравнивает отдельные элементы Шёнбрунна с королевскими дворцами в Северной Европе.

Таким образом, Невилл в главах, посвященных Швеции, анализирует развитие искусства на фоне сложных политических процессов и убедительно доказывает, что военные победы, как и поражения этих государств влияли на развитие искусства и на формы и способы репрезентации тех или иных амбиций скандинавских монархов. Швеция в начале XVII в. потерпела военное поражение, что повлияло на развитие художественной культуры страны. Но были и другие причины: сокращение должностей придворных художников, архитекторов и скульпторов и начавшаяся в 1680 г. т. н. Большая редукция (возврат в казну ранее пожалованных дворянству земель), которая нанесла серьезный удар по аристократии — важному заказчику искусства. В результате многие талантливые художники были вынуждены покинуть Швецию. То, что многие из них сделали карьеру за пределами Швеции, говорит о достижении художественной продукцией при скандинавских дворах самых высоких европейских стандартов качества. Вместе с тем скандинавские дворы завоевали репутацию культурных центров, стали образцом для подражания и местом, куда художники приезжали работать.

Практически пропуская XVIII в., Невилл завершает свою монографию эпилогом о репрезентации идеи «романтического Севера», которая на раннем этапе развития была связана с пейзажами острова Рюген, открытого для живописцев Якобом Филиппом Хаккертом, а позже и Каспаром Давидом Фридрихом. Еще

раньше, чем Хаккерт и Фридрих, нидерландский художник Алларт ван Эвердинген, побывавший в Швеции и Норвегии в 1644 г., ввел в нидерландскую живопись суровые, подчеркнута ненидерландские пейзажи с типично-северными атрибутами – сосновыми лесами, горами и водопадами. На смену восприятия Скандинавских государств как места, в отдельных аспектах задающего моду в области придворного искусства, пришло восприятие скандинавского Севера как места, отличного от Германии, — далекого, экзотического и загадочного. Именно поэтому утверждение, что Скандинавию раннего Нового времени следует считать частью Центральной Европы, может показаться удивительным, ведь наша перцепция Севера во многом основана на образах, созданных в период романтизма. Но хотя к середине XIX в. и Гольштейн, и Померания перестали принадлежать, соответственно, Дании и Швеции и достались Пруссии, связи между Скандинавией и Германией не исчезли и сохранялись, среди прочего, в творчестве типично «немецкого» художника Каспара Давида Фридриха, который родился в Грайфсвальде, тогда еще столице шведской Померании, учился живописи в Копенгагене, а затем переехал в Дрезден. Кристоффер Вильгельм Эккерсберг, названный «отцом датской живописи», родился на севере Германии, когда она была частью Дании. Йохан Кристиан Даль родился в Норвегии, получил образование в Дании и переехал в Дрезден, где стал другом Фридриха. Даль включен в каноны как немецкого, так и датского искусства, и в то же время признается «отцом норвежской пейзажной живописи». Подобные примеры художников-космополитов подтверждают тезис Невилла о том, что художественный диалог между Скандинавией и Германией не входит в сферу культурного обмена, это были не две существенно разные культуры, а общая культурная среда.

Невилл своим фундаментальным исследованием бесспорно обогатил и разнообразил литературу о европейском искусстве XVI–XVIII вв. Книга будет интересна историкам искусства, культурологам и вообще всем, кого привлекает история и культура раннего Нового времени. Автор убедительно доказывает, что различия между произведениями, созданными, с одной стороны, в Копенгагене и Стокгольме, а, с другой, на территориях, входивших в Священную Римскую империю, столь же незначительны, как и между теми, что были созданы в разных немецких городах.

В то же время следует заметить, что автор, сосредоточившись на дворцовой архитектуре, оставляет за рамками рассмотрения (вероятно, намеренно) деревянную церковную архитектуру Скандинавских стран, имеющую давние и богатые традиции, народную живопись и примеры частных построек, включение которых в исследование дало бы более широкий и сбалансированный взгляд на историю искусства стран Северной Европы в указанный период. Учитывая данное обстоятельство — которое, впрочем, несколько не снижает ценности и важности

исследования, — возможно, следовало бы скорректировать название книги, сузив его до формулировки «Дворцовая культура и искусство Скандинавской Центральной Европы: 1550–1720», что сняло бы отмеченное противоречие между названием монографии и ее содержанием.

Список литературы

Невилл, К. Искусство и культура Скандинавской Центральной Европы : 1550–1720 / К. Невилл ; пер. с англ. О. Ермаковой. — Бостон : Academic Studies Press ; Санкт-Петербург : Библиороссика, 2023. — 388 с.

Laurin, C. Scandinavian Art : illustrated / C. Laurin, E. Hannover, J. Thiis ; with the introd. by Ch. Brinton. — New York : American-Scandinavian Foundation, 1922. — 662 p.

Nevill, K. Nicodemus Tessin the Elder : Architecture in Sweden in the Age of Greatness / K. Nevill. — Turnhout : Brepols, 2009. — 275 p. — (Architectura Moderna; vol. 7).

Queen Hedwig Eleonora and the Arts : Court Culture in Seventeenth-Century Northern Europe / ed. by K. Nevill and L. Skogh. — London : Routledge, 2017. — 230 p.

ОТЗЫВЫ О ДИССЕРТАЦИЯХ
DOCTORAL THESES REVIEWS

С этого выпуска мы решили рассказывать нашим читателям о новых диссертациях, защищенных по тематике Альманаха. Разумеется, подобного рода информацию — тексты самих диссертаций и авторефератов, а также отзывы оппонентов — можно найти в интернете, прежде всего на страницах соответствующих диссертационных советов. Однако, учитывая масштабы защит по самым разнообразным направлениям исследований, не всегда легко это сделать, особенно если ориентироваться при поиске не на более или менее точные сведения о названии и авторе (которые могут быть и неизвестны), а пользоваться именно тематическим критерием. В результате о некоторых важных работах нередко знает лишь узкой круг узких специалистов. Стремясь увеличить, что называется, *academic visibility* новых диссертаций по североевропейской и балтийской тематике, которые представляются нам достойными внимания, мы публикуем сведения о состоявшихся защитах, ссылки на тексты работ, а также некоторые отзывы, дающие представление о содержании и качестве исследований.

Петрова М. И. История развития поселенческой структуры Кирьяжского (Курикийского) погоста с XIV века по 1721 год: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 2023. 257 с.

Защищена 9 ноября 2023 г. в Институте российской истории РАН. Объявление на веб-странице диссертационного совета: <https://iriran.ru/node/3175> (21.12.2023).

[Текст диссертации](#)

[Автореферат](#)

Станислав Викторович Бельский, к.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, оппонент:

Тема диссертационного исследования М. И. Петровой представляется несомненно значимой для отечественной исторической науки, поскольку изучение истории регионов Российской Федерации является одной из ее важнейших задач. Выбор Кирьяжского (Курикийского) погоста в качестве региона исследования не случаен. Эта территория, обладающая географически детерминированным единством, складывалась как административная единица на протяжении нескольких столетий. В итоге, как часто подчеркивалось во многих фундаментальных работах по истории и археологии Приладожья, она стала «ядром» Корельской земли средневекового Новгородского государства, территорией сложения и исходным районом расселения корелы — предков современных карел, что имеет важнейшее значение в этнической истории Северо-Запада России. Она сыграла заметную роль в бурных исторических событиях XIV–XVII вв. Многие из них, например, потрясения Смутного времени, происходили непосредственно в местах, изучению которых посвящено представленное диссертационное исследование.

Перманентное пограничное положение изучаемого региона, сохраняющееся и по настоящее время, обусловило его очевидную историческую специфику в сравнении с сопредельными территориями. Следовательно, возник особый, сложный корпус источников, проливающих свет на его историю, в частности, историю поселений и структуры расселения. Работа с ними составила существенную часть диссертации.

Работа состоит из введения; основной части, включающей три главы; заключения; списка литературы и источников; списка сокращений и условных обозначений; приложений, включающих 16 карт на исторической и современной геоподоснове и 27 таблиц.

Диссертационное исследование М. И. Петровой имеет своей целью анализ факторов формирования поселенческой структуры Кирьяжского погоста и стадий ее развития в изменявшихся политических и экономических условиях в хронологических рамках от XIV в. до Ништадтского мирного договора 1721 г. В разные периоды регион находился в составе Новгородской республики, Русского

централизованного государства, Шведского королевства и, наконец, Российской империи. Такой подход представляется вполне обоснованным и перспективным. Он позволяет проследить историю определенных мест поселений и, в итоге, всего региона в свете разных по происхождению и структуре источников. Иными словами, перед нами именно комплексное исследование.

Его **актуальность** обусловлена необходимостью обращения к истории одного из важных административно-территориальных округов, не раз менявшего название в зависимости от государственной принадлежности. Результаты позволяют воспроизвести модель формирования поселенческой структуры Кирьяжского погоста в историческом развитии.

Научная новизна исследования не вызывает сомнения. В отечественной историографии пока еще не ставилась задача комплексного изучения структуры поселений Кирьяжского погоста. Следует подчеркнуть, что монографического исследования по представленной теме для данного региона до настоящего времени не было создано.

Цели и задачи диссертации убедительны, четко сформулированы и имеют научную значимость.

Хронологические рамки исследования можно считать вполне обоснованными. Фактически, речь идет о двух опорных датах: Ореховецкий договор 1323 г., выбранный в качестве нижней хронологической границы, и Ништадтский договор 1721 г. в качестве верхней. **Методологическая основа** диссертации вполне адекватна поставленным задачам. В исследовании применялись сравнительно-исторический, статистический, картографический методы. Междисциплинарный подход применен при проведении комплексного анализа исторических источников с привлечением данных других дисциплин.

Несомненным достоинством работы является **источниковая база**, включающая тексты новгородских берестяных грамот, летописи, хроники, акты, комплексы приказного документирования, картографические материалы. Многие из этих памятников изучены, систематизированы и опубликованы в тематических сборниках, монографиях и отдельных статьях. В работе представлен подробный аналитический обзор источников из шести архивов Российской Федерации, Швеции и Финляндии. Создание единого корпуса исторических источников по Кирьяжскому погосту в выбранный хронологический период является важным и бесспорным достижением представленной работы.

Подробный **историографический обзор** убедительно показывает недостаточность изученности темы при обилии публикаций, так или иначе затрагивающих проблематику диссертационного исследования. Обзор охватывает полный спектр научной литературы и включает самые современные работы. Скрупулезный анализ историографии позволил автору поставить новые исследовательские задачи. Также особенно важным является введение в научный оборот данных из редких изданий на финском языке.

В первой главе представлена реконструкция водно-волоковых путей Кирьяжского погоста в локальной системе коммуникаций. На основе историко-географического анализа русских летописей и новгородских берестяных грамот проведена идентификация и локализация поселений Кирьяжского и Кюлолашского погостов в конце XIV в. Летописные известия и берестяные послания подтверждают важную роль данной территории в экономических отношениях с Новгородом.

Во второй главе представлены результаты реконструкции поселенческой структуры Кирьяжского погоста в XV–XVI вв. по владельческой принадлежности. Особое место уделено анализу владычного и монастырского землевладения конца XV в. В главе приводятся данные о православных церквях, монастырях, скитах и подворьях Кирьяжского погоста в XIV–XVI вв., показана значительная роль деревень в экономике монастырей Корельской земли: Спасского Валаамского, Богородицкого Коневского, Ивановского и Никольского из г. Корелы

В третьей главе анализируются особенности шведского периода правления в Корельском уезде (1580–1597 гг., 1611–1710 гг.) в контексте изменений административно-территориального деления и поселенческой структуры Кирьяжского погоста в условиях кардинальных политических, экономических, демографических, конфессиональных преобразований. Переходный период (1710–1721 гг.), проиллюстрирован примерами первых донативных землевладений, дарованных Петром I своим сподвижникам.

В заключении автор сформулировал основные выводы проведенного исследования. Они являются репрезентативными и убедительными. Автор приходит к заключению о том, что наиболее активное развитие поселений Кирьяжского погоста пришлось на Новгородский период. Позднее его приграничное положение отразилось в сложных демографических процессах и повлияло на этнический состав населения. В работе выявлены стабильные структурные элементы, составляющие сеть древних поселений в системе водно-волоковых путей. Реконструкция поселенческой структуры, развитой в новгородское время, позволила проследить дальнейшие изменения в сети поселений в течение четырех веков.

Особо важной представляется информация, приведенная автором в двух **приложениях** к тексту диссертационного исследования. В **Приложении 1** в серии иллюстраций наглядно представлена локализация поселений, упоминаемых в тексте. Большинство иллюстраций приведены на основе исторических карт XVII–XVIII вв. В серии таблиц в **Приложении 2** сведена текстовая информация о поселениях, упоминаемых в источниках разных периодов.

Значимость полученных автором диссертации результатов для науки вытекает из новизны проблематики и состоит в возможности использования материалов диссертации в дальнейшей научной разработке вопросов изучения поселенческой структуры соседних областей Карелии со сходными географическими, экономическими, политическими факторами развития.

Отмечая достоинства диссертационной работы, ее практическую значимость и научную новизну следует высказать отдельные замечания.

— Обосновывая хронологические рамки исследования, возможно, в комментарии или ссылке следовало бы упомянуть, что в историографии существует дискуссия о самом факте заключения Ореховецкого договора 1323 г. и, в особенности, локализации пограничной линии.

— Кроме того, уместным было бы упоминание, также в качестве комментария, о наличии еще одной группы исторических источников о данном регионе: скандинавских саг и хроник, записанных преимущественно в XIII–XIV вв. Конечно, сведения в этих документах относятся ко времени ранее хронологических рамок диссертации и не содержат сведений о конкретных поселениях. Но следует обратить внимание на один существенный аспект: в этих источниках упоминаются такие места, как «Кирьялаланд» (*Kirjalaland*) и «Кирьялаботнар» (*Kirjalabotnar*) и такое наименование неких людей, как «кирьяль» (*kirjalar*). До настоящего времени ведутся дискуссии о локализации упомянутых мест и о том, кто их населял. Существует весьма обоснованная точка зрения, что указанные названия следует рассматривать не только в «широком» значении — «земли» или «заливы» где-то на востоке Балтики, но и «узком» — Куркиёкский залив, в основании которого расположен Кирьяж — топоним, созвучный приведенным выше названиям, который дал имя Кирьяжскому (Куркиёкскому) погосту. Подчеркну, что именно в данном районе отмечена наиболее высокая в Карелии концентрация археологических памятников эпохи викингов — IX–XI вв. Имело смысл особо подчеркнуть, что изучаемая в диссертации система расселения и локальные группы поселений имеют весьма древние истоки.

— В разделе 1.1. Главы 1, который посвящен геоморфологической истории региона и археологии каменного века, выигрышно смотрелись бы ссылки на обобщающие современные исследования ученых естественно-научного профиля и, соответственно, археологов-специалистов по данному периоду. В целом, говоря о Ладожском озере, лучше было бы сослаться не только на монографию С. В. Калесника 1968 г.¹, но и на коллективную монографию «Ладожское озеро» 2013 г., подготовленную группой специалистов Института озероведения РАН².

— Предваряя раздел о Кирьяжском и Кюлолашском погостах в русских летописях (с. 57), автор, вслед за уже сложившейся историографией, использует не вполне удачную формулировку, в качестве утверждения говоря о том, что «в новгородских летописях с 1270 г. Корельская земля называется “волостью новгородской”». Дело в том, что в летописных и иных источниках словосочетание «Корельская земля» ни в 1270 г. («В лето 6778...»), ни ранее не встречается. В данной записи речь идет о противостоянии «волости новгородской», то есть, в данном контексте новгородского ополчения и войска изгнанного из Новгорода князя

¹ Калесник С. В. Ладожское озеро. Л., 1968.

² Ладога / Под ред. В. А. Румянцев, С. А. Кондратьева. СПб., 2013. URL: <https://ladoga-lake.ru/pages/artcl-ladoga-ladoga-ran.php> (21.12.2023).

Ярослава Ярославича. *Карела* здесь — часть воинского контингента одной из противоборствующих сторон. Само же словосочетание «Корельская земля» появляется в лаконичной записи Новгородской I летописи об основании Выборга в 1293 г. («В лето 6801...») и далее уже в тексте Ореховецкого договора. В целом, появление и содержание термина «Корельская земля» в качестве определения некоей административно-территориальной единицы еще недостаточно изучено и требует дополнительного внимания.

— Представленным в Приложении 1 картам все же не хватает детализации: для читателя, не знакомого с местной географией региона (а таких большинство) непонятно, где находятся те или иные территории, которые показаны на фрагментах исторических карт XVII–XVIII вв. Было бы желательно дополнять каждую подобную иллюстрацию современной геоподосновой с указанием (рамкой, стрелкой) района, который указан на исторической карте.

— Среди представленных карт явно не хватает одной, на которой были бы показаны поселения, упоминаемые в средневековых источниках XIV в. Их анализу посвящена целый раздел диссертации, но какой-то иллюстрации к ней, к сожалению, нет. Кроме того, выигрышно смотрелась бы карта археологических находок XIII–XV вв., маркирующих места поселений, речь о которых идет в тексте.

Тем не менее данные замечания не умаляют общей ценности работы и могут рассматриваться как вопросы, требующие решения в дальнейших исследованиях.

Использование результатов и выводов диссертации применимо для ряда дисциплин: археологического изучения поселений; демографического исследования деревень и отдельных областей Карелии. Изучение истории развития поселенческой структуры Кирьяжского погоста может быть продолжено с расширением хронологических рамок исследования. Опубликованные соискателем научные статьи полно и адекватно отражают основные положения исследования. Текст автореферата соответствует тексту диссертации.

Материалы исследования могут быть использованы в научной работе, в учебном процессе: в преподавании общих и специальных курсов по Отечественной истории, истории Карелии. Полученные результаты имеют большое практическое значение и применимы при разработке государственных программ по охране и использованию историко-культурного наследия Карелии.

Таким образом, диссертация Марины Игоревны Петровой по теме «История развития поселенческой структуры Кирьяжского (Куркиёкского) погоста с XIV века по 1721 год», представленная на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. – Отечественная история, соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатским диссертациям п. 9, п. 11, п. 13, п. 14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (ред. от 20.03.2021). Диссертация отличается новизной в рассмотрении проблемы, представляет собой самостоятельное, оригинальное, законченное научное исследование. Научные результаты, полученные

соискателем, имеют существенное значение для исторической науки. Автор данного исследования Марина Игоревна Петрова заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история.

Адриан Александрович Селин, д. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, оппонент:

История сельского расселения раннего Нового времени — одна из самых сложных и соблазнительных для исследователя задач. Здесь очень важно овладеть правильным и современным исследовательским методом; умением точно ставить вопрос, найти соответствующие данному вопросу источники, отсеять «тоже интересные» источники, не относящиеся к делу и привести убедительные аргументы в пользу возможности синтеза выбранной источниковой базы. В труде М. И. Петровой, с которым мне довелось ознакомиться, все перечисленные элементы присутствовали.

Для исследования была выбрана динамика поселенческой структуры Кирьяжского погоста (Восточная Карелия, в конце XV — начале XVII в. — Водская пятина Новгородской земли, в XVII в. — Корельский лен Шведского королевства). Это достаточно компактная территория, заселенная смешанным в языковом отношении населением, менявшая свою политическую принадлежность и, соответственно, описанная в разных кадастровых культурах, представляется весьма интересным объектом исследования. М. И. Петрова рассматривает развитие сельского расселения здесь с XIV в. до Ништадтского мирного договора 1721 г. В результате М. И. Петрова предлагает действенную и важную для исследования других сходных регионов Восточной Балтики модель формирования поселенческой структуры раннего Нового времени.

Новизна исследования не вызывает сомнения, т. к. в историографии на русском языке еще не ставилась задача изучения структуры поселений Кирьяжского погоста, как одного из центральных погостов Корельской земли. Цели и задачи диссертации корректны, они четко сформулированы и имеют научную значимость. Хронологические рамки исследования можно считать вполне обоснованными. Методологическая основа работы вполне адекватна поставленным задачам.

Обращу внимание прежде всего на историографические очерки; как в обязательной формальной части исследования, так и во введении. М. И. Петрова весьма удачно справилась с данной частью; эта часть имеет самостоятельное значение и выходит за рамки узкой темы работы. Производит впечатление обширная источниковая база, привлеченная для написания текста диссертации (и умение М. И. Петровой с данной базой справиться). Использован архивный материал из шести архивохранилищ; обращу внимание и на весьма полезные ссылки на онлайн-архивы, также активно (и уместно) использованные в диссертации. Среди возможных путей совершенствования

источниковой базы отмечу, что, конечно, публикациями Д. Я. Самоквасова³ без дополнительной сверки с подлинниками пользоваться, вероятно, не стоит. На самом деле, это же касается и писцовой книги Дм. Китаева, к рукописи которой обращаются крайне мало, которая была издана в 1851 и 1868 гг. весьма неудачно (и, частично, под неверным названием). До конца неясно, чем «историко-географические» источники отличаются от «картографических»; кроме того, ссылка на книгу Олауса Магнуса дана только по аналитической публикации Е. А. Савельевой⁴ (а не по многочисленным ее публикациям, последняя — 2014 г.⁵).

Некоторое смущение вызывает повторяющееся в ней (и во всех тех главах основной части) термин «шведское владычество». Это словосочетание лишь примерно обозначает описываемое им явление (ср., для противопоставления периода до и после 1478 г.: «новгородское владычество» / «московское владычество» — для Карелии; это явно было бы неуместно). Данное словосочетание — явно просто дань традиционному (и устаревшему) способу историописания о Карелии.

Не вполне хороша и часть, где описана методология исследования. Увы, эта обязательная часть диссертационных текстов весьма часто представлена как набор схоластических концептов, хотя должна, уверен, базироваться на описании теоретических оптик — и для обсуждаемой диссертации это, скорее всего, была бы та самая микроистория, о которой М. И. Петрова довольно много и уместно пишет (но которой в своей работе не ограничивается). Уверен, что обозначение такой оптики вызвало бы у читателя работы больше понимания, чем слова об «общенаучных и специальных методах научного познания». Среди положений, выносимых на защиту некоторое сомнение у меня вызвала мысль о том, что в поселенческой структуре отражаются межэтнические связи. Не понимаю, как это.

В первой главе представлена реконструкция водно-волоковых путей Кирияжского погоста в системе коммуникаций Корельской земли. Текст написан грамотно и интересно, хотя и не все бесспорно, а главное — не все понятно. Так, непонятно противопоставление (с. 59): «русский князь Константин Белозерский... литовский князь Лугвень» (оба князя описаны как кормленые новгородские князья, что совершенно верно и хорошо известно). Но в чем важность, кто русский, а кто литовский из этих князей? Ведь их функция в системе управления Новгородской землей скорее всего была идентичной. Также спорным является утверждение о строительстве крепости Орешек в 1323 г. (в этом году на Ореховом острове был заключен договор, а вот была ли там в этот момент крепость — уверенности в историографии нет). В целом же выводы первой главы рукописи — о преемственности археологически выявленных поселений и позднесредневековой (XIV–XV вв.) системы расселения — кажутся весьма убедительными.

³ Самоквасов Д. Я. Архивный материал. Новооткрытые документы поместно-вотчинных учреждений Московского царства. М., 1905. Т. 1; 1909. Т. 2.

⁴ Савельева Е. А. Олаус Магнус и его История северных народов. / Отв. ред. И. П. Шаскольский. Л., 1983.

⁵ *Olaus Magnus. Historia om de Nordiska Folken. Hedemora, 2010.*

Во второй главе представлены результаты реконструкции поселенческой структуры Кирьяжского погоста в XV–XVI вв. Здесь динамика сельского расселения рассмотрена весьма подробно и качественно, с опорой на большую источниковую базу. Конечно, и здесь не со всеми утверждениями можно согласиться. Так, на с. 105, М. И. Петрова пишет, что «реформы местного самоуправления 1556 г., во время которых во всех пятинах Новгородской земли произошла замена наместников на “выборные головы”, привела к бегству тяглых людей с черных земель». Данное утверждение совсем не очевидно, несмотря на ссылку на мнение Д. Я. Самоквасова⁶, И. А. Черняковой⁷, А. Ю. Жукова⁸. Но именно ли реформа (да и реформа ли то была: ср. работы Г. П. Енина⁹) привела к бегству сельского населения? Или причиной была безумная опричная политика царя Ивана? Этот вопрос остается весьма дискуссионным. Также, на с. 112 утверждается, что «межами были отделены не только поземельные владения, но и волости, погосты, уезды, пятины», чему приводится ряд примеров. Но было ли это системой? Существовали ли действительные, общепризнанные внутренние границы сельских округов или они возникали только при необходимости проводить политическую границу? Мне этот вопрос кажется не разрешенным в историографии и аргументы М. И. Петровой не кажутся убедительными. Хотя в целом с выводами второй главы также можно согласиться.

В третьей главе анализируется проблема влияния особого периода политической истории Корельского уезда/лена (1580–1597 гг., 1611–1710 гг.) на изменение административно-территориального деления и поселенческой структуры Кирьяжского погоста. М. И. Петрова пишет о кардинальных политических, экономических, демографических, конфессиональных изменений в это время. Снова впечатляет большой объем источников, которыми автор рукописи весьма тонко оперирует. Сначала у меня вызвало смущение утверждение (с. 135–136) о том, что «первая попытка основания городов Салмис и Сордавала не привела к успеху из-за слабого контроля со стороны шведского правительства в годы Тридцатилетней войны» (как связано основание городов с контролем правительства?). Однако в дальнейшем этот, звучащий как весьма спорный, тезис раскрыт в исследовании личностного фактора в основании городов Салмис и Сордавала, где ключевую роль сыграли «начальник пограничной заставы Салмис Хенрик Бланкенхаген и фогт Кексгольмского лена Родион Лобанов». В целом третья глава также весьма убедительна и дает качественно новое знание: М. И. Петрова показывает, что донации русского царя Петра в годы Северной войны в Карелии целесообразно рассматривать в единой рамке, заданной еще шведской властью конца XVII в. — когда они формировали графства в Карельском лене.

⁶ Самоквасов Д. Я. Крепостное право древней России по новооткрытым документам // *Он же*. Архивный материал. Новооткрытые документы... Т. 2. С. 34.

⁷ Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII в. Петрозаводск, 1998.

⁸ Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в. Петрозаводск, 2013.

⁹ Енин Г. П. Воеводское кормление в России в XVII веке: Содержание населением уезда государственного органа власти. СПб., 2000.

В заключении автор убедительно сформулировал основные выводы проведенного исследования на основе поставленных в начале исследования задач. С большинством сделанных выводов также вполне можно согласиться (не очень ясно только, зачем автор пишет об «этногенезе корель» — вообще непонятно, как оный этногенез изучать методами, предложенными в диссертации, да и нужно ли в рамках такого исследования поселений). Весьма важны при этом наблюдения в области динамики типов сельских поселений в зависимости от политической истории и истории землевладения в раннее Новое время.

Высказанные замечания не умаляют общей ценности работы и могут рассматриваться как вопросы, требующие решения в дальнейшем исследовании проблемы.

Бочкарёв А. С. Проблема дезертирства из олонецких полков «нового строя» в период войн с Речью Посполитой и Швецией в середине XVII века: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2023. 206 с.

Защищена 29 июня 2023 г. в Национальном исследовательском Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского. Объявление на веб-странице диссертационного совета: <https://diss.unn.ru/1346> (21.12.2023).

[Текст диссертации](#)

[Автореферат](#)

Адриан Александрович Селин, д. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, оппонент:

Диссертационное исследование А. С. Бочкарева о дезертирстве в армии Российского царства середины XVII в. — оригинальный и новаторский труд на весьма актуальную тему (далеко не все возможные перспективы, вырастающие из данного — законченного — труда автор счел возможным обозначить). В работе четко прописаны актуальность и новизна исследования, Исследование А. С. Бочкарева четко вписано в современную глобальную историографию. Текст выстроен весьма изящно; структура работы не вызывает нареканий. Очень важно умение исследовать феномен (в данном случае — феномен дезертирства) в синхронной (XVII в.) и диахронной (проблема дезертирства как такового) перспективах. Исследователю удается выходить за рамки узкой проблематики военной истории раннемодерной России и, тем самым, указывать на значение своего исследования за пределами формирующегося (или сформированного) нарратива национальной истории.

Обозначенный Бочкаревым феномен дезертирства, являющийся объектом исследования рассмотрен досконально именно как понятие. В той части работы (описание объекта исследования) мне не хватило отсылки к оптике, истории понятий (*Begriffsgeschichte*) сформулированной прежде всего Р. Козеллеком¹, хотя нет сомнения в том, что данная оптика в исследовании присутствует. Отсылка к ключевым (для конца XX в.) историографическим парадигмам смогла бы, как мне представляется, значительно усилить ту часть диссертации, где определяется методология исследования: именно таким образом — с отсылкой к ведущим глобальным школам исторической мысли, стоит данный раздел формировать (тогда беспомощная терминология типа «историко-генетический метод» и проч. просто автоматически уйдут из текста).

Выражу, конечно, свои сомнения в «институциональном подходе», о котором пишет диссертант. Можно ли что-то всерьез говорить именно о «государственных

¹ Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» — две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.

Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2023. Выпуск / Issue 8

институтах» применительно к России XVII в.? Большой вопрос. Можно ли говорить, вслед за автором об «институте пашенных солдат» (с. 30)? Полагаю, что собственно диссертационное исследование показывает, что институтом это не было: именно дезертирство, отражающее неприятие обществом неумелых действий местной власти по реализации непродуманных идей московских дьяков показывает, что устойчивой конструкцией, не зависящей от политических (и иных) перемен, олонекские пашенные полки не были. Стоит ли их считать институтом? При этом я полностью солидаризируюсь с диссертантом в связи с его скепсисом по отношению к «сословности» московского (русского) общества в XVII веке (до 1714/1722 гг.). Большую мою поддержку вызывают наблюдения о социальной трансформации в Карелии в связи с появлением пашенных солдат («от сироты — к холопу»). Как сказано мной выше, это открывает важные (и не всегда проговоренные автором) исследовательские перспективы.

С точки зрения «узкой» историографии истории Карелии XVII в. очень важно уважительное отношение диссертанта к своим коллегам — прежде всего, к А. Ю. Жукову² и Д. В. Брусницыной³, которые (представляется — с меньшим, чем диссертант успехом) обращались к данной теме. Отсылки к их работам всегда уместны, полны и весьма корректны. С другой стороны, встречающиеся в тексте диссертации ссылки на книгу В. А. Волкова⁴ кажутся мне излишними: особенных самостоятельных наблюдений у этого автора, которые не были бы сформулированы в других важных исследованиях (А. В. Чернова⁵, О. В. Курбатова⁶, А. В. Малова⁷) мне неизвестны. С другой стороны, когда А. С. Бочкарев выходит на вопросы «большой», сравнительной историографии, видимой лакуной оказывается отказ ученого от рассмотрения проблемы плена в раннемоdernую эпоху, хорошо проработанную в науке и, как мне представляется, тесно связанную с теми вопросами, которые ставятся в диссертации.

С некоторыми положениями вводной части текста я не могу согласиться. Так, на с. 6 А. С. Бочкарев пишет: «...обеднение и неспособность поместной конницы обеспечивать свою службу, особенно в последней трети XVI — начале XVII вв. из-за продолжительной Ливонской войны и Смуты, стало основным фактором массового уклонения и бегства из армии». Я полагаю, что здесь сохранность источников, весьма неравномерная для раннемоdernой эпохи, уводит нас в область слабых предположений. Достаточно плохо известно, насколько в первой половине — середине XVI в. практиковалось дисциплинирование помещиков, насколько

² Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII — начале XVII в.

³ Брусницына Д. В. Оформление поручных записей как способ борьбы с дезертирством пашенных солдат в Карелии второй половины XVII века: по материалам Олонекской воеводской избы // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2011. № 4. С. 104-118.

⁴ Волков В. А. Войны и войска Московского государства. М., 2004.

⁵ Чернов А. В. Вооруженные силы Русского Государства в XV–XVII вв. М., 1954.

⁶ Курбатов О. А. Военные реформы России второй половины XVII века: Конница. М., 2017.

⁷ Малов А. В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории. М., 2006.

последовательно московская власть реализовывали угрозу (и норму) о конфискации поместий до последней трети XVI в. Тут весьма интересна была бы сравнительная перспектива: поместное войско/посполитое рушение великого княжества Литовского середины XVI в., важнейшей причиной кризиса которого, как показал, к примеру, А. Янушкевич, был отказ господарской власти от конфискации шляхетских держаний за неявку на службу уже в 1560-е гг.⁸ Притом что сравнительный метод не только не чужд, но скорее присущ А. С. Бочкареву, весьма интересны и уместны сравнения военных реформ в Карелии XVII в. со сходными почти синхронными мероприятиями в Речи Посполитой и Шведском королевстве (с. 36 и далее), а также (и это весьма важно для построений А. С. Бочкарева) с устройством комарицких драгун на Белгородской засечной черте (что явилось своеобразной моделью для создания олонекских полков).

Также не могу согласиться с поддержанным А. С. Бочкаревым (с. 7) утверждением А. Ю. Жукова о том, что существовал будто бы некий «поместно-земский полк Корельского уезда» конца XV–XVI вв.⁹ Думается, что никаких указаний на такой «полк» в источниках нет и само его существование — это какая-то фантомная конструкция. Известно, что в XVI в. новгородские помещики служили по пятинам (или в осадной службе по городам), никаких других данных в Разрядах нет.

Подчеркну высокое качество описания источниковой базы диссертации (это также выгодно отличает работу А. С. Бочкарева от предшествующих исследований сходной проблематики). Данное описание убеждает как основание для диссертационного исследования: источники классифицированы не по местам хранения, но по категориям, категории разнообразны (а не сводятся, к примеру, у одним «солдатским книгам»).

В представленном труде А. С. Бочкарев делает ряд весьма важных наблюдений, на которых мне хотелось бы сделать акцент. Прежде всего — это хронологический аспект проблемы дезертирства в олонекских полках. Ученым предложена периодизация дезертирства (важнейший фактор: война, военные действия). «Раннее» дезертирство олонекских солдат — дезертирство крестьян из учебных частей. Поначалу (до начала войны с Речью Посполитой) оно было весьма малочисленным. (тут интересно также наблюдение А. С. Бочкарева о том, что учебный график олонекских полков перекликался с боевой подготовкой шведской армии). Другая проблема: сравнение дезертирства и крестьянского бегства. Диссертант не ставит знак равенства между этими явлениями, но указывает (для олонекских полков) несомненную связь, когда пишет о феноменологии дезертирства в Карелии. Максимальные масштабы дезертирства принимает при столкновении со шведской армией, гибелью солдат на войне. Еще один фактор — эпидемия чумы. А. С. Бочкарев отмечает, что в 1657 г. среди крестьян больше уклонистов, чем дезертиров. Но в этом году (по солдатской переписи) в олонекских полках насчитывалось до 18 % беглых (с. 67).

⁸ Янушкевич А. Ливонская война: Вильно против Москвы: 1558–1570. М., 2013.

⁹ Жуков А. Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. С. 364–366, 374.

С ходом войны происходило ухудшение морального состояния олонецких полков. К 1662 г в бегах было более четверти солдат (с. 72). А. С. Бочкарев уже здесь обозначает причину этого: «служат все, без перемен». Ученый отмечает столкновения дезертиров с высыльщиками. Сравнивает с соседней Финляндией и столкновениями со шведскими офицерами, мобилизовавшими в армию финских крестьян.

Во второй главе диссертации подробно рассмотрены факторы дезертирства олонецких солдат. Основной фактор: слабость денежно-продовольственного обеспечения поселенных войск (и раннемодерных армий вообще). Ученый подчеркивает общеевропейский характер данной проблемы. Борьба с этим в середине XVII в. привела к первым попыткам создания инфраструктуры обеспечения. Война уже не кормит войну. Однако противоречие «самоснабжение» vs государственные поставки (закупки) сохраняется до XVIII в., когда возникает интендатская службы. Все это происходит на фоне существования также и архаичных форм поставок: старинная посошная служба.

Другой фактор — дестабилизация полков в результате финансовой аферы правительства 1650–1660-х гг. А. С. Бочкарев рассматривает вопрос о выдаче денежного жалованья солдатам и о зачитывании в счет жалованья продовольственных выплат. Развал армии в результате финансового кризиса (заостряет) (с. 95–97). Нереальная дороговизна приводила подчас к чрезвычайным дополнительным выплатам солдатам и урядникам, однако в целом проблемы это не решало.

Третий фактор — нарушения порядка службы местными властями. Именно это, как показывает А. С. Бочкарев, в итоге вело к мятежу. Ошибки и перегибы в дисциплинировании солдат со стороны местных властей и командиров приводили к нарушению социального баланса. Все это происходило на фоне таких практик, как круговая порука. В годы военного напряжения для удовлетворения запросов действующих воевод на людские ресурсы местные власти пошли на нарушение двухпеременного порядка службы, что вызвало социальный дисбаланс и в результате — его кульминацию — мятеж в Пскове в 1662 г. Он начался с вооруженного побега большой группы солдат и последующего вооруженного столкновения беглых с другими солдатами. Посадские люди Пскова сорвали показательную казнь зачинщиков. Все это чуть было не привело к очередному псковскому мятежу.

Существенным фактором, оказывавшим влияние на дезертирство, был военный. Бегство солдат вызывали поражения войск в Карелии и в Олонецком уезде, и в итоге это вело к истощению мобилизационного ресурса.

В третьей главе рассмотрено групповое дезертирство олонецких солдат и борьба с ним; то, как именно реализовывалось противостояние олонецких солдат и властей. А. С. Бочкарев подчеркивает, что одиночное дезертирство было скорее редкостью. Важным дискурсивным топосом в противостоянии был «скоп», единачество нарушивших закон. Ученый разбирает несколько кейсов коллективных побегов.

На мой взгляд, в этой части диссертации несколько искусственна (но весьма важна и интересна сама по себе) подробная вставка о чинах полков Олонецкого уезда с подробной росписью обязанностей. Чрезвычайно важны для исследовательских построений А. С. Бочкарева вопрос об урядниках и беглых солдатах и вопрос о начальных людях (сперва только из иноземцев) и противостоянии их со вчерашними крестьянами. Ученый рассматривает феномен побега из полков и роль в нем урядников. А. С. Бочкарев ставит вопрос о доверии к урядникам со стороны солдат. Он пишет, что решение о побеге: принимали как правило сержанты олонецких полков. Одновременно на урядниках лежала и должностная ответственность (медленно заменявшая собой архаичную практику круговой поруки).

Важная часть этой главы — рассмотрение А. С. Бочкаревым наказаний за дезертирство. Он справедливо пишет, что они были в XVII в. социально обусловлены и различались за сходные проступки для начальных людей, урядников и солдат (телесные наказания, денежные взыскания). Важен вывод ученого: дезертирство в московской культуре XVII в. — не уголовное преступление. По классификации Н. Ш. Коллманн, оно лежало между правонарушением и преступлением¹⁰. Наказания за укрывательство дезертиров назначались сходными с наказаниями за укрывательство беглых крестьян и холопов. В этом вопросе также важно используемое сравнение со сходными практиками в Речи Посполитой и Шведском королевстве.

Последняя часть этой главы посвящена сыску и возврату дезертиров. А. С. Бочкарев отвечает на вопрос: кто был сыщиком? Ими были начальные люди, дворяне, дети боярские и новокрещены, назначенные местными властями. В годы войн наблюдался дефицит кадров для розыска. Среди практикуемых мер А. С. Бочкарев отмечает штрафы, налагавшиеся на семьи дезертиров и использование механизма поруки. Ученый рассматривает поручные записи и состав поручителей, а также состав и численность конвоев при возвратившихся дезертиров.

В заключительной части диссертации А. С. Бочкарев демонстрирует, что основные положения, вынесенные им на защиту. Важнейшим, как мне кажется, наблюдением ученого является то, что кейс олонецких полков указывает на потенциал социальных трансформаций в раннемодерном московском обществе. Само явление, которое рассматривается в диссертации как массовое (и проблемное) фиксируется только после 1654 г. — когда началась война с Речью Посполитой и, особенно, авантюры 1656–1657 гг. со Шведским королевством.

Позволю себе в также некоторые уточнения. На с. 25 А. С. Бочкарев пишет, что «власть осуществляли подьячие новгородских дьяков или дворецкого». Это неудачно и непонятно. Подьячие были в приказах/избах/столах, но не у дьяков или дворецких. На с. 39 ученый пишет: «...с окончанием Тридцатилетней войны

¹⁰ Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Пер. с англ. П. И. Прудовского при участии М. С. Меньшиковой, А. В. Воробьева, Е. А. Кирьяновой, Е. Г. Домниной; науч. ред. А. Б. Каменский. М., 2016.

Кремль укреплял всю линию границы со Швецией...». Ну, нет уверенности, что всю границу (к Северу от Ладожского озера ее протяженность была более тысячи верст); нет и уверенности, что «Кремль» (т. е. центральная власть) занималась этим укреплением.

Отмечу еще несколько важных вещей. При чтении всего текста диссертации обращает на себя внимание очевидный высокий уровень экспертизы А. С. Бочкарева в сфере исторической географии Карелии XVII в.: это дополнительный аргумент в пользу поддержки данного диссертационного исследования.

Результаты работы А. С. Бочкарева приводят, как мне думается, к весьма важным наблюдениям. Они отчасти выходят за рамки того, что формулирует сам диссертант. Однако его выводы наталкивают на мысль о том, что многие травматические особенности петровской эпохи кроются в приемах (и опыте) борьбы с дезертирами в XVII веке.

Павел Валерьевич Чеченков, к. и. н., Нижегородский государственный технический университет им. Р. Е. Алексева, оппонент:

Вопросы организации вооруженных сил, взаимодействия власти, общества и военных структур, влияния военных конфликтов на экономику и социум не только в последние десятилетия, но и на протяжении всего развития исторической науки находились в центре ее внимания. Особый интерес в этом плане вызывает история России XVII в. Во-первых, на ее примере мы можем наблюдать один из вариантов тех грандиозных трансформаций, которые происходили в данную эпоху в европейском военном деле. Этот вариант интересен с точки зрения особого пути развития государства на восточной окраине Европы, конфессионально и культурно отличавшегося от соседей. Во-вторых, само Российское государство переживало сложную переходную эпоху между Средневековьем и Новым временем. Не секрет, что традиционно началом модернизации в России считаются петровские реформы. При этом многочисленные перемены, происходившие с государством и обществом, сближавшие страну с остальной Европой в эпоху первых Романовых, остаются в тени грандиозных преобразований великого реформатора. В связи с этим исследование, предпринятое А. С. Бочкаревым, представляется актуальным и способным расширить наши представления о модернизационных процессах. В центре внимания диссертанта оказался региональный вариант полков «нового строя», создаваемых на западноевропейский манер. Во главу угла он поставил слабо изученную проблему дезертирства. Всесторонний ее анализ позволил выйти за рамки военно-организационных вопросов и рассмотреть проблему в широком контексте социального и экономического развития страны, а также в сопоставлении со сходным опытом Речи Посполитой и Швеции, в конфликтах с которыми и использовались олонечские полки, заинтересовавшие исследователя.

Диссертационная работа имеет продуманную внутреннюю логику, обоснованные территориальные (Олонецкий уезд и районы дислокации олонецких полков) и хронологические (период существования последних) рамки. В первой главе автор устанавливает «внешние параметры» явления: общую обстановку в регионе, динамику численности исследуемой группы населения и статистику дезертирства. Во второй главе он переходит к более сложным вопросам — выяснению предпосылок дезертирства, выделяя три фактора: экономический, социальный, военный. Третья глава посвящена тактике осуществления дезертирства и ответным мерам правительства. Данная структура вполне соответствует поставленным задачам. Она позволила диссертанту выдвинуть четыре положения для публичной защиты и, последовательно решив задачи, достигнуть цели исследования.

Историографически автор вписывает свою работу в два контекста. Во-первых, это немногочисленные отечественные и зарубежные исследования о дезертирстве как явлении в разных странах и разные эпохи. Из них лишь единицы имеют отношение к России XVII в. Во-вторых, более обширная категория публикаций, посвященных Карелии и олонецким полкам. Здесь наибольшее внимание А.С. Бочкарев уделил работам Д. В. Брусницыной. Это вполне логично, поскольку их исследовательские интересы наиболее близки друг другу. При этом автор убедительно показал отличия в подходах. Если Д. В. Брусницына изучала олонецких пашенных солдат и драгун с позиций истории крестьянства, то диссертант — под углом зрения военной истории. Соответственно, различаются и полученные результаты. Не обойдена вниманием работа финского исследователя Ю. Т. Лаппалайнена о схожих явлениях той же эпохи по другую сторону российско-шведской границы. Проведенный диссертантом анализ историографической ситуации ярко высветил новизну представленной работы.

Сделанные в диссертационном исследовании наблюдения опираются на объемную и достаточную источниковую базу. Ее основу составили неопубликованные материалы Российского государственного архива древних актов (13 единиц хранения) и Архива Санкт-Петербургского института истории РАН (43 единицы хранения). Следует отметить, что все это объемные дела приказного делопроизводства, написанные трудночитаемой скорописью XVII в., требующей от исследователя значительных временных затрат и специфических навыков для прочтения. Значительный объем привлеченных источников привел исследователя к необходимости объединить их несколько групп: законодательные акты, документы публично-правового характера, документы частноправового характера, судебно-следственная документация, приходно-расходная документация, массовые источники (под ними автор понимает переписи солдат), нарративные источники. Все они в совокупности позволили провести всестороннее объективное исследование заинтересовавших автора явлений, ввести в научный оборот новый источниковый материал.

Методологически автор основывается на сочетании институционального и антропологического подходов. В работе применены историко-генетический,

историко-сравнительный, историко-типологический, историко-статистический методы и метод комплексного анализа.

В первой главе прослежена история административно-территориальных преобразований, изменений системы управления и самоуправления Карелии, начиная с 70-х годов XV в. Формирование Олонецкого уезда, как показал автор, стало организационной основой создания олонецких солдатских и драгунских полков, набранных из черносошных крестьян. При этом А. С. Бочкарев обращает внимание на интересную проблему изменения социальной самоидентификации крестьян, которые в своих челобитных стали использовать формулы характерные для служилых людей. В реальности, как отмечает исследователь, пашенные солдаты и драгуны остались лишь внутрисословной группой. Их появление усугубило расслоение между крестьянами, а также способствовало радикализации протестных настроений в среде солдат. Анализ источников позволил диссертанту показать, что в основу военной организации была положена крестьянская общинная. Каждая волость формировала отдельную роту. В результате сослуживцы были изначально связаны тесными родственными или соседскими связями, что способствовало организации коллективных побегов со службы. Также в первой главе автором скрупулезно собраны данные о динамике численности олонецких солдат и драгун, о динамике распространения уклонения от службы и дезертирства. Они сопоставлены с ходом военных действий между Россией и Речью Посполитой, Россией и Швецией. При этом уточнены данные, приводимые Д. В. Брусницыной, и введены в оборот новые. Обогащают исследование и высвечивают специфику олонецких пашенных солдат сопоставления с комарицкими драгунами на южных рубежах Российского государства, а также с ситуацией в Восточной Финляндии.

Вторая глава диссертационного исследования, посвященная факторам дезертирства, представляет наибольший интерес. Здесь подробно разобраны основы военной логистики полков «нового строя» и ее проблемы, чему в историографии уделялось недостаточно внимания. Вопросы денежно-продовольственного снабжения вписаны в общий контекст правительственной политики. Это позволило А. С. Бочкареву выйти на уровень важных обобщений: «Финансовый кризис... скрывал под собой глубокие причины разрыва потребностей и возможностей царской казны: возросшие материальные затраты, связанные, во-первых, с массовым формированием полков “нового строя” и подготовкой к войне, а во-вторых, обеспечением армии на театре военных действий с весны 1654 года, российский бюджет осилить не мог... что, в свою очередь, положило начало волнам массового дезертирства по экономическим мотивам» (с. 131). При рассмотрении социальных предпосылок дезертирства проанализированы проблемы, интерес к которым характерен для антропологически ориентированных исторических исследований: злоупотребления представителей власти, коррупция, конфликты с начальством, отношения с иноземными начальными людьми, стратегии поведения «простого» человека и способы его воздействия на власть. В иерархии факторов влияния на третье место

поставлен военный. Это непосредственная угроза Олонцу со стороны шведов, которая в условиях истощения мобилизационного ресурса Олонецкого уезда, еще более провоцировала бегство личного состава. Автор установил, что большие безвозвратные потери, усиление мобилизационных мероприятий, сопровождавшееся произволом местных властей, привели к крушению крестьянских хозяйств, экономическому упадку уезда и полной дезорганизации олонечских полков.

В заключительной главе диссертант, проанализировав социальный состав руководства олонечских полков, пришел к выводу, согласно которому младший командный состав состоял из тех же крестьян, что и рядовая масса. В условиях, когда олонечские полки набирались по территориальному принципу, урядники меньшего чина являлись опасным и дезорганизующим элементом, выступавшим в качестве организаторов побегов. А. С. Бочкарев продемонстрировал приемы борьбы с дезертирством. В результате им было установлено, что при первичном рассмотрении система сыска и возврата беглых производит впечатление хорошо отлаженной розыскной службы, но в действительности она оказалась недостаточно эффективной и не смогла пресечь массовые побег. Расширяют представления об интересующем автора явлении приведенные им сведения о борьбе с дезертирством того же времени в Речи Посполитой и Швеции, в войнах против которых были задействованы олонечские пашенные крестьяне.

В заключении автор сформулировал основные выводы, которые соответствуют цели и задачам диссертационной работы, ее структуре и отражают новизну исследования. В итоге автор смог выйти на уровень серьезного обобщения важного для дальнейших исследований в данном направлении: расформирование олонечских полков «нового строя» «показало, что правительство осознало сложность и организационную неготовность создания регулярных формирований из податного населения в рамках существующей системы вооруженных сил» (с. 183).

Труд А. С. Бочкарева представляет собой самостоятельное завершённое исследование с четкой постановкой цели и задач, разнообразным применением современных методов исторического исследования, высокой степенью доказательности и обладающее теоретической значимостью.

Автореферат адекватно отражает содержание диссертации, основные положения изложены в семи статьях, из них четыре опубликованы в изданиях из перечня, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Ценность научных работ соискателя состоит в том, что они достаточно полно отражают проблематику диссертации и служат подтверждением ее апробации, которая представлена и в выступлениях диссертанта на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях.

Вместе с тем по содержанию работы может быть сделан ряд замечаний.

1. Актуализация размыта и не содержит обоснования выбора для исследования именно олонечских полков «нового строя». Читателю остается лишь

догадываться, существовали ли в это время другие схожие подразделения и отличались ли они чем-то от олонецких.

2. Цель сформулирована несколько упрощенно и, скорее, напоминает цель служебного расследования, а не научного исследования. Автор как бы не претендует на выход к более сложным вопросам, чем «причины и последствия бегства солдат и драгун», тем самым принижая значение проведенной им работы.

3. Соискатель дает обзор историографии проблемы дезертирства в России разных эпох и за рубежом в период раннего Нового времени, а также обзор работ по истории олонецких полков. Между тем представляется, что едва ли не в первую очередь следовало бы вписать диссертационное исследование в общий контекст работ, посвященных военной истории России XVII в. Современные работы О. А. Курбатова, А. В. Малова и некоторых других исследователей упомянуты лишь в той степени, в которой они затрагивают проблемы уклонения от службы. Однако их значение для данной проблематики все же шире.

4. А. С. Бочкарев постарался размежеваться с работами по той же тематике Д. В. Брусницыной, однако не указал, насколько совпадет источниковая база их исследований.

5. Первый и второй параграфы главы I не нашли своего отражения среди положений, выносимых на защиту, чем создается впечатление их второстепенного значения в диссертационном исследовании.

6. Диссертант отметил, что из олонецких крестьян набирали в солдаты и драгуны, но не пояснил, были ли какие-то различия в отборе к тому или иному виду службы, в их дальнейшей судьбе, поведении, склонности к дезертирству.

7. Административные преобразования в Карелии середины XVII в. автор называет реформой (с. 28), но не указывает ее программу, сроки реализации. При этом сам отмечает, что различные изменения шли еще с конца XV в. Добавим, что они происходили в это время во всем Российском государстве. Можно ли в таком случае говорить о реформе?

Высказанные замечания носят характер пожеланий и рекомендаций и не снижают общей положительной оценки работы. Диссертация в целом подготовлена на должном профессиональном уровне и свидетельствует о способности к самостоятельной работе и профессионализме соискателя. Работа Александра Сергеевича Бочкарева представляет собой научно-квалификационную работу, соответствующую требованиям пп. 9–11, 13, 14 Положения, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 г. № 842, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Александр Сергеевич Бочкарев заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.1. — Отечественная история.

Egorov E. V. The Russian Empire Meets Scandinavianism: Imperial Visions, Communication Channels, and Practices of Rule (1843–1864): Diss. ... Doctor of Philosophy in History. St. Petersburg: National Research University Higher School of Economics; Turin: University of Turin, 2023. 583 p.

Defended at the National Research University Higher School of Economics on October 30, 2023. Information at the web-page of the HSE Dissertation Council: <https://www.hse.ru/sci/diss/854555767> (20.12.2023).

[Text of the dissertation](#)

[Resume](#) (in Russian)

[Summary](#)

Mikhail G. Agapov, Doctor of History (=Doctor of Historical Sciences), Tyumen State University, the Dissertation Committee Member:

Evgenii Egorov's dissertation is devoted to an actual historical problem. The author focuses on Scandinavianism as a complex cultural phenomenon and multilevel political ideology that emerged in the 1840s, flourished in the 1850s — early 1860s and gradually lost influence after the defeat of Denmark in the Second War for Schleswig of 1864. Scandinavianism is considered in the study from the point of view of Russian imperial policy as a kind of challenge to the ideas of the Russian Empire about itself and the model of the European political system supported by it. Thus, the presented work is a complex problem-historical research carried out at the intersection of several topical thematic fields, the most important of which are global politics, Russian-Scandinavian relations, German, Finnish and Polish questions.

The aim of the study is to analyze the dynamics of government, public and private reactions to Scandinavianism in the Russian Empire and Finland in 1843–1864. The author demonstrates a comprehensive knowledge of historiography on the subject of the study, the main approaches to the study of various aspects of Scandinavianism and the discussions around it. The research is based on a wide and sufficient range of historical sources to achieve this goal. The author uses both already published and for the first time introduced into scientific circulation documents from the Russian central archives. The dissertation consists of an Introduction, six chapters and a Conclusion. The first chapter gives a general description of Scandinavianism and reveals its essential role in the tensions that were rising between Sweden and the Russian Empire around the Grand Duchy of Finland. The second chapter is devoted to the concept of *Norden* and its interpretations in the public sphere of the Scandinavian countries and Russia. The third chapter analyzes the position of the Russian diplomatic corps in relation to Scandinavianism within the framework of the Vienna system. The third chapter analyzes the influence of Scandinavianism on the development of Finnish national identity and the attempts of the Russian administration to take control of public opinion in Finland. The fourth chapter

examines the evolution of Scandinavianism in the European turbulences during that dramatic 1848 and the impact of revolutionary events on Russia's policy towards Finland. The fifth chapter analyzes the attempts of the Russian administration to oppose the Scandinavianism with Fennomania during the Crimean War and the postwar settlement. The sixth chapter reconstructs the views of the Russian establishment on Scandinavianism in the context of the aggravation of the Polish and Schleswig questions in the early 1860s. As a result, the author comes to the conclusion that the policy of non-interference in the affairs of the Scandinavian countries was regarded by the Russian imperial administration as more appropriate to imperial interests in comparison with the policy of intervention.

Thus, the author achieves his goal and gives exhaustive answers to the questions posed by him. An integrated approach and multilevel analysis, taking into account all the most important internal and external contexts of the events under study, are the undoubted advantage of the presented dissertation. Perhaps the author should have analyzed the conspiracy component of the Russian imperial ideology in more detail. As can be seen from the text of the dissertation, conspiracy theory in many cases was the main explanatory model for imperial officials. Conspiracy theory was the prism through which they looked at international politics. Closer attention to the conspiracy thought of the mid-19th century could successfully complement the study. However, this remark is of a debatable nature and in no way detracts from the above-mentioned undoubted advantages of the work under review.

Tatiana Yu. Borisova, PhD in History (=Candidate of Historical Sciences), PhD in Law, National Research University Higher School of Economics, the Dissertation Committee Member:

Mr. Egorov's dissertation is a wonderful historical exposition of the Russian Empire's interactions with Scandinavianism in turbulent decades 1843–1864. Its major research question is focused on change that occurred in imperial perceptions of Scandinavianism in the Russian Empire. The research approaches of the dissertation are novel and original in several aspects.

Firstly, in terms of historiography, Mr. Egorov situates his research in three fields of historical studies which communicate to each other insufficiently — the history of Russian Empire, national history of Finland, Russian diplomatic history. Simultaneously, the author doesn't mention as specific fields of his expertise many works on the history of Sweden, Norway, Denmark as well as conceptual works on the history of empires and nationalisms — all of them he uses efficiently for development of his own arguments.

Secondly, the scope of archival sources analyzed in the dissertation is very impressive. Along with published materials the dissertation relies on sources from eleven archives located in the Russian Federation, Finland, Denmark, and Sweden. In general sources and literature in eight languages — Danish, English, Finnish, French, German,

Norwegian, Swedish, and Russian were used in the dissertation which is absolutely fascinating in terms of both the scope of research ambition itself and its successful fulfillment.

Thirdly, in terms of methodology the dissertation considers Scandinavianism in the framework of imperial situation as a sort of a nationalist challenge to perceptions of various agents of Russian Empire. To demonstrate how the challenge of Scandinavianism was perceived in the imperial situation, which was not somewhat static, Mr. Egorov efficiently uses the conceptual framework of translation.

Altogether the dissertation makes a substantial contribution to a more nuanced understanding of how nationalism became a worldwide challenge to empires in general, and how Russian Empire, in particular, coped with this challenge in Finland before radicalization of its national movement in the late 19th — early 20th centuries.

My subsequent comments are not aimed to criticize research approaches of the dissertation or its conclusions, but directed towards encouraging Mr. Egorov to develop his dissertation into a monograph. By doing so he will make an important contribution to a better understanding of the public dimension of policy making in the Russian Empire before the Great reforms of 1860s–1870s. In this respect, I find particularly interesting and valuable Mr. Egorov's findings on the relations of Scandinavianism and multiple public spheres. One of the objectives of his research is focused exactly on 'tracing the reactions of the imperial multilingual public spheres to the dynamics of pan-Scandinavian project' (p. 12).

Although the author doesn't put to defense any conclusions directly connected to this objective, in the dissertation he clearly demonstrates that Scandinavianism was a product of a certain assumptions about 'public' in Northern Europe and the Russian Empire. Still, here are some questions which need to be clarified: Was there an understanding of 'imperial multilingual public spheres' in the Russian Empire in 1843–1864? If yes, in what terms they were perceived and who perceived them? How was the role of 'arising transnational epistemic communities' perceived in Northern Europe and in the Russian Empire? Can we really think of 'European public sphere' (p. 21) or 'Nordic public sphere' (p. 67)? In general, would it be useful to specify the categories used by actors or generalizations like that are more productive in the historical analysis?

These questions are inspired by recent scholarship on public sphere in Russia, which problematizes clear demarcation lines between 'public' and 'governmental' domains. This line of critical take on categories of historical analysis seems to be useful and I would like to hear what Mr. Egorov thinks about it.

To conclude, I commend Mr. Egorov for writing an ambitious and very well researched dissertation. The accomplishments of his work are stimulating for historians

beyond the field of the 19th century Russian Empire and thus should be transformed into a monograph in not too distant future.

Kristiina Kalleinen, Doctor of Social Sciences (=Valtiotieteiden tohtori), Helsinki, the Dissertation Committee Member:

The dissertation thesis' theme is highly relevant and also original in the sense that its focus is on Russia's relationship to Scandinavianism — a research theme that has not been studied before. Until now studies about Scandinavianism have not been based on materials of Russian archives, which is a notable shortcoming, and Egorov's dissertation thesis thus fills a significant gap in historical research. The best parts of the thesis are those that rely on primary sources from several Russian archives and thus increase our understanding about how imperial agents at various levels perceived the threat of pan-Scandinavianism and how this perception changed over time. The thesis also sheds new light on the perceptions of Finnish governors-general prince A. S. Menshikoff and F. W. R. Berg about Finland's political position and strategic importance in the context of the empire.

This has been a very ambitious research project since the researcher has had to try to learn in depth 19th century history of many countries: along with Russian history the history of Finland, Sweden and Denmark. Against that background it is understandable that not all details have been correctly understood.

Due to the broad subject matter of the thesis, also the amount of the source material is enormous — both the amount of archival material and research literature is overwhelming, especially the primary source material used is impressive! Still, I wonder why Osmo Jussila's *Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917* (2004), which is also translated into Russian¹, is not included in the bibliography and is not referred to in the thesis? Jussila, for example, comprehensively describes the argument between A. I. Arwidsson and I. Hwasser, which author of the thesis also mentions. One could also ask, however, if the Arwidsson-Hwasser controversy is relevant from the point of view of the thesis — to my mind it could be omitted as well.

There are some terms I'd like to discuss more thoroughly. Especially problematic I find the term *Finlandish*, which is used in the thesis to describe the political and administrative agencies of the grand duchy. The use of the term is explained and I can understand its connection to Russian language from which it stems, but since the text is in English, *Finlandish* seems improper. After all, the question was about Finnish administration (administration of the Grand Duchy of Finland), Finnish authorities (authorities of the Grand Duchy of Finland) etc. regardless of the language of these actors. Only in the case of gendarmes I accept and consider correct using the word *Finlandish*, i. e. *Finliandskoie zhandarm'skoe upravlenie* (*suomenmaalainen santarmihallinto* in Finnish).

¹ Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917 / Пер. с фин.: В. М. Авцинов, А. В. Анисимов, С. С. Беляев, И. Е. Налетова под ред. А. Ю. Румянцева. Хельсинки, 2009.

I have also some comments about the Gendarme Administration of Finland: I wonder why the author speaks of the *Third Section* instead of *Gendarme Administration* while discussing Finland? It is incorrect to write that ‘The headquarters of the Third Section in Finland were established in 1826’, because already when Finland became a part of the Russian Empire 1809 its territory was gradually integrated into the gendarme system of the Empire. First gendarme teams were established already in 1817, and only ten years later after the Third Section was founded in St. Petersburg Finland was included in the first gendarme district of the Empire together with St. Petersburg and some other northern governorates. The post of gendarme field officer in Finland existed since 1829 (Helsinki), and provincial units were founded in Turku (Åbo), Vyborg and Kuopio.

The main task of the gendarmes since 1836 was to control and monitor public order. The actual gendarme administration in Finland was established only after the Crimean War, when August Tobiesen became the first chief of the Gendarme Administration in Finland. All this and much more information concerning the Gendarme Administration of Finland is to be found in Marina Zagora’s publications². Hence, there was no office of the Third Section in Finland but *Finliandskoe žhandarmskoe upravlenie*.

Considering that the manuscript is extensive (over 500 pages) and includes several long narrative parts, the author should consider shortening the text, since slightly more concise and shorter manuscript would have preserved the main idea of the research clearer. As the saying goes, one must learn to ‘kill one’s darlings’ meaning that a researcher must learn to delete and thus make one’s own writings more concise.

The thesis as a whole is excellent and profound especially in its analysis of Russian foreign policy and policy strategies with regard to Scandinavianism and the security politics of the Baltic Sea.

² Загора М. Г. Жандармский контроль в Великом княжестве Финляндском в XIX в. // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2020. № 3. С. 40–43. URL: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/vyrgu/article/view/994> (20.12.2023); Она же. Великое княжество Финляндское при генерал-губернаторе Н. В. Адлерберге (1866–1881): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2021.

БИБЛИОГРАФИЯ
BIBLIOGRAPHY

НОРДИСТИКА В ПЕТРГУ: ИТОГИ ТРИДЦАТИЛЕТНЕЙ РАБОТЫ (1993–2023)

NORDIC STUDIES AT THE PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY: THE RESULTS OF THE 30-YEARS WORK (1993–2023)

В Петрозаводском университете уже много лет существует научная школа по изучению истории стран Северной Европы и, в первую очередь, истории Финляндии и российско-финляндских отношений, а также истории Карелии в контексте взаимосвязей России и Финляндии.

У истоков карельской (отечественной) финнистики стоял доктор исторических наук, профессор Иван Иванович Кяйвяряйнен (1912–1996), огромной заслугой которого было создание на историческом факультете в начале 1970-х гг. специализированной группы для углублённого изучения студентами истории стран Северной Европы, прежде всего Финляндии. Выпускники той, ещё официально непризнанной, но хорошо известной в республике «скандинавской группы» продолжили дело учителя. В условиях Петрозаводска (отсутствие специальной литературы и архивных источников) трудно было заниматься собственно скандинавскими исследованиями, тем не менее, тематика дипломных сочинений студентов-нордистов ПетрГУ всегда отличалась большим разнообразием, охватывая историю всех пяти североевропейских стран. Появляются диссертации по истории Швеции и российско-шведских отношений (Г. М. Коваленко, А. В. Толстикова), но приоритетом всегда оставались финские исследования, чему в немалой степени способствовали сильная языковая подготовка и хорошие контакты с университетами и научными учреждениями Финляндии.

Так была создана школа, научный потенциал которой позволил в начале 1990-х гг. открыть единственную на тот момент в университетах России специализацию по истории Скандинавских стран и Финляндии с отдельным ежегодным бюджетным приёмом в 12–15 человек. Были разработаны отдельный учебный план на пять лет обучения и целый ряд авторских лекционных курсов, не имеющих аналогов в других вузах. В качестве основной дисциплины студентам был предложен большой авторский курс «История стран Северной Европы от Эпохи викингов до современности», который читался начиная со второго курса на протяжении шести семестров в объёме 180 аудиторных часов. Студенты специализации также слушали лекции по этнографии народов Северной Европы, археологии Фенноскандии, истории скандинавской и финской литературы, разнообразные специальные курсы по отдельным проблемам истории, историографии, международных отношений, экономики и культуры региона.

Отсутствие современных учебных и методических пособий для данной специализации вызвало необходимость их подготовки. За тридцать лет нашими

преподавателями издано свыше 20 учебных пособий, отдельных лекций, программ курсов и учебно-методических материалов по читаемым дисциплинам. Большое внимание уделялось языковой подготовке студентов. С первого по четвёртый курсы они имели возможность изучать финский и шведский языки, причём в достаточно большом объёме, кроме того преподавались английский и, факультативно, норвежский и датский языки. Постоянной практикой было участие студентов в летних языковых курсах, проводящихся университетами Швеции и Финляндии.

Словом, учебный план специализации отличался тем, что стало актуальным для вузов России значительно позже – направленностью на комплексное, междисциплинарное изучение североевропейского региона.

Для обеспечения учебного процесса в рамках новой специализации и для проведения научной работы осенью 1992 г. при кафедре всеобщей истории ПетрГУ была создана *Лаборатория по проблемам Скандинавских стран и Финляндии*. Руководителем Лаборатории в 1992–1998 гг. был доктор исторических наук, профессор Лев Вальтерович Суни, с 1999 по 2023 гг. её возглавлял кандидат исторических наук доцент И. М. Соломещ. Сейчас Лабораторией руководит доцент Александр Владимирович Толстик. При помощи университетов Финляндии и Финского исторического общества на базе Лаборатории была создана уникальная библиотека по нордистике, которая постоянно пополнялась новейшей монографической исторической литературой и стала хорошей научной базой как для студентов, так и преподавателей.

Логическим продолжением развития уникальной специализации стало создание весной 2003 г. Кафедры истории стран Северной Европы, которой на протяжении десяти лет руководила доцент Ирина Рейевна Такала. Расширился ареал деятельности наших нордистов: курсы по истории и культуре стран Северной Европы оказались очень востребованными другими факультетами, а североевропейская специализация стала своего рода брендом университета. Велась подготовка аспирантов по истории Финляндии, Карелии, международных отношений на Севере Европы, в 2010 г. стартовала магистерская программа по нордистике. В 2000-е и начале 2010-х гг. на кафедре ежегодно обучалось 80–90 студентов (сначала специалитет, затем бакалавриат и магистратура), которые принимали активное участие в научной работе кафедры и Лаборатории.

Преподавательский состав Кафедры истории стран Северной Европы был небольшой — от 6 до 13 преподавателей в разные годы, включая совместителей, но это всегда был коллектив единомышленников очень увлечённых своим делом поскольку состоял в основном из выпускников специализации. Ежегодно преподавателями кафедры читалось от 38 до 45 различных лекционных курсов и спецкурсов по североевропейской тематике на пяти факультетах ПетрГУ. Важной

составляющей процесса обучения стала академическая мобильность преподавателей и студентов, успешно осуществлявшаяся на протяжении почти двадцати лет (1996–2014).

В целом за 30 лет официального существования программ по нордистике в университете было подготовлено не менее 250 историков, углублённо изучавших историю, культуру и языки стран Северной Европы. Полученные знания позволяют нашим выпускникам работать в самых разнообразных областях. Образование, наука, культура, СМИ, туризм, государственное и муниципальное управление, бизнес, международные организации, как в России, так и за рубежом — вот те сферы, в которых они успешно реализовались, благодаря своей широкой профессиональной подготовке и умению приобретать новые знания. Около 20 человек получили учёные степени.

Небольшой коллектив историков-нордистов ПетрГУ все эти годы вёл и большую исследовательскую работу. Вузовская наука всегда финансировалась по остаточному принципу, что, как и постоянно возрастающая учебная загруженность преподавателей, мало способствовало её развитию. Особенностью организации научной работы Лаборатории являлась возможность создания временных творческих коллективов с привлечением специалистов из других подразделений ПетрГУ, научных учреждений России и зарубежных стран. Значительная часть исследований проводилась за счёт разного рода грантов, участия в многочисленных международных научных и научно-образовательных проектах (партнёрами были учёные из России, Финляндии, Франции, Германии, Швеции, Великобритании, США, Японии). Результаты этой работы активно использовались в учебном процессе.

Все тридцать лет существования специализации длится реформа высшего образования в России, в результате которой фундаментальные принципы гумбольдтовского университета – академическая свобода и единство исследования и преподавания – во многом дезавуированы. Статус преподавателя в современном университете становится все более нестабильным, уязвимым и зависимым, зато укрепляется и численно множится университетское чиновничество, студент все больше превращается в покупателя, а университет — в супермаркет, с соответствующей логикой взаимоотношений между ними. Появление Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОСов) во многом свело на нет возможности построения индивидуальных траекторий образования и междисциплинарных подходов к обучению, а также чрезвычайно затруднило академическую мобильность студентов.

Многолетний опыт научно-образовательной деятельности во взаимодействии с другими факультетами и кафедрами, а также опыт участия в международных научно-образовательных проектах и программах в значительной степени облегчили для нас

переход на двухуровневую систему подготовки «бакалавр-магистр». Но с внедрением четырёхлетнего бакалавриата многие уникальные курсы специализации были потеряны, для них просто не осталось места в учебных планах. Пришлось сокращать и объем базовых дисциплин, уменьшать языковую подготовку студентов. Жёсткие требования ФГОСов, программы оптимизации и реструктуризации ПетрГУ заставили другие факультеты (теперь институты) отказаться от курсов по нордистике. Следствие – уменьшение нагрузки и потеря уникальных специалистов, молодых и перспективных кадров, для которых мест в университете просто не осталось. В 2013 г. Кафедра истории стран Северной Европы была ликвидирована, в последние годы специализацию вели три преподавателя — И. М. Соломещ, И. Р. Такала и А. В. Толстиков.

Направленность на североευропейские исследования оставалась приоритетной в программе стратегического развития ПетрГУ до 2022 г. Сейчас они сворачиваются по всей стране, что для Карелии (как и для Мурманска, Архангельска, Санкт-Петербурга) означает быструю гибель научных школ по нордистике, а для страны в целом утерю уникальных знаний о специфике развития северо-западных приграничных регионов. Выход России из Болонской системы образования в мае 2022 г. — это откат к исходным точкам реформы высшего образования, которая в последующие годы, надо полагать, будет происходить в условиях международной изоляции. Отказ от сотрудничества с университетами и научными центрами Европы и США возвращает нас в приснопамятное советское прошлое.

Для того, чтобы проделанная нами за 30 лет работа совсем уж не оказалась забытой, мы составили этот библиографический указатель основных трудов историков-нордистов ПетрГУ. Внести в него сотни статей, опубликованных за эти годы всеми нашими коллегами просто невозможно, поэтому в библиографии представлены учебные и главные научные издания, а также список материалов о нашей специализации, судьбу которой сегодня предсказать невозможно.

Библиографический указатель основных трудов историков-нордистов ПетрГУ (1993–2023)

Учебные издания

Программы курсов

Такала И. Р. Программа по истории стран Северной Европы. Часть I. Петрозаводск, 1995. 22 с.

Такала И. Р., Соломещ И. М., Килин Ю. М. Программа по истории стран Северной Европы. Петрозаводск, 1998. 30 с.;

Такала И. Р., Соломещ И. М. Программа по истории стран Северной Европы. Петрозаводск, 2003. 35 с.

Такала И. Р., Соломещ И. М. Программа по истории стран Северной Европы - 2-е изд., испр. и доп. - Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2008. 47 с.

Такала И. Р., Толстикова А. В., Соломещ И. М. История стран Северной Европы: программа курса и учебно-методические материалы - 3-е изд., испр. и доп. - Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 66 с.

(URL: <http://elibrary.karelia.ru/book.shtml?levelID=012&id=18020&cType=1>)

Мельников И. В. Основы археологии Фенноскандии. Учебная программа. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2008. 12 с.

Мельников И. В. Полевая археологическая практика на базе музея-заповедника «Кижы» (справочно-методические материалы для студентов). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009. 20 с.

Нестерова И. С. История культур стран Северной Европы. Программа курса и учебно-методические материалы. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 36 с.

Суни А. В., Осипов А. Ю. История Финляндии: программа курса лекций. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. 28 с.

Такала И. Р., Суни А. В. Финляндия в XVIII–XIX вв.: Становление нации. Программы спецкурсов. Петрозаводск: [Петрозаводский государственный университет], 2004. 16 с.

Учебные пособия и лекции

Вихавайнен Т. Период автономии в финской историографии: Лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006. 26 с.

Вихавайнен Т. Национальное освобождение или социальное восстание? Гражданская война 1918 г. в Финляндии и национальное самосознание: Лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009. 28 с.

Вихавайнен Т. Финляндская историография Зимней войны: Лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010. 18 с.

Вихавайнен Т. Финляндская историография финляндско-российских отношений 20 века: Лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012. 39 с.

Дубровская Е. Ю. Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2008. 125 с.

Суни Л. В. Великое княжество Финляндское. Первые шаги автономии: Лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2009. 67 с.

Суни Л. В. Великое княжество Финляндское. Население и экономика в первой половине XIX в.: Лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2011. 30 с.

Такала И.Р. Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006. 84 с.

Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба: Лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2010. 30 с.

Такала И. Р. Финляндская линия. Очерки истории национальной мысли Финляндии (вторая половина XVIII – первая половина XIX века). Учебное пособие. М.: Директ-Медиа, 2013. URL: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209296>.

Такала И. Р. Финский язык в России: история и судьба: Лекция. М.: Директ-Медиа, 2013. URL: <http://www.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=209297>.

Толстикова А. В. Архивы Швеции. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. 56 с.

Толстикова А. В. Северо-западная граница Новгородской земли и Московской Руси в XIV–XVI вв.: от Ореховецкого мира до Тявзинского. Электронный ресурс: учебное электронное издание: лекция. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2019. 25 с. URL: <https://elibrary.petrso.ru/books/31797>.

Научные издания

Монографии

Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб: Нестор-История, 2019. 352 с.

Дубровская Е. Ю. Многомерная радикализация: российские военнослужащие, национальные и социальные движения финляндцев в 1917 году. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2016. 65 с.

Сойни Е.Г. Финляндия в русском искусстве (1890-2010-е гг.). Петрозаводск: Издательство КарНЦ РАН, 2013. 172 с.

Суни Л. В. Великое княжество Финляндское (первая половина XIX в.). Становление автономии. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2013. 137 с.

Такала, И. Р. Финны в Карелии и в России: История возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Журнал «Нева», 2002. 171 с.

Golubev A., Takala I. The Search for a Socialist El Dorado: Finnish Immigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. East Lansing, MI: Michigan State University Press, 2014. 236 p.

Takala I. Taistelua ja kuolemaa: Neuvosto-Karjalan suomalaiset 1920–30-luvuilla. Helsinki: Karjalan Sivistysseura, 2021. 344 s.

Сборники статей

Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа / Russia and Northern Europe. Facets of cooperation: сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. И. Р. Такала, И. М. Соломещ. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2012. 381 с.

Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников. Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов / Сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Голубев. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. 192 с.

Устная история в Карелии: Сборник научных статей и источников. Вып. III. Финская оккупация Карелии (1941–1944 гг.) / Сост. и науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2007. 212 с.

Финляндия и Россия: образы общего прошлого / Finland and Russia: Images of the Shared Past: сб. науч. ст. / Сост. и науч. ред. И. Р. Такала, А. В. Толстикова. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2014. 359 с.

Golubev A., Rähkä A., Tolstikov A. (ed.). Language et frontière dans les rapports russo-scandinaves / Language and Border Between Scandinavia and Russia // Revue d'histoire nordique / Nordic Historical Review. 2015. № 19 (Special issue). P. 11-202.

Takala I., Solomeshch I. (ed.). North American Finns in Soviet Karelia in the 1930s. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Press, 2008. 270 p.

Материалы конференций

Восточная Финляндия и Российская Карелия: традиция и закон в жизни карел: материалы международного семинара историков, посвящённого 65-летию ПетрГУ / Сост.: А. М. Пашков, И. М. Соломещ. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2005. 251 с.

Карелия и Финляндия на пороге нового тысячелетия: Тезисы докл. междунар. симпозиума историков, 21–23 мая 1999 г. / Редкол.: И. М. Соломещ, Л. В. Суни, И. Р. Такала (отв. ред.) и др. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. 95 с.

Международные отношения на Севере Европы: традиции и современность: Междунар. науч.-практ. конф., посвящённая 60-летию Петрозав. гос. ун-та, Петрозаводск, 14–18 сент. 2000 г.: Тез. докл. / Отв. ред. И. М. Соломещ. Петрозаводск, 2000. 52 с.

Golubev A., Solomeshch I. (ed.). Regional Northern Identity: from Past to Future: international conference, September 12 - 14, 2006: programme and abstracts. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press, 2006. 84 p.

Проектные издания

В семье единой: Национальная политика партии большевиков и её осуществление на Северо-Западе России в 1920-1950-е годы / Под ред. Т. Вихавайнена и И. Такала. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1998. 290 с.

Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940 годы). Сыктывкар, 1996. 135 с.

Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1998. 175 с.

Encyclopedia of the Barents Region / edited by Mats-Olov Olsson (chief editor), Fredrick Backman, Alexey Golubev, Lars Olsson and Björn Norlin. Vol. 1: A–M. Oslo: PAX, 2016. 559 p.

Encyclopedia of the Barents Region / edited by Mats-Olov Olsson (chief editor), Fredrick Backman, Alexey Golubev, Lars Olsson and Björn Norlin. Vol. 2: N–Y. Oslo: PAX, 2016. 593 p.

Harpelle Ronald N., Lindström V., Pogorelskin A. (ed.). Karelian Exodus: Finnish Communities in North America and Soviet Karelia during the Depression Era. Toronto, 2004. 226 p. (Journal of Finnish Studies. 2004. Vol. 8, no. 1. Special issue).

Lähteenmäki M. (ed.). The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations. Helsinki: Aleksanteri Institute, 2007. 266 p.

Laine A. (toim.). Kansallisuus ja valtio: Karjala ja Komi nuoren Neuvostoliiton tasavaltoina 1920- ja 1930-luvuilla. Joensuu: Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1995. 197 s.

Laine A., Ylikangas M. (ed.). Rise and Fall of Soviet Karelia: people and power. Helsinki: Kikimora publications, 2002. 285 p.

Tarma H. (toim.). Aunuksen Repola. Joensuu: Repola-Seura r.y., 2001. 334 s.

The Barents Region: A transnational history of subarctic Northern Europe / Edited by Lars Elenius, Alexey Golubev, Maria Lähteenmäki and Hallvard Tjelmeland. Oslo: PAX, 2015. 518 p.

Vihavainen T., Takala I. (toim.). Yhtä suurta perhettä. Bolshevikkien kansallisuuspolitiikka Luoteis-Venäjällä 1920–1950-luvuilla. Helsinki: Kikumora publications, 2000. 328 s.

Переводы

Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф. Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг.: история и мемуары / Пер. с англ. А. Голубева. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. 346 с.

Йокиппи М. Финляндия на пути к войне / Сокращ. авториз. пер. Л. В. Суни. Петрозаводск: Карелия, 1999. 370 с.

Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа / Пер. с фин. Л. В. Суни. Петрозаводск: Б.и., 1998. 322 с.

Клинге М. Имперская Финляндия / Пер. с фин. И. Соломеща и др. СПб.: Коло, 2005. 614 с.

Клинге М. На чужбине и дома / Пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Коло, 2005. 302 с.

Невалайнен П. Изгон: российские беженцы в Финляндии (1917–1939) / Сокр. авториз. пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Журнал «Нева», 2003. 366 с.

Невалайнен П. Исход: финская эмиграция из России, 1917–1939 / Пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Коло, 2005. 446 с.

Петр Петрей. Достоверное и правдивое повествование о некоторых переменах, которые произошли в последние годы в Великом княжестве Московском... / Пер., публ. и коммент. Г.М. Коваленко и А.В. Толстикова; коммент. Я.Н. Рабиновича. Москва: Квадрига, 2023. 284 с.

Расила В. История Финляндии / В пер. и под ред. Л. В. Суни. Петрозаводск: ПГУ, 1996. 294 с.

Расила В. История Финляндии / Пер. с фин. и науч. ред. Л. В. Суни. 2-е изд., перераб. и доп. - Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2006. 358 с.

Рентола К. Сталин и судьба Финляндии / Пер. с фин. яз. А.В. Толстикова. М.: Весь Мир, 2020. 240 с.

Сто замечательных финнов: калейдоскоп биографий / Под ред. Т. Вихавайнена; пер. с фин. И. Соломеща. Хельсинки: Обществово Финской Литературы, 2004. 814 с.

Суомела Ю. Зарубежная Россия: Идеино-политические взгляды русской эмиграции на страницах русской европейской прессы в 1918–1940 гг. / Авториз. пер. с фин. Л. В. Суни. СПб.: Коло, 2004. 352 с.

Материалы о специализации (в хронологическом порядке)

Такала И. Р. Курс лекций по истории стран Северной Европы в Петрозаводском государственном университете // XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. Москва; Петрозаводск, 1997. С.34-35.

Такала И. Р. Специализация по истории стран Северной Европы в ПетрГУ // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции, инновации. Тезисы докладов международной научно-методической конференции. Часть 1. Петрозаводск, 1999. С. 146–148.

Соломещ, И.М. Междисциплинарные регионоведческие программы в контексте общих курсов по истории стран Северной Европы // XIV конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии: Тез. докл. М.; Архангельск, 2001. С. 34.

Такала И. Р., Соломещ И. М. Великое княжество Финляндское в контексте сравнительного изучения и преподавания истории империй // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации. Материалы научно-методической конференции. Петрозаводск, 2003. Часть II. С. 99–100.

Соломещ, И. М. Нордистика – не только для историков (опыт преподавания на неисторических факультетах ПетрГУ) // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: материалы научно-методической конференции. Петрозаводск, 2005. С. 84–85.

Такала И. Р. Теория и практика Болонского процесса: о возможностях перехода к европейской системе переводных зачётных единиц (ECTS) на специализации ИФ ПетрГУ «История Финляндии и Скандинавских стран» // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: материалы научно-методической конференции. Петрозаводск, 2005. С. 94–95.

Такала И. Р. Участие Истфака ПетрГУ в международном проекте по созданию Российско-финляндского трансграничного университета (СВУ) // Глобализация и устойчивое развитие приполярного Севера: IX конференция по сотрудничеству приполярных университетов: материалы международной конференции. Петрозаводск, 2005. С. 67–69.

Такала И. Р. Кафедра истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета (2003–2005) // Вестник «Баренц-центра» МГПУ. Вып. 5. Мурманск, 2006. С. 125–130.

Соломещ, И. М. Нордистика как компонент магистерских программ по истории и международным отношениям // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: материалы научно-методической конференции Петрозаводск, 2007. Ч. 2. С. 119.

Суни А. В. Из опыта преподавания дисциплины «История Финляндии» студентам-филологам // Университеты в образовательном пространстве региона:

опыт, традиции и инновации: материалы научно-методической конференции. Петрозаводск, 2007. Ч. 2. С. 126–127.

Такала И. Р., Соломещ И. М. Дистанционный курс по истории стран Северной Европы // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: материалы научно-методической конференции. Петрозаводск, 2007. Ч. 2. С. 132–134.

Такала И. Р. Преподавание и изучение истории стран Северной Европы в Петрозаводском государственном университете // Северная Европа: Проблемы истории. Вып. 6. М., 2007. С. 359–370.

Такала И. Р. Академическая мобильность студентов: российская специфика (из опыта Кафедры истории стран Северной Европы ПетрГУ) // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: материалы научно-методической конференции. Петрозаводск, 2010. Часть II. С. 215–220.

Такала И. Р. Специализация по истории стран Северной Европы: итоги и перспективы // Грани сотрудничества: Россия и Северная Европа / Russia and Northern Europe. Facets of cooperation: Сборник научных статей. Петрозаводск, 2012. С. 21–38.

Такала И. Р., Соломещ И. М. Магистерская программа ПетрГУ «История стран Северной Европы»: опыт адаптации к реальности // Университеты в образовательном пространстве региона: опыт, традиции и инновации: сборник научных статей VI региональной научно-методической конференции. Петрозаводск, 2013. С. 152–156.

Такала И. О финских исследованиях в ПетрГУ // LiteraruS. 2014. № 1. С. 68–73.

Веригин С. Г., Соломещ И. М., Такала И. Р. Нордистика в Карелии: итоги и перспективы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 4 (58) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840001838-0-1>.

Takala, I. Petroskoin valtionyliopiston Euroopan Pohjoismaiden historian opintokokonaisuus: tuloksia ja näkymiä // Carelia. 2012. № 8. S. 60–67.

Takala I., Solomeshch I. Nordic Studies in Karelia: Results and Prospects // Baltic Rim Economies. 2017. № 3. P. 39

Такала И. Р. И. И. Кяйвярайнен (1912–1996) // Политическая история и историография. От античности до современности. Петрозаводск, 2000. Вып. III. С. 7–11.

Такала И. Р., Соломещ И. М. Памяти А. В. Суни // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Том 44, № 8, С. 120–122.

Яловицына С. Э. Памяти учителя – Суня Льва Вальтеровича (1932–2022) // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. Выпуск 7, 2022. URL: <https://nbsr.petrso.ru/journal/article.php?id=2401>.

Периодические издания

«Альманах северо-европейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review». Научный электронный ежегодник.

- Вып. 1. Петрозаводск, 2016: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=1181
Вып. 2. Петрозаводск, 2017: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=10950
Вып. 3. Петрозаводск, 2018: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=38290
Вып. 4. Петрозаводск, 2019: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=62730
Вып. 5. Петрозаводск, 2020: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=77490
Вып. 6. Петрозаводск, 2021: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=93610
Вып. 7. Петрозаводск, 2022: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=110530
Вып. 8. Петрозаводск, 2023: https://nbsr.petrso.ru/journal/content_list.php?id=126681

**Руководитель специализации по истории
стран Северной Европы с 1993 г.
И. Р. Такала**

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
ACADEMIC LIFE

**ЗИНАИДА ИВАНОВНА СТРОГАЛЬЩИКОВА
(К 75-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

ZINAIDA IVANOVNA STROGALSHCHIKOVA
(ON THE OCCASION OF THE 75TH BIRTHDAY)

З. И. Строгальщикова на заседании Совета представителей карелов, вепсов и финнов Республики Карелия при Главе Республики Карелия, Правительство РК, 28 февраля 2016 г. Фото: Н. Смирнов

Зинаида Ивановна родилась 7 ноября в дер. Сарозеро (*Sarjärvi*) Винницкого района Ленинградской области. Семья переезжала — сначала в рабочий поселок Игнатовское, затем в г. Лодейное Поле, где Зинаида Ивановна и окончила школу. Вспоминая о специфике языкового окружения, в интервью 2019 г. она рассказывала: *«В поселке [Игнатовское] я, играя с русскими детьми, научилась говорить по-русски. Помню, что в школе уже не было проблем с русским языком, но по-вепски никто не разговаривал»*¹.

С детства у нее проявился интерес к истории родного народа, но информация о вепсах практически отсутствовала. В 1965 г. вышла книга В. В. Пименова «Вепсы. Очерк этнической истории и генезиса культуры» — первое комплексное исследование, посвященное истории данной этнической группы до XVIII в. Несмотря на научный стиль и методологически насыщенное содержание,

¹ *Minvalejev S.* "Opiskelemme tai käytämme työssä vepsän keiltä" // *Carelia*. 2019. № 1. S. 47–48.

монография произвела впечатление на 17-летнюю девушку. В 1968 г. Зинаиде Ивановне удалось поступить на исторический факультет Ленинградского университета, где открылась кафедра этнографии.

После окончания ЛГУ в 1973 г. она поступила в аспирантуру Института этнографии АН СССР. С ходатайством о направлении в аспирантуру от Института языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (далее — ИЯЛИ) выступила Р. Ф. Никольская, она же и договорилась с В. В. Пименовым, что он станет ее научным руководителем (В. В. Пименов проработал в Институте с 1955 по 1966 гг.). Объектом исследования стало вепское традиционное жилище. Методологически работа сочетала общепринятый в этнологии сравнительный анализ и новый на тот период системно-структурный подход, разрабатываемый В. В. Пименовым. Комплексная методика предполагала привлечение статистических материалов и проведение обширных обследований. В 1976 г. Зинаида Ивановна окончила аспирантуру, а еще через два года защитила кандидатскую диссертацию на тему «Жилище вепсов (1900–1960 гг.). Опыт сравнительно-статистического анализа» (Етоева З. И.). После окончания аспирантуры в 1976 г. З. И. Строгальщикова была принята в сектор фольклора и этнографии ИЯЛИ. С ее приходом возобновились прерванные в 1965 г. исследования вепсов².

В начале 1980-х гг. она присоединяется к группе карельских этносоциологов — Е. И. Клементьеву, А. А. Кожанову. В этот период ей была разработана «обширная программа фронтального, демографического, этнографического и этносоциологического обследования вепского сельского населения» в Вологодской, Ленинградской области и в Республике Карелия³. Эта работа проводилась в два этапа — анализ статистики и подготовка выборки (на основе переписи населения 1979 г.) и собственно обследование. Именно по результатам этой работы, проведенной в 82 населенных пунктах и на основании около 780 анкет, был сделан вывод о том, что результаты переписи 1979 г. не отражали реальной численности вепсов Ленинградской и Вологодской областей. «Переписчикам сказали, что вепсов надо записать всех русскими по национальности, поскольку такой национальности как вепсы нет в списке национальностей (...). Основываясь на этих материалах, я начала писать докладные записки в разные органы власти», — рассказывала она в интервью 2019 г.⁴

Во второй половине 1980-х гг. началась этническая мобилизация карелов и вепсов. Одним из лидеров вепского сообщества стала З. И. Строгальщикова⁵.

² Винокурова И. Ю. Карелия в этносоциологических исследованиях // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: колл. монография / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. М., 2022. С. 328–329.

³ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. Петрозаводск, 2015. С. 51.

⁴ Minvalejev S. "Opiskelemme tai käytämme työssä vepsän keiltä". S. 47–48.

⁵ Винокурова И. Ю. Карелия в этносоциологических исследованиях. С. 330.

Приведу один из множества примеров умелого сочетания ею научных результатов, базирующихся на конкретных этносоциологических обследованиях, знаний в области законодательства, широких связей на разных уровнях и в разных сферах власти и общества и свойственного ей чувства своевременности при выборе стратегии и тактики в продвижении интересов вепсов. Итоги обследования 1980-х гг. широко использовались в резолюции, принятой участниками научно-практической конференции (с. Озера, 1987 г.), и в решениях межведомственного совещания «Вепсы: проблемы развития экономики и культуры в условиях перестройки» (1988 г.). По сути, они стали основой формирования идеологии вепского национального движения⁶. Подготовленный на основе материалов конференции 1987 г. сборник «Проблемы истории и культуры вепсов» (1989 г.), по мнению З. И. Строгальщиковой, сыграл «особую роль в информировании вепсов об историческом прошлом народа, его культуре, современном состоянии»⁷. На основании массовых этносоциологических исследований вепсов, проведенных З. И. Строгальщиковой в 1980-х гг., и благодаря широкому освещению в СМИ перед органами власти Российской Федерации был поставлен вопрос о восстановлении вепской письменности, изучении вепского языка в учебных учреждениях, о подготовке педагогических кадров для его преподавания в системе образования⁸. Е. И. Клементьев подметил психологическую перемену этого времени, которая «выразилась в смене понятия “непрестижная национальность” на утверждение “вепсом быть престижно”»⁹. Заслуга в этом во многом принадлежит Зинаиде Ивановне.

В этот период ее активные этносоциологические обследования все больше сочетаются с общественной деятельностью (с 1989 г. она возглавляет «Общество вепской культуры»), а позже — с работой в области законотворчества и представительства интересов вепского и карельского народа в региональных органах власти¹⁰.

⁶ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. С. 54.

⁷ Цит. по : Винокурова И. Ю. Карелия в этносоциологических исследованиях. С. 332.

⁸ Коллеги и соратницы Зинаиды Ивановны языковеды Н. Г. Зайцева, М. И. Муллонен в 1990 г. издали букварь, позже были подготовлены учебники по вепскому языку вплоть до 10 класса (автор Н. Г. Зайцева). Утвержденная в 1997 г. «Концепция развития финно-угорской школы Республики Карелия», под авторством Н. Г. Зайцевой, к сожалению, не получила необходимого нормативно-правового обеспечения (Вепсы: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2007. С. 18).

⁹ Клементьев Е. И. Этносоциология в Карелии. С. 75.

¹⁰ В 1990-е гг. Зинаида Ивановна избиралась депутатом Верховного Совета КАССР, а затем — Законодательного Собрания Республики Карелия, председателем комитета по государственному устройству, вопросам местного самоуправления и национальной политики.

В 1999 г. Зинаида Ивановна возвращается на должность старшего научного сотрудника в ИЯЛИ, не прекращая при этом общественную работу¹¹. В 2003 г. ей была подготовлена глава «Этнодемографические процессы» у вепсов для коллективной монографии «Прибалтийско-финские народы России» и послесловие к разделу «Вепсы». Эта книга вышла в рамках серийного издания «Народы и культуры», основанного в 1992 г. по инициативе Института этнологии и антропологии РАН.

В 2005 г. совместно с коллегами Зинаида Ивановна приступает к исследованию языкового состояния финно-угорских народов в рамках российско-финляндского проекта «О положении финно-угорских народов Российской Федерации» (2005–2008 гг.). Территориальный охват исследования был значителен: республики Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия; Ненецкий, Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий автономные округа, а также финно-угорское население сопредельных областей, в том числе вепсы Ленинградской области. Переписи 1989 и 2002 г. зафиксировали значительные потери знающих карельский и вепский языки в республике: у карелов — с 63,5 % до 48,1 %; у вепсов — с 55,1 % до 38,0 %. У вепсов Ленинградской области их доля снизилась намного меньше — с 82,5 % до 70 %. При этом жизнестойкость вепского языка не вызывала сомнения у 71 % опрошенных вепсов Карелии (в отличие от Ленинградской и Вологодской области, где доля «оптимистов» составила 35%)¹². В рамках проекта этнологом были подготовлены главы «Этнодемографические процессы у финно-угорских народов России: основные тенденции» и «Финно-угорские языки: современное состояние, использование в системе образования» для коллективной монографии «Финно-угорские народы; вчера, сегодня, завтра», вышедшей в 2008 г. в Сыктывкаре.

2000-е гг. ознаменовались выходом целого ряда сборников документов и материалов по этнополитике¹³. З. И. Строгальщикова являлась составителем двух из

¹¹ Председатель КРОО «Общество вепской культуры» (1989–2017 гг.); Председатель Комиссии Общественной Палаты РК по вопросам сохранения культурного и духовного наследия, развития культуры и искусства (с 2010 г.); член Координационного Совета «Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ» (с 2001 г.); член Совета коренных народов при полномочном Представителе Президента РФ в Северо-Западном федеральном округе; член Коллегии Министерства культуры РК; член Совета представителей карелов, вепсов и финнов РК при Главе РК; член Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов (2001–2003) и др.

¹² *Строгальщикова З. И.* Финно-угорские языки: современное состояние, использование в системе образования // Финно-угорские народы; вчера, сегодня, завтра. Сыктывкар, 2008. С. 153. Приложение. С. 254–255.

¹³ Карелы : модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов. Петрозаводск, 2005. 281 с.; Вепсы : модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2007. 336 с.; Ингерманландские финны : модели этнической мобилизации / Сост.: В. Н. Бирин, Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. Петрозаводск, 2006. 258 с.; Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду / Сост.:

них: «Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации» (2006 г.) и «Вепсы: модели этнической мобилизации» (2007 г.), а также ответственным редактором (совм. со С. Э. Яловицкой) сборника «Карельское национальное движение. Часть 3. Радикальное крыло (1990–1993)» (2018 г.). Поиск и систематизация обширных материалов СМИ, проектов законов, общественных и научных дискуссий по периоду «национального пробуждения» потребовала существенных усилий и знания этой работы «изнутри».

В 2008 г. вышел в свет историко-этнографический очерк «Вепсы», в 2014 г. научно-популярная книга «Вепсы. Очерки истории и культуры» — яркое издание, в котором в доступной форме рассказывается о происхождении и истории вепсского народа, о материальной и духовной культуре. Очерк содержит фольклорные материалы на вепском языке.

Спустя два года издается монография «Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера» (2016 г.). Это научное издание раскрывает историю небольшого народа в его взаимодействии с другими этническими группами, начиная от участия в формировании древнерусского государства и заканчивая современной этноязыковой ситуацией.

В рамках подготовки к 100-летию Республики Карелия вышла в свет коллективная монография «Народы Карелии: историко-этнографические очерки» (2019 г.). З. И. Строгальщикова подготовила главы «Весь и чужь в письменных источниках Средневековья», «Вепская письменность», «Языковые процессы», «Этнодемографические процессы», «Поселения. Жилище и хозяйственные постройки», «Вепская литература» (совм. с Н. В. Чикиной). При подготовке глав использовались различные источники: литературные, архивные, данные статистики и этносоциологических исследований. Привлечение исследований последних лет уточнили традиционные точки зрения на процесс этногенеза и ранней этнической истории вепсов, формирование их этнокультурных особенностей, на процессы демографического и языкового развития вепсов с XIX до начала XXI века.

Последние несколько лет Зинаида Ивановна работала над сборником «Культурное наследие вепсов», который вышел в 2023 г., в год ее юбилея. Этот сборник уникален публикуемыми новыми материалами по истории карельских и вепских поселений до периода так называемой политики ликвидации неперспективных деревень. Издание также символично с точки зрения научной биографии ученой, поскольку публикуемые материалы — часть наследия ее

Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск, 2009. 248 с.; Карельское национальное движение. Часть 2. Умеренное крыло / Сост.: Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Петрозаводск, 2012. 250 с.; Карельское национальное движение. Часть 3. Радикальное крыло (1990-1993) / Сост. Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов. Отв. ред. Строгальщикова З. И., Яловицкая С. Э. Петрозаводск, 2018. 242 с.

научного руководителя В. В. Пименова, с чтения очерка которого и укрепился интерес ученой к истории и культуре вепсов.

А. Машин в юбилейной статье 2008 г. назвал ее «самой известной вепсянкой в мире»¹⁴. Профессиональная и общественная деятельность Зинаиды Ивановны направлена на развитие национально-государственной политики и сохранение языкового, исторического и культурного наследия народов Республики Карелия. Сочетая научные изыскания с потребностями вепского сообщества, она добилась значимых успехов, особенно в период этнической мобилизации, сохраняя при этом верность науке и этнографии. В настоящее время З. И. Строгальщикова совместно с молодой коллегой Э. А. Джиошвили работает над подготовкой фотоальбома под рабочим названием «Коренные народы Карелии в фотографиях С. А. Макарьева и А. М. Линевского (1920–1930 гг.): фотографии, тексты и комментарии».

Ю. В. Литвин

Список научных публикаций З. И. Строгальщиковой¹⁵

1975

1. Об этнографическом изучении вепского жилища: к этнографии вопроса и постановке проблемы // Тезисы XVII науч. конф. гос. этногр. Музея Эстонской ССР 14–15. IV. 1975. — Тарту: [б. и.]. — С. 23–24.

1976

2. К статистической характеристике вепского жилища: по некоторым элементам интерьера // Некоторые проблемы этногенеза и этнической истории народов мира: Сб. науч. трудов. — Москва: [б. и.], 1976. — С. 44–63.

1977

3. К проблеме этнического своеобразия традиционного жилища вепсов, карелов и русских Межозерья // Советская этнография. — 1977. — № 1. — С. 85–93.

¹⁴ Машин А. Верность корням: [к 60-летию Зинаиды Ивановны Строгальщиковой] // Курьер Карелии. 2008. 6 нояб. С. 5.

¹⁵ Выражаю благодарность главному библиографу Научной библиотеки Карельского научного центра РАН Ларисе Роальдовне Гродницкой за подготовленную библиографию З. И. Строгальщиковой.

1978

4. Жилище вепсов (1900–1960 гг.) (Опыт сравнительно-статистического анализа). Автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. ист. наук. 07.00.07 — этнография. — Москва, 1978. — 22 с.

5. К статистической характеристике вепсского двора // Ежегодник этногр. музея. — Таллинн : Валгус, 1978. — Т. 31. — С. 190–211.

1979

6. К проблеме этнокультурной связи вепсов и южных карел (по материалам традиционного жилища) // Вопросы финно-угроведения : тезисы докладов на XVI Всесоюзной конференции финно-угроведов. — Сыктывкар : Коми фил. АН СССР, 1979. — Ч. 2. — С. 23.

1982

7. Вепсское традиционное жилище (этнические и региональные особенности) // Актуальные проблемы общественных наук : тезисы докладов Республиканской научно-практической конференции молодых ученых и специалистов. — Петрозаводск : КФАН СССР, 1982. — С. 72–74.

8. К проблеме этнической специфики в явлениях материальной культуры (по данным сравнительного анализа традиционного жилища вепсов, южных карел и русских Межозерья) // Актуальные вопросы изучения экономического и культурного развития Европейского Севера СССР : тезисы докладов. — Архангельск : [б. и.], 1982. — С. 84–85.

1983

9. Этнографический вопросник / Сектор фольклора и этнографии Института языка, литературы и истории КФ АН СССР ; сост. З. И. Строгальщикова. — Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1983. — 44 с.

1985

10. К методике изучения традиционного жилища (по материалам Межозерья) // Статистика в этнографии. — Москва : Наука, 1985. — С. 142–167.

11. Gegenwartige ethnokulture Situation bei Wepsen // Шестой междунар. Конгресс финно-угроведов. Сыктывкар, 24–30 июля 1985 г. : Тезисы. Этнографи. Археология. Антропология. Сыктывкар : Коми фил. АН СССР, 1985, Т. 4. — С. 67.

1986

12. Погребальная обрядность вепсов // Этнокультурные процессы в Карелии : Сборник статей. — Петрозаводск : Карельский филиал АН СССР, 1986. — С. 65–85.

13. Традиционное жилище Межозерья, 1900–1960 : опыт сравнительно-статистического анализа / Академия Наук СССР, Карельский филиал, Институт языка, литературы и истории ; под ред. В. В. Пименова. — Ленинград : Наука, 1986. — 108 с.

1988

14. Материалы по родильной обрядности вепсов // Обряды и верования народов Карелии. — Петрозаводск : КФАН СССР, 1988. — С. 95–106.

1989

15. Вепсы: расселение, история, проблемы этнического развития / В. В. Пименов, З. И. Строгальщикова // Проблемы истории и культуры вепсской народности. — Петрозаводск : КФАН СССР, 1989. — С. 4–26.

16. Об этнодемографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. — Петрозаводск : КФАН СССР, 1989. — С. 27–42.

1990

17. Вепсы: проблемы национального развития // Европейский Север: история и современность : тезисы докладов Всероссийской научной конференции. — Петрозаводск : КНЦ АН СССР, 1990. — С. 58–59.

1992

18. Языковая политика в Карелии и судьба коренных народов // Карелы. Финны: проблемы этнической истории : Сборник статей и докладов. — Москва : Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 1992. — С. 4–15. — (Материалы к серии «Народы и культуры»; Вып. 16).

1994

19. Vepsäläisten etnisen kehityksen ongelmista / V. Pimenov, Z. Strogalskova // Vepsäläiset tutuiksi. Kirjoituksia vepsäläisten kulttuurista. — Joensuu : Joensuun yliopiston monistuskeskus, 1994. — № 108. — S. 19–40.

1996

20. Проблемы формирования устойчивости финансово-экономической базы местного самоуправления // Государственное управление и местное самоуправление на Европейском Севере : исторический опыт и современность. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН : Законодательное Собрание РК, 1996. — С. 67–69.

2000

21. Вопросы языковой политики в Конституциях Республики Карелия // Республика Карелия : 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). — Петрозаводск : Периодика, 2000. — С. 161–167.

22. О некоторых аспектах национальной политики / З. Строгальщикова, Е. Клементьев // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов : Бюллетень. — 2000. — № 34. — С. 46–47.

2003

23. Этнодемографические процессы // Прибалтийско-финские народы России. — Москва : Наука, 2003. — С. 361–368.

24. Послесловие к разделу «Вепсы» // Прибалтийско-финские народы России. — Москва : Наука, 2003. — С. 462–467.

2004

25. Национальная политика в Карелии во время перемен : проблемы, особенности, решения // Петрозаводск — 300: Карелия в процессе перемен : Сборник научных статей по материалам международной научно – практической конференции. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2004. — С. 226–238.

26. Проблемы становления национального образования карелов и вепсов на современном этапе // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия : материалы

научно-практической конференции. — Петрозаводск : Периодика, 2004. — С. 41–47.

2005

27. Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские чтения : проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2005. — С. 270–288.

28. Эстафету подхватил Ханты-Мансийск // Финно-угорский вестник. — 2005. — № 1 (36). — С. 38.

29. Vepsä: maa, kansa, kulttuuri / Natalja Anhimova [ja muut] ; toim. Lasse Saressalo. — Tampere : Tampereen museot ; Helsinki : Suomalaisen kirjallisuuden seura, 2005. — 268 s. : kuv. ; 24 cm. — (Suomalaisen kirjallisuuden seuran toimituksia ; 1005) (Tampereen museoiden julkaisuja ; 81). — Kirjoitt. : S. 265. — Kirjall. : S. 248 – 264. — Paikannimihakem. : S. 266 – 268.

30. Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские чтения : проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. — Петрозаводск : ПетрГУ, 2005. — С. 270–288.

2006

31. Вепсы : этнодемографические процессы (прошлое и настоящее) // Современная наука о вепсах : достижения и перспективы (памяти Н. И. Богданова). — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2006. — С. 378–412.

32. Ингерманландские финны : модели этнической мобилизации : Сборник материалов и документов / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая [и др.] ; сост. : Е. И. Клементьев (рук.), З. И. Строгальщикова. — Петрозаводск : Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН [и др.], 2006. — 257 с.

33. Проблемы вепсов // Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов : Бюллетень. — 2006. — № 66. — С. 17–20.

34. Механизмы защиты прав коренных народов в системе ООН // Российский Север : траектория и перспективы социального развития / Под общей ред. Н. А. Волгина, В. Н. Пивненко. — Москва : Русайн, 2006. — С. 1067–1086.

2007

35. Вепсы : модели этнической мобилизации : Сборник материалов и документов / Российская академия наук, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН ; сост. : Е. И. Клементьев (рук.), А. А. Кожанов, З. И. Строгальщикова. — Петрозаводск : Ин-т яз., лит. и истории КарНЦ РАН : Центр по изучению межнац. отношений Ин-та этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2007. — 337 с.

36. Родной язык : право и российская действительность // Проблемы новейшей истории народов России : Сборник статей, посвященный 25-летию юбилею кафедры новейшей истории народов России Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева. — Саранск : Мордовский гос. ун-т им. Н. П. Огарева, 2007. — С. 145–158.

2008

37. Вепские переселенцы в Сибири / З. И. Строгальщикова, Н. Г. Зайцева // Историко-культурное наследие вепсов и роль музея в жизни местного сообщества : Сборник научных трудов по итогам международной конференции, посвященной 40-летию Шелтозерского вепского этнографического музея. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2008. — С. 48–60.

38. Вепсы : историко-этнографический очерк / З. И. Строгальщикова. — Петрозаводск : Периодика, 2008. — 270 с.

39. Вепсы Республики Карелия : правовой статус / Е. В. Богданова, З. И. Строгальщикова // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков. — Петрозаводск : [б. и.], 2008. — С. 7–23.

40. Вепсы : на пути к правовому статусу // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков. — Петрозаводск : [б. и.], 2008. — С. 23 – 49. — Библиогр. в подстроч. примеч.

41. Вепсы на рубеже XX – XXI веков : по данным официальной статистики и социологических исследований // Вепсы: на рубеже XX–XXI веков. — Петрозаводск : [б. и.], 2008. — С. 57–109.

42. Концепция прав национальных меньшинств и коренных народов в международном праве и ее имплементация в российском законодательстве // Международные нормы и законодательство Российской Федерации в области сохранения языка и культуры, традиционного образа жизни, природопользования

коренных народов : норма, теория, практика : материалы международного семинара. — Петрозаводск : VERSO, 2008. — С. 33–51.

43. Коренные малочисленные народы России в политике государства : формирование законодательства и его реализация в постсоветский период // Финно-угорский мир. — 2008. — № 1. — С. 48–63.

44. Финно-угорские языки: современное состояние, использование в системе образования // Финно-угорские народы; вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. А. К. Конюхов. — Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2008. — С. 140–155.

45. Этнодемографические процессы у финно-угорских народов России: основные тенденции // Финно-угорские народы; вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. А. К. Конюхов. — Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2008. — С. 20–44.

46. От патернализма к партнерству и обратно : реализация социально-экономических прав коренных малочисленных народов в постсоветской России // Социальные права и социальная политика в России : Сборник материалов конференции / Коллегиум Smolny: Журнал Смольного института свободных искусств и наук. — Санкт-Петербург : Издательство «Европейский дом», 2008. — С. 80–82.

2010

47. Вепсский праздник «Древо жизни» // Праздничные традиции и новации народов Карелии и сопредельных территорий: исследования, источники, историография. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2010. — С. 74–86.

48. Общество вепсской культуры // Мир коренных народов. Живая Арктика. — 2010. — № 24. — С. 72–74.

49. Роль общественных организаций в формировании современной этнонациональной политики в Республике Карелия // Карелия на этнокультурной и политической карте России : материалы научно-практической конференции, посвященной 90-летию РК. — Петрозаводск : Verso, 2010. — С. 173–188.

2011

50. В период «коренизации» // Вепсская литература : материалы и исследования. — Москва : Лит. Россия, 2011. — С. 30–33.

51. Вепская литература в меняющемся мире / А. И. Мишин, З. И. Строгальщикова // Вепсы и их культурное наследие: связь времен (памяти Р. П. Лони́на) : материалы первой межрегиональной краеведческой конференции "Лонинские чтения", с. Шелтозеро, 22 сентября 2010 г. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. — С. 38–79.

52. Европейская хартия о региональных языках или языках меньшинств и защита языков коренных малочисленных народов Российской Федерации // Реальность этноса: северное измерение : Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург : Астерион, 2011. — С. 43–50.

53. Информация о работе секции «Коренные малочисленные народы Севера, Сибири и Дальнего Востока: проблемы устойчивого развития в современном правовом поле и существующая практика» на IX Конгрессе этнографов и антропологов России (Петрозаводск, 4–8 июля 2011 г.) // Мир коренных народов. Живая Арктика. — 2011. — № 27. — С. 121–127.

54. Карельская региональная общественная организация «Общество вепской культуры» // Финно-угорский мир. — 2011. — № 1. — С. 78–81.

55. Современная система образования и концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока / З. И. Строгальщикова, Н. Г. Зайцева // IX Конгресс этнографов и антропологов России : тезисы докладов. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2011. — С. 239–240.

56. Этническая мобилизация прибалтийско-финских народов в Карелии: особенности и итоги // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. — 2011. — № 3 (116). — С. 17–24.

2012

57. Вопросы защиты языков коренных малочисленных народов Российской Федерации и Европейская хартия о региональных языках или языках меньшинств // Этнокультурное развитие национальных меньшинств на Северо-Западе России, в Северных странах и странах Балтии : материалы международного семинара. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2012. — С. 23–37.

58. Республика Карелия // Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России. — Москва : ИЭА РАН, 2012. — С. 136–149.

2013

59. Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств как важный механизм защиты языков коренных малочисленных народов России // Современное состояние и пути развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. — Москва : Совет Федерации, 2013. — С. 188–197.

60. Вепсы: региональные особенности этнодемографических процессов (1930–2010 годы) // Прибалтийско-финские языки, культуры и *genius loci* : конференция по малым прибалтийско-финским языкам и культурам. — Тарту : Тартуский университет, 2013. — С. 117–119.

61. Преподобный Александр Свирский по историческим и литературным источникам (к проблеме этничности в житийной литературе) // Православие в вепском крае : материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 450-летию основания Благовещенского Ионо-Япезерского мужского монастыря (г. Петрозаводск, 26 сентября 2012 года). — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2013. — С. 169–207.

2014

62. Вепская литература, история становления и развития // Финно-угорские народы Северо-Запада России: традиции и современность : Итоговый сборник выступлений участников межрегиональной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург : Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, 2014. — С. 9–14.

63. Вепсы. Очерки истории и культуры : научно-популярное издание / З. И. Строгальщикова ; под общ. ред. О. И. Коньковой и А. А. Сырова ; Российская академия наук, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Центр коренных народов Ленинградской области. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Inkeri», 2014. — 264 с.

64. Об особой роли преподобного Александра Свирского в истории русской православной церкви // Государство, общество, церковь в истории России XX века : материалы XIII Международной научной конференции. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2014. — Ч. 1. — С. 239–246.

65. Современное состояние вепсского языка и методы его развития и расширения сфер функционирования // Итоговый сборник выступлений участников межрегиональной научно-практической конференции «Финно-угорские народы Северо-Запада России: традиции и современность». — Санкт-Петербург : Комитет по местному самоуправлению, межнациональным и межконфессиональным отношениям Ленинградской области, 2014. — С. 20–28.

66. Финно-угорские языки и культуры в социокультурном ландшафте России : материалы V Всероссийской конференции финно-угроведов, Петрозаводск, 25–28 июня 2014 г. / Правительство Республики Карелия, Комитет финно-угроведов Российской Федерации, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН [и др.] ; редкол. : Н. Г. Зайцева (отв. ред.), И. И. Муллонен (отв. ред.) [и др.]. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2014. — 382 с.

67. Huväd kongressan ühtnikad, sizared da velle! [Электронный ресурс] // VI Всемирный Конгресс финно-угорских народов «Язык и народ» : Сборник материалов. — Будапешт : Венгерская национальная организация Всемирного конгресса финно-угорских народов, 2014. — С. 43–47.

68. О ходе подготовки Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации : содержание и итоги дискуссий // Этнічна, моўная і культурная разнастайнасць у сучасным грамадстве. Зборнік навуковых прац удзельнікаў Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі. — 2014. — С. 71–75.

2015

69. Традиционный образ жизни вепсов. — Научно-популярное издание. Петрозаводск : ООО Издательский дом «ПИН», 2015. — 31 с.

70. Вепсская литература: история становления и развития // Финно-угорские народы Северо-Запада России: традиции и современность : итоговый сборник выступлений участников Межрегиональной научно-практической конференции. — Санкт-Петербург : [б. и.], 2015. — С. 9–14.

71. Митрополит Макарий и прп. Александр Свирский: предназначение духовной дружбы // Этноконфессиональная история коренных народов Северо-Запада : Сборник материалов научно-практической конференции. — Санкт-Петербург, 2015. — С. 152–166.

72. Лицом к лицу с историей // Мир коренных народов. Живая Арктика. — 2015. — № 31. — С. 170–172.

73. History of Vepsian settlers to Siberia // Congressus Duodecimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Book of Abstracts. — 2015. — С. 167–168.

2016

74. Вепсы в этнокультурном пространстве Европейского Севера : [монография] / З. И. Строгальщикова ; науч. ред. И. И. Муллонен ; Карельский научный центр Российской академии наук, Институт языка, литературы и истории. — Петрозаводск : Periodika, 2016. — 200 с.

75. Вепсы Прионежья: особенности этнического развития // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Всероссийской научной конференции. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. — С. 245.

76. Геополитические факторы в формировании диаспор (Белорусь и Карелия) // Роль науки в решении проблем региона и страны: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Всероссийской научной конференции. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. — С. 296.

77. Концепция прав национальных меньшинств и коренных народов в международном праве и ее имплементация в Российском законодательстве // V Всемирный конгресс финно-угорских народов : Сборник докладов и документов. — Сыктывкар : Коми республиканская типография, 2016. — С. 96–110.

78. О вепском кантеле (по материалам А. О. Вяйсянена) // Вепсы, карелы и русские Карелии и сопредельных областей: исследования и материалы к комплексному описанию этносов. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. — С. 83–91.

79. Переселение из Беларуси в Карелию в контексте общих миграционных процессов // Белорусы в Карелии. Исследования и материалы. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2016. — С. 55–64.

80. Четверть века усилий на пути к возрождению: о деятельности Общества вепской культуры // Финно-угорские народы Северо-Запада России: традиции и современность : Сборник выступлений. — Санкт-Петербург : Издательско-полиграфический центр, СЗИУ РАНХиГС, 2016. — С. 53.

81. Этническая идентичность в самооценках вепсов // Реальность этноса. Роль образования, культуры и литературы в формировании Российской гражданской идентичности : Сборник статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Института народов

Севера Герценовского университета. — Санкт-Петербург : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. — С. 268–273.

2017

82. Роль данных статистики в контроле по реализации Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера // Мир коренных народов. Живая Арктика. — 2017. — № 34. — С. 54–55.

83. Потомки чуди и веси // Финноугория. Этнический комфорт. — 2017. — № 13. — С. 28–31.

2018

84. Карельское национальное движение : сборник материалов и документов / Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук», Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, Региональная общественная организация «Союз карельского народа» ; сост. : Е. И. Клементьев, А. А. Кожанов ; отв. ред. : З. И. Строгальщикова, С. Э. Яловицына. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2018.

85. Поселения и жилище вепсов на фоне севернорусской традиции // История и традиционная культура народов Карелии и сопредельных областей в свете новых источников, методов и подходов (памяти Р. Ф. Никольской) : [сборник статей]. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2018. — С. 140–158.

86. Что на уме, то и на языке : вепские пословицы и поговорки / Министерство национальной и региональной политики Республики Карелия, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук ; сост. О. Ю. Жукова ; [науч. ред. : Н. Г. Зайцева, З. И. Строгальщикова ; худож. С. П. Тервинская]. — Петрозаводск : Periodika, 2018. — 91, [3] с.

2019

87. Весь и чужь в письменных источниках Средневековья // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — С. 277–287.

88. Вепская письменность // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — С. 325–333.

89. Языковые процессы // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — С. 333–341.
90. Этнодемографические процессы // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — С. 342–356.
91. Поселения. Жилище и хозяйственные постройки // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — С. 369–375.
92. Вепская литература / З. И. Строгальщикова, Н. В. Чикина // Народы Карелии : историко-этнографические очерки. — Петрозаводск : Периодика, 2019. — С. 502–512.
93. Этнические процессы в Карелии в постсоветский период (особенности реализации этнонациональной политики) // Этнокультурные и этнополитические процессы в Карелии от средних веков до наших дней. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2019. — С. 273–302.
94. Особенное и общее в строительной традиции этнолокальных групп вепсов / З. И. Строгальщикова // Рябининские чтения – 2019 : материалы VIII конференции по изучению и актуализации традиционной культуры Русского Севера. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2019. — С. 260–263.

2020

95. Ольга Игоревна Конькова (07.12.1958 – 21.04.2020) / // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2020. — Т. 42, № 8. — С. 123.
96. Характеристика различных аспектов современной языковой ситуации у карелов / Яловицына С.Э., Строгальщикова З.И., Нагурная С.В. // Русский язык в образовательной среде многоязычной России. Москва : Федеральный институт развития образования, 2020. — С. 110–129.
97. «Записана речь, ей забвения нет» (из истории вепской и ижорской письменностей) // Всероссийская научная конференция с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово». Петрозаводск, 27–28 октября 2020 года. Петрозаводск : Петрозаводский государственный университет. 2020. — С. 165–170.
98. Опыт Карелии в организации преподавания карельского и вепского языков // Родные языки народов России в системе образования: современное состояние и перспективы развития. Сборник материалов Всероссийской научно-

практической конференции. — Белгород : Общество с ограниченной ответственностью «Константа», 2020. — С. 41–44.

2021

99. Вепский край: история и ее творцы : материалы второй (30 сентября 2014 г.) и третьей (29 сентября 2016 г.) межрегиональных краеведческих конференций "Лонинские чтения", с. Шелтозеро / научные редакторы: Е. И. Клементьев, З. И. Строгальщикова. — Петрозаводск : Verso, 2021. — 191, [1] с.

100. Вепские информационные ресурсы в социальных сетях : взгляд исследователя // Заповедники и национальные парки – научно-исследовательские лаборатории под открытым небом. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. редактор Н. В. Ильмаст. — Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2021. — С. 257–259.

2022

101. О деятельности Общества вепской культуры в формировании единой культурной среды в сети Интернет / З. И. Строгальщикова, Л. В. Чиркова // Электронная письменность народов Российской Федерации – 2021 & IWCLUL 2021 : материалы Международной научно-практической конференции, 23–24 сентября 2021 г., Сыктывкар / Коми республиканская академия государственной службы и управления (ГОУ ВО КРАГСИУ) ; отв.ред. А. Р. Эмексузян. — Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСИУ, 2022.

102. О материалах первой экспедиции М. И. Муллонен к вепсам (сентябрь 1961 г.) // Loodus – keskkond – kultuur soome-ugri võtmes. Keelest meeleni IX. Ajakava ja teesid. 2022. — С. 11–12.

2023

103. Культурное наследие вепсов (по материалам этнографических экспедиций под руководством В. В. Пименова) / Сост.: З. И. Строгальщикова, Т. С. Гузенкова. Петрозаводск : Periodika, 2023. 360 с.

Список литературы

Вепсы : модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. — Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2007. — 336 с.

Винокурова, И. Ю. Карелия в этносоциологических исследованиях / И. Ю. Винокурова // Советская этнография в истории государственного строительства и национальной политики: колл. монография / Отв. ред. М. Ю. Мартынова. — Москва : ИЭА РАН, 2022. — С. 293–340.

Клементьев, Е. И. Этносоциология в Карелии / Е. И. Клементьев. — Петрозаводск : Карельский научный центр, 2015. — 208 с.

Строгальщикова, З. И. Финно-угорские языки: современное состояние, использование в системе образования / З. И. Строгальщикова // Финно-угорские народы; вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. А. К. Конюхов. — Сыктывкар : ООО «Коми республиканская типография», 2008. — С. 140–155.

СОВЕТ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ ИНСТИТУТА ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ КАРНЦ РАН: НОВЫЕ ПОДХОДЫ, ФОРМЫ И ПРАКТИКИ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КАРЕЛИИ*

COUNCIL OF YOUNG SCIENTISTS OF INSTITUTE OF LINGUISTICS, LITERATURE AND HISTORY (KARELIAN RESEARCH CENTRE, RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES): NEW APPROACHES, FORMS AND PRACTICES FOR STUDYING THE HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE OF KARELIA

1–4 ноября 2023 года в Москве состоялся Академический форум молодых ученых стран Большой Евразии «Континент науки». Мероприятие проходило в рамках празднования 300-летия Российской академии наук. В Форуме приняли участие молодые ученые (до 40 лет включительно), занимающиеся фундаментальными и/или прикладными исследованиям, а также лидеры молодежной науки (руководители молодежных научных организаций и объединений). Форум был призван стать платформой по формированию единого общеконтинентального евразийского научного пространства среди талантливой академической молодежи стран Евразии. Мы, исследователи Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН (далее — ИЯЛИ, Институт) Сергей Минвалеев и Юлия Литвин, подготовили доклад для секции социогуманитарных наук «Сохраняя наследие», в рамках которого презентовали деятельность молодых ученых Института за последние пять лет. Мы решили поделиться материалами нашего доклада с читателями Альманаха.

Совет молодых ученых Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (далее — СМУ ИЯЛИ, Совет) после перерыва в 1990-е возобновил свою деятельность с 2010 г. В настоящее время в СМУ ИЯЛИ входят 13 аспирантов и молодых ученых.

Одним из центральных направлений деятельности Совета является объединение молодых ученых для работы по совместным (в том числе междисциплинарным) научным проектам, грантам и т. п., связанным с исследовательскими интересами ИЯЛИ КарНЦ РАН. В него входят изучение языков и культуры прибалтийско-финских народов в их взаимодействии с русской культурной традицией, а также реализация новых подходов в осмыслении культурного наследия Карелии. Регион имеет богатое историко-культурное и языковое наследие, и одновременно испытывает демографические и социально-экономические вызовы, связанные с оттоком населения, исчезновением деревень и как следствие уменьшением численности коренных народов Карелии (карелов, вепсов, локальных групп русских). В этой связи особую актуальность приобретает тема культурного наследия.

* Публикация выполнена в рамках госзадания Карельского научного центра РАН.

Члены СМУ ИЯЛИ, 2023 г. Слева направо: Ксения Богачева, Ольга Колоколова, Игорь Лиман, Эльвира Джиошвили, Сергей Минвалеев, Александра Чебаковская, Александр Бочкарев, Александр Кривоноженко (Фото Марии Дмитриевой)

Культурное наследие мы рассматриваем в широком плане, как совокупность материальных объектов и нематериальных ценностей, включая исторический опыт и традиции народов Карелии. Этот информационно-культурный феномен дает богатый материал для теоретических исследований. Изучение историко-культурного наследия имеет и практическое значение, связанное с востребованностью региональной этнокультурной информации, возросшим интересом к субарктическим территориям, туристическому потенциалу региона, особенно в связи с включением в 2021 г. петроглифов Белого моря и Онежского озера в состав объектов культурного наследия, охраняемых ЮНЕСКО¹.

Деятельность СМУ ИЯЛИ, связанную с исследованием и презентацией культурного наследия Карелии и сопредельных областей, можно условно разделить на несколько направлений: 1) междисциплинарные исследования, в том числе с привлечением методов из естественно-научных дисциплин; 2) вопросы изучения разных типов и динамики идентичности; 3) просветительская деятельность.

¹ Петроглифы Онежского озера и Белого моря включены в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/07/1407232> (11.10.2023).

Научные интересы молодых ученых ИЯЛИ гораздо шире обозначенных рамок, однако в представленном обзоре было решено остановиться на наиболее востребованных наукой и обществом видах и формах работы.

Междисциплинарные исследования

Междисциплинарные исследования занимают приоритетное место в системе гуманитарных и социальных наук. Они проводятся как внутри дисциплин гуманитарного профиля, так и среди исследователей других областей и институций. В рамках сотрудничества археологов и геологов осуществлена реконструкция технологий гончарного ремесла древней Карелии. Благодаря привлечению новейших аналитических методик из арсенала физико- и геохимических исследований удалось определить местные и привозные изделия из керамики, а также локализовать источники сырья для их производства. Комплексный подход открывает широкие перспективы для повышения качества и увеличения объема получаемой информации из археологического источника, что бесценно для углубления знаний о материальном наследии и культуре древнейших эпох. С результатами этого проекта можно познакомиться в книге археолога Ирины Сумманен².

В археологическом кабинете ИЯЛИ КарНЦ РАН, 2019 г. Археолог Ирина Сумманен вторая слева (Фото Юлии Литвин)

² Сумманен И. М. Керамика средневековой Карелии (по материалам археологических памятников X–XV вв.). Петрозаводск, 2019. 265 с.

Открытый корпус вепского и карельского языков, или ВепКар³ — большой развивающийся проект ИЯЛИ и Института прикладных математических исследований КарНЦ РАН.

О проекте ВепКар

Varžinaiskarielah da VepKar-korpussah näh, 2018

Что такое «корпус языка»

Корпус — это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов в электронной форме. Корпус включает в себя тексты и словари, хранящиеся в базе данных, и компьютерную программу, обеспечивающую поиск и обработку текстов.

ВепКар в цифрах

Корпус вепского и карельского языков был открыт 24 июля 2016. На данный момент в корпусе:

67 483 статьи о словах

5 464 текста на 52 диалектах

1 759 622 слова

ИСКАТЬ

в словаре в текстах

Главная страница ВепКара

ВепКар является современной платформой для работы со словарями, подкорпусами текстов и образцов речи на карельском и вепском языках. Кроме того, корпус — это перспективный источник и инструмент для изучения, развития и популяризации прибалтийско-финских языков Карелии. На базе корпуса создаются приложения для широкого круга пользователей. Например, аудио-карта прибалтийско-финских языков Карелии; словарь вепского и карельского языков для мобильных устройств «Šanahelmi»; мультимедийный словарь карельского языка «LiPaS», статьи которого, помимо грамматической информации, содержат мультимедийный контент. ВепКар имеет колоссальный потенциал в сохранении и популяризации нематериального наследия Карелии и сопредельных областей.

³ О проекте ВепКар // Открытый корпус вепского и карельского языков VepKar [электронный ресурс]. URL: <http://dictorpus.krc.karelia.ru/ru> (13.10.2023).

Изучение региональной и этнической идентичностей

Взаимовлияние прибалтийско-финской и русской культур, пограничное положение региона создает здесь уникальный историко-культурный ландшафт. В этой связи вопросы этнической, языковой и региональной идентичностей местных сообществ тесно связаны с тематикой наследия, как ее нематериальной составляющей, которая имеет символическое и смысловое значение для населения. Перечислим несколько проектов, реализуемых в этой сфере.

В 2020 г. ряд районов Карелии были отнесены к Арктической зоне Российской Федерации. На данный момент завершается работа над историко-социологическим исследованием «Традиции и новации в региональной идентичности жителей современных арктических районов Карелии» (2022–2023). Основная цель проекта — выявление ключевых маркеров идентичности через «арктическую оптику»⁴. Практическая часть связана с анализом отношений жителей и предпринимателей к «арктическим программам». Эта работа ведется в связке с властями региона.

В экспедиции по Арктическим территориям Карелии. Юлия Литвин на ферме мидий, пгт. Чула Лоухского р-на, 2022 г. (Фото Александра Кривоноженко)

⁴ См., например: *Джиошвили Э. А., Кривоноженко А. Ф., Литвин Ю. В., Яловицкая С. Э.* Историко-культурные традиции и идентичность жителей моногородов «Карельской Арктики»: Сегежа и Костомукша // *Вестник антропологии.* 2023. № 3. С. 7–25.

В 2021 г. завершился международный молодежный проект, поддержанный РФФИ и БРФИ «Механизмы сохранения языка и этнокультурной идентичности титульных этносов Карелии и Беларуси: молодежные инициативы» (2019–2021). Молодые исследовательницы из Минска и Петрозаводска изучили и сравнили формы и практики сохранения языка, предлагаемые молодежью, в том числе, в интернет-пространстве на территории Карелии и Беларуси⁵.

Карельские и белорусские партнеры проекта на встрече с карельскими активистами в Петрозаводске, 2019 г. (Источник фото: https://vk.com/mediacenter_periodika)

Исследование проходило с учетом различных исходных параметров двух регионов, таких как географическая дистанция, статус языка, форма государственного устройства.

Важное место занимают экспедиции к местам проживания коренного населения для понимания динамики идентичности, культурных и языковых практик. Например, в 2021 г. состоялась научная экспедиция в места компактного проживания карелов-людиков — локальной группе карелов, имеющей особую культуру. Цель экспедиции — сбор языкового материала, изучение традиционного и современного уклада жизни людиков, а также их этноязыковой идентичности. В 2019–2023 гг. проводилось комплексное исследование Беломорской Карелии и Кандалакшского района Мурманской области — зоны тесных контактов карелов и поморов. Языковеды, фольклористы и этнографы выезжали в малоисследованные области компактного проживания карельского и поморского населения для изучения

⁵ См., например: Литвин Ю. В., Кундозерова М. В., Литницкая С. В., Изергина Е. Н., Шевченко Я. С. Языковой выбор и идентичность карельской и белорусской молодежи (по данным опросов этнических лидеров). Научный диалог. 2020. № 10. С. 96–113.

современного состояния карельского языка, уклада жизни местных жителей, этнического самосознания и сбора фольклорных материалов.

Интервью с одним из двух оставшихся коренных жителей д. Керети Лоухского р-на, 2022 г. (Фото Алексея Конкка)

Итоги названных полевых выездов были использованы в научных докладах⁶ и публикациях⁷ молодых исследователей, а также широко представлены в социальных сетях — о научно-популярной деятельности СМУ ИЯЛИ и пойдет далее речь.

Просветительская деятельность

Просветительская деятельность имеет прикладной характер и направлена на информирование общественности о результатах работы Института. Сообщество «Молодые ученые ИЯЛИ»⁸ стало заметной площадкой в социальной сети ВКонтакте, где исследователи публикуют мини-отчеты об экспедициях, делятся

⁶ Например, совместное выступление Эльвиры Джошвили и Сергея Минвалеева на Рябининских чтениях 2023 г. с докладом «"Какие вы карелы? Вы поморы!": автостереотипы и восприятие друг друга в нарративах карелов и поморов», основанном на полевых материалах экспедиций 2021 и 2022 г.

⁷ См., например: *Dzbbioshvili E., Litvin, J. Analytical Coding of In-Depth Interviews for Studying the Identities of Karelian and Pomor Women // Integration Processes in the Russian and International Research Domain: Experience and Prospects. 2022. № 7(3). P. 55–61.*

⁸ Молодые ученые ИЯЛИ // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/youngresearchers_illh (13.10.2023).

впечатлениями о посещенных научных мероприятиях, делают тематические научно-популярные краеведческие статьи.

Много внимания уделяется интерактивным формам взаимодействия с аудиторией в ВК-сообществе. Так, в 2022 г. большой отклик у подписчиков вызвала серия онлайн-квизов «Полевые загадки». Находясь в комплексных экспедициях, исследователи делились новыми знаниями о быте, верованиях, языке и истории изучаемых сообществ в формате ежедневной интерактивной игры-квиза. Интерактивность квизов заключалась в постоянном общении с подписчиками в комментариях группы, где ученые приводили подсказки к загадкам, прислушивались к их просьбам осветить ту или иную сторону жизни поселений Карелии и Тверской области. По возвращении из поля молодые исследователи награждали наиболее активных и эрудированных подписчиков книгами Института и подарками, привезенными из мест экспедиций. Квиз вызвал живой интерес у подписчиков группы: записи с загадками набирали по 3–4 тыс. просмотров, вызывали бурное обсуждение в комментариях и набирали десятки лайков и репостов⁹.

Загадка в ВК-группе «Молодые ученые ИЯЛИ», связанная со стадиями приготовления традиционного карельского пива

⁹ См. подробнее о квизе: «Полевые загадки»: интерактивный онлайн-квиз из экспедиций ИЯЛИ к карелам и поморам // ВКонтакте [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/@youngresearchers_illh-polevye-zagadki-interaktivnyi-onlain-kviz-iz-ekspedicii-iyal (13.10.2023).

Проект Совета «Полевые загадки»: интерактивный онлайн-квиз из экспедиций ИЯЛИ к карелам и поморам» стал победителем Конкурса научных работ молодых ученых КарНЦ РАН 2022 г. в номинации «Лучшая научно-популярная работа».

Молодые ученые принимали участие и в других формах презентации практик, посвященных изучению культурного наследия Карелии, для широкой общественности. Одна из них — цикл лекций в Открытом университете Петрозаводского государственного университета, приуроченный к 100-летию Республики Карелия в 2020 г. Еще один формат — участие молодежи в издании визуальных материалов, например, календарей, связанных с локальной культурой и востребованных среди местного населения. Например, к Году карельских рун в 2021 г. было приурочено издание календаря «Runola», каждая страница которого посвящена персонажу из карельской мифологии. На 2022 г. был выпущен Календарь людиковских праздников; его особенностью стало двуязычие.

Сергей Минвалеев и Александра Родионова презентуют общественности Календарь людиковских праздников. (Источник фото: <https://vk.com/club79741361>)

Таким образом, представленные примеры деятельности СМУ ИЯЛИ неразрывно связаны с работой Института и изучением историко-культурного наследия Карелии и Северо-Запада России. Молодые ученые участвуют в фундаментальных и прикладных междисциплинарных исследованиях, анализируют *Альманах североевропейских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2023. Выпуск / Issue 8*

состояние и динамику разных типов идентичности в пограничном регионе, включая полевые исследования на территории Арктической зоны Республики Карелия. Заметна деятельность исследователей Института в презентации своих исследований для широкой аудитории, где приоритетом является интерактивное взаимодействие с населением через реальное и виртуальное общение. Перспективы видятся в сохранении преимущества исследовательской тематики Института и обогащения научного поля путем продолжения сравнительного исследования этноязыковых практик, осмысления исторического прошлого за счет изучения новых форматов и новаторского опыта, в том числе других регионов и стран.

Авторы благодарят членов СМУ ИЯЛИ и исследователей, в разное время входивших в состав Совета: Эльвиру Джиошвили, Александру Чебаковскую, Ирину Новак, Марию Кундозерову, Наталию Пеллинен, Александру Родионову, Ирину Сумманен и многих других, внесших вклад в изучение и популяризацию культурного наследия нашего региона.

**Ю. В. Литвин,
С. А. Минвалеев**

**О НОВОЙ ВЫСТАВКЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА
«КАЛЕВАЛАТАЛО» «МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК НА БОЛЬШОЙ ВОЙНЕ»**

ON A NEW EXHIBITION *LITTLE MAN AT THE BIG WAR* ORGANISED BY
THE ETHNOCULTURAL CENTRE *KALEVALATALO*

Создание музейной экспозиции в пос. Калевала стало завершающей частью проекта «Маленький человек на Большой войне». Проект реализовывался с 2020 г. на территории Калевальского района и Костомукшского городского округа. Он рассказывает о судьбах простых людей, испытавших на себе все тяготы Великой Отечественной войны. Ведущим партнером проекта выступил Карельский научный центр РАН.

Новая экспозиция открылась 7 октября 2023 г. в этнокультурном центре «КАЛЕВАЛАТАЛО». Целью создателей было отражение истории Великой Отечественной через рассказы, биографии и судьбы людей — уроженцев Калевальского района, ставших свидетелями войны или сохранивших в семейных архивах воспоминания о своих родных, её участниках. Выставка необычна тем, что во время экскурсии посетители видят и одновременно заслушивают небольшие мемуарные фрагменты, специально отобранные для показа четырех основных тем экспозиции: начало войны и эвакуация; военные действия на Ухтинском направлении; партизанское движение в калевальском крае; окончание войны и разминирование района.

Видео-воспоминания односельчан особенно трогательно воспринимаются местными жителями, так же, как и демонстрируемые предметы — свидетельства войны, найденные на оборонительных сооружениях близ Ухты (Калевалы). Многие

калевальцы при выходах в лес наталкивались на ржавую колючую проволоку военных лет, на специально закреплённые и вдавленные временем в стволы деревьев шесты для радиантенн, гильзы, осколки. Подобные артефакты представлены в экспозиции. Памятью о том времени являются и демонстрируемые на выставке архивные документы, такие, как партизанская присяга, пропагандистская листовка противника с обращением к партизанам, письма с фронта на карельском языке, страницы дневника медсестры, советские агитационные плакаты и др.

Важным сегментом экспозиции стал фольклорный материал, обнаруженный во фронтовых газетах Карельского фронта, а также в записях фольклора, собранных сотрудниками ИЯЛИ КарНЦ РАН от участников и очевидцев событий в военные и послевоенные годы. Знакомство с этими материалами, часто юмористического характера, позволяет понять, как в трудных условиях люди могли поддерживать высокий моральный дух. Вызывают интерес материалы новины «Новое Сампо», повествующей об участнике войны — уроженце края «юном Вяйне» — и написанной в калевальской метрике. Такое обращение к карельской эпической традиции, как и созвучие имени героя с именем легендарного персонажа эпоса «Калевала», по-видимому, должно было служить соединению этнической и гражданско-патриотической идентичностей жителей этой приграничной территории.

В целом, экскурсия по экспозиции, включающей в себя разнообразные документы и артефакты, ориентирована на разные аудитории: дети, молодежь, местные жители, туристы. Благодаря возможности выбора мультимедийных записей

траектории экскурсии могут отличаться. Подходит она и для самостоятельного просмотра. Экспозиция информационно насыщена, но формирует стимулы и к дальнейшему изучению темы, к поиску ответов на возникшие вопросы.

Авторы одного из недавних исследований¹, посвящённых изучению исторической памяти, отметили, что проговаривание исторической травмы может способствовать расколу общества. Поэтому советуют не использовать нарративные практики, а представлять историю через музейный предмет, оставляя на суд зрителя его трактовки. Соглашаясь с авторами, все же следует добавить, что, наряду с предметами, устные рассказы очевидцев являются уникальными свидетельствами событий военного времени и служат основой для наших собственных оценок и выводов.

Хочется надеяться на дальнейшую успешную работу экспозиции и ее пополнение новыми материалами, включая малоизвестные истории о калевальцах — участниках Великой Отечественной войны.

С. Э. Яловицына
Е. Ю. Дубровская

¹ Прошлое, которое не уходит: культурная травма, историческая память и идентичность / О. М. Михайленок, А. В. Митрофанова, О. А. Богатова и др./ Отв. ред. А. В. Митрофанова. М.: ФНИСЦ РАН, 2023. С. 13–14; 20–21.

«О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ»: СЕРИЯ ВЫСТАВОК О ДЕРЕВНЯХ И ПОСЕЛКАХ КАРЕЛИИ

ON TIME AND THE SELF: A SERIES OF EXHIBITIONS ON KARELIA'S VILLAGES

Одной из отправных точек проекта Карельского фонда развития общественной дипломатии «Карелия: точки притяжения» (руководитель Н. В. Лаврушина), реализованного в 2023 г. стало понимание того, что жители поселений и особенно молодежь, мало знают о недавней истории своих территорий и о людях, которые всего несколько десятилетий назад жили, работали, развивали свои деревни и районы.

Мероприятия проекта были нацелены на то, чтобы привлечь местных жителей, включая школьников, к работе по сбору информации о послевоенном прошлом своих поселений и созданию мобильных или стационарных выставок об истории и жителях своих деревень и поселков.

География проекта включила пять районов: Олонецкий национальный муниципальный район (Коверское и Видлицкое сельские поселения), Костомукшский городской округ (д. Вокнаволок), Питкярантский муниципальный район (п. Ляскеля), Медвежьегорский МР (с. Великая Губа), Лоухский МР (п. Чупа)

Мероприятия проекта показали заинтересованность и энтузиазм жителей избранных поселений в части сбора и обработки информации об истории второй половины XX века. Уже на этапе выбора тем для выставок возникали самые неожиданные предложения, в которых отразились уникальные особенности мест, где реализовывался проект. Они касались не только истории села или его отдельных предприятий, но и конкретных местечек и микрорайонов поселений. Безусловно, полезным стало и широкое взаимодействие школьников, краеведов, общественников, специалистов в создании выставок.

Например, в сборе и обработке информации об истории Чупинской Горелой пристани, которой уже больше 100 лет (построена в 1915 году), принимали участие учитель Чупинской средней школы Алла Ильинова, учащийся 10 класса Ярослав Ботнев, местный координатор проекта «Карелия: точки притяжения» Юлия Супруненко, председатель КРОО «Бассейновый совет Северо-Карельского побережья» Юрий Рыбаков, аналитик Института исследований культуры НИУ ВШЭ (г. Москва) Мария Фигура, профессор, директор Института исследований культуры НИУ ВШЭ Виталий Куренной, эксперт проекта «Карелия: точки притяжения» и заместитель директора ИЯЛИ КарНЦ РАН Светлана Яловицына.

Выставка, посвященная «Горелой пристани» в п. Чупа. Перед открытием. 2023 г.

Другой формой взаимодействия, наряду с выставками, стало проведение интервью с местными жителями, школьных и краеведческих конференций. В деревне Нурмолицы Олонецкого района и в посёлке Ляскеля Питкярантского, прошли местные краеведческие конференции. Учащиеся школы № 2 Костомукшского городского округа под руководством преподавателя и руководителя музея «История Земли Калевальской» Татьяны Добродеевой побывали в исследовательской экспедиции в деревне Вокнаволок, где собирали информацию о местных жителях, проводили интервью. Костомукшские школьники подготовили презентацию для жителей Вокнаволока по итогам их работы.

Афиша конференции в п. Ляскеля. 2023 г.

Собранные материалы легли в основу созданных в указанных местах выставок. В Вокнаволоке основной акцент был сделан на предприятиях деревни: бригада совхоза «Ухтинский», леспромхоз и химлесхоз. Фотографии из альбомов местных жителей, записанные воспоминания, привлеченные для проверки сведений архивные материалы, позволили в краткой и наглядной форме, на двух языках, представить роль этих организаций в развитии послевоенной деревни. Новые стационарные стенды дополнили ставшую уже брендовой для Вокнаволока информацию о развитии здесь традиций рунопения.

Один из стендов выставки в д. Вокнаволок. 2023 г.

Выставка на местности. Д. Вокнаволок. 2023 г.

Село Великая Губа в 2023 г. готовилось встречать 440-летний юбилей. Выбрать тему для представления ее истории было весьма затруднительно из-за разнообразия сюжетов. Церковь, дом-интернат, родовые усадьбы – каждый из этих объектов заслуживал отдельного внимания и глубокого исследования. Но создатели выставки решили опереться на материалы местных жителей собранные за последние годы в библиотеке села. Их оказалось довольно много, а усилиями работников библиотеки многие из них были систематизированы и описаны. В результате передвижная выставка получилась весьма разносторонняя и отразила топонимию поселения, функционирование основных предприятий, организаций и учреждений в послевоенный период, а также обратила внимание на уникальность этого края, где черпали вдохновение сказители, поэты и художники.

Великая Губа – территория контактов

Жизнь карельской деревни во второй половине XX века

Добраться до Великой Губы можно было различными видами транспорта: наземным, воздушным и водным. Дорога через Медвежьегорск была длинная, автотранспорт ходил редко. Гужевой транспорт использовался для доставки различных грузов на небольшие расстояния. Почта и книги доставлялись до села по воде.

«Летняя ночь. По нашему двору тихо бродят кони, парочкой передвигаясь, они изредка тревожат мою душу глухими звуками копыт. Стоит мне только увидеть коня, я тотчас вспоминаю своего дядю - Петрова Василия Ивановича. Очень надеюсь, что его помнят добрым словом и многие жители села, особенно старшее поколение. Ведь это он развозил свежий хлеб по магазинам, привозил бидоны с молоком и товары со складов, пахал частные огороды жителей.»

В 1971 г. открылись продуктовый, промтоварный и книжный магазины. Работала пекарня, кондитерских цех. Хлеб в Великой Губе до сих пор пекут в дровяной печи.

На селе всегда знали в лицо почтальона. В любую погоду с тяжелой сумкой женщины-почтальоны несли гражданам новости о стране и республике, весточки семьям о родных и близких.

Отделение Госбанка, 1957 г.

Коллектив отделения связи:
Верхний ряд: Лопаткина Е., Ключина Е., Колмачев П., Мишенина Г., Шваркунова А., Ласточкина О. Д., Анисимова В., Спящая Т., Иванова В.
Нижний ряд: Зайцев Е., Ларионова А., Пономарева А., Осипова М. К.

Стенды разработаны и изготовлены в рамках проекта "Карелия: точка притяжения. 2023 г."

Один из стендов выставки в с. Великая Губа. 2023 г.

В ходе работ по созданию выставок большую сложность представлял отбор материалов: тем, эпизодов, персон. Для местных жителей многие темы были весьма существенны, они с трудом отказывались от экспонирования некоторых материалов, которые не укладывались в общую концепцию или канву задуманного. Особенно трудно было выбирать персональные фотографии, поскольку значимых, талантливых и важных для деревни или поселка людей было довольно много. Вместе с тем, без взаимодействия с коренными жителями мест, без их полезных и интересных комментариев и суждений, образных ассоциаций, выбрать нужный материал было бы весьма затруднительно.

Участие жителей пилотных поселений в сборе информации о местной истории второй половины XX века, объединённые усилия учёных, общественников, учителей и школьников сделали, на наш взгляд, проект «Карелия: точки притяжения» весьма успешным и перспективным. Самыми яркими его результатами стали не только создание и установка выставок, которые повышают уровень знаний жителей о своей истории, становятся точками притяжения для туристов, но и то что подобная совместная деятельность мотивирует жителей разных поколений изучать свою историю и налаживает/укрепляет межпоколенческие связи на местах.

Н. В. Лаврушина
С. Э. Яловицына

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В. НА КОЛЬСКОМ СЕВЕРЕ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ОПТИКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ПРОБЛЕМАМ ИСТОРИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАПОЛЯРНОГО СООБЩЕСТВА*

MIGRATION PROCESSES OF THE FIRST THIRD OF THE TWENTIETH CENTURY IN THE KOLA NORTH IN THE RESEARCH OPTICS OF SPECIALISTS IN THE HISTORY AND ANTHROPOLOGY OF THE POLAR COMMUNITY

В 2022 г. в издательстве «Наука» увидела свет коллективная монография, авторы которой рассмотрели процессы формирования населения на Кольском полуострове в межвоенный период, когда, вплоть до образования в 1938 году Мурманской области, административный статус этой фронтальной территории был неустойчив¹.

Монография стала итогом исследовательского проекта «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность», проводившегося в 2018–2020 гг. и поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований (РФФИ).

История Мурманской области в XX столетии отмечена масштабными событиями: крупным промышленным и социальным строительством, научными открытиями и многими другими достижениями. Мурманская область, как и многие регионы Советского Союза, была охвачена строительством невиданного размаха, которое сопровождалось столь же значительными миграциями. Особого внимания требовал анализ социальных последствий неустойчивого административного статуса исследуемой территории в 1920–1930-е гг., до времени оформления границ новой административной единицы. В эти годы осуществлялось индустриальное развитие региона, которое сопровождалось интенсивным заселением, перемещением больших групп людей, формированием социальных общностей и установлением взаимоотношений между ними.

На материалах центральных и региональных архивов с привлечением устных и труднодоступных опубликованных источников рассмотрены существующая периодизация истории населения региона и миграционные процессы. Ставились задачи выявить практики мобильности, биографические траектории мигрантов и аборигенов как на территории Кольского полуострова, так и за его пределами, изучить динамику идентичности жителей арктической территории с учетом субъективных факторов, а также исторических, социально-культурных, административно-политических, экономических, институциональных изменений.

Сохраняют актуальность вопросы о способах дальнейшего исследования отдаленных арктических территорий, о необходимости привлечения советского опыта их освоения как площадки для создания новых населенных пунктов и мест

* Исследование выполнено в рамках темы государственного задания ЦГП КНЦ РАН № FMEZ-2022-0028.

¹ Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами; взгляд историков и антропологов / Под общ. редакцией О. В. Змеевой. М., 2022. 366 с.

постоянного проживания. Альтернативу составляет использование вахтового метода с участием временных рабочих и специалистов без нового капитального гражданского строительства. Во втором случае результатами социальной политики становится частичная консервация городов, постепенный отказ от постоянного населения в малых промышленных городах или в поселениях, неэффективных в экономическом смысле.

Проблемы сохранения, роста и омоложения постоянного населения в городах Заполярья по-прежнему остаются в кругу дискуссионных. Более того, социокультурный потенциал малых городов, накопленный в течение двадцатого столетия, сегодня значительно снизился. Существует глубокое противоречие между конфликтующими сторонами. Одной из них является северное сообщество с его объективной потребностью в сохранении социальной и экономической стабильности, ускорении темпов развития промышленности, городов и инфраструктуры. Другая сторона — агенты экономической деятельности, предлагающие приостановить систему формирования постоянного населения северных заполярных территорий, перевести ее на систему вахтовой работы. Противоречие усугубляется тем, что, во-первых, общественную потребность в сохранении личной, социальной и территориальной безопасности можно реализовать только с привлечением социальных институтов. Во-вторых, для поддержания современного качества жизни, сохранения научно-образовательного и культурного уровня северян необходимо использовать не только существующий в северных городах социальный капитал, но и привлекать молодых специалистов, стремиться к их укоренению, модернизировать инфраструктуру. Перечисленные условия не устраивают сторонников вахтового метода и перемещения населения заполярных территорий в более южные регионы. Тем временем интерес к развитию и дальнейшему освоению арктических территорий в мировом сообществе возрастает. Актуальность приобретает изучение социального, культурного, исторического и научного опыта освоения заполярных территорий.

Антропологи Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН (ЦГП КНЦ РАН) более двух десятилетий занимаются исследованием различных аспектов миграционных процессов и их взаимосвязей. Исследования имели комплексный характер и проводились, как правило, в городских поселениях Мурманской области. Все они были объединены предметной областью, которая связывала проблемы адаптации переселенцев различных периодов, оценкой социальных и исторических контекстов, взаимными представлениями принимающего населения и мигрантов. Объектом исследований выступали как приехавшие на Кольский Север советские граждане, так и мигранты постсоветского периода. Почти все наши исследования, отражавшие процессы адаптации и другие стороны жизни мигрантов в Заполярье, были связаны с изучением актуальной этнической ситуации.

Разработанная и апробированная сотрудниками ЦГП КНЦ РАН методика изучения адаптации этнических мигрантов в заполярном регионе показала и скрытые области межэтнического напряжения. Современное население Мурманской области во многом остается продуктом советской миграционной политики². Занимаясь изучением актуальных проблем и вопросов адаптации постсоветских мигрантов, мы пришли к выводу, что специфические характеристики заполярного сообщества, его этносоциальная структура и основы взаимоотношений между этническими группами были заложены в период интенсивной колонизации Кольского полуострова. А жители Кольского Севера в 2000-е годы демонстрировали советские надэтнические практики социального взаимодействия³.

Коллективом ЦГП КНЦ РАН были обозначены перспективы изучения исторического опыта досоветской и советской России в отношении миграционной политики и оформления этнокультурной среды. Авторы коллективной монографии остановились на временном отрезке между Первой и Второй мировыми войнами, а также на специфике укоренения населения Кольского полуострова в указанный период. Проблематика проекта обусловлена необходимостью переосмыслить исторические факты и процессы в русле интенсивно развивающегося в российской науке антропологического подхода.

Проект «Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: миграции, мобильность, идентичность» изначально планировался как межрегиональный. Изменчивый административный статус территории современной Мурманской области до 1938 г., подвижность границ в заключительный период Первой мировой войны и военной интервенции, изменение подчинения и статуса приграничных с территорией Карелии и Финляндии населенных пунктов определили потребность в исследовательской работе в архивах и библиотеках тех регионов, к которым в разные периоды относилась территория современной Мурманской области (часть Кольского полуострова относилась к Архангельской губернии, в 1920 г. отдельные ее волости были переданы Финляндии или включены в состав Карельской трудовой коммуны, в 1927 г. был образован Мурманский округ, который позднее вошел в состав Ленинградской области).

Работа проводилась исследовательским коллективом из трех регионов Северо-Запада России (Мурманской области, Республики Карелия и Архангельской области). В течение трехлетнего периода над проектом трудились главный научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН (г. Апатиты) доктор исторических наук И. А. Разумова, профессор ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет» (САФУ, г. Архангельск) доктор филологических наук Н. В. Дранникова, старший

² См., например: *Бусырева Е. В.* Судьбы финнов Мурманского региона: семейная история и культура: монография. Апатиты, 2019. 177 с.; *Сулейманова О. А.* Мигранты и вещи: опыт переезда и материально-бытовая адаптация городских семей Кольского Севера. М., 2021. 191 с.

³ *Змеева О. В.* «Новый дом» вдали от родины: этнические мигранты на Кольском Севере. Апатиты, 2011. 95 с.

научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН, г. Петрозаводск), кандидат исторических наук Е. Ю. Дубровская; старший научный сотрудник ЦГП КНЦ РАН (г. Апатиты) кандидат исторических наук О. В. Змеева. В осуществление проекта внесли значительный вклад научные сотрудники ЦГП КНЦ РАН (г. Апатиты) кандидаты исторических наук О. А. Бодрова и Е. В. Бусырева; специалист по экспозиционно-выставочной деятельности Мурманского областного краеведческого музея (МОКМ, г. Мурманск) кандидат исторических наук Е. А. Орехова; а также аспиранты ФИЦ КНЦ РАН (г. Апатиты) Я. Е. Богдан и В. В. Стрельников, аспирантка САФУ (г. Архангельск) Т. Н. Морозова.

Была проведена серия ретроспективных исследований социальной и географической мобильности населения Кольского полуострова, идентичности, социальной памяти, миграционного опыта и поведения северян в период распада Российской империи и становления нового государства — СССР, вплоть до начала Второй мировой войны. Работа осуществлялась с применением методов социально-антропологических наук, которые редко используются в классических исторических трудах. Исследования, выполненные в рамках историко-культурного, антропологического и системного подходов, базировались на сравнительно-историческом, проблемно-хронологическом, ретроспективном методах, которые были использованы преимущественно в рамках интерпретативной парадигмы.

Исследователям удалось систематизировать миграционный опыт пришлого населения в районах железнодорожного и промышленного строительства на Северо-Западе страны в период с 1914 по 1940 годы. А также выявить специфику перехода кольских саамов отдельных погостов, расположенных в бассейне оз. Имандра, от сезонных миграций к оседлости и постоянной занятости в 1920–1930-е годы. Выходу коллективной монографии, подготовленной пятью участниками проекта (О. В. Змеевой, И. А. Разумовой, О. А. Бодровой, Е. Ю. Дубровской, Е. А. Ореховой), предшествовала публикация научных статей сотрудников по итогам изучения избранной проблематики⁴. Как отметил

⁴ Разумова И. А. Идентификация общности «спецпереселенцы» сквозь призму мемуарных текстов // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10. № 2 (16). С. 5–20. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.5-20; Она же. Северный «миграционный текст» постсоветской России // Этнокультурные процессы на Кольском Севере. Сборник статей / Ред. В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты, 2004. С. 5–21; Она же. Семейный фактор интеграции исторической общности спецпереселенцев // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2018. Т. 9, № 7 (14). С. 14–28. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2018.7.14-28; Змеева О. В. Мурманская железная дорога: установление и трансформация социального порядка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 6 (183). С. 107–113. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.379; Она же. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915–1916 гг.) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 53–67. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.53-67; Она же. «Старый» — «новый» Мурманск: город и его жители // Антропология города / Отв. ред. Ю. П. Шабаев, И. Л. Жеребцов. Вып. 2. М., Сыктывкар, 2020. С. 51–80; Бодрова О. А. Традиционные промыслы, миграции и переход к оседлости коренного населения Кольского полуострова на примере истории саамской семьи К. Архипова //

К. Я. Коткин в рецензии на монографию, «историко-антропологический баланс соблюдается с точки зрения академического внимания к источникам и их переработки в соответствии с авторской структурой, а не только лишь голой хронологией и прямолинейной логикой причин / следствий». По словам рецензента, «каждый из авторов монографии в соответствующих главах показывает свою тему в сцепке с другими главами и вписывает ее в большую историю»⁵.

По результатам второго регионального конкурса «Книга года», организованного Мурманской областной научной библиотекой при поддержке Министерства культуры Мурманской области, монография стала лучшей книгой о Мурманской области в номинации «Страна «Мурманика». «Исследователи из Центра гуманитарных проблем Баренц-региона Кольского научного центра РАН, Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН и Мурманского областного краеведческого музея провели серьезную и многоплановую работу, показавшую с разных ракурсов жизнь региона в первые десятилетия XX века», — говорится в отзыве экспертов⁶.

Отдельные главы монографии посвящены колонистам Мурманского побережья, строителям Мурманской магистрали, представителям аборигенного саамского населения, ученым и геологам Хибин, спецпереселенцам. Показаны влияние трудовой миграции 1920-х–1930-х годов на межэтнические и межкультурные взаимодействия коренного, старожильского и пришлого

Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10. № 7 (17). С. 69–83. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.69-83; Бусырева Е. В. Судьбы раскулаченных немцев (на примере двух семей из Мурманской области) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10. № 7 (17). С. 83–93. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.7.83-93; Дранникова Н. В. «Нас везли целый месяц в телячьих вагонах»: воспоминания потомков спецпереселенцев в повествовательной традиции архангелогородцев // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 3 (180). С. 8–16; Дубровская Е. Ю. «Прежде» и «теперь»: перемены 1917 г. глазами строителей Мурманской железной дороги // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Т. 10, № 2 (16). С. 22–39. DOI: 10.25702/KSC.2307-5252.2019.10.2.22-39; Она же. Социально-экономическое пространство сооружения Мурманской железной дороги: строители магистрали и население прилегающих территорий в годы Первой мировой войны // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2020. Т. 11. № 1 (18). С. 24–42; Стрельников В. В. Мурманская область в предвоенный период (на примере города Кировска) // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарная серия. 2020. Т. 11. № 1 (18). С. 195–204. DOI: 10.37614/2307-5252.2020.1.18.014.

⁵ Коткин К. Я. Рецензия на книгу: Население Кольского полуострова между двумя мировыми войнами: взгляд историков и антропологов / под общ. ред. О. В. Змеевой. М., 2022. 366 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 104. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.859

⁶ Три лучшие книги Мурманской области принадлежат перу сотрудников Кольского научного центра. 2023 // ФИЦ Кольский научный центр РАН [Электронный ресурс] URL: <https://www.ksc.ru/press-sluzhba/novosti/obshchestvennaya-zhizn/tri-luchshie-knigi-murmanskoy-oblasti-prinadlezhat-peru-sotrudnikov-kolskogo-nauchnogo-tsentra/?ysclid=ln7xwo0k5b14549930> (10.12.2023); Ответственный редактор и автор главы в коллективной монографии заняла второе место в номинации «Экономические и гуманитарные науки» Конкурса молодых ученых КНЦ РАН (День российской науки в Кольском научном центре — отчет руководителя и награды ученым // Вестник Кольского научного центра РАН. 2023. № 1. С.45).

населения, динамика социальной идентификации, роль политических и культурных факторов в этих процессах.

Остановимся на основных результатах, изложенных в главе «От станционных поселков до промышленных городов: историко-этнографический профиль региона». Она посвящена изучению этносоциальных последствий реализации планов позднеимперского и раннесоветского железнодорожного строительства на Кольском полуострове.

Объединяющим исторические эпохи событием стало строительство Мурманской железной дороги, завершившееся в 1916 г. Введение в эксплуатацию железнодорожной линии было осуществлено при императоре Николае II, однако исправление, укрепление, поправление и переделывание объектов железнодорожного строительства, словом, завершение процесса продолжалось вплоть до начала Второй мировой войны. В этот двадцатипятилетний период на Кольском полуострове сохранялся стремительный рост численности населения.

Объектами исследования стали социальные и профессиональные группы населения Кольского полуострова, сыгравшие наиболее заметную роль на разных этапах модернизационных преобразований и в формировании историко-культурного профиля Кольского Севера: от строителей Мурманской железной дороги в Российской империи до исследователей-естествоиспытателей периода советской индустриализации.

Обстоятельства военного времени повлияли на формирование коллектива строителей магистрали. Он создавался как временная полиэтническая общность, состоявшая из разнообразных социальных и профессиональных групп. Автором выделены несколько этапов привлечения рабочих на стройку. Их закрепление на местах не имело существенных результатов. Прежде всего, это связано с особенностями природно-климатического характера в регионах строительства и значительными расстояниями между населенными пунктами в Карелии и на Кольском полуострове. Привлечение большого числа разнообразных этнических групп рабочих в районы строительства дороги привели к формированию своеобразной этносоциальной структуры.

На примере взаимодействия строителей дороги и представителей службы охраны продемонстрированы способы обеспечения социального порядка не только при помощи функционального распределения обязанностей и полномочий на основании соответствующих норм, но и благодаря правилам, установленным этническими традициями.

Железнодорожный поселок на станции Мурман, а также территория нового города оставались «конечным пунктом» Мурманской железной дороги до тех пор, пока не получили статус поселения городского типа с новым названием — Романов-на-Мурмане (Мурманск). Образ отличного от других поселений города современные северяне поддерживают при помощи обращения к его «уникальным» и «специфическим» поселенческим характеристикам. Рассмотрены исторические,

географические и природные обстоятельства, сформировавшие современный историко-этнографический профиль города. Показано районирование и «присвоение» городского пространства с учетом представлений значимых для Мурманска личностей — исследователей, краеведов, писателей.

Советский мир Заполярья открывался новым порядком, основанным на результатах многочисленных научных изысканий. В частности, геолого-минералогические исследования центральной части Кольского полуострова способствовали началу урбанизации Хибинского природного мира. Научно-популярные публикации известных исследователей рассматривались последующими поколениями прибывших ученых, а также новыми жителями в качестве этнографических и исторических источников. На примере экспедиционной работы академика А. Е. Ферсмана в Хибинах в 1920-е годы можно проследить процесс формирования исторического профиля региона. Одной из задач, неоднократно высказанных в научно-популярных текстах академика, было привлечение людей на Север в качестве постоянных жителей. В этом отношении книги Ферсмана имели реальные последствия⁷. Исследование показало, как появление новых этнических, социальных и профессиональных групп населения способствовало созданию образа Кольского Севера как «цивилизованного», «освоенного», «научно-преобразованного» региона. Презентация этого образа достигается в монографии и при помощи оригинального иллюстративного ряда, содержащего карты, фотографии, документы и зарисовки, которые относятся к исследуемому периоду.

Изучение роли добровольной и вынужденной миграции в северо-западных регионах страны в период между двумя мировыми войнами позволили переосмыслить периодизацию и событийность истории Кольского полуострова на основе современной гуманитарной парадигмы. Коллективная монография может быть адресована как специалистам — историкам и антропологам, так и широкому кругу читателей, интересующихся проблемами взаимодействия переселенцев с местным населением и другими категориями мигрантов и вопросами влияния трудовой миграции на межэтнические и межкультурные процессы на Русском Севере.

О. В. Змеева

⁷ Население Кольского полуострова... С. 238.

IN MEMORIAM

МЕЙМИ ОСКАРОВНА СЕВАНДЕР: «ЧЕЛОВЕК НА ВСЕ ВРЕМЕНА». ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ДОЧЕРИ

MAYME SEVANDER: 'ALL TIMES PERSON'. FROM THE DAUGHTER'S
MEMORIES

*Посвящается поколению моих родителей — североамериканских иммигрантов,
этнических финнов — их драматической судьбе и бескорыстному творческому созиданию*

Этот год особый в истории нашей семьи. 23 июля 2023 года исполнилось 100 лет со дня рождения моей мамы Мейми Оскаровны Севандер (Корган). Уже прошло двадцать лет с тех пор, как её нет с нами. Мы живём в другом, изменившемся мире, но память о ней всегда с нами, она жива и действенна. Особенно в этом году я как бы вновь и вновь проживаю «куски нашей жизни» в Карелии, где родились мы с братом в семье Милтона и Мейми Севандер. Я благодарна родителям за то, что в наследство от них получила хорошее здоровье, и счастлива, что память сохранила многое из той жизни. Счастлива и оттого, что в моём рассказе будет «звучать» мамин голос, ибо я могу рассказать, каким человеком была моя мама, опираясь на её книгу. Эту книгу о жизни своей семьи (*They took my father*)¹, написанную в соавторстве с американской журналисткой Лорри Хертцель в 1992 году, она называла Нашей Библией. Мне в помощь также воспоминания её студентов, друзей и коллег.

Сегодняшней молодёжи в Петрозаводске имя Мейми Севандер уже мало знакомо, хотя бывшие её ученики, студенты, коллеги, живущие в Карелии и за её пределами, в том числе за рубежом, уверена, вспомнят Мейми в этот день — День Её

¹ *Sevander M., Hertzge L. They Took My Father: A Story of Idealism and Betrayal. Duluth, 1992.*

столетия. Нет, я не ошиблась, именно так, просто по имени, звали её на факультете иностранных языков Карельского государственного педагогического института, ставшем её «детисцем». А те студенты, которым посчастливилось учиться языку у «самой Мейми», почти ласково называли её «наша Мейми». Мама была неформальна в общении с окружающими, оттого, вероятно, и студенты воспринимали её как сверстника, как товарища. Но, как отметила в своей статье, посвящённой 95-ой годовщине со дня рождения Мейми Оскаровны Надежда Крылова (сегодня преподаватель факультета), «в этом не было ни грамма панибратства или неуважения. В этом — восхищение, бесконечное уважение и любовь».

Мне, дочери Мейми, хотелось бы в этот юбилейный год напомнить тем, кто знал маму, и рассказать тем, кто никогда не слышал о ней, каким непростым был её путь к такому признанию.

Мейми — девочка с красным флагом на первомайской демонстрации в г. Дулуте, США, Юридический центр, начало 1930-х годов

Можно сказать, что мама была приёмной дочерью Карелии, поскольку она родилась вдалеке от неё, за океаном, в небольшом городке Брул, штат Висконсин, США. Детство проходило в городке Супериор, названном в честь «своего тёзки», озера Великого (*Lake Superior*), на берегу которого он раскинулся. Здесь, в самом центре города, располагалась редакция левой финноязычной газеты *Työmies*, в которой работал её отец Оскар Корган, покинувший европейский континент в 1907 году в возрасте 20 лет. Здесь же в этих краях он через несколько лет встретил свою будущую жену Катарину Алалаури, уроженку Финляндии. Мама была вторым ребёнком в семье Корганов, всего детей было четверо. Старший сын Лео скоропостижно умер от отёка легких в возрасте одиннадцати лет в 1929 году, когда Мейми было всего шесть. Смерть старшего любимого брата Мейми переживала тяжело и позже вспоминала, что их счастливой жизни внезапно пришёл конец. Жена Оскара, Катри, была сама не своя от свалившегося на семью горя. Она как бы затихла, стала грустной и всё чаще повторяла, что никогда не останется больше жить в Супериоре. Семья переезжает из штата в штат — сначала в Миннесоту, позже в Вирджинию, а потом в Нью-Йорк, ставший последним местом проживания семьи Корганов в США. Мейми и её младший брат Паули стали учиться в школе для афроамериканцев не только потому, что она располагалась ближе к дому, где они на тот момент жили в Гарлеме, но и потому, что родители хотели примером своей семьи показать, что они, коммунисты, были против сегрегации. Так Мейми стала единственной белой девочкой в классе, а Паули единственным белым мальчиком. В память о своей чернокожей подруге Стелле Бейкер мама назовёт меня ее именем в январе пятидесятого года, когда я появлюсь на свет в Петрозаводске.

В Нью-Йорке Оскар Корган стал последним руководителем Комитета технической помощи Карелии. Так называлось агентство по вербовке рабочей силы в этот регион СССР. Одно его отделение находилось в Нью-Йорке, второе в Торонто, в Канаде. Отец Мейми был убеждённым коммунистом и одним из идеологов движения эмиграции. Мама вспоминала, каким прекрасным оратором он был, как он умел воодушевлять людей, не давая при этом обещаний, которые было невозможно выполнить. Он разъяснял, что Советский Союз — молодое государство, что Карелия — необжитая часть его. Поехать туда было всё равно, что опять стать пионерами-переселенцами: строить дома, жить без электричества и работать много и тяжело, с утра до позднего вечера. Он рассказывал своим землякам о том, что зимой в Карелии холодно, так же холодно, как в Финляндии и Миннесоте, и что еды и одежды будет не хватать, пока жизнь не устроится. Люди слушали с интересом. Некоторые страшно скучали по Финляндии, и их привлекала идея переезда в Карелию, поближе к родной Финляндии. Были и такие, кто уже устал от американского капитализма и от того, что с иммигрантами, в том числе и с финнами, обходились, как с людьми второго сорта. Большинство было увлечено идеей создания справедливого государства, где власть принадлежит рабочим, где не

будет безработицы и эксплуатации, где все люди братья. Порой принятие решений об эмиграции ускорялось всё более ощутимой Великой депрессией.

В Петрозаводск мама попала девочкой в возрасте одиннадцати лет. Семья Корганов прибыла в Карелию 30 апреля 1934 года. Они были одними из последних представителей североамериканцев, приехавших Советскую Карелию с самыми благородными намерениями — оказать помощь в строительстве справедливого социалистического общества. Непосредственным вкладом семьи Корганов в это доброе дело был печатный станок, который они привезли с собой и передали в типографию Петрозаводска.

Паспортная фотография семьи Корганов, 1934 г.

Мейми, как и большинство детей из семей американских финнов, пошла в финскую школу, но уже осенью 1936 года резко приняла другое решение — поменять школу и продолжить обучение на русском языке. Брат с сестрой отправлялись с утра в финскую школу, а она — в русскую. Мейми понимала, что раз они переехали в эту страну, надо выучить русский язык, чтобы по-настоящему стать частью этой страны. Для её отца, самого прошедшего «языковые университеты», родным был шведский и финский (он родился в северной Швеции у самой границы с Финляндией). За годы жизни в Америке Оскар Корган овладел английским в такой степени, что читал на нём лекции. Он прекрасно понял свою дочь и поддержал её. Но это решение оказалось далеко не простым, новый язык давался ей с большим трудом. Она рассказывала, как она дрожала от страха, когда учительница русского

Альманах североамериканских и балтийских исследований / Nordic and Baltic Studies Review. 2023. Выпуск / Issue 8

языка возвращала ей первый диктант, в котором было красным исправлено 168 ошибок. А с каким усердием она к нему готовилась! В конце первой четверти в русской школе ей выставили оценки: все двойки кроме математики, музыки и физкультуры, где язык не играл большой роли.

Забегу немного вперёд. Уже летом 1941 года, за несколько недель до начала войны, Мейми получит новую работу (ей и до этого, естественно, приходилось много работать, но где придётся, чаще занимаясь физическим трудом), её взяли на должность машинистки в бюро новостей ТАСС. Можно лишь догадаться, как быстро она овладела языком и какого прогресса в этом достигла.

Когда Мейми было тринадцать лет, семью опять ждали большие перемены. Издательство *Kirja*, в котором Оскар Корган работал в Петрозаводске, перевело его в Ухту (ныне — Калевала), посёлок на севере республики, где широко использовался финский язык. Для Оскара и Катри, как и для их младших детей, эти перемены были к лучшему — чудесная природа, возможность рыбалки, свой огородик и, прежде всего, язык. Особенно радовалась Катри, для которой этот переезд был почти равен возвращению в Финляндию. И только Мейми была омрачена и не испытывала никакой радости. Она понимала, что учёба в русскоязычной школе будет прервана. Семья принимает решение оставить Мейми в Петрозаводске у своих друзей, чтобы она могла продолжить учёбу. Вот тогда и начинается по-настоящему взрослая жизнь этой американской девочки в Карелии.

Лето 1937 года выдалось по-настоящему тёплым и радостным — вся семья была вместе. Мейми провела все летние каникулы в Ухте, помогая с Айно матери на огороде, Паули рыбачил и даже ставил силки на зайца. Катри занималась заготовками на зиму — консервы, ягоды. И папа, любимый папа, всегда на работе, но всегда рядом. Северное лето промелькнуло быстро, опять школа, осенняя четверть, надо было расставаться с семьёй и ехать на учёбу. Начались будни вдали от семьи, связь с которой поддерживать было непросто. Лишь иногда, если случалось, что кто-то ехал из Ухты в Петрозаводск, родители передавали Мейми немного денег или по возможности продуктовые посылки. Вот и в тот октябрьский вечер она бежала к незнакомой женщине, которая только что вернулась из Ухты и искала Мейми. Она торопилась в надежде получить письмо, а, может быть, и деньги и даже немного продуктов. Но оказалось, что на сей раз её ждало только письмо. Его написала мама, и вот что в нём было. Позже младший брат Паули расскажет то же самое, он был тогда рядом.

«Они пришли ночью, их было двое. Один был нашим соседом по фамилии Киуру — добрый финн. В ночь на 4 ноября 1937 года они постучались в дверь, разбудив всю семью. Они сказали отцу, что он арестован и что ему надо последовать за ними. Они отказались отвечать на вопросы. Они оставили входную дверь открытой, и холодный ночной ветер задувал в переднюю. Айно в страхе прижалась к маме, а Паули стоял рядом с мамой, как маленький защитник»².

Наступившая зима была самой длинной и тёмной в жизни Мейми. Ей было всего четырнадцать лет, и она осталась за старшую в семье. Семья пыталась выяснить, что произошло с отцом, почему его забрали, когда он вернётся. Никто ничего не мог сказать. Никто не знал. И вдруг подобное стало происходить повсюду в Карелии: в Ухте, Кондопоге, Петрозаводске — повсюду забирали мужчин из её народа, «*My People*», как она называла североамериканских финнов, переселившихся в Советскую Карелию. Их судьбам она позже посвятит свои исследования.

Запросы об отце никакого положительного результата не давали. Скорее наоборот, вводили в заблуждение. В одном ответе значилось десять лет лишения свободы, в другом — пятнадцать. То же самое касалось местонахождения арестованного Оскара Коргана — то назывался Казахстан, то Дальний Восток.

Летом 1940 года Мейми собственноручно написала запрос об отце на имя председателя местного НКВД. На этот момент она уже начала работать секретарём исполнительного комитета Зарецкого района города Петрозаводска. Но вместо ответа она получила повестку из НКВД, надо было явиться туда в определённое время. Ей пришлось ждать, пока её примут в «сером доме». Ожидание казалось вечностью. Чекист по имени Михаил Иванович Баскаков вежливо представился и объяснил ей, что письмо это не оставило его равнодушным, а таких он получал огромное множество. Он пообещал по возможности вернуть конфискованные при аресте вещи, поддержал веру Мейми в невиновность отца и признался, что были совершены некоторые ошибки. Юной наивной Мейми казалось, что слова о совершенных ошибках могли означать, что и Оскара арестовали по ошибке, что он может скоро вернуться.

Однако ждать правдивых известий о судьбе Оскара пришлось очень долго. Первое свидетельство о смерти было выдано в 1956 году, где в качестве причины был указан рак желудка, а дата — 1940 год. Тогда у властей ещё не хватало мужества сказать, как было на самом деле. Пройдёт ещё почти четыре десятка лет, и Мейми

² Севандер М., Хертцель А. Они забрали у меня отца: Американские финны в сталинской России / Пер. с англ. С. Севандер, И. Рыженкова, предисл. Т. Моргана. Петрозаводск, 2010. С. 97.

получит новое свидетельство с указанием причины смерти отца — расстрел, а дата — январь 1938 года. Ещё через несколько лет станет известно и место расстрела — урочище Сандармох недалеко от Медвежьегорска. Оно было обнаружено усилиями историков Вениамина Иофе, Ирины Флиге и Юрия Дмитриева.

Мейми, Паули и Айно — дети Оскара Коргана, Сандармох, место расстрела их отца, 1998 год

Мне помнится, что приехавших в тридцатые годы в СССР североамериканцев даже в 50–60-е годы в Карелии всё ещё называли политическими иммигрантами. Это справедливо лишь отчасти. В современном мире люди эмигрируют по разным причинам, в том числе политическим, из-за войн, межнациональных конфликтов, политических репрессий и их тяжёлых последствий. На сегодняшнем языке это беженцы.

Североамериканцы, переселившиеся в Карелию (по последним данным историков их было около 6500 человек), такими беженцами определённо не были. Это была миграция, основанная на идеологических установках. Не все, но большая часть из них наивно, глубоко и искренне верили в идеалы коммунизма и, как отмечалось выше, сами мечтали стать непосредственными участниками в создании нового типа государства.

В первой трети XX века миграционные потоки шли из России на запад. Миграция североамериканцев шла в обратном направлении – с запада в Россию. Непредсказуемыми оказались и результаты этого движения. В новой стране этих людей ждали немислимые лишения и испытания, им пришлось стать частью трагической истории Карелии.

После пика Большого террора 1937-38 годов, охватившего Карелию, семьи финнов, арестованных мужчин и женщин, были изгнаны из городов и посёлков и отправлены в ссылку. Так, осиротевшая семья Корганов оказалась на окраине г. Кеми в местечке Латушки. Семья провела в ссылке год. Тринадцатилетний брат Паули работал в колхозе. Поначалу он ухаживал за лошадьми, а позже даже водил трактор. Мейми работала на сплаве леса. В её обязанности входило считать брёвна и определять, на что они были годны — на дрова или на целлюлозу. От постоянного недосыпа в тесном, перенаселённом бараке, от голода и холода не хватало порой сил, всё время хотелось спать. Однажды, не заметив как, она оказалась в бурлящем потоке реки. Ледяная вода обожгла и пробудила. Мейми спасли несколько сплавщиков, которые тут же бросились ей на помощь. В том ноябре, ровно через год после ареста отца, она дважды была близка к смерти. Второй раз — когда барак был поражён тифом и из тридцати трёх человек умерло пятнадцать. Мейми, заболев, три месяца находилась в больнице, где всё-таки выжила.

После возвращения из ссылки в Петрозаводск надо было продолжать учёбу, но теперь учиться можно было только по вечерам. Днём ждала работа, надо было зарабатывать хлеб насущный, чтобы не умереть с голода. Не так уж просто было устроиться на работу дочери врага народа. Но на жизненном пути Мейми встречались добрые люди, готовые пойти на риск ради таких, как она. Такими были Прасковья Васильевна Лобская — женщина-карелка, написавшая письмо в НКВД в защиту Оскара Коргана после его ареста, и Анна Степановна Лянгина-Гостева, которая взяла Мейми на работу на должность секретаря и библиотекаря в своей школе. До этого она же выхлопотала ей стипендию, чтобы Мейми смогла учиться в школе. Это были смелые женщины, им было что терять.

Мама вспоминала, что к концу 30-х годов Петрозаводск очень изменился. Особое внимание привлекало появление в городе военных — симпатичных молодых парней, одетых в военную форму. Среди них были русские, карелы и финны. Сообщение в газете «Правда» о том, что Финляндия напала на Советский Союз, вызвало настоящий шок. Школа, в которой училась Мейми, стала госпиталем. Война ощущалась не только по внешним признакам в городе, но и по огромным потерям. Израненных и окровавленных молодых парней привозили умирать в школу. Правду о войне полностью не расскажут и через 50 лет.

С началом Великой Отечественной войны опять наступило расставание с семьей. Теперь это была эвакуация. Мейми к тому времени уже получила повышение в должности в новостной редакции ТАСС и должна была эвакуироваться вместе с правительством республики сначала в Медвежьегорск, а потом, по мере наступления врага, ещё дальше на север, в Беломорск. Катри с младшими детьми отправлялась в сентябре 1941 года в эвакуацию на барже по Онежскому озеру и дальше на восток. К тому времени как баржа дошла до Волги, люди на борту стали умирать. Буксиры время от времени подтаскивали баржу к берегу, чтобы захоронить мёртвых. Паули, будучи к тому времени уже молодым и сильным подростком, копал могилы.

Пунктом назначения была Пермская (тогда — Молотовская) область, небольшой колхоз недалеко от местечка Платиново. Здесь нашлась добрая крестьянка, которая взяла всех жить к себе. Корганы, теперь втроём, занимались непростым крестьянским трудом — Катри и Айно доили коров, убирали коровник, стирали, а Паули работал на заготовке сена и управлял лошадиной упряжкой. Жили впроголодь. Всё, что производилось в колхозе, шло для фронта, для победы, и лишнего стакана молока себе позволить не могли.

С коллегами по ТАСС на служебной машине, конец сороковых годов. Онежская набережная, Петрозаводск

Несмотря на запрет продовольственных посылок в годы войны, Мейми выискивала возможность поделиться своим продовольственным пайком с близкими, которые были на грани голода. Всё, что ей удалось сэкономить из своего пайка, она готовила к отправке в Пермскую область. В Беломорске нашёлся офицер, который помог ей обойти строгие законы военного времени. И свершилось настоящее чудо — ящик, набитый мясными консервами, сахаром, конфетами и пачками чая нашёл адресатов в далёкой эвакуации. Правда, как вспоминали младшие брат и сестра, их мама очень испугалась. Получив посылку, она подумала, что Мейми по меньшей мере ограбила банк, чтобы снабдить их продуктами, да ещё и немного денег прислать.

Мейми и её брату Паули выпало ещё одно испытание военных лет в Советском Союзе — пребывание в трудовых лагерях. Мейми попала в УВСП-23 недалеко от Вологды, в котором, к счастью, ей пришлось провести недолгое время. Один важный штрих она подчеркнет позже в своих мемуарах: «Большинство заключённых в лагере совершили одно и то же «преступление» — мы были представителями этнических меньшинств: эстонцами, латышами, евреями, поляками, румынами, финнами»³.

Пребывание в лагере Мейми закончилось, когда выяснилось, что она уроженка США. Допрашивающий её в очередной раз офицер обвинил Мейми в том, что она не рассказала о своём происхождении. Американцы были уже союзниками, СССР не воевал с американцами. Мама смогла снова вернуться в Беломорск, в ТАСС. Её тепло встретили коллеги, она снова вернулась к работе — печатала на машинке, принимала по телетайпу и записывала сообщения военных корреспондентов. Здесь поздно вечером восьмого мая 1945 года она приняла сообщение не отключать оборудование и ждать чрезвычайных новостей. Так в ночь на девятое мая она приняла сообщение о том, что война окончена, фашисты сдались, наступил мир.

Брату Паули повезло меньше, он попал в Челябинский трудовой лагерь, который был одним из самых суровых по своему режиму. После всех перипетий военного времени он смог вернуться в Петрозаводск лишь к 1946 году. Это было уже после смерти Катри, так и не дождавшейся своего сына. Она умерла от дистрофии, вызванной хроническим голоданием. Уже позже Паули расскажет своим сёстрам, как он был близок к смерти, оказавшись в больнице Челябинского трудового лагеря в 1943 году, как его жизнь спасли военнопленные врачи-немцы. Они держали его в больнице, давали питательную еду и витамины, а лагерной охране говорили, что он непригоден к физической работе...

Мои родители, Милтон и Мейми, поженились в 1948 году, вновь обретя друг друга после военного лихолетья и всех трагических переживаний. Мама всё чаще

³ Там же.

подумывала посвятить себя журналистике, тем более что у неё был уже накоплен кое-какой опыт. Редакторы и сотрудники ТАСС в Москве нередко хвалили её. Но судьба распорядилась иначе: «множество тёмных пятен» в биографии мамы лишили её возможности продолжить карьеру на поприще журналистики. Так она оказалась в школе. За плечами были трудные годы учёбы: сначала вечерняя школа (после ареста отца надо было работать, чтобы выживать вместе с семьёй), потом учёба на английском отделении Учительского института и, наконец, диплом Ленинградского педагогического института, куда она вместе с тремя другими американскими подругами была принята на третий курс. По законам и правилам тех лет даже заочная учёба для таких, как мама, была делом небезопасным: в пятидесятые годы учёба и проживание «иностранцам», «американским финнам» в том числе, в Ленинграде было запрещено.

К тому времени, когда я в 1957 году пошла в школу, мама уже несколько лет проработала учителем английского языка в 22-й школе Петрозаводска. Своим первым ученикам она преподавала английский язык уже будучи дипломированным педагогом.

Уже тогда, будучи школьницей младших классов, я начала понимать, что мама настоящий педагог. Она учила английскому, но ученики и позже студенты учились у неё не только предмету. В том же 1957 году выпускался класс, где она была классным руководителем. Сколько любви, энергии и внимания было отдано этим юношам и девушкам. Даже моя детская память зацепила имена многих из них на всю жизнь. Я и тогда не переставала удивляться, как это мама всегда помнила своих учеников и студентов по имени, помнила семейную историю каждого из них. Неудивительно, что они тянулись к ней, помнили её всегда. Она давала им не только уроки английского языка, но и уроки доброты и любви к людям. Вероятно, по этой же причине к нашей семье притягивало многих людей, в том числе моих друзей и друзей моего брата. Внимания и любви мамы хватало на всех.

Уже в 22-й школе мама часто выступала в роли руководителя педагогической практики студентов педагогического института. Будущие учителя английского языка сначала посещали уроки молодых, но опытных учителей. Среди коллег мамы, учителей английского языка, в городских школах были и другие уроженки США. В школе №10 преподавала Лилиан Давыдовна Сало, а одна из подруг мамы ещё с американских времён, Хельви Вяйновна Финберг, стала её коллегой в моей школе. Студентки, проходившие здесь практику, сначала посещали уроки, расположившись на длинных скамейках вдоль стены (классы были большие, свободных мест за партами практически не было) и внимали учителям. Немногим студентам в то время дано было учиться у носителей языка. Потом студенты сами вставали на место

учителя, после чего был строгий, «по косточкам», разбор проведённого ими урока. Так завязывались первые профессиональные контакты с будущими ведущими учителями в школах Петрозаводска. Вскоре М. О. Севандер была назначена директором средней школы №25 в Зарецком районе г. Петрозаводска. Вероятно, организаторские способности молодой учительницы не остались незамеченными в отделе народного образования городского совета Петрозаводска.

С 1963 года и до ухода на пенсию в 1989 году жизнь мамы была связана с Карельским педагогическим институтом. В 1964 году она закончила годичную аспирантуру при Академии педагогических наук (Москва), а в 1970 она уже получила должность доцента. Здесь в полной мере раскрылись её профессиональный талант преподавателя английского языка и талант организатора, руководителя. В истории факультета иностранных языков мама около двадцати лет в разные периоды была его деканом. Я помню с детства, как она мечтала об открытии факультета иностранных языков, как целенаправленно вместе с ректором Петром Ивановичем Ихалайненем они работали, чтобы реализовать эту мечту. И наконец осенью 1965 года на базе отделений английского и немецкого языков при филологическом факультете рождается факультет иностранных языков (ФИЯ). Для бывшей студентки Ларисы Кияницы встреча с Мейми Оскаровна была судьбоносной в её жизни. Она выбрала ФИЯ, ещё будучи школьницей Медвежьегорской средней школы, куда Мейми приезжала в роли методиста и руководителя практики молодых учителей. В своей статье, посвящённой памяти учителя, она вспоминает, как «в один из осенних дней 1965 года в актовом зале, во время лекции по психологии, вошла Мейми Оскаровна и сообщила об официальном открытии факультета иностранных языков. Шквал аплодисментов долго разносился по зданию пединститута. Мы искренне радовались этому сообщению, как будто предчувствуя, какую роль оно сыграет в жизни каждого студента нашего города и республики».

Мама стала руководителем по-настоящему творческого коллектива преподавателей, она собрала вокруг себя коллег-единомышленников. Среди преподавателей того времени были и другие носители языка: М. К. Росси, М. В. Куусениemi, Х. А. Хюрскюлуото. Большая часть преподавательского состава были выпускники столичных вузов, настоящие профессионалы своего дела, люди с большим опытом преподавания языков: Л. Н. Базыкина, И. И. Савушкин, И. В. Сосновская, П. С. Черкасова, В. П. Мезенцева, Е. Д. Виноградова, М. Я. Шадерман, А. Ф. Гуляева, И. Н. Пешкова, В. П. Сырохвотова, преподаватели немецкого языка И. Р. Врублевская, А. П. Выходова, Э. И. Цыпкин, Т. Ю. Шубик,

В. В. Кошкин, И. М. Раутио, Т. В. Белоносова и другие. Было на чём расти и развиваться факультету.

Мейми с Диниом Ридом на сцене ФИЯ, 1974 год.

Узнав о том, что в местечке Косалма под Петрозаводском киностудия ГДР начала съёмки фильма с участием Дина Рида, Мейми Оскаровна, быстро сориентировавшись в ситуации, взяла такси и съездила на съёмочную площадку, чтобы пригласить американского барда выступить на ФИЯ

Факультет жил своей жизнью, заряжался новой энергией, пополнялся молодым поколением преподавателей, новыми талантами. С самых первых лет ФИЯ стал известен качественной подготовкой настоящих специалистов. В период обучения на ФИЯ многие студенты, сталкиваясь со своими молодыми коллегами столичных вузов, вызвали удивление последних: «Так просто не может быть, чтобы в каком-то провинциальном вузе.... учили лучше, чем в институте Мориса Тореза». (Московский институт иностранных языков). За этой оценкой огромный труд преподавателей факультета иностранных языков.

Это сейчас у каждого студента, имеющего компьютер и подключение к интернету, дома своя лингафонная лаборатория. Слушай, смотри, упражняйся сколько хочешь. А в те годы было иначе. Печатная машинка брала под копирку максимум пять экземпляров, ни о каких ксероксах и речи быть не могло.

Преподавая устную практику в параллельных группах, мама и её коллега Лидия Николаевна Базыкина посвящали не один десяток часов, подготавливая методические разработки по тем или иным темам. Часто они работали по выходным, в будни просто не оставалось на это времени. Отец, бывало, удивлялся, обращаясь к маме: «Ведь это твой родной язык, неужели столько времени требует подготовка?» Смышленные студенты понимали, что это материал высочайшей пробы и готовы были с благодарностью принимать его, проводя долгие часы в лингафонном кабинете факультета.

Уже десять лет спустя студенты факультета неоднократно участвовали и побеждали на всероссийских олимпиадах. В 1975 году кафедре английского языка было оказано высокое доверие — проводить на базе ФИЯ КГПИ Всероссийскую олимпиаду студентов языковых вузов в течение пяти лет. Преподаватели кафедры были неизменно членами жюри. Многие из тех выпускников факультета, кому удалось учиться в аспирантуре столичных городов, наверняка подтвердят, что никаких комплексов, связанных с владением языком и знанием теоретических дисциплин, они не испытывали и могли на равных конкурировать с выпускниками столичных вузов.

Петрозаводск в пятидесятые — шестидесятые годы нередко называли «ленинградской Сибирью». Здесь находили пристанище многие высокие профессионалы своего дела (будь то медицина или гуманитарные науки) — выпускники ленинградских вузов, по разным причинам попавшие в немилость властей или просто испытывающие сложности с трудоустройством. Были такие в разные годы и на факультете иностранных языков. Надо было обладать в значительной степени смелостью, чтобы принимать на работу таких специалистов. Отчасти по этой причине ФИЯ «снискал себе славу» диссидентствующего факультета. Будучи деканом факультета, М. О. Севандер, к примеру, пригласила в качестве преподавателя опального в ту пору Константина Азадовского, сына знаменитого ученого Марка Азадовского, известного уже тогда переводчика Р.-М. Рильке и В. Кёшпена. Он проработал на факультете четыре года. Сегодня Константин Азадовский член редколлегии ведущих литературных журналов России «Звезда», «Новое литературное обозрение», «Вопросы литературы».

Здесь было бы уместно привести воспоминание о годах учёбы на факультете выпускника французского отделения семидесятых годов, ныне известного журналиста Дмитрия Свинцова: «На факультете иностранных языков учили не только знанию языка (впрочем, учили на самом высоком уровне), но тому, что его — английский, французский, немецкий — язык формирует: учили понимать людей, на нем говорящих, культуру и искусство, им порожденные,

учили думать об отличиях и общности разноязычных стран и народов. Факультет иностранных языков времен Мейми Севандер был однако существом не диссидентствующим, как его пытались представить ревнители брежневской эпохи, но личностью, старавшейся быть свободной, то есть жить собственным умом, блюдя честь и достоинство, отстаивая свои принципы и убеждения, не унижая чужих»⁴.

Связь со школой доцента кафедры английского языка Мейми Оскаровны никогда не прерывалась. С годами у мамы всё больше пробуждался интерес к методике преподавания иностранных языков, интерес к науке, которая могла бы помочь молодым учителям стать настоящими педагогами.

Вскоре после нескольких лет преподавания на факультете мама стала преподавать курс методики преподавания иностранных языков. Многие студенты, видя её увлечённость теорией и практикой предмета, выбирали темы своих сначала курсовых, а позже и дипломных работ по методике преподавания. Каждая курсовая, каждая дипломная работа были для неё уникальным исследованием студента, она как истинный руководитель готовила каждого из своих подопечных к постижению идей и применению их на практике. В этом и есть суть методики. Отрадно, что школа Мейми Оскаровны продолжает жить дальше.

Мама опубликовала целый ряд статей и разработок по методике преподавания иностранных языков. Особенно продуктивными стали семидесятые годы. Лет десять-двенадцать назад Филипп, внук Мейми, мой сын, в чате в Интернете разговорился с девушкой из Челябинска. Она робко спросила, кем он приходится М.О. Севандер, уж больно редкая фамилия. И рассказала ему, что работая над дипломом, пользовалась статьями и разработками Мейми.

Я уверена, маминому становлению методиста в немалой степени способствовали «собственные языковые университеты», очень непростой опыт изучения русского языка как иностранного. Я думаю, что не будет преувеличением утверждать, что мама создала в Карелии свою школу методики преподавания иностранных языков. Именно иностранных языков, а не только английского языка. Многим бывшим выпускникам школ Петрозаводска, осваивающим азы финского языка, имя М. О. Севандер известно как автора учебников финского языка. В 70-ые годы ею были написаны учебники финского

⁴ Свинцов Д. «Я с детства ранен женской долей...» // Север. 2013. № 3–4. С. 214. URL: <https://sever-journal.ru/assets/Issues/2013/3-4/Sever2013.03-04s210-218-Svintsov.pdf> (23.12.2023).

языка для второго и третьего классов, а несколько позже и новый букварь для начинающих⁵.

На тех же методах она построила курс преподавания русского языка для американских студентов, преподавая русский язык в колледже Святой Схоластики в г. Дулуте, штат Миннесота в 1990 году. Неожиданно, без всякого предупреждения, заглянувший на урок инспектор заинтересовался, всегда ли уроки русского языка проходят так живо, с таким активным участием студентов.

Мама завершила свою педагогическую карьеру, будучи Заслуженным учителем КАССР (1966) и лауреатом медали К. Д. Ушинского (1988). Она была также награждена орденом Трудового Красного Знамени (1988). Нельзя сказать, что она ушла на заслуженный отдых, ибо с этого времени начинается новый этап в её жизни — не менее интенсивный и напряжённый, чем все предыдущие.

Мы, не только семья, но и друзья Мейми, среди которых было много студентов, коллег, пытались и раньше уговорить её взяться за перо, чтобы воссоздать живую историю своей жизни. Одно дело её напишут учёные, совсем другое — сами участники истории. Но при столь плотном графике работы времени не доставало. И вот впервые оно появилось...

Меня часто спрашивают, оказывала ли американская сторона какое-либо содействие Мейми в работе над книгами об истории ее семьи и шире — судеб американских финнов, ведь речь шла и об американской истории. И здесь мне

⁵ Sevander M. Suomem kielen oppikirja. 2 luokka. 1 opintovuosi. Petroskoi, 1976; Eadem. Suomem kielen oppikirja. 3 luokka. 2 opintovuosi. Petroskoi, 1978; Eadem. Aapinen. Petroskoi, 1990.

хотелось бы отметить, что в истории отношений с американцами было два этапа, а до этого велась лишь частная переписка и случались редкие посылки. Кульминацией первого этапа стал 1973 год, когда Мейми, как и многие из её народа, проживающие в Карелии, смогли впервые посетить свою родину. Напомню, её семья покинула Америку в 1934 году. Это была непростая встреча: ещё была жива сестра Оскара Коргана и многие из друзей родителей. Все они с грустью слушали рассказы мамы о судьбе родителей, о том, как трагически оборвалась их жизнь.

1970-е годы — это еще время «холодной войны», что не могло не отразиться на встречах в Америке. Позже Мейми в книге воспоминаний о своей жизни подчеркнет: «Я старалась быть искренней и рассказывала не только о трудностях нашей жизни, но и о твёрдых убеждениях людей Советского Союза, и о том, как страстно они желают мира и благополучия для всех»⁶.

Второй этап этих отношений, который можно назвать карельско-миннесотским, начался позже, уже в 1986 году, когда Петрозаводск посетила группа туристов из Дулута, Миннесота. Они приехали, чтобы посмотреть и решить, подойдёт ли для Дулута столица Карелии в роли города-побратима. Как позже напишет Том Морган, профессор колледжа Святой Схоластики, бывший в составе этой группы и ставший впоследствии коллегой и другом Мейми: «Установление официальных побратимских связей между Петрозаводском и Дулутом вдруг стало представляться совсем излишним: мы уже породнены в течение полувека — мы просто не знали об этом»⁷. Новые американские друзья не только словом, но и делом готовы были оказать поддержку начавшемуся исследованию Мейми — работе над книгами о судьбах североамериканских иммигрантов.

Сначала о слове.

Брукс Андерсон, на тот момент был руководителем Центра Мира Дулута. После завершения работы съезда городов-побратимов США и СССР, проходившего в Ташкенте в 1989 году, он в взял с Мейми слово, что она приступит к этому проекту.

«Мы с Томом в разное время, не сговариваясь, высказали Мейми мнение о том, что историю переселения тысяч людей в Карелию в начале 30-х годов нельзя не рассказать. <...> Прощаясь с нами в московском аэропорту, она сказала, что обдумала эту мысль и склоняется к тому, чтобы заняться этим делом»⁸.

Уже в июле 1989 года Мейми Оскаровна встретила с редакторами крупных карельских газет *Neuvosto Karjala* и «Ленинская правда», заручившись их поддержкой к сотрудничеству в этом новом проекте. Летом 1989 года в финноязычной газете Карелии было опубликовано её письмо «Американские финны, откликнитесь!», после чего последовал целый ряд статей, рассказывающих о переселении североамериканцев в Карелию. Реакция местного населения, получившего доступ к

⁶ Севандер М., Хертцель А. Они забрали у меня отца. С. 213.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Петрозаводск — Дулут 20 лет побратимства = Duluth — Petropzavodsk 20 years as Sister Cities / Сост. Д. Бенсон, Н. В. Лаврушина, В. А. Мешко. Петрозаводск. 2007, С. 11.

информации из русскоязычного источника, была несколько неожиданной. Большому числу читателей, проживших бок о бок с этими людьми, почти ничего не было известно о их истории. Большая переписка внутри Карелии, Советского Союза всё больше набирала силу. Потом пошли письма из Финляндии, США, Канады. Писали бывшие американцы, писали их потомки. Так началась жизнь ещё одного важного проекта в жизни Мейми Оскаровны Севандер.

Теперь о деле.

Американской стороной Мейми была предоставлена уникальная возможность поработать в США. В ноябре 1989 года она была приглашена в Дулут президентом колледжа Св. Схоластики Даниэлем Пилоном в роли преподавателя русского языка. Но руководство колледжа любезно позволило ей сочетать преподавание с работой над начавшимся проектом в стенах колледжа, иначе говоря, пользоваться офисом, компьютером и средствами связи, а в доме Брукса Андерсона, расположенного на самом берегу озера Великого, так похожего на Ладогу, ей были рады почти как члену семьи. Здесь она проработала год. Целый год она смогла изучать доступные в США материалы, искать и находить родственников тех, кто уехал в Карелию в 30-е годы, встречаться, чтобы брать интервью. И при этом получать хоть и небольшую, но зарплату, которая позволила жить и перемещаться по США.

На торжественной церемонии вручения Мейми звания Почётного доктора колледжа Святой Схоластики. Профессор Том Морган и Мейми.

В 1991 году маме, как и многим американским финнам в Петрозаводске, были возвращены американские паспорта, они стали полноправными гражданами двух стран. Это в значительной степени облегчило передвижение по миру. Последние пятнадцать лет Мейми жила и работала, перемещаясь между странами и континентами, её жизнь была разделена между США и Россией, а также Финляндией и Швецией.

Это был необычайно интенсивный и продуктивный период в жизни мамы. Первая, выше упомянутая книга об истории её семьи, была написана в соавторстве с американской журналисткой Лори Херцель. Издательство «Дулут Ньюз Трибьюн» подключило её к проекту, чтобы ускорить процесс издания книги, приуроченного к так называемому *FinnFest*, своеобразному съезду финнов со всей Америки, который в 1992 году проводился в Миннесоте. Мейми была приглашена как одна из выступающих. Это была единственная из книг мамы, написанная по заказу издательства. Но ей хотелось оставить после себя большее, завещать нам имена тех, с кем она приехала в Карелию. С 1993 года, после получения доступа в архив, держать в руках дело своего отца и дела многих своих друзей-ровесников было очень тяжело. Образно говоря, ей было важно «вытащить из могил всех», чтобы ни одно имя из её народа не кануло в бездну. Этому посвящены её книги «Красный исход» (1993 г.) и «Время страстей советских» (1996 г.)⁹. На основе двух последних книг Миграционным Институтом Финляндии была написана и издана книга «Скитальцы»¹⁰, которая была позже переведена на русский язык. Труд мамы был практически бескорыстен. Ей пришлось создать своё собственное издательство *Oscat*, с целью до минимума сократить расходы по изданию. Название — аббревиатура имён её родителей Оскара и Катарины. Из всего ею написанного первая книга доступна на трёх языках — английском, шведском и русском, последняя — на финском и русском, а две другие — на английском. Если обратиться к оценке читателей этих книг, то мы встретим удивительные и высокие слова: «... прочитав хотя бы одну из них, мы не раз вспомним с гордостью, что жили в одно время с Мейми Оскаровна Севандер. Человеком на все времена»¹¹.

Мама никогда не мнила себя ни историком, ни писателем. Она всегда верила, что наступит время, когда историки-профессионалы изучат эту

⁹ *Sevander M. Red Exodus. Duluth, 1993; Eadem. Soviet Bondage: Sequel to "Red Exodus". Duluth, 1996.*

¹⁰ *Eadem. Vaeltajat. Turku, 2000; Севандер М. Скитальцы. О судьбах американских финнов в Карелии / Пер. с финского М. Ипатова, Петрозаводск, 2006.*

¹¹ *Свицков Д. «Я с детства ранен женской долей...». С. 216.*

малоизвестную главу нашей общей истории. Сегодня это время настало. Мы имеем доступ к большому количеству научных публикаций историков России, Финляндии, США и Канады. Часть из них появилась в процессе работы в рамках двух международных научно-исследовательских проектов, посвящённых истории иммиграции финнов из США и Канады. Сводом знаний о североамериканских финнах в Карелии, как мне представляется, стала монография А. Голубева и И. Такала «В поисках социалистического Эльдорадо: Североамериканские финны в советской Карелии». Сначала она была опубликованная в США в 2014 году¹², а позже, в 2019, переведена на русский язык¹³.

Народная дипломатия всегда составляла важную часть жизни мамы. Это была главная составляющая её общественной работы. И в этом нет ничего удивительного — её происхождение и профессия тому объяснение. Немало сил и энергии было положено на то, чтобы «открыть» Петрозаводск миру. В Карелии Мейми в течение двадцати пяти лет была членом правления Карельского отделения общества Дружбы между Финляндией и СССР. В 1976 году, когда шведский город Умео стал побратимом Петрозаводска, и родина её отца «приблизилась к Карелии», Мейми с радостью приветствовала установление этих отношений и помогала, чем могла. Наконец, приезд в 1986 году американцев из г. Дулут, расположенного по другую сторону пролива от Супериора, где прошло детство Мейми, стало для неё настоящим *REUNION*.

Если в своих исследованиях мама восстанавливала забытые страницы нашего общего с США прошлого, то в истории побратимских связей она была неотъемлемой и важнейшей составляющей живой истории двух городов и стран. Как напишет Брукс Андерсон в год двадцатилетия побратимства, «она в полном смысле являлась послом, продвигающим отношения между страной, где она родилась, и землёй, где она создала свою семью, прожила большую часть жизни. Не было фигуры более заметной в этих крайне важных и плодотворных отношениях»¹⁴.

Осмелюсь предположить, что именно так рассуждали представители городских властей г. Дулута в марте 1987 г, принимая важное решение о присуждении Мейми Севандер звания Почётного Гражданина города Дулута.

¹² Golubev A., Takala I. The search for a socialist El Dorado: Finnish emigration to Soviet Karelia from the United States and Canada in the 1930s. Michigan, 2014.

¹³ Голубев А. В., Такала И. П. В поисках социалистического Эльдорадо: североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. СПб., 2019.

¹⁴ Петрозаводск — Дулут 20 лет побратимства = Duluth — Petropzavodsk 20 years as Sister Cities. С. 12.

Диплом Почётного Гражданина города Дулута (из семейного архива)

Мама оставила нам своё доброе имя, своих друзей, разбросанных по всему миру, и свою любовь к людям. И, конечно же, книги, которые историки-профессионалы назовут полуисследовательскими, полубиографическими книгами о «карельской лихорадке». Вместе с тем они признают, что эти мемуары дают гораздо больше подробностей о жизни иммигрантов в СССР по сравнению с публикациями в прессе и воспоминаниями реэмигрантов 1930-х годов.¹⁵

Мемуарная литература о жизни североамериканцев в Карелии на сегодняшний день довольно солидно представлена книгами, не говоря уже о статьях и журнальных публикациях. Отрадно, что оригинальные тексты написаны на финском, английском и даже шведском языках. Некоторые из них, как и мемуары М. О. Севандер, доступны одновременно на разных языках¹⁶. И ещё один момент, на который хотелось бы обратить внимание. Перечень книг, приведённый в примечаниях, замыкают мемуары Аллана Сихвола «Под сталинским небом», вышедшие в 2021 году. Пятнадцать лет назад мне посчастливилось ознакомиться с рукописью

¹⁵ Голубев А. В., Такала И. Р. В поисках социалистического Эльдорадо. С. 80.

¹⁶ См., например: Ranta K. Arpi korvassa ja sydämessä. Helsinki, 2000; Kaskela S. Under Stalins duktatur. Göteborg, 1990; Irman tarina: [kanadansuomalaisen Irma Kuprin matka Kanadasta Neuvostoliittoon ja Venäjältä Suomeen / toim. Rauni Virtanen]. Turku, 2012; Zlobina V. Heidän ihanteensa murskattin: Tyttären tarina Säde-kommuunasta Neuvosto Karjalassa. Turku, 2017; Злобина В. Растоптанные идеалы. Канадская девочка за железным занавесом. Хельсинки, 2019.; Sibvola A. Stalinin taivaan alle. Lapsena Yhdysvalloista Neuvosto-Karjalaan: OK, 2021

автора, и вот в 2021 году я держу в руках книгу. Рукопись Аллана Сихвола увидела свет благодаря доверительному сотрудничеству финского историка Олави Койвукангаса с дочерью давно ушедшего автора Исабеллой Сихвола. Вот уж воистину «рукописи не горят» (по слову М.А. Булгакова).

Все эти книги о жизни североамериканцев в Карелии, о жизни и судьбах тех, кто выжил. Именно под названием *Survivors* был сделан в начале девяностых годов документальный фильм американской журналисткой Анитой Хокканен Мидлтон. Фильм создан в форме интервью с двадцатью жителями Карелии, бывшими иммигрантами, прожившими к тому моменту уже более полувека в Советском Союзе. К Дягни Артуровне Сало, известному уважаемому преподавателю математики высшей школы Карелии, автор фильма обращается с простым вопросом: «Вы сожалеете, что вы приехали сюда?» Дягни Артуровна признаётся, что такой вопрос ей задавали нередко, в том числе и во время посещения США. Она отвечает встречным вопросом: «А что, вы можете предложить мне другую жизнь? Простите, но это и есть наша жизнь».

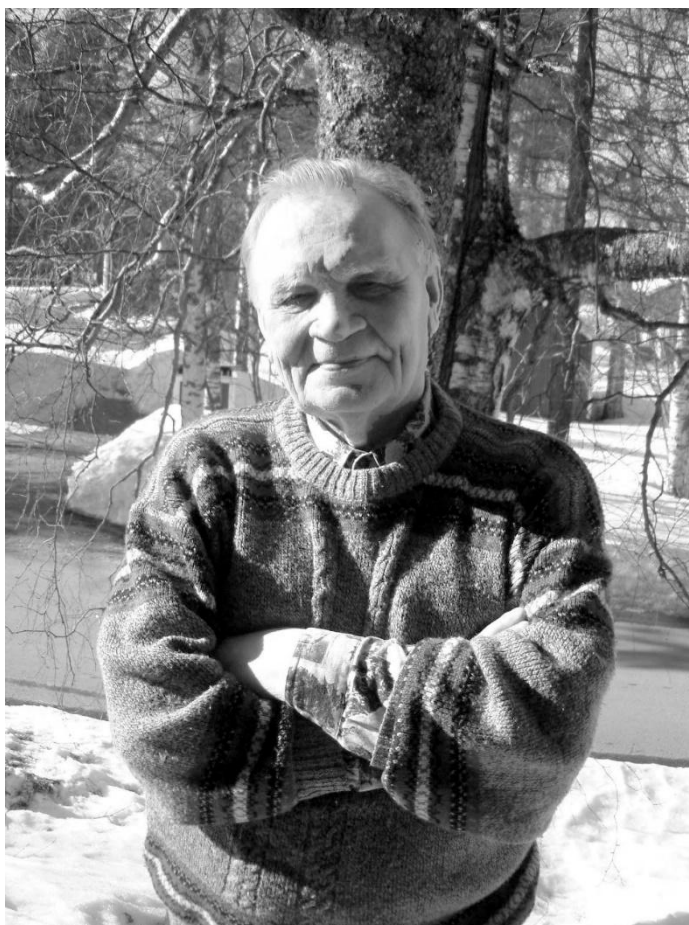
Эрнст Хаапаниemi даёт более подробный ответ на примерно такой же вопрос в своём интервью Армасу Мишину в 1993 году, которое озаглавлено весьма симптоматично: «Я верю в признание дела всей жизни американских финнов»¹⁷.

Вклад североамериканских иммигрантов в советскую экономику, сельское хозяйство, а также в культуру подробно описаны и задокументированы в двух главах вышеупомянутой монографии историков Алексея Голубева и Ирины Такала, содержание которых и следует рассматривать как признание заслуг североамериканцев в развитии Карелии. Их личностные, подчас трагические, истории, драматические судьбы их семей, воспроизведенные в мемуарах, подобных книгам Мейми Оскаровны Севандер. Это неотъемлемая часть глобальной истории XX века.

Стелла Севандер

¹⁷ *Mishin A. Ernst Haapaniemi: Toivon amerikalansuomalaisten siirtolaisten elämäntyön tunnutusta // Carelia. 1993. No. 3.*

«САМОЕ ГЛАВНОЕ — В КНИГАХ»
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЭЙНО ГЕНРИХОВИЧА КАРХУ
‘THE ESSENCE IS IN BOOKS’. TO THE 100-ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF EINO KARHU

Эйно Генрихович Карху (1923–2008) — доктор филологических наук, Заслуженный деятель науки РСФСР, Заслуженный деятель науки Карельской АССР (1969), лауреат Государственной премии Карельской АССР (1983), лауреат Государственной премии Республики Карелия (2002), Почётный гражданин Республики Карелия (1999). Видный литературовед, фольклорист, переводчик, основоположник систематического изучения финляндской и карельской литературы в нашей стране.

Эйно Генрихович родился 27 ноября 1923 г. в деревне Финно-Высоцкое Красносельского района Ленинградской области. В семье ингерманландских крестьян было пятеро детей. Из сыновей Эйно был младшим. К крестьянскому труду он был приучен с детства и считал важнейшим смыслом человеческой жизни — стремление к созиданию. Обучение в школе Эйно начал на финском языке еще в Ленинградской области, а вот русский язык пришлось осваивать в Хибинах, куда

была выселена семья Карху во времена раскулачивания в трагические для страны годы. Там же, в школьные годы возникла любовь к литературе. Эйно, еще плохо знавшего русский язык, настолько покорили стихи А.С. Пушкина, что он решил написать его портрет маслом. «Пушкин открывал совершенно другой мир, мир высокой юношеской дружбы», - вспоминал Эйно Генрихович.

В Карелию семья вернулась в 1940-м. Здесь, в Повенце Эйно окончил десятый класс, а в 1941-м попал на фронт. Э. Г. Карху прошел всю войну, будучи и солдатом стройбата, санинструктором, и пулеметчиком. Демобилизовавшись в декабре 1945-го с ленинградского фронта, он сразу же начал готовиться к поступлению в Петрозаводский университет (тогда он назывался Карело-Финский государственный университет), несомненным принципом оставалось желание учиться. Карху, что называется, везло на учителей. В университете в послевоенные годы преподавали видные ученые: Д. В. Бубрих, М. К. Азадовский, Е. М. Мелетинский, И. Г. Муравьева. Студенты были восхищены их лекциями. Молодого Эйно Генриховича поражали речь и суждения Д. В. Бубриха, преклонявшегося перед научным подвигом Матиаса Кастрена, совершавшего дальние поездки в Сибирь в поисках образцов речи финно-угорских народов. А 27-летний Е. М. Мелетинский восхищал своей эрудицией, знанием языков, читал Ронсара на французском диалекте наизусть, вызывая уважение и даже зависть. Будучи учеником Мелетинского, молодой Карху с особым рвением стал изучать языки: английский, французский, шведский. Немецкий был освоен еще в школе. А год в Оксфорде, проведенный Эйно Генриховичем после университета, сделал его блестящим знатоком английского. Мелетинский стремился опекать ученика, сделать из него фольклориста, познакомил с В. Я. Проппом, привлек к собственной научной работе о Куллерво. В университетском архиве в рукописи статьи «Социальные мотивы в Карело-финских рунах о Куллерво» указаны два имени: Е. М. Мелетинский и Э. Г. Карху. Эта статья, пролежав десятки лет в архиве, опубликована в первом номере журнала «Фольклор: структура, типология, семиотика» (Москва, 2018, №1).

В 1956 году, окончив аспирантуру при университете, Э.Г. Карху защитил кандидатскую диссертацию «Из истории финляндской литературы и журналистики 40-х годов XIX в.» и начал работать в Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. С 1960 по 1988 Эйно Генрихович возглавлял сектор литературы, где под его руководством были написаны книги по истории литературы Карелии, русской литературе Севера, литературе Финляндии, русско-финским литературным связям.

С 1965 г. Эйно Генрихович – доктор филологических наук. Его перу принадлежит около двух десятков книг, среди которых двухтомная «История литературы Финляндии», двухтомное исследование финско-русских литературных связей «Финляндская литература и Россия», «Очерки финской литературы начала XX века», I том «Истории литературы Карелии» («Карельский и ингерманландский фольклор»), «Элиас Леннрот. Жизнь и творчество» и многие другие.

Своими книгами и многочисленными статьями в журналах «Иностранная литература», «Север», «Вопросы литературы» ученый вызвал интерес у читателей России к творчеству писателей соседней страны. В то же время финские читатели получили возможность по его исследованиям судить о своей литературе с позиций российской науки. Ряд монографий Эйно Генриховича – среди них «Достоевский и финская литература», «История литературы Финляндии», «Малые народы в потоке истории» и другие – были изданы в Финляндии и приобрели огромную популярность у преподавателей и студенчества. Читая петрозаводского ученого, цитируя его труды педагоги, студенты, журналисты знакомятся с методологией российской филологии, убеждаются, что литературу необходимо изучать в связи с историческим движением общества. Эйно Генрихович читал лекции по истории финской литературы в университетах России, Финляндии, Швеции и Германии. Поистине деятельность Э. Г. Карху — это этап в развитии международных культурных связей.

Под руководством Эйно Генриховича были защищены три кандидатские диссертации А. И. Мишина, Э. Л. Алто и Е. Г. Сойни.

В 2013 году Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН выпустил книгу статей и воспоминаний об Эйно Генриховиче Карху¹, в которой приняли участие исследователи Петрозаводска, Москвы и Финляндии.

Когда книги Эйно Генриховича начали издаваться в Финляндии, он стал получать огромное количество писем. Финские поэты и писатели были благодарны петрозаводскому исследователю. Молодые университетские преподаватели Финляндии левых взглядов восторженно приняли его книги. «Мы читали Карху, как христиане Библию», – вспоминал Кари Салламаа. Подобного панорамного исследования финской литературы в контексте мировой истории и философии не выходило вообще.

Однако некоторые критики посоветовали Карху отделить марксизм от литературоведения. Это вызывало у Эйно Генриховича улыбку. А ведь он даже не был членом партии, что, возможно, сказалось, когда его кандидатура не прошла на выборах в члены-корреспонденты Академии наук СССР.

В 1990-е Эйно Генрихович очень резко критиковал все, что происходило, на политической арене, он был уверен, что социализм себя не исчерпал. Однако в политических дискуссиях сам участия не принимал. Более того, он, как и его любимая поэтесса Эва-Лиза Маннер, обратился к древности, решив написать книгу о фольклоре. Тем более что фольклором занимался еще в студенческие годы под руководством Е. М. Мелетинского. Возвращение к исследованию фольклора потребовало от Эйно Генриховича колоссальных усилий. Он не раз ездил в библиотеки Финляндии, проштудировал 16-томную теорию фольклора на английском языке, стараясь написать о карельском и ингерманландском фольклоре на мировом теоретическом уровне. Уникальное издание «Карельский и

¹ Эйно Карху — человек, филолог, мыслитель / Науч. ред. Е. Г. Сойни. Петрозаводск, 2013.

ингерманландский фольклор в историческом освещении», написанное Эйно Генриховичем, открывает «Историю литературы Карелии» в трех томах² удостоенную Государственной премии Республики Карелия. Вскоре вышла и его биография Элиаса Леннрота, крупнейшего первооткрывателя карело-финской народной поэзии, составителя «Калеваль»: «Элиас Лённрот. Жизнь и творчество»³. Тесная связь писателей с фольклором прослежена в книге Эйно Генриховича «В краю “Калевалы”», посвященной литературе Карелии, создававшейся на карельском, русском и финском языках.

Эйно Генрихович принимал непосредственное участие в создании многотомной «Библиотеки финской литературы», выходящей в Москве в издательстве «Прогресс» в 1980-х гг., был членом редколлегии всей Библиотеки и составителем тома, посвященного поэзии. В его переводах увидели свет произведения Майно Лассила и Алексиса Киви. Многие из нас познакомились с творчеством Эйно Генриховича еще в детстве, читая в его переводе увлекательный роман Алексиса Киви «Семеро братьев», даже не подозревая, что когда Карху переводил его, сам был всего лишь студентом. Русский язык переводчика восхищает, а ведь до пятого класса Эйно даже не говорил по-русски. В каком-то смысле судьба героев А. Киви коснулась и самого Эйно Генриховича.

Особое отношение было у Эйно Генриховича к поэзии. Он переводил стихотворения ведущих поэтов Финляндии: Эльмера Диктониуса, Гуннара Бьёрлинга, Эдит Сёдергран. Не одну главу в книге «Финская лирика XX века»⁴ он посвятил истории свободного стиха. Основательницей верлибра в финской лирике считается Катри Вала. Но полностью на верлибр перешло поколение модернистов в 1950-х годах. Когда Карху пишет о модернистах, он пишет в общем-то о своих современниках: Эве-Лизе Маннер, Пааво Хаавикко, Кае Лайтинене, пишет об истории поэзии и сам переводит. О поэтическом таланте Эйно Карху можно судить по переводам, причем переводил он чаще со шведского, а не с родного финского. Стихи Эдит Сёдергран приводили его в трепет, заставляли находить в русском языке эквиваленты и точные слова. Эйно Генрихович видел в её стихах поэтический темперамент, сродни цветаевскому, считал, что именно Сёдергран открыла путь экспрессионизму в Финляндии и посвятил поэтессе главы в нескольких книгах.

Одна из лидеров «второго» финского модернизма Эва-Лиза Маннер восхищала Карху своим интеллектом. И если в адрес поэтов-мужчин Карху мог отпустить дерзкую шутку, написать не одну страницу критики, то Маннер его пером была поистине обласкана. Эйно Генриховичу нравилось, что Маннер благодаря чтению сама «сделала свою голову». По мнению Карху, её метафизические идеи, как бы ни были умозрительны, согреты душевным теплом и имеют социальную окраску. Он выбирал для перевода цитаты, иллюстрирующие его мысль о сближении далеких

² Карху Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении: История литературы Карелии / Редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) и др. СПб., 1994.

³ Он же. Элиас Лённрот : жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996.

⁴ Он же. Финская лирика XX века. Петрозаводск, 1984.

эпох. Карху видел в поэзии Маннер чувство сострадания. На писательских собраниях Эйно Генрихович не раз говорил, что если поэзия не слышит голоса голодных, она не имеет права на существование. В его двухтомной «Истории литературы Финляндии» поэзии отведено немало места. И постоянно он задавался вопросом: «Что движет тем или иным поэтом - цинизм или сострадание?».

Каждый раз, читая книги Эйно Генриховича, понимаешь, что мы можем только идти по его следам. О финской литературе XIX века он сказал в отечественной науке практически всё, исчерпывающе охарактеризовав основные закономерности литературных направлений разных лет. Сами финны шутили, что о литературе Финляндии Эйно Карху знал больше, чем они. И не только о литературе. Возможно, о философии, он знал больше, чем философы, а о фольклоре больше чем фольклористы. Любопытно, что директор ИРЛИ (Пушкинского дома) В. Г. Базанов, приглашая Эйно Генриховичу работать в Ленинграде, предложил ему возглавить именно отдел фольклора.

Эйно Генрихович признавался, что любил в одиночестве каждое утро ходить на набережную, а по выходным ездить на рыбалку на Сямозеро. Его дом был открыт, друзья и коллеги часто его навещали. Это был дом интеллектуала. Картины, стеллажи книг, стопки журналов. В расположении книг - не строгая, а строжайшая система - была видна рука заботливой хозяйки Тамары Прокопьевны, жены Эйно Генриховича.

Эйно Генрихович любил повторять: «Самое главное я написал в книгах, я не могу сказать лучше». Но беседы с ним бывали долгими. Он открыл мне, его ученице, «Философию символических форм» Эрнста Кассирера⁵ задолго до того, как эта книга была переведена на русский язык. Из его рук я получила «Мимесис» Эриха

⁵ Кассирер Э. Философия символических форм: В 3 т. / Пер. с нем. С. А. Ромашко. М.; СПб., 2002.

Ауэрбаха⁶ и «Эстетику» Дьёрдя Лукача⁷, «Литературные впечатления» Георга Брандеса⁸ и стихи Эйно Лейно⁹. Эйно Генрихович настоятельно рекомендовал конспектировать книги и сам делал карандашом выписки с комментариями в тонких школьных тетрадах. Тетрадей набралось достаточно много, сотрудница нашего сектора Н. В. Чикина и финские коллеги из фонда «Юминкеко» оцифровывали их не один год¹⁰.

Книги Эйно Генриховича написаны блестящим русским языком, они увлекательны и одновременно серьезны. Стиль Карху можно сравнить разве что со стилем Д. С. Лихачева и А. Ф. Лосева. На его книгах выросло не одно поколение студентов Петрозаводского, Московского, Петербургского университетов. И каждое поколение находит в книгах Эйно Генриховича идеи, созвучные времени.

⁶ Ауэрбах Э. Мимесис. М., 1976.

⁷ Лукач Д. Своеобразие эстетического: В 4 т. М., 1987.

⁸ Брандес Г. Собрание сочинений. СПб., 1914. Т. 19. Россия. Наблюдения и размышления. Литературные впечатления.

⁹ Laito E. Kooot teokset. Helsinki, 1926–1930. Vol. I–XVI.

¹⁰ См.: Чикина Н. В. Проблема архивации литературного наследия: (на примере фонда Э.Г. Карху) // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов: Материалы науч.-практ. семинара г. Петрозаводск 23–24 марта 2009 г. Петрозаводск, 2009. С. 35-40.

Основные труды Э.Г. Карху

Карху, Э. Г. Финляндская литература и Россия, 1800–1850 / Эйно Карху ; Тартус. гос. ун-т ; под ред. В. В. Похлебкина, И. И. Кяйвярйнена. — Таллин : Эстон. гос. изд-во, 1962. — 343 с. — (Скандинавский сборник).

Карху, Э. Г. Финляндская литература и Россия, 1850–1900 / Э. Г. Карху ; Акад. наук СССР, Петрозав. ин-т яз., лит. и истории; [отв. ред. Т. К. Сумманен]. — М. ; Л. : Наука, 1964. — 281 с.

Карху, Э. Г. Очерки финской литературы начала XX века / Э. Г. Карху ; Акад. наук СССР, Карел. фил., Ин-т яз., лит. и истории ; [отв. ред. У. Н. Руханен]. — Л. : Наука, 1972. — 399 с .

Карху, Э. Г. Достоевский и финская литература / Э. Г. Карху ; Ин-т языка, лит. и истории Карел. фил. Акад. наук СССР. — Петрозаводск : Карелия, 1976. — 136 с

Карху, Э. Г. История литературы Финляндии : от истоков до конца XIX в. / Э. Г. Карху ; Акад. наук СССР, Ин-т языка, лит. и истории. — Л. : Наука, 1979. — 510 с.

Карху, Э. Г. Финская лирика XX века / Э. Г. Карху. — Петрозаводск : Карелия, 1984. — 319 с.

Карху, Э. Г. История литературы Финляндии, XX век / Э. Г. Карху ; отв. ред. М. Э. Куусинен ; Акад. наук СССР, Кар. фил., Ин-т яз., лит. и ист. — Л. : Наука, 1990. — 607с.

Карху, Э. Г. Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении : история литературы Карелии / Э. Г. Карху; РАН, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории ; редкол.: Н. С. Надъярных (гл. ред.) и др. — СПб. : Наука, 1994. — 239 с. — (История литературы Карелии ; Т. 1.

Карху, Э. Г. Элиас Лённрот : жизнь и творчество / Э. Г. Карху ; Рос. Акад. наук, Карел. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. — Петрозаводск : Карелия, 1996. — 237 с.

Карху, Э. Г. Малые народы в потоке истории : исслед. и воспоминания / Э. Г. Карху; РАН ; Карел. науч. центр ; Ин-т яз., лит. и истории ; [науч. ред. Е. И. Клементьев]. — Петрозаводск : Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 1999. — 255 с.

Karhu, E. Suomen 1900-luvun alun kirjallisuus / Eino Karhu ; [suom. U.-L. Heino]. — Helsinki : Kansankulttuuri OY, 1973. — 541 s. Текст фин. Пер. загл.: [Литература Финляндии 1900-х годов].

Karhu, E. Dostojevski ja Suomen kirjallisuus / Eino Karhu; [suom. U.-L. Heino]. — Helsinki : Kansankulttuuri, 1977. — 155 s.— Текст фин. Пер. загл.: [Достоевский и Финская литература].

Karhu, E. Isien sanoma : tutkielma karjalaisesta ja inkerilaisesta kansanrunoudesta / Eino Karhu ; [suom. Robert Kolomainen ; taitto Harri Karttunen]. — Петрозаводск : VERSO, 2002. — 316 s. — (Juminkeon julkaisuja, 18). Текст фин. Пер. загл.: [Весть отцов : исслед. карел. и ингерманланд. нар. поэзии].

Karhu, E. Kansankuntaa luomassa : Elias Lonnrötin elämä ja merkitys / Eino Karhu ; [suom. Paivi Nenonen]. — Petroskoi : Verso, 2002. — 234 s. — (Juminkeon julkaisuja, № 19). Текст фин. Пер. загл.: [Создавая нацию : жизнь и значение Элиаса Лённрота].

Е. Г. Сойни,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник ИЯЛИ КарНЦ РАН

ПАМЯТИ МАТТИ КЛИНГЕ (1936–2023)
IN MEMORY OF MATTI KLINGE (1936–2023)

Фото: [Wikimedia Commons](#)

Профессор Матти Клинге на протяжении нескольких десятилетий был одним из самых влиятельных людей в академической жизни Финляндии. В 1975–2001 гг. он занимал шведоязычную професуру по истории в Хельсинкском университете.

Как исследователь он вел новаторскую работу, особенно в области изучения интеллектуальной и культурной истории XIX в., как преподаватель руководил десятками диссертаций, а в качестве организатора науки возглавлял создание таких многотомных и значимых трудов, как «Национальная Биография», история Хельсинкского университета и история города Хельсинки. Клинге также был публичным интеллектуальным лидером, активно участвовавшим в общественной жизни, чьё мнение часто отличалось от общепринятого.

Научные интересы Матти Клинге были весьма широки, но основным предметом его исследований являлось начало XIX столетия, политическую и культурную историю которого он рассматривал во многих своих работах.

В социальном плане интерес Клинге был сосредоточен на буржуазии, дворянстве и ученой части духовного сословия. Крестьянство, которое традиционно было в центре финляндских исторических исследований, его не интересовало. К важным работам Клинге относилась и многотомная история студенчества, вместившая в себя и изучение всей интеллектуальной истории Финляндии, и в то же время исследование взаимоотношений Великого княжества Финляндского и Российской империи (канцлером Императорского Александровского университета всегда был наследник российского престола).

Клинге не владел русским языком, но хорошо знал французский, что давало возможность познакомиться со многими источниками русской истории на языке оригинала. Наряду с Францией Россия была одним из важнейших объектов его интересов. Отчасти это было обусловлено происхождением: Клинге был выходцем из семьи петербургских немцев. И он был одним из первых финских исследователей, решительно подчеркнувших положительное значение периода российского правления для Финляндии. Эту точку зрения не всегда все принимали.

Матти Клинге был очень продуктивным писателем и за пределами научной сферы: его шеститомная автобиография вместе с серией дневников из 22 частей образуют совершенно уникальное целое. В мемуарах, детально освещающих его социальную среду, среди прочего интересно описывается изнутри устройство академического мира. Дневники по большей части носят характер эссе и помимо повседневных событий содержат немало общих и оригинальных размышлений о явлениях эпохи. Например, внимание привлекает его критика англосаксонской массовой культуры и профессионального спорта.

Клинге предпочитал французскую культуру и культивировал отношения с Россией, Швецией, Эстонией, континентальной Европой в целом. В юности он работал приглашенным профессором финского языка и культуры в Париже, а также на многих других международных должностях в разных сообществах. Его деятельность отмечена многочисленными отечественными и зарубежными почётными знаками, в том числе российским Орденом Дружбы в 2013 г.

Когда в 2023 г. в Хельсинкском университете был организован вечер памяти Матти Клинге, большой актовЫй зал главного здания был до отказа заполнен его бывшими коллегами, студентами, друзьями, поклонниками. Это, помимо прочего, свидетельствовало об особом отношении к профессору Клинге как к уникальному национальному символу изысканности и эрудиции.

Тимо Вихавайнен,
профессор-эмеритус, Хельсинки
(Перевод с финского П. Такала)

Книги Матти Клинге, изданные на русском языке:

Клинге М. Хельсинкский университет: Краткая история. Хельсинки: Издательство Хельсинкского университета, 1981. 53 с.

Клинге М. Очерк истории Финляндии. Хельсинки: Отава, 1990. 161 с. (2-е изд.: 1996. 176 с.)

Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки: Отава, 1994. 176 с.

Клинге М., Колбе А. Хельсинки: город мира и моря: Страницы истории города. Хельсинки: Отава, 1999. 157 с.

Клинге М. Имперская Финляндия / Пер. с финск. И. Соломеща, В. Мусаева и А. Рупасова. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 616 с.

Клинге М. На чужбине и дома / Пер. с финск. Л. Суни. СПб.: Издательский дом «Коло», 2005. 304 с.